

Вл.Кравченко.

Дроздовцы

от

Ясс до Галлиполи.

Сборник.

Том II

ВЛ. КРАВЧЕНКО

**ДРОЗДОВЦЫ
ОТ
ЯСС ДО ГАЛЛИПОЛИ
СБОРНИК**

ТОМ II

**Мюнхен
1975**

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ

ДРОЗД

All rights reserved

Все права сохранены за автором

НИКОЛАЕВ

НИКОЛАЕВ

И МОУ

Printer: I. Baschkirzew, Buchdruckerei,
8 München 50, Peter-Müller-Str. 43.
Printed in Germany

ОГЛАВЛЕНИЕ

От автора	5
Глава I	
Крымская эпопея	11
Глава II	
Галлиполи	287
Глава III	
Заключение	351
Приложение: фотографии и схемы	367

ОТ АВТОРА

В своем предисловии к 1-му тому моей книги я указал причины, которые побудили меня написать ее и отметил ту помощь, материальную и моральную, которую получил от своих соратников и друзей. У меня была цель — своей книгой увековечить светлую память участников Белого Движения, воскресить у русских людей добрую память о славных делах Дроздовцев и других белых воинов во время гражданской войны в России; пробудить от сна тех, кто стал уже забывать о жертвах на алтарь Родины, принесенных русскими офицерами, казаками, солдатами и особенно нашей молодежью — в лице юношей и детей добровольцев, а также — женщинами и девушками.

Написать — это еще не все. Надо издать свой труд, чтобы он стал достоянием всех и остался бы одним из правдивых документов для историков. Средств на это у меня не было, кроме небольшого сбережения на черный день от моей очень небольшой ренты. Осуществить издание этого труда мне помогли мои соратники, организации и друзья, за что я всем им низко кланяюсь и приношу свою сердечную благодарность. Особенно же я должен отметить те большие пожертвования на издание моей книги, которые я получил от большой русской патриотки и щедрой благотворительницы — Екатерины Сергеевны Фишер, а также от объединений Дроздовцев во Франции, Сан Франциско и Нью-Йорке. Моя сердечная благодарность всем нашим другим организациям и отдельным лицам за материальную помощь пожертвованиями и также всем участвовавшим в предварительной подписке на книгу. За все заботы и хлопоты, чтобы так блестяще прошла акция по сбору пожертвований и предвари-

тельная подписка, мое русское сердечное спасибо полковнику С. Р. Нилову, полковнику В. В. Щавинскому, ротмистру А. П. Пенкину, ротмистру А. И. Хренову, поручику Н. Л. Добровольскому, а за хлопоты для получения большого пожертвования на издание 2-го тома книги, особо — полковнику В. В. Щавинскому, Дроздовцам А. А. Карпихину и В. Н. Загоровскому. За бескорыстную дружескую помощь при продаже моих книг моя сердечная благодарность полковнику Д. П. Вертепову, редактору журнала «Наши Вести» в Нью-Йорке, капитану М. П. Осипову и его помощникам в этом в Париже и капитану Н. А. Витте в Лос Анжелесе.

1-й том сборника «Дроздовцы от Ясс до Галлиполи» получил отличные отзывы и рецензии в наших военных информационных, в зарубежных газетах и журналах. Также мною получено много писем от прочитавших книгу, из которых особенно выделяются своим содержанием написанные епископом Стефаном (Тимченко) из Швеции — с его благословением; генералами С. Д. Позднышевым и В. Н. Выграном; полковниками В. В. Щавинским, С. Р. Ниловым и М. Н. Левитовым (автор книги «Корниловский Ударный полк»); поручиком Н. Л. Добровольским; вдовой генерала Туркула — Александрой Федоровной; д-ром мед. В. Е. Булюбан — дочерью генерала Булюбаша, участника Ледяного похода; профессорами И. Гарднером (Мюнхен), В. Сучко (Вена), П. Бутковым и Н. Полторацким (США), подпоручиком Д. Проиным (автором книги «7-я Гаубичная»); д-ром Р. В. Карман, переведшим книгу ген. Туркула «Дроздовцы в огне» на немецкий язык и приславшим мне фотографию знамени 1-го полка; Д. Двойченко-Марковым, сыном участника похода Яссы—Дон.

Из рецензий выделяется своим содержанием и обширностью написанная Ю. Среchenским и помещенная в газете «Новое Русское Слово» от 10 июня 1973 года, автор которой вообще не участвовал в Белом Движении. Он пишет:

... Книга написана прекрасно. В нее вкраплены отрывки из «Дневника» ген. Дроздовского, из «Дроздовцы в огне» ген. Туркула и других изданных и неизданных

воспоминаний, дневников и записок... Книга живет и читается с захватывающим интересом... Написаны «Дроздовцы...» хорошо, даже нарядно, с любовью...

В той же газете, от 24 июня, помещено письмо в редакцию быв. поручика 1-го Дроздовского стрелкового полка А. Холода, как его благодарность за помещение в газете «столь обширной рецензии Ю. Среchenского, посвященной замечательной книге Вл. Кравченко и особенно за слова: «Дроздовцы от Ясс до Галлиполи» — достойный памятник тем, кто предпочел славную гибель позорному отказу от борьбы».

Не могу пройти мимо рецензии, помещенной в журнале «Часовой» за июль 1973 года и помещаю выдержки из нее.

... Сборник составлен на основании целого ряда исторических документов, трудов генералов Дроздовского, Деникина, Врангеля, Витковского, Туркула и Харжевского, а также боевых дневников отдельных офицеров... Книга Вл. Кравченко, являясь историческим трудом, превосходно служит делу восстановления всей Правды о Белом Движении. Отлично и трогательно нарисован портрет ген. Дроздовского, бывшего «живым средоточием нашей веры в совершенную правду нашей борьбы за Россию». Шестьсот пятьдесят боев за три года гражданской войны на Юге России, больше 15 тысяч Дроздовцев, павших за Русское освобождение... были осуществлением в подвиге и в крови нашей правды святой. Не будь в нас веры в правду нашего боевого дела, мы не могли бы теперь жить...

Сборник изобилует повествованиями о подвигах командиров и бойцов. Нельзя без волнения читать их, невозможно в короткой заметке перечислить всех героев, павших на кровавой ниве. Красной нитью по всей книге проходит эта неизреченная красота подвига, а если человек был захвачен большевиками, то и к жестоким предсмертным мукам...

Верно говорил последний командир Дроздовцев — ген. Туркул:

«Вся будущая Россия пришла к нам, потому что, именно они добровольцы, эти школьники, гимназисты,

кадеты, реалисты, должны были стать творящей Россией, следующей за нами. Вся будущая Россия защищалась под нашими знаменами, она поняла, что советские насильники готовят ей смертельный удар. Бедняки офицеры, романтические штабс-капитаны и поручики, и эти мальчишки добровольцы, хотел бы я знать, каких таких «помещиков и фабрикантов» они защищали. Они защищали Россию, свободного человека в России и человеческое русское будущее. Гимназист Иванов, ушедший в Дроздовский поход, или кадет Григорьев — запишет ли кто-нибудь и когда-либо, хотя бы только десяток тысяч всех русских детских имен? . . .»

Вот об их жертвах и вспомнил сборник Вл. Кравченко, который нельзя читать без душевного волнения, когда у старых ветеранов невольно скатываются слезы . . . Особенно теперь, в наш скорбный век, когда все чувства чести и благородства затоптаны «бизнесом», материализмом и пошлостью . . . Но верим, настанет время, когда Россия молитвенно вспомнит жертвы, понесенные во имя свободы, и труды людей, которые в тяжелых условиях эмиграции остались верными их памяти. К таким людям принадлежит и капитан Кравченко и он надеется на справедливую оценку его труда. В. О.

В своей информации по случаю подготовки выпуска 2-го тома, полковник Щавинский поместил следующую заметку.

Предстоит выпуск 2-го тома книги Вл. Кравченко: «Дроздовцы от Ясс до Галлиполи». С выходом ее, будут полностью и самым подробным образом отмечены жизнь и боевой путь «цветных полков», со дня их формирования и до сего дня. Везде авторы были строевые офицеры, все израненные и прошедшие весь ужасный путь в первой линии огня, все испытания. Каждая их строчка, грядущими поколениями, должна быть правильно понята и учтена, принимая масштаб современной жизни и прогресса военной науки.

Управления Отдела РОВС и Главного, Общества

Галлиполийцев — уверены в Вашей общей поддержке этих изданий.

Во 2-м томе моего сборника описаны блестящие дела возрожденной в Крыму в 1920 году генералом Врангелем, Русской Армии, после Новороссийской катастрофы Вооруженных Сил Юга России; дальнейшая судьба ушедших из Крыма в изгнание белых воинов.

Беспримерные подвиги частей Русской Армии, вышедшей из Крыма в Таврию, оттянули на их участок фронта весьма значительные силы красных и этим самым дали возможность произойти, так называемому, чуду под Варшавой и спасли от разгрома вооруженные силы Польши, остановили дальнейший поход красных в Западную Европу, а в конечном принудили Советы даже на мир с поляками, так как Советы тогда поняли, что не в силах вести борьбу одновременно и с Польшей и с Русской Армией генерала Врангеля.

Конец же борьбы на Юге России мог бы быть иным и Русская Армия не покинула бы в 1920 году свою Родину, если бы Запад не остался глухим к предупреждениям генерала Врангеля, оказал бы Русской Армии полную помощь, не умыл бы руки, подобно Пилату; если бы вместо Пилсудского, ненавидевшего русских и все русское вообще, был бы в Польше другой вождь продолживший борьбу в союзе с генералом Врангелем до победного конца, а не пошел бы на мир с Советами. Теперь все знают, что этот мир был только временным и оттянул порабощение Польши лишь на десяток лет.

Оставшись на Юге России Русская Армия одинокая в борьбе, истекла кровью и принуждена была покинуть Родину. После этого красные, в скором времени, покончили и с малочисленными силами Балаховича — на Западе, а к концу 1922 года — с сопротивлением белых и в далекой Сибири, в русском Приморье.

В 1-м томе сборника помещены описания событий в России начиная с 1917 года до Новороссийской катастрофы в 1920 году.

И в 1-м и во 2-м томах сборника я старался описать все важные моменты борьбы с красными и участие в ней Дроз-

довцев; но понятно, что из-за отсутствия некоторых данных полностью это сделать не мог. Поэтому возможны пробелы или отсутствие отдельных эпизодов, а также не вспомнаны в должной мере действия некоторых подразделений. В этом вина не моя, а тех лиц, которые, зная что я пишу книгу, имея у себя дневники и воспоминания, даже по моей просьбе, необходимый материал мне не прислали. Прошу покорно меня извинить, а им простить это упущение.

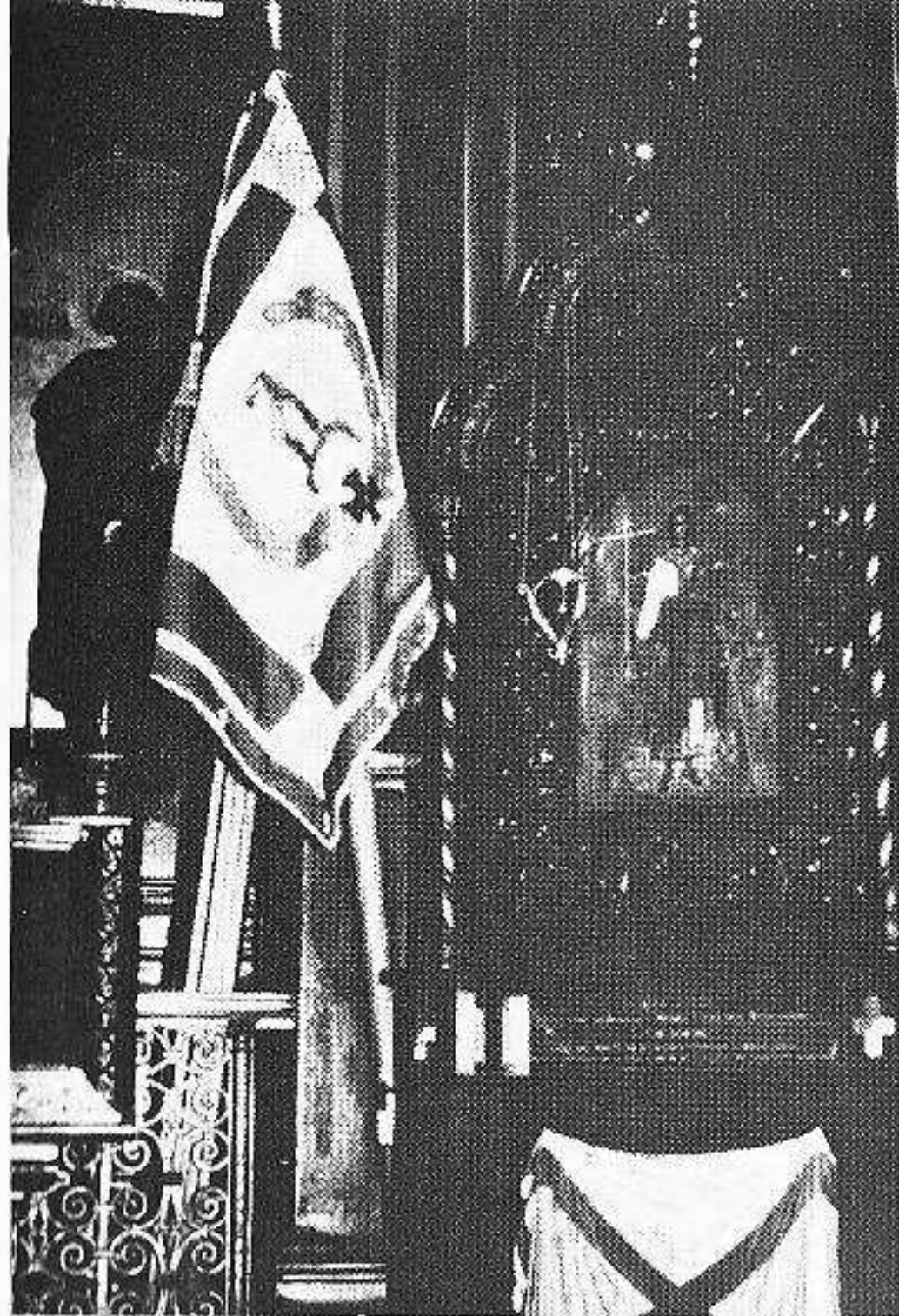
Всем же, приславшим мне книги, дневники, статьи, воспоминания и заметки, а также фотографии, мое сердечное спасибо.

Мюнхен, 1975.

Вл. Кравченко

Генерал-майор Дроздовский

Николаевское знамя
Первого Дроздовского стрелкового полка

ГЛАВА I

КРЫМСКАЯ ЭПОПЕЯ

Трагедия в Новороссийске приближалась к концу. Один за другим отчаливали от пристани заполненные до отказа транспорты. Но не все части, даже боевые строевые, смогли погрузиться. На пристани творилось что-то ужасное: видя уходящие транспорты, многие, потерявшие всякую надежду выехать из Новороссийска, бросались в море, иные стрелялись, другие истерично плакали, протягивая в сторону уходящих транспортов руки. Тысячи офицеров, добровольцев, казаков и солдат, все раненые и больные — все они оказались брошенными на произвол судьбы.

14 марта, около 10 часов утра, судовая артиллерия стала обстреливать город, куда просачивались передовые части красных, а в 11 часов Новороссийск уже был окончательно занят красными.

В числе непогруженных частей был и 3-й Дроздовский стрелковый полк, прибывший на погрузку с большим запозданием. Только малая часть его успела погрузиться на броненосец «Вальдек Руссо», а остальные двинулись пехотным порядком вдоль берега моря на юг — в сторону Туапсе. В том же направлении пошел и Черноморский конный полк под командой ротмистра Христинича, не покидавшего свой полк ни на одну минуту. Он, хотя и знал что в городе должна быть его семья, не пошел ее разыскивать.

Трудно подыскать слова, чтобы передать всю ту тяжесть на сердце, с которой белые воины оставляли Кавказ. Рухнули все надежды — поход на Москву закончился драмой Новороссийска. Невольно всплывали в памяти дни прошлогодних побед, вспоминались картины радостных встреч ос-

вобожденными от красных жителями Кубани, Дона, Терка и юга России и в то же время, как тяжелый сон, мерещились бесконечные могилы павших за честь и свободу России бойцов.

Невольно тогда припомнились слова из песенки: «Плачьте красавицы горных аулов, правьте поминки по нас, вслед за последнею меткою пуль мы покидаем Кавказ...» Да, так пелось когда посылалась последняя пуля. Но в Новороссийске в марте 1920 года, к сожалению, не прожужжала последняя пуля...

Главная масса конницы, и кубанской и донской, не попала в Новороссийск. Отступая через перевал Индюк и частично вдоль берега моря, она отошла на Туапсе. Об ее судьбе будет сказано ниже.

Дроздовцы, отходившие из города Новороссийска вдоль берега на юг, пройдя местечко Кабардинка, должны были вступить в бой с зелеными, преградившими им дальнейший путь. Вскоре к Дроздовцам присоединился, подошедший из оставленного Новороссийска, Черноморский конный полк ротмистра Христинича в составе около 400 всадников. Во время перестрелки с красно-зелеными в море неожиданно показались суда французского военного флота, которые выслали к берегу лодки и предложили грузиться. Ротмистр Христинич организовал погрузку под прикрытием ортиллерийского огня с французских кораблей и на них погрузилось около 900 Дроздовцев и Черноморцев.

Покинувшие Новороссийск транспорты пошли прямо на Севастополь, кроме транспорта «Екатеринодар», на котором были части Дроздовской дивизии. «Екатеринодар» 15 марта прибыл в Феодосию, имея на своей палубе два оцинкованных гроба с останками генерала Дроздовского и полковника Туцевича, возле которых, во все время плавания, стояли часовые.

Стали разгружаться. И вот все, как только оказались на берегу — и батюшка, и командиры, и стрелки, и сестры милосердия, и жены офицеров — все со всех ног понеслись нескать воду. Жажда заглушила всё остальное — и голод, и желание спать, так как у многих за два дня пути ничего не было во рту и они не могли сомкнуть глаз и даже прилечь.

Невольно, по прибытию в Феодосию, в глаза бросилась странная картина бухты. На виду у всех на якорях стояло несколько незагруженных транспортов, которые не были своевременно посланы в Новороссийск.

Выгрузившиеся из «Екатеринодара», измученные физически и потрясенные морально всем пережитым, Дроздовцы тут же на пристани ложились среди мешков, скаток шинелей, пулеметов и составленных в козлы винтовок, чтобы расправить, наконец, руки и вытянуть ноги, чего не могли они сделать за все время плавания.

Днем стало известно, что Дроздовцев в Феодосии не оставят, а перевезут в Севастополь на транспорте «Рион». Этот транспорт уже стоял в бухте, а вечером причалил к пристани. Вновь началась погрузка. Теперь для всех нашлось довольно места, а для начальства даже были предоставлены каюты. Когда вносили на транспорт «Рион» гробы генерала Дроздовского и полковника Туцевича, построившиеся Дроздовские части взяли «на караул», а оркестр сопровождал их торжественными звуками траурного марша.

17 марта транспорт «Рион» отчалил от пристани в весеннем легком сумраке и, выйдя в море, поплыл в Севастополь. Промелькнули горы Аю-Даг, затем Алушта, Алушка, Ласточкино гнездо, Гурзуф, Ялта, Георгиевский монастырь и под вечер показалась Севастопольская бухта. Когда транспорт «Рион» входил в бухту, на его палубе играл оркестр. С дредноута «Генерал Алексеев» также доносились звуки встречного марша, на палубах его и крейсера «Генерал Корнилов» стояли выстроенные команды, кричавшие «ура» и бросавшие вверх шапки.

У многих в это время было какое-то неприятное ощущение, видя и слыша такую встречу. Ведь это было после только что пережитого большого поражения нашей армии и Новороссийской драмы. Мы вначале недоумевали: почему так рады все нашему приезду, зачем нужно было кричать «ура»?

После уже узнали — почему. Оказывается все, кричавшие «ура», радовались прибытию Дроздовцев, прибытию столь внушительных сил, так как была получена радио-телеграмма красных с приказом Троцкого: «Сосредоточив все

возможные силы, в кратчайший срок, в две недели, покончить с Крымом».

Также красные сообщали и относительно Новороссийской драмы, и что там они захватили тысячи пленных и громадную военную добычу, просто неподдающуюся в данный момент учету.

Мы все знаем, что Новороссийск, так же как и в свое время Ростов, был оставлен преждевременно и не был своевременно эвакуирован. Наши боевые части пришли в город в полном порядке и Новороссийск можно было защищать в течение долгого времени, принимая во внимание природные условия, учитывая, что на дивизию пришлось бы не больше двух-трех верст фронта, на артиллерийскую бригаду обстрела по фронту до двух верст, при наличии к тому же судовой артиллерии и находящихся в Новороссийске пятнадцати бронепоездов. Нужно было дождаться прибытия транспортов, погрузить на них новые орудия, пулеметы, оружие, снаряды и патроны, броневики и танки, обмундирование, белье и обувь, а также и лучших лошадей, которых части с трудом собирали в течение трех лет и на получение других, взамен, в Крыму, конечно, нельзя уже было рассчитывать. Необходимо было, конечно, погрузить всех раненных и больных из всех лазаретов, а не бросать их на произвол судьбы.

Когда же все главное было бы вывезено, уже на прощание устроить артиллерийский обстрел подошедших красных, и только тогда с честью покинуть Кавказ. К сожалению паника, растерянность и нераспорядительность в Главном штабе не позволили этого сделать, поэтому и наступила катастрофа. Начальник Штаба Главнокомандующего генерал Романовский вышел в отставку и уехал в Константинополь, где вскоре был убит на улице офицером. Очень многие считали виновником катастрофы в Ростове и Новороссийске генерала Романовского.

Транспорт «Рион» бросил якорь в Севастопольской бухте. Начальнику Дроздовской дивизии пришло приказание разгрузку начать на следующий день, на берег никого не выпускать, а послать в город только квартирьеров.

Возвратившись на транспорт, квартирьеры 1-го Дроздов-

ского стрелкового полка доложили полковнику Туркулу, что «... по городу шляется офицеров до пропасти...»

Услыхав это, полковник Туркул приказал выслать патрули в город Севастополь, оценить улицы, занять выходы у Морского сада, где было особенно много гуляющих и задержать всех празднующихся.

В тот вечер были задержаны в городе все «беспризорные» офицеры и даже штатские, по возрасту подлежащие мобилизации. Всех задержанных в Севастополе полковник Туркул приказал зачислить в полк рядовыми. Произошла своего рода внезапная поголовная мобилизация.

Тогда же вечером был еще довольно интересный эпизод в городе. Несколько офицеров, патрулировавших по городу, заняв выходы, вошли в редакцию одного местного радикального листка и вежливо попросили редактора назвать им сотрудника листка, который в своих статьях изо дня в день травил «цветные войска», то есть Алексеевцев, Дроздовцев, Корниловцев и Марковцев. Не получив удовлетворительного ответа, пришедшие офицеры перепороли всю редакцию, но так, что никто и не узнал, кто из офицеров там был и произвел эту экзекуцию. Много позже все сотрудники этого листка перекинулись в лагерь красных.

18 марта транспорт «Рион» был разгружен и части разместились по квартирам. В Севастополе узнали о бывшем в Крыму заговоре большевиков, незадолго до Новороссийской эвакуации, ликвидированном генералом Слащевым. В местных газетах появилось сообщение о предстоящих переменах в руководстве операциями на Крымском участке фронта и о переводе Ставки из Феодосии в Севастополь. Стало также известно, что генерал Врангель покинул пределы России и находится в Константинополе. Газеты пошли еще дальше и стали намекать на необходимость больших перемен, и в первую очередь, чтобы власть в Крыму прочно взял в свои руки новый человек.

В это время на Кавказе еще находились части Донской и Кубанской армий — в самом безнадежном положении. Вместе с отходящими частями двигались безоружные донцы, калмыки со своим скарбом и верблюдами, беженцы с

женщинами и детьми. Вся эта масса людей двигалась в хаотическом состоянии, не отдавая себе отчет — куда и зачем. Во главе отступающих кубанцев находились генералы Улагай и Шкуро. 18 марта части Кубанской армии выбили зеленых из города Туапсе и вся голодная масса людей, отходивших через перевал, очутилась на берегу Черного моря. В Туапсе запасов продовольствия не оказалось, и постепенно эта масса людей стала покидать Туапсе, двигаясь на юг вдоль берега Черного моря.

На Крымском участке фронта 21 марта, ночью, красные пытались наступать на Перекоп — густыми цепями и при поддержке артиллерией — со стороны Преображенки и Перво-Константиновки, и, вначале, имели небольшой успех. В 10 часов красные были остановлены нашей контратакой и стали поспешно отходить, бросив своих раненых, пулеметы, два орудия и с трудом удержались на прежних позициях. (Схема № 1.)

Вечером того же дня, согласно полученному приказанию от генерала Деникина, состоялось, под председательством генерала Драгомирова, совещание генералов, начальников дивизий, командиров бригад, полков и дивизионов. Цель совещания — выбор преемника генералу Деникину. Сам генерал Деникин на совещании не присутствовал и оставался в Феодосии. Перед совещанием страсти разгорелись. За несколько дней до совещания был послан английский миноносец за генералом Врангелем. Полковник Колтышев (походник), находившийся при штабе генерала Деникина, вызвал по прямому проводу полковника Ползикова, командира Дроздовской артиллерийской бригады, и имел с ним продолжительный разговор. Он тогда сказал, что генерал Деникин отказывается от власти, вследствие выраженного ему недоверия. Полковник Колтышев советовал, чтобы представители Дроздовцев отказались от всякого выборного начала и предложили бы совещанию просить генерала Деникина остаться на своем посту, мотивируя это тем, что его уход с поста Правителя и Главнокомандующего может иметь тяжелые последствия.

Ходили упорные слухи, что слащевцы особенно были на-

Генерал-лейтенант Деникин

строены против генерала Деникина. Насторение же в «цветных» войсках было приблизительно одинаковым с настроением Дроздовцев, которые полностью разделяли высказанную полковником Колтышевым мысль. Страсти разгорелись и командир Первого Дроздовского стрелкового полка, полковник Туркул, на совещание во дворец прибыл в сопровождении офицерской роты.

Против всяких предположений и ожиданий, совещание прошло спокойно, хотя и было немало выступлений, критикующих способ эвакуации Новороссийска, но в менее резких выражениях, чем это ожидалось. По предложению начальника Дроздовской Дивизии, генерала Витковского, была отправлена генералу Деникину телеграмма за подписью всех участников совещания, в которой было сказано, что Военный Совет не счел возможным вводить в армию выборное начало, что Совет просит генерала Деникина остаться на его посту, или же самому назначить заместителя себе.

Председатель Военного Совещания, генерал Драгомиров, в ответ на посланную телеграмму, получил от генерала Деникина запрос о том, приехал ли из Константинополя генерал Врангель и осведомлен ли он о создавшейся обстановке.

Получив от генерала Драгомирова утвердительный ответ на все вопросы, генерал Деникин прислал следующую телеграмму:

«Благословляю генерала Врангеля на его трудный путь».

В то же время генерал Деникин отдал следующий приказ:

П р и к а з

Главногокомандующего Вооруженными Силами Юга России.
№ 2899.

22 марта 1920 года.

Город Феодосия.

§ 1.

Генерал-лейтенант барон Врангель назначается
Главногокомандующим Вооруженными силами на Юге России.

§ 2.

Всем честно шедшим со мною в тяжелой борьбе — низкий поклон.

Господи, дай победу Армии, спаси Россию.

Генерал-лейтенант Деникин.

В тот же день последовал и приказ за № 2900, но уже отданный в городе Севастополе:

П р и к а з

Главногокомандующего Вооруженными Силами на Юге России.

22 марта 1920 года.

Город Севастополь.

Приказом от 22 марта за № 2899 я назначен генералом Деникиным его преемником.

В глубоком сознании ответственности перед Родиной, я становлюсь во главе Вооруженных Сил на Юге России.

Я сделаю все, чтобы вывести Армию и Флот с честью из создавшегося тяжелого положения.

Призываю верных сынов России наперечь все силы, помогая мне выполнить мой долг. Зная доблестные войска и флот, с которыми я делил победы и часы невзгод, я уверен, что Армия грудью своей защитит подступы к Крыму, а флот надежно обеспечит побережье.

В этом залог нашего успеха. С верою в помощь Божью приступим к работе.

Генерал-лейтенант барон Врангель.

Назначенный на пост Главногокомандующего и Правителя, генерал Врангель в узком кругу высших начальников тогда сказал:

«Я не в праве обещать победу. В настоящих условиях мы на победу рассчитывать не можем. Я могу обещать лишь одно: не склонить знамени перед врагом, и, если нам суждено будет погибнуть, то сохранить честь знамени до конца».

В то время на фронте находились отступившие в полном порядке в Крым части Вооруженных Сил Юга России, а в тылу были прибывшие из Новороссийска добровольческие части и части Донской армии. В каком они были состоянии

Генерал-лейтенант П. Н. Врангель

лучше всего видим и узнаем из той характеристики, данной им самим генералом Врангелем после первого инспекционного объезда.

Вот эта характеристика:

«Добровольцы и донцы прибыли без лошадей и оружия. Даже большая часть винтовок донцами при посадке брошена. Казачьи полки были совершенно деморализованы. Настроение их таково, что сам генерал Деникин отказался от первоначального намерения поручить им оборону Керченского пролива и побережья Азовского моря, а решил грузить их на пароходы, чтобы перебросить в район Евпатории, отобрав у них последнее оружие... Добровольческие полки прибыли также в полном расстройстве. Конница без лошадей, все части без обозов, артиллерии... При таких условиях и Добровольческий корпус боевой силы в настоящее время не представляет...»

Из Новороссийска в Крым было эвакуировано около 25 тысяч добровольцев и около 10 тысяч донцов, но, как видим, в таком состоянии, что по словам генерала Врангеля, они в тот момент боевой силы не представляли и их могли легко уничтожить красные, если бы успели перебросить на Крымский участок фронта свои войска в должном количестве, который в тот час защищали весьма незначительные части белых под командой генерала Слащева. К счастью этого не случилось, потому что красное командование было принуждено перебросить все свободные войска на фронт против польской армии, возобновившей успешно военные действия.

В лучшем состоянии и по вооружению были, прибывшие с Кавказа, так называемые «цветные» части Добровольческого корпуса, из которых самой многочисленной была Дроздовская дивизия, но и эти части прибыли только с винтовками и пулеметами.

Хотя, после всего пережитого, настроение в этих частях было подавленное, но воинского духа они не потеряли, были в полном порядке и генерал Врангель верил, что сможет их применить, в первую очередь, для обороны Крыма.

Самым малочисленным был 3-й полк Дроздовской дивизии, так как он не успел прибыть в Новороссийск ко времени погрузки и только частично смог там погрузиться.

Началась новая страница истории Белого Движения. Все тогда понимали беспредельную трудность дальнейшей борьбы: маленький Крым и вся огромная Россия с полчищами красных. Но Добровольцы надеялись на чудо. Надеялись, что, наконец, проснется русский народ, испытав на себе прелести большевизма и перейдет на нашу сторону, а для этого надо сохранить Крым. Добровольцы отлично понимали создавшееся положение, но, зная своего нового вождя, верили ему и надеялись на успех.

Вскоре вернулся с побережья полковник Манштейн вместе с остатками своего 3-го Дроздовского полка, отступившими из Новороссийска вдоль Черноморского побережья в сторону Туапсе. Часть офицеров 7-й гаубичной батареи (6 офицеров) перевелась в 3-й Дроздовский полк к полковнику Манштейну. Капитан Переслени вступил в командование офицерской ротой, поручик Коваленко получил команду разведчиков, остальные — номерные роты. Полковник Манштейн прилагал все усилия, чтобы воссоздать вновь свой полк таким же, каким он был до Новороссийска, несмотря на потерю многих из лучших. Его старания не пропали даром и, в наступивших боях, полк оправдал надежды своего командира.

На Благовещение в Севастополе на Нахимовской площади состоялся парад добровольческих частей, которым командовал генерал Витковский, а принимал его генерал Врангель. На площади были построены 1-й Дроздовский стрелковый полк под командой полковника Туркула; 2-й Дроздовский стрелковый полк по командой полковника Харжевского; 3-й Дроздовский стрелковый полк под командой полковника Манштейна; Корниловцы; танки; конные части полков и батареи Дроздовской артиллерийской бригады — в пешем строю. Ловко и молодо шли непобедимые стрелки, конники и артиллеристы перед своим любимым Вождем. Южное солнце блистало на медных трубах оркестров, на штыках, на козырьках колышающихся малиновых фуражек. Гул ровного шага, грозное тарахтение танков и пулеметов вселяли уверенность, что есть еще надежда на успех борьбы, если народ проснется и в массе поддержит Армию.

На другой день после этого парада, на рассвете, были тай-

но погребены на кладбище Малахова кургана в Севастополе, в правом углу при входе, перевезенные из Екатеринодара, гробы с останками генерала Дроздовского и полковника Туценнича. Только пять первопоходников присутствовали при этом чине: капитан Виноградов (Дроздовского стрелкового полка), капитан Матишев (1-й Дроздовской артиллерийской батареи), поручик Купер, фельдфебель Биденко и фейерверкер (имя его не сохранилось в памяти). На могилах были поставлены деревянные кресты с синими дощечками с надписями: «Полковник М. И. Гордеев» — на кресте у могилы генерала Дроздовского, и на другом кресте — «Капитан Туценнич». Сделано это было так потому, что в то время не было уверенности в длительном пребывании белых в Крыму. Во время второй мировой войны в Севастополе, занятом немцами, побывал командированный дроздовцами офицер, чтобы узнать о судьбе могил. Прибыв в Севастополь, он отправился на Малахов Курган. Там он не нашел не только могил, но и самого кладбища. Во время боев этот район был перерезан тяжелыми снарядами и стал неузнаваем.

Для полноты общей картины событий в начале 1920 года необходимо сообщить о судьбе добровольческих частей и казачьих армий, отошедших на Черноморское побережье. 25 марта в Феодосию прибыл транспорт «Николай», на котором находились 2-й Конно-артиллерийский дивизион (1-я и 5-я конные батареи) с орудиями в полной упряжке, и Донской Гвардейский конный дивизион, но только с оружием и седлами. Эти части прибыли из Туапсе, где успели, во время оставления частями Кубанской армии города, погрузиться на транспорт.

Донские и кубанские части, отступив из района Туапсе, сосредоточились у города Сочи. Делегация Кубанского правительства побывала в марте в Тифлисе, где вела переговоры с правительством Грузии, а кубанский атаман и председатель Кубанского правительства — Иванис, приезжали для переговоров в Крым. В конечном результате переговоры в обоих случаях не дали положительных результатов. Терские казачьи части из Свято-Крестовского района отступили, под натиском красных, на юг и, перейдя границу Грузии, были там разоружены. Генерал Ердели с частями добровольцев

отступил из Пятигорска во Владикавказ и оттуда, отступая в южном направлении, с остатками их прибыл в Потю. Часть кубанских и донских частей в дальнейшем была перевезена в Крым, малая часть ушла в горы, но большинство бывших на побережье, сдано начальствующими лицами в плен, — на милость красных.

В конце марта стало известно о концентрации красных на Крымском участке борьбы. Тогда генерал Врангель решил предупредить наступление красных на Перекопские и Сальские позиции высадкой, в тыл красных в этих районах, десантов. Для выполнения этого плана 30 марта 1-й и 2-й Дроздовские полки с 1-м и 2-м артиллерийскими дивизионами начали грузиться на десантные суда для производства десантной операции в районе порта Харлы. (Порт Харлы входил в свое время в состав имения Фальц-Фейна, которому в царские времена принадлежал почти весь юг Таврии вблизи Крыма и большой участок земли и в самом Крыму. Семья Фальц-Фейна почти вся трагически погибла во время бегства от большевиков на яхте, команда которой разбежалась, а бывшие на ней члены семьи Фальц-Фейна были найдены расстрелянными.)

Поздно вечером погрузка на транспорты была закончена, а рано утром 31 марта эскадра транспортов была готова к отплытию. На транспорте «Цессаревич Георгий» разместился штаб Дроздовской дивизии и часть 2-го стрелкового полка, на транспортах «Веста» и «Крым» (прежде — транспорт № 412) поместились части 1-го стрелкового полка, на транспорте «Павел» — части 2-го стрелкового полка и на транспорт «Россия» погрузилась артиллерия. При эвакуации из Новороссийска были оставлены все орудия и конский состав Дроздовской артиллерийской бригады. Для предстоящей десантной операции в дивизию прибыли в полной упряжке четыре легких орудия, 18 верховых лошадей, два автомобиля «форд», два мотоциклета для штаба дивизии и радиостанция.

3-й Дроздовский стрелковый полк с 3-м и 4-м артиллерийскими дивизионами (в пешем строю, без орудий и конского состава), а также все хозяйственные части дивизии остались в Севастополе. Дроздовская инженерная рота еще 26 марта была отправлена в район Джанкоя.

Рано утром 31 марта вся эскадра транспортов направилась к порту Харлы и к вечеру того же дня благополучно прибыла и стала на внешнем рейде, верстах в восьми от порта Харлы. 1 апреля, с рассветом, на разведку был выслан крейсер «Скиф», которого, когда он приблизился к порту, красные встретили пулеметным и артиллерийским огнем. Это было полной неожиданностью для прибывших, ибо по полученным сведениям в Харлах не должно было быть противника. Вслед за «Скифом» вошла во внутренний рейд порта вся эскадра и так же была обстреляна. Как потом выяснилось, в то время в Харлах находились два полка красных, при большом количестве пулеметов и при четырех орудиях. Красная батарея заранее пристреляла единственный ведущий в порт «канал»-фарватер с версту длиною. Судовая артиллерия открыла ответный огонь, пытаясь нащупать батарею красных, но до самого вечера этого ей сделать не удалось. При создавшемся положении произвести высадку войск не представлялось возможным, а также трудно было вывести суда из-под артиллерийского огня красных, так как внутренний рейд был окружен мелководьем, а выход на внешний рейд, то есть в открытое море, прилегал сравнительно близко к порту Харлы. Пришлось оставаться на внутреннем рейде, но все же удалось отвести суда к южной его части, наиболее отдаленной от Харлов. Артиллерийская перестрелка продолжалась до темноты и только тогда эскадра смогла покинуть внутренний рейд порта.

Создалось серьезное положение. Харлы заняты довольно сильным противником, который обнаружил наше присутствие и был начеку, а в порт же войти можно было, как уже выше указано, только по обозначенному буйками и пристрелянному противником фарватеру. Поэтому обо всем было послано донесение генералу Врангелю, от которого немедленно последовало подтверждение необходимости выполнить десантную операцию.

Обстановка же на Крымском фронте была следующая. 31 марта на Перекопском участке фронта красные в 2 часа ночи перешли в наступление и, введя в бой 9 латышских полков пехоты и бригаду конницы при 15 орудиях, 6 бронемашин, в 4 часа утра заняли Перекоп. В 6 часов утра

конница генерала Морозова вместе с танками, бронеавтомобилями и при поддержке авиации, после упорного и напряженного боя, выбила красных из Перекопа и заставила их отступить в исходное положение. Новая попытка красных перейти в наступление была быстро ликвидирована. Пленных в этот день не было, так как атакующие донцы красных изрубили, но было захвачено 10 пулеметов и одно оружие. 1 апреля красные, подтянув 3-ю стрелковую дивизию и сосредоточив до 3000 конницы, вновь повели наступление, но, встреченные контрударом нашей перекопской группы, были отброшены с громадными потерями.

Одновременно с отправкой десантной группы к Харлам, в Азовское море был послан другой десантный отряд (Алексеевцы), который благополучно высадился в 40 верстах северо-восточнее города Геническа и занял селение Ефремовку.

Получив категорическое приказание Главнокомандующего о выполнении десантной операции в Харлах, на совещании начальников Дроздовской дивизии было решено приступить к выполнению поставленной задачи перед рассветом 2 апреля. Один батальон 1-го полка должен был на тральщике пройти по «каналу» в порт Харлы и там высадиться, а за ним должны двигаться и все остальные суда.

Было еще темно, когда вся эскадра вновь перешла во внутренний рейд. При полнейшей тишине, без всяких огней, была произведена перегрузка частей на тральщики. Этому в значительной мере помог сильный предрассветный туман. Точно в назначенное время «Скиф» с 1-м батальоном 1-го полка под командой полковника Петерса, двинулся на Харлы. В напряженной тишине последующие эшелоны ожидали своей очереди начать также движение вперед — по первому сигналу с берега. Наконец, в направлении Харлом, донеслось победное «ура» и намеченное движение судов началось. Появление тральщика «Скиф» в самом порту и у пристани явилось для красных полной неожиданностью. Закипел горячий бой и, к рассвету, высадившийся батальон полковника Петерса уже выбил красных из порта, заняв и ближайшие дома — до самого поселка Харлы. В это время су-

да, один за другим, подходили к пристани. Части быстро выгружались и немедленно вступали в бой.

При высадке батальона полковника Петерса был убит мичман, командир тральщика и ранено около 40 офицеров и солдат батальона. Артиллерия красных не стреляла, но и судовая также не могла оказать большой помощи батальону при высадке. Не выдержав стремительной атаки Дроздовцев, красные вскоре бежали из Харлов, и Дроздовцы, заняв выходы перед поселком, в течение дня продвинулись вперед, выдвинув передовые заставы на север, к перешейку, где начинается полуостров, на южной части которого (очень длинного и узкого) и был расположен порт и поселок Харлы.

В течение дня, который прошел спокойно, разгрузка всех частей отряда была закончена и было послано соответствующее донесение Главнокомандующему. Раненых погрузили на транспорт «Россия», а также — имущество, захваченное в Харлах. Все суда, кроме транспорта «Россия», после разгрузки, сразу же вышли в море.

На утро 3 апреля было назначено наступление в направлении на деревню Адамань (согласно полученного распоряжения Главнокомандующего). Около часа ночи красные внезапно атаковали наше охранение, смяли его и стали продвигаться на юг к Харлам. Эта их неожиданная ночная атака создала грозное положение, и малейшая неустойка грозила нам гибелью. Командир 1-го полка, полковник Туркул рассыпал роту на узком месте полуострова и, на расстоянии приблизительно 100 шагов выставил 15 пулеметов. Когда части батальона, бывшего в охранении, прошли через цепь пулеметной роты и красные были уже близко и с криками «ура» устремились вперед, полковник Туркул приказал оркестру играть егерский марш, а пулеметам открыть огонь. Минут через пять огонь пулеметов, по приказанию полковника Туркула, был прекращен, а также перестал играть оркестр. Со стороны красных, вместо крика «ура», теперь слышались лишь стоны, а оставшиеся в живых в панике бежали назад. Эта их смелая попытка стоила красным свыше 200 человек убитыми.

Как выше было сказано, при погрузке на транспорты дивизия получила 18 верховых лошадей, которые были пере-

даны разведчикам 1-го Артиллерийского дивизиона и образовали небольшой конный отряд, главным образом для службы связи и разведки. Сам начальник дивизии, генерал Витковский, имел для себя автомобиль «форд», а остальные начальники и даже командиры полков — были пешими.

В 9 часов утра 3 апреля дивизия выступила в направлении на деревню Адамань, а в Харлах осталась только в пешем строю 4-я артиллерийская батарея, которая в роли пехоты должна была прикрывать до вечера погрузку раненых и кое-что из захваченного имущества и продуктов. В Харлах, кроме этих 60 артиллеристов, других частей не осталось. По словам командира 4-й батареи в течение дня к Харлам приближались только разъезды красных, но на горизонте были видны колонны красной конницы, которая двигалась по пятам дивизии. Вечером Харлы были оставлены без давления со стороны красных. При приближении частей дивизии к деревне Адамань, была обнаружена колонна красной конницы с батареей, двигавшаяся восточнее деревни в северном направлении. Конные разведчики батареи при поддержке пехоты атаковали фланг красных и смяли их. Нами были взяты в плен батарея в полной упряжке (четыре орудия с частью прислуги), около 25 конных красных, а также 10 пулеметов. Эти неожиданные трофеи оказались чрезвычайно ценными: вместо четырех орудий теперь было уже восемь и увеличился конный отряд.

Окрыленные удачей, Дроздовцы вошли в деревню Адамань. Часа в четыре дня было обнаружено появление красной конницы, сперва с северо-востока и севера, а вскоре и с запада. Количество красных все время возрастало. Замечено было также большое количество тачанок с пулеметами. Красные, накапливаясь, стали приближаться к деревне, охватывая ее с трех сторон, — с четвертой стороны было море. Дроздовцы заняли позиции на окраине деревни, выделив на особо выдвинутые позиции пулеметные соединения. Стала на позицию и вся артиллерия, теперь уже в составе восьми орудий. Гробовое молчание, так как приказано было открыть огонь только по особой команде. Наступившая мертвая тишина не могла не оказать известного влияния на состояние красных и они уже более осторожно стали

приближаться, развернувшись в лавы. Только когда красные лавы подошли совсем близко, был открыт сильнейший огонь ружейными залпами и из всех пулеметов и орудий. Эффект получился замечательный и красные, неся громадные потери, не выдержав, в панике бросились назад, устилая поле трупами людей и лошадей. Наступила вновь тишина и, только спустя некоторое время, красные открыли по деревне Адамань артиллерийский огонь, который стал все время усиливаться и к вечеру стреляло не меньше 12 орудий. Красные до темноты выпустили до тысячи снарядов, а их конница все время маячила около деревни, делая вид что собирается возобновить атаку, но так до ночи и не атаковала. К ночи охранение было выставлено 2-м полком. Теперь стало ясно, что против дроздовцев красные сосредоточивают значительные силы, оттянув их с позиций у Перекопа. Отсутствие у Дроздовской дивизии тыла, достаточного транспорта, необеспеченность боевыми припасами и продовольствием, а также наличие раненых создавало затруднения, но имеющиеся распоряжения Главного командования о продвижении в сторону Перекопа на соединение с там находившимися нашими частями заставляли, без дальнейшего промедления, пробить себе путь сквозь окружение и двигаться вперед.

В этот же день части правого десанта из Ефимовки двигались в направлении на Ново-Алексеевку. Чтобы помочь десанту и в то же время овладеть позициями у Сальково и тем самым обеспечить Армии выход из Крыма и в том районе, части генерала Ангуляндзе атаковали красных и захватили станцию Сиваш. Сивашский мост был быстро исправлен и в дальнейшем наши части смогли продолжить наступление при поддержке бронепоездов. После атаки юнкеров Константиновского военного училища были заняты станция Чонгар и позиции впереди нее. Генерал Врангель лично присутствовал на этом участке фронта в тот момент, когда наши части занимали Джимбулукскую позицию, а красные в беспорядке отходили с Чонгарского полуострова на север.

Части Дроздовской дивизии выступили из деревни Адамань в направлении села Преображенки в 3 часа 4 апреля, имея во главе колонны 2-й полк, снятый с охранения. За

2-м полком следовал штаб дивизии, затем двигались раненые и артиллерия в боевом порядке. В арьергарде шел 1-й полк. При подходе к Скотскому двору, что в верстах шести от деревни Адамань, красные, бывшие в селении, встретили 2-й полк огнем. После короткой перестрелки, наши передовые части, при громовом «ура» всей колонны, атаковали красных, которые поспешили сразу оставить Скотский двор, а дивизия, не задерживаясь, продолжила свое движение. Уже к 6 часам утра на пути движения дивизии появилась конница красных, вначале с северо-восточного направления, а позднее и с запада и юго-запада, то есть с фланга и тыла. Через короткое время красная артиллерия открыла огонь, а конница поддержала ее огнем из пулеметных тачанок. Огонь артиллерии стал все время усиливаться и вскоре стреляло до 30 орудий красных. Пехотные части Дроздовской дивизии продолжали движение под прикрытием своей артиллерии и пулеметов, которые двигались перекатами повоздно, отражая своим огнем нападающего со всех сторон противника. Дивизия несла потери и число раненых все время росло. Многих пришлось нести, к тому же, на руках за отсутствием перевозочных средств. «Форд» начальника дивизии был подбит снарядом, шофер ранен. Генерал Витковский после этого передвигался, вначале, верхом, но после ранения под ним двух лошадей, в дальнейшем путь проделал пешком со своим ординарцем, корнетом Уманцевым, державшим в руке значок дивизии. Безостановочно продолжалось движение дивизии под грохот разрывов и выстрелов. С кургана генерал Витковский уже мог вскоре видеть вдали очертания Перекопа, но со стороны наших войск, занимавших позиции впереди него, генерал не заметил никакого движения. Ему было непонятно, почему они оставались пассивными и не оказали поддержку Дроздовской дивизии. Только когда передовые части Дроздовской дивизии стали приближаться к самому Перекопу, оттуда появились разъезды дивизиона 9-й кавалерийской дивизии. От чинов разъезда узнали Дроздовцы, что в Перекопе наши части не были поставлены в известность о десантной операции Дроздовской дивизии и в течение четырех дней недоумевали, слыша артиллерийскую стрельбу в тылу противника. Толь-

ко днем Дроздовская дивизия полностью вышла из окружения, пробившись в Перекоп, где ее встретили восторженными криками «ура» все наши части, бывшие там на позиции. Недалеко от Перекопа был ранен в живот командир 2-го полка — полковник Харжевский. Дивизия за время этой операции понесла значительные потери, которые исчислялись в 575 убитых и раненых. Неизменно двигаясь вперед, при наличии сильного противника, не разворачивая полностью боевого порядка, несмотря на утомление, сильный обстрел и большие потери, дивизия успешно выполнила поставленную ей задачу и парализовала этим самым начавшееся наступление красных на Перекоп.

На Чонгарском полуострове наши части, продолжая наступление, заняли Сальково, но город Геническ, который накануне заняли Алексеевцы, был ими оставлен под натиском во много раз численно превосходящих сил противника, при чем Алексеевцы понесли значительные потери, отступив на Арабатскую стрелку.

Обе эти десантные операции полностью расстроили планы красных в части освоения Крыма в кратчайший срок, согласно приказа Троцкого. После выполнения их, генералом Врангелем был издан приказ следующего содержания.

«Поздравляю войска и население со славной победой. В жестоком 6-дневном бою мы разбили 13-ю советскую армию в составе: 1-й Латышской, 3-й стрелковой, 46-й пехотной, 17-й Эстонской пехотной, 8-й Червонной и 16-й кавалерийской дивизий, 13-й кавалерийской бригады и Латышского конного полка. Мы прочно обеспечили за собой выходы из Крыма, захватили 6 орудий, из которых 4 в полной упряжке и с прислугой, 60 пулеметов, несколько сот пленных, поезда составы и много другой военной добычи. Войска проявили бессмертную доблесть. Бог не оставил нас. Победа будет с нами».

Приняв бразды правления на Юге России и вступив в командование Вооруженными Силами, генерал Врангель стал приводить в порядок тыл и воинские части. Одним из первых его начинаний был приказ о сведении в единую Русскую армию Добровольческую, Донскую и Кубанскую армии. К этому приказу казаки в своей массе отнеслись не

только спокойно, но и как к положительной мере. Потом последовал приказ об изменении наименований частей. Наименование — «офицерский» или «офицерская» устранялись, и впредь полки, батареи, бригады и дивизии стали именоваться только Алексеевская или Алексеевский; Корниловская или Корниловский; Марковская или Марковский; Дроздовская или Дроздовский — дивизия, бригада, полк, батарея или по номерам и наименованиям, бывшим в старой Русской армии. Приказом генерала Врангеля освобождались от всяких наказаний и ограничений по службе воинские чины не только добровольно перешедшие из Красной армии, но и те, которые были взяты в плен, — если было установлено, что они не оказывали сопротивления.

30 апреля генералом Врангелем был учрежден Орден св. Николая Чудотворца — двух степеней — для награждения отличившихся в бою солдат, казаков и офицеров. Для награждения частей были учреждены: Николаевские знамена, штандарты и трубы. Орден св. Николая Чудотворца — темно-бронзовый крест с мечами и надписью «Верую спасется Россия», на трехцветной, национальных цветов, ленте. Носится этот орден сразу же за знаками отличия Ордена св. Георгия и впереди остальных знаков отличия. Статут Ордена почти тождественен статуту Ордена св. Георгия. Знамена и штандарты цвета полков с ликом св. Николая и на обратной стороне — вензель части, увенчаны восьмиконечным крестом и национальными лентами. На полотнищах их надпись — «Верую спасется Россия».

Появился также приказ генерала Врангеля относительно организации власти на юге России, согласно которому Правитель юга России и Главнокомандующий армией обнимает всю полноту военной и гражданской власти, — без всяких ограничений. Земли казачьих войск сохраняют независимость в отношении самоуправления, однако с полным подчинением их вооруженных сил Главнокомандующему Русской армии. Правителю Юга России и Главнокомандующему Русской армией были непосредственно подчинены его помощник, начальник военного управления, государственный контролер, начальник гражданского управления (внутренние дела, земледелие, землеустройство, юстиция и народ-

ное образование), начальник хозяйственного управления (финансы, продовольствие, торговля, промышленность и пути сообщения) и начальник управления иностранных сношений. Все переименованные лица составляли при Главнокомандующем Совет совещательного характера. Введены были суды чести для офицеров. Во главе военного и морского духовенства был поставлен епископ Вениамин, со званием управляющего. Вообще же с момента появления у власти генерала Врангеля, духовенство стало снова играть весьма видную роль. Расформированы были «знаменитые» осваги. Всем было известно, что многочисленный штат этого «почетного» учреждения (военные и штатские, не обслуживавшие, а только состоящие в нем), занимался всем чем угодно, только не должной пропагандой. Также было расформировано до 180 других различных учреждений, ставших тогда лишними. Если бы сопоставить численность служивших во всех этих расформированных учреждениях с численностью Армии — получились бы красноречивые и выпуклые цифры.

Интересен приказ генерала Врангеля от 6 апреля, который коснулся Донской армии:

«Бьет двенадцатый час нашего бытия. Мы в осажденной крепости — в Крыму. Успех обороны крепости требует полного единения ее защитников. Вместо этого находятся даже старшие начальники, которые политиканствуют и сеют рознь между частями. Пример этому штаб Донского корпуса. Передо мною издание штаба — «Донской вестник». Газета восстанавливает казаков против неказачьих частей юга России, разжигает классовую рознь в населении и призывает казаков к измене России.

По соглашению с Донским атаманом приказываю генералу Сидорину сдать должность генералу Абрамову. Отрекаю от должности начальника штаба генерала Кельчевского и редактора газеты — сотника, графа Дю-Шайли, предаю военно-полевому суду при коменданте Главной квартиры. Следовательно по особо важным делам немедленно на месте произвести следствие для обнаружения прочих виновных и предания их суду. Газету закрыть.

Впредь буду взыскивать беспощадно со всех тех, кто забыл, что в единении наш долг перед Родиной».

Диктаторским способом был положен конец вредной деятельности высшего командования Донской армии. После произведенного следствия генералы Сидорин и Кельчевский были преданы военно-полевому суду и приговорены к каторжным работам, но генерал Врангель, принимая во внимание их боевые заслуги, заменил наказание исключением со службы и лишением мундира. Вместе с осужденными Сидориным и Кельчевским покинули Крым и недовольные происшедшим в нем — генералы Покровский, Боровской и Постовский.

Генерал Врангель везде и всюду напоминал о создавшемся положении в Крыму и его изречения письменные и устные принимались всеми близко к сердцу, схватывались и запоминались.

Вот некоторые из них.

«Пока борьба не окончена, все партии должны объединиться в одну, делая внепартийную деловую работу. Значительно упрощенный аппарат управления строится мною не из людей какой-либо партии, а из людей дела. Для меня нет ни монархистов, ни республиканцев, а есть люди знания и труда».

«Мы в осажденной крепости и лишь единая твердая власть может спасти положение. Нужно побить врага прежде всего. Сейчас не место партийной борьбе».

«На такой же точке зрения я стою и в отношении к вопросу о так называемой «ориентации». С кем хочешь, но за Россию — вот мой лозунг».

«Во время войны, а тем более гражданской, орудием борьбы являются не только пушки, но и И д е и».

Только тогда, в Крыму, Армия и население слышали об идеях, как об одном из оружий борьбы против красных. Как приходится теперь жалеть, вспоминая былое, что об этом не было сказано своевременно, хотя всем было и тогда ясно, что к этому побуждала сама жизнь уже в начале борьбы.

На фронте красные вновь пытались 7 апреля наступать

Генерал-лейтенант В. К. Витковский
(1921 г.)

на наши позиции севернее Чонгарского полуострова из Ново-Дмитриевки, но были отражены с большими потерями.

На Кавказском участке фронта наши части отходили, и их арьергарды стягивались к реке Псеуапсе.

7-я и 8-я гаубичные батареи Дроздовской артиллерийской бригады 7 апреля получили от гаубичной батареи Офицерской артиллерийской школы по две 45-линейных гаубицы с запряжками на мулах, и дивизион под командой полковника Медведева был отправлен на Перекоп и стал на позиции на стыке Марковской пехотной и Корниловской ударной дивизий.

Приказом Главнокомандующего, генерала Врангеля, за успешно проведенную десантную операцию Харлы—Перекоп, начальник Дроздовской стрелковой дивизии, генерал Витковский, был произведен в чин генерал-лейтенанта, а командир 1-го Дроздовского полка, полковник Туркул, — в чин генерал-майора.

К этому времени полковнику Манштейну удалось довести свой 3-й полк до состава в 1000 человек. Вообще же Дроздовцы стали уже вновь «оперяться» после того, как им «пустили пух» в Новороссийске.

9 апреля красные вновь пытались наступать севернее Перекопа, но нашим артиллерийским огнем были остановлены. Генерал Врангель отрешил от должности коменданта Севастопольской крепости не принявшего энергичных мер по ликвидации расформированных учреждений и по отправке всех уклонявшихся от военной службы на фронт, и в первую очередь — праздношатающихся по городу военнослужащих. В тылу почувствовали твердую руку Главнокомандующего. По его приказу школьные батареи передали легкие орудия с упряжками в Марковские батареи, которые до этого времени изображали из себя пехоту.

В беседе с представителями печати генерал Врангель высказал свои взгляды на дальнейшую работу и политику.

«Я не собираюсь, — сказал Главнокомандующий, — издавать никаких решительно деклараций. Слишком их было много и слишком мало из них получило на деле осуществление. Трехлетняя анархия, неоднократная смена власти, из которых почти каждая провозглашала программы, имеющие

целью увлечь са собою симпатии населения заманчивыми обещаниями, исполнить каковые фактически не могла ни одна власть — настолько усложнили целый ряд отраслей промышленно-экономической жизни, что разрешить это сразу нет никакой возможности. Примером может служить хотя бы земельный вопрос, для разрешения которого в том или ином направлении потребовался бы целый ряд годов.

Я стремлюсь к тому, чтобы разрешить наиболее назревшие вопросы, не превышая пределы фактической возможности. Я стремлюсь к созданию для населения юга России, занятого моими войсками, такого правопорядка, при котором население могло бы быть удовлетворено в своих чаяниях возможно шире — вот основная задача власти. Я хочу наладить совершенно расстроенный аппарат управления, обеспечить население продовольствием, использовать самым широким образом естественные богатства края, наблюдая, чтобы ни одна пядь земли, могущая быть использованной, не оставалась бы необработанной и прежде всего обеспечить население от произвола и насилий. Вот это — мои ближайшие задачи.

Мною намечен целый ряд мер, чтобы наибольшее количество земли могло быть использовано на правах частной собственности теми, кто в эту землю вложил свой труд. Мелкому крестьянину-собственнику принадлежит сельско-хозяйственная будущность России. Крупное землевладение отжило свой век. Посредником по передаче земли в руки мелкого собственника должно явиться государство. В ближайшие дни будет приступлено к нарезке земель, числящихся за крестьянским банком. Уже созданы посреднические комиссии для облегчения самым широким образом всякого рода земельных сделок. Улучшение материального благосостояния рабочих и удовлетворение их профессиональных нужд является одной из моих главнейших задач. В частности мною создана особая комиссия для выработки, в зависимости от имеющихся у нас запасов, снабжения рабочих пайком. Все дело продовольствия, бывшее до сего времени в руках бесконечного количества лиц, ныне объединено в одних руках начальника управления снабжения...

Местные и национальные нужды населения, в частности татарского, приняты во внимание самым тщательным образом.

Под моим командованием находится Русская армия, переформированием которой я сейчас и занят. Части, составляющие единую Русскую армию, сохраняют имена тех великих полководцев, которых чтит вся, жаждущая освобождения от большевиков, Россия и несущие ей избавление бойцы...

О причинах бывших неудач генерал Врангель сказал очень метко и верно:

«Причины эти чрезвычайно разнообразны. Резюмируя их можно сказать, что стратегия была принесена в жертву политике, а политика никуда не годилась. Вместо того, чтобы объединить все силы, поставившие себе целью борьбу с большевизмом, коммуной и проводить одну политику «русскую», вне всяких партий, проводилась политика «добровольческая», какая-то частная политика, руководители которой во всем том, что не носило на себе печать «добровольцев», видели врагов России. Дрались с большевиками, дрались с украинцами, дрались с Грузией, дрались с Азербайджаном и лишь немного не хватало, чтобы начали драться с казаками, которые составляли половину нашей армии и кровью своей на полях сражений спаяли связь с регулярными частями. В итоге, провозгласив «Единую, Великую и Неделимую Россию», пришли к тому, что разъединили всю Россию на целый ряд враждующих между собой образований.

В воссоздании России я вижу совсем иной путь. Пусть среди разлагающегося больного тела свободно оживают отдельные клеточки и долг искусного врача должен быть в объединении их, не разрушая каждой в отдельности. Чем больше будет отдельных, здоровых клеток, тем процесс разложения будет скорее пресечен. В конечном итоге все омертвевшие части организма распадутся и новая молодая ткань заменит потерявшее жизнеспособность больное тело. Перемена взглядов высшего командования в этих вопросах уже получила реальные результаты. Несколько дней тому назад мною заключено соглашение с представителями всех казачьих войск и между мною и атаманами установлены определенные взаимоотношения. Казачьи области в своем

внутреннем самоуправлении остаются самостоятельными, но их вооруженные силы полностью подчиняются мне. Все отношения с иностранными государствами ведутся только через меня. В вопросах местного характера имеющих международное значение я предварительно сношусь с атаманами. Представители отдельных казачьих войск за границей уже отозваны. В областях неказачьих я объединил всю полноту гражданской и военной власти без всяких ограничений, причем при разрешении вопросов внутренней жизни я намерен широко обращаться к помощи общественных сил...

При организации гражданского управления я отмечаю создание каких-либо политических отделов, равно как и принадлежность нужных для дела работников к той или иной политической партии, считая последнее несущественным, разумеется кроме партии большевиков. Для меня нет ни монархистов, ни республиканцев, а есть лишь люди знания и труда...

Ко времени вступления на пост Главнокомандующего Вооруженными Силами на Юге России и став Правителем, генерал Врангель получил в наследство безотрадную обстановку политическую вследствие предъявленного британским правительством ультиматума о прекращении борьбы с красными и о посредничестве Англии перед Советским правительством.

В случае непринятия предложения, Англия грозила немедленно прекратить оказание какой-либо помощи.

Вечером 10 апреля появился приказ генерала Врангеля, который разъяснил те «новые, определенные ближе и скорее ведущие к цели», шаги союзников в решении русского вопроса. Так как приказ весьма интересен и многое разъяснил в последующих событиях, то он приводится ниже полностью.

«22 марта Верховным Британским комиссаром в Константинополе, адмиралом де-Робек, была получена нота, в коей Великобританское правительство предлагает свое посредничество генералу Деникину с целью прекращения междоусобной брани, предупреждая, что в случае несогласия на это Главнокомандующего Вооруженными Силами юга Рос-

сии, оно лишит нас всякого рода помощи и слагает с себя в этом случае всякую ответственность за последствия.

Получение ноты в Константинополе совпало с отказом генерала Деникина от власти и она была передана мне. Я, с согласия Военного Совета старших начальников, ответил на ноту заявлением, в коем, указывая на невозможность в случае прекращения помощи союзников продолжать борьбу и совершенно исключая возможность непосредственных переговоров с врагом, возлагаю на Великобританское правительство всю нравственную ответственность за последствия предпринятого шага. Вместе с тем указал, что долг чести тех, кто лишает помощи в самую тяжелую минуту Армию, оставшуюся верной союзникам, обеспечить полную неприкосновенность всех чинов Армии, всех жителей местности, занятой Вооруженными Силами юга России, всех беженцев, кои бы пожелали вернуться на Родину и, наконец, всех тех, кто, борясь за общее с нами дело, ныне томится в тюрьмах советской России.

6 апреля командующий Британскими Силами на Черном море, адмирал Сеймур, передал мне копию ноты Английского правительства, адресованную Наркому иностранных дел Чичерину, в коей Правительство Его Величества Короля Великобритании требует от большевиков прекращения военных действий и неприкосновенности того убежища, которое нашла наша Армия, территории, занятой Вооруженными Силами юга России, предупреждая, что в противном случае английским морским силам будет предписано принять меры против вторжения советских войск. Вывод ясен. Необходимо сделать все, чтобы удержать с помощью наших союзников в наших руках последнюю пядь Русской земли. Необходимо наперечь все силы, чтобы вырвать победу из рук врага. Собственная наша участь и судьба тех, кто томится в советских застенках, зависит от нас самих. Я верю, что армия своей грудью прикроет страну и волна красной нечисти разобьется о доблесть войск. Я верю, что Господь не оставит нас и Россия воскреснет».

Этот приказ произвел на всех и всюду сильное впечатление и вызвал всевозможные толкования и слухи. Дейст-

вительно: удружили нам союзнички в самую подходящую минуту!

Дальнейшие переговоры велись между генералом Врангелем и генералом Кейзем. Прочие представители иностранных миссий, аккредитированных при Главнокомандующем Вооруженными Силами на юге России, активного участия в них не принимали. Как и надо было ожидать, переговоры положительных результатов не дали. Никакого мира, ясно, не могло быть.

После десантной операции Дроздовская стрелковая дивизия находилась в резерве и приводила себя в порядок, пополняясь и вооружаясь. Находясь в тылу фронта на расстоянии около 50 верст от Перекопа, 17 апреля чины дивизии слышали доносившуюся от Перекопа сильную артиллерийскую стрельбу. В тот день красные повели наступление крупными силами и даже заняли было Перекоп, но последовавшей контратакой Марковцев их быстро отбросили назад, а наша кавалерия, преследуя их, дошла до Преображенки. В этот день красные понесли большие потери убитыми и ранеными и около 600 человек попало в плен. Эти звуки артиллерийской канонады со стороны фронта мигом рассеяли всякого рода толки и слухи о предложении мира и братании на фронте, которые распространялись в тылу фронта в те дни.

Дроздовские артиллеристы постепенно обзаводились орудиями. Донские казаки, погрузившиеся в Новороссийске и прибывшие позже с Кавказа, разместились в районе Евпатории. На фронте находилась донская конница под командой генерала Морозова, отошедшая в Крым еще в декабре 1919 года. Теперь она пополнялась за счет прибывших с Кавказа. Вследствие отставки генерала Сидорина и каких-то еще других, наверное, причин и в первую очередь брошенной в их среду агитации и пропаганды, бывшие в Евпатории донцы заволновались, отказались дальше воевать, говоря что им все это надоело, и стали требовать отправки их на Дон в родные станицы. Узнав это, генерал Врангель в сопровождении епископа Вениамина выехал в Евпаторию, чтобы разъяснить донцам создавшееся на юге России положение. Донцов пришлось довольно долго уговаривать, прежде чем

они переменили свое решение. В Евпатории генерал Врангель определенно сказал о том, что на мир пусть никто не рассчитывает и не надеется.

На Кавказском участке фронта красные продолжали продвигаться и заняли город Сочи. В районе Крымского участка фронта возле Сальково наши части, под личным руководством генерала Слащева, совершили налет на позиции красных севернее станции Сальково, захватив трофеи и в их числе броневик красных «Молния». В ночь на 19 апреля наш флот вошел в Азовское море и, подойдя к Мариуполу, своим огнем подбил бронепоезд красных, потопил несколько шхун и захватил вооруженный катер «Республиканец», а в последующие дни подверг бомбардировке города Таганрог и Ейск. Перебежчики от красных все время сообщали о готовящемся солидном наступлении красных с участием танков и бронеавтомобилей. С Кавказа все время прибывали из района Адлера казаки. Среди прибывших был и генерал Шкуро со своей «волчьей сотней».

В приказе Главнокомандующего, генерала Врангеля от 17 апреля за № 3013 говорилось, что политическая обстановка вынуждает Главное командование временно перейти к обороне, а посему решено это время использовать для реорганизации армии, приведения в порядок частей и создания на фронте и в тылу укрепленных позиций. В дополнение к приказу за № 3012, было приказано привести в порядок обмундирование и конское снаряжение, вычистить орудия, пулеметы, винтовки и даже отточить шашки. Частям было приказано окапываться на фронте и приспособить Перекопский вал к обороне, построить, где возможно, блиндажи, а если потребуется для улучшения обстрела, то даже разорить дома и устроить, таким образом, своего рода просеки... Наверно жители Перекопа были «в восторге», когда об этом узнали. Большевики же в это самое время подтянули на фронт дальнобойные орудия и стали обстреливать Армянский Базар, что вызвало поток беженцев из городка.

Приказом генерала Врангеля от 28 апреля за № 3049 армия перестраивалась на новых началах, — не на добровольческих. Основание комплектования армии было изменено.

Теперь части комплектовались не добровольцами, а лицами призванными на военную службу по мобилизации.

Добровольческая армия перестала существовать и на ее место появилась Русская армия. Алексеевская дивизия была расформирована, так как она сильно пострадала во время десантной операции в апреле у города Геническа. Дивизия была сведена в полк, сохранив наименование — Алексеевский пехотный полк. Дроздовская, Корниловская и Марковская дивизии образовали 1-й Армейский корпус под командой генерала Кутепова, а все части генерала Слащева были сведены во 2-й Армейский корпус, казачьи же части — по соответствующему роду войск. Приказано было немедленно заменить все старые печати во всех соединениях.

Во второй половине апреля из Сочи прибыл 4-й Донской корпус под командой генерала Секретёва, численностью до 6000 человек. С ним прибыло и около 2500 беженцев из Донской области. В числе прибывших донцов был и Калмыцкий полк. Донцы прибыли без лошадей, но при оружии.

В Крыму была объявлена мобилизация лошадей. От населения принималось в армию до 4000 коней за плату до 250 000 рублей за лошадь. Необходимо было посадить на коней безлошадную кавалерию.

В ответ на предъявленную Великобританией ноту, Советское правительство в свою очередь предъявило ряд условий и требований, среди которых:

1. Англия должна оказать давление на Польшу, чтобы она заключила мир с Советской Россией.
2. Англия должна гарантировать освобождение бывшего диктатора Венгрии Бала-Куна. (Бела-Куну Ленин собирался предложить пост народного комиссара, ведущего делами сношений с Западной Европой.)
3. Советское правительство требовало, чтобы Литвинов был допущен в Лондон.

Как и ожидалось многими, Польша вторично отклонила предложение советского правительства заключить мир. Таким образом нота Великобритании о прекращении междоусобной брани повисла в воздухе и положительного результата не достигла. Польша обратилась с воззванием к украинскому населению, в котором говорилось, что Польша не

собирается завоевывать Украину, а единственно желает освободить дружеский народ от насилий большевиков. Об отряде генерала Бредова, попавшего при отступлении Добровольческой армии в 1919 году в направлении Одессы и Польши и в конечном итоге попавшего на территорию Польши, были получены сведения, что отряд находится на правом фланге польской армии. В этом отряде из Дроздовских частей оказался 2-й конный генерала Дроздовского полк и об его судьбе написано в первом томе сборника.

С 1 мая был увеличен оклад солдатам с 150 рублей до 2000 рублей. Эта сумма хотя и мало улучшала положение солдата, — из-за растущей все время дороговизны, — но все-таки не была такой ничтожной, как бывшие до этого 150 рублей в месяц. Большевики в то время платили своему рядовому бойцу 800 рублей в месяц.

В газетах 5 мая было опубликовано следующее воззвание генерала Врангеля.

«Слушайте русские люди, за что мы боремся?
За поруганную Веру и оскорбленные ее святыни.
За освобождение Русского народа от ига коммунистов, бродяг и каторжников, вконец разоривших Русь.
За прекращение междоусобной брани.
За то, чтобы крестьянин, приобретая в собственность обрабатываемую им землю, занялся бы мирным трудом.
За то, чтобы истинная свобода и право царили на Руси.
За то, чтобы Русский народ сам выбрал бы себе хозяина.

Помогите мне, Русские люди, спасти Родину.

Генерал Врангель».

В Джанаире, в месте стоянки 2-го Дроздовского стрелкового полка, 6 мая начальник дивизии, генерал Витковский, устроил смотр полку и артиллерийскому дивизиону. Этот смотр явился, своего рода, репетицией к параду, назначенному на 8 мая в Конжанбаке. Парад, в котором принимала участие вся Дроздовская дивизия, принимал генерал Врангель в присутствии иностранных представителей. Особенно отличилась офицерская рота 1-го стрелкового полка, проделавшая ряд сложных построений. Когда генерал Врангель про-

ходил по селению, деревенские дети бросали перед ним на дорогу цветы.

Корпус генерала Слащева был сменен казачьими частями и отведен в район города Феодосии, так как он предназначался для десантной операции. На всех участках фронта в Крыму ничего особенного не произошло до 22 мая. В этот день красные вновь пытались наступать на станцию Сальково, но были отброшены в исходное положение. Части Русской армии, бывшие в армейском резерве, подтягивались к позициям на Перекопе и в районе Чонгара. 24 мая вечером Корниловский, Марковский артиллерийские и 4-й Дроздовский гаубичный дивизионы были выдвинуты за Перекопский Вал, впереди пехотных позиций, прикрытые к северу на высоте только заставой от 2-го Конного полка. Ночью красные сбили эту заставу и для восстановления положения и прикрытия батарей номера 7-й и 8-й Дроздовских гаубичных батарей немедленно контратаковали большевиков и вновь заняли высоту. В три часа 25 мая, после небольшой артиллерийской подготовки пошли в наступление наши танки и за ними двинулась пехота. Корниловцы вели наступление на Преображенку, а 4-й Дроздовский гаубичный дивизион двинулся вперед вместе с частями Марковской дивизии на Перво-Константиновку. Дроздовская дивизия вначале оставалась в резерве. Около шести часов утра Корниловцы заняли Преображенку, а к семи часам части Марковской дивизии захватили и Перво-Константиновку. Вслед за пехотой была двинута в прорыв конница генерала Барбовича, очень скоро взявшая в плен много красных, которые были переданы в Дроздовскую дивизию и немедленно поставлены в строй полков. (Схема № 1.)

Это слишком поспешное пополнение (в некоторых ротах оказалось до 60% только что взятых в плен красноармейцев) было чревато тяжелыми последствиями, о чем будет речь немного ниже.

После полудня красные, подтянув резервы, (пехоту и конницу), силою до двух пехотных дивизий атаковали Марковцев, занимавших Перво-Константиновку и, потеснив их, вновь заняли селение. На помощь Марковцам немедленно были посланы 1-й Дроздовский и 3-й Дроздовский полки,

которые лихой атакой выбили красных из Перво-Константиновки. Под вечер красные вновь бросили из резерва большие силы, атаковав наших в Перво-Константиновке, вскоре захватили вновь селение, причем в тот момент, когда красные повели наступление та часть стрелков из числа пленных поставленных в строй всего за пару часов перед этим, в самый критический момент, когда 3-й батальон 1-го Дроздовского полка был прижат к Сивашу, отказалась стрелять и 11-я рота попала в плен. Часть старых Дроздовцев была истреблена на месте, а остальные отведены в Асканию-Нову и там расстреляны.

В этот день красные особенно упорно дрались, о чем свидетельствует тот факт, что красными было разбито ручными гранатами несколько танков. Красные понесли огромные потери: 3-я Латышская дивизия была полностью уничтожена, взяты пленные от многих частей, захвачено 15 орудий, 3 броневика и много пулеметов. Русская армия потеряла вышедшими из строя, 5 танков и 3 бронеавтомобиля. Потери у Корниловцев были небольшие, но Марковцам и Дроздовцам пришлось туговато.

На Сальковском участке фронта в тот день Сводный Доно-Кубанский корпус под командой генерала Писарева, перейдя на рассвете в наступление совместно с танками, бронепоездами и бронеавтомобилями, овладел городом Геничesk, селом и станцией Ново-Алексеевка и селом Ново-Михайловка. (Схема № 2.)

Корпус генерала Слащева, высадившись 24 мая севернее Геничeskа, на рассвете 25 мая занял села Давыдовку и Ефремовку. Десантные части корпуса, занимая села, распространяли воззвание выпущенное генералом Врангелем, опубликованное в Крыму 5 мая (помещено выше). Перед началом наступления во всех частях армии был прочитан приказ генерала Врангеля за № 3226, который гласил:

«Русская армия идет освобождать от красной нечисти родную землю. Я призываю на помощь мне Русский народ. Мною подписан закон о волостном земстве и восстанавливаются земские учреждения в занимаемых армией областях.

Земля казенная и частновладельческая, сельскохозяйст-

венного пользования, распоряжением самих волостных земств, будет передаваться обрабатывающим ее хозяевам.

Призываю к защите Родины и мирному труду русских людей и обещаю прощение заблудшим, которые вернутся к нам.

Народу — земля и воля в устройении государства.

Земле — волею народа поставленный хозяин.

Да благословит нас Бог.

Генерал Врангель».

На другой день части Русской армии развивали свое наступление. Корниловцы продвигались прямо к Днепру, и красные, боясь быть отрезанными от переправы через Днепр, отходили в северо-восточном направлении и особого сопротивления не оказали. Конница генерала Барбовича вела бои в районе Спендиаровка—Чаплинка и продвинулась от Перекопа за 30 верст. 2-й Дроздовский стрелковый полк, имея слева 3-й Дроздовский полк, повел наступление на Перво-Константиновку. Выбив из села красных, полк, тесня их, с помощью конницы, ударившей красных с тыла, и, обойдя их фланги, у села Владимировка прижал три полка красных к Сивашу. На эту группу красных налетели шесть наших аэропланов, которые, снизившись насколько было вообще возможно, стали разделять красных из пулеметов и забрасывать с воздуха бомбами. В довершение к этому в красных врезался наш броневик и стал поливать их из своих пулеметов. Все три полка красных были опрокинуты в Сиваш и полностью уничтожены. Один из них носил громкое название — «Полк красных орлов». (Схемы №№ 1 и 2.)

На Чонгарском участке фронта красные потеснили части казачьего корпуса генерала Писарева и наши отступили к Сальково и Геническу. Части десантного корпуса генерала Слащева успешно развивали свое наступление и заняли город Мелитополь.

Надо отметить, что в то время красные были уже не такими как во времена Добровольческой армии, наступавшей в 1919 году на Москву. Они стали драться умело и всюду и везде оказывать упорное сопротивление. Из расспросов плененных стало известно, что красные считали наш фронт

не опасным. Их комиссары всех уверяли, что с Перекопа белых не выпустят. Все красные ожидали скорый переход в наступление их частей, а комиссары обещали потопить всех белогвардейцев в Черном море. Недели две тому назад у красных было против Крыма сравнительно немного сил, так как часть их в спешном порядке была отправлена на Польский фронт, но в последующие дни на фронт к Перекону прибыло много новых красных частей с Кавказа и красные сами собирались перейти 28 мая в решительное наступление. Они ожидали только подхода двух конных дивизий из Конной армии Буденного.

Но вот тут-то, вопреки всем предположениям, ожиданиям и уверенности в их скорую победу, случилась неожиданная для них «маленькая» и очень неприятная «история» — их полный разгром и отступление. Только за первые два дня были полностью уничтожены свыше двух красных дивизий, попало в плен свыше 5000 человек, попало в руки Русской армии, кроме другой военной добычи, 3 бронепоезда, 6 броневиков, 25 орудий и сотни пулеметов. Интересно отметить то, что у всех красноармейцев, взятых в плен на Перекопском участке фронта были противогазы. Видимо они, с одной стороны, опасались нас, а с другой — сами готовились пустить газы в начале предполагаемого наступления. Красные были настолько уверены в своих силах и в предстоящей победе, в марше на Крым, что даже после оставления Перво-Константиновки, твердо верили что разобьют нас и еще в тот же день овладеют Перекопом.

Развивая свое наступление из района Григорьевки и Владимировки, Дроздовская дивизия 27 мая двинулась на север и заняла имение Фальц-Фейна — Аскания-Нова, где был захвачен большой склад артиллерийских снарядов (свыше 4000, разных калибров). Аскания-Нова — роскошное имение с парком, сохранившимся огромным зверинцем, собранным владельцем имения. Среди разных животных — зубры, бизоны, ламы, яки, олени, страусы, причем многие совершенно на свободе и бродят по степи, а когда проголодаются, сами возвращаются к своим кормушкам. В парке устроен искусственный пруд и там много разных птиц — фламинго, белые и черные лебеди, разных пород гуси, утки,

аисты коричневые и австралийские, фазаны и много других пород. Хищные звери и птицы — в специальных больших клетках.

На Сальковском участке фронта части Русской армии медленно продвигались вперед. Приехавшие из Джанкоя рассказывали, что, когда 25 мая прилетел с фронта первый аэроплан с донесением, к нему бегом бросился, прямо под вагонами, генерал Врангель, бывший тогда на вокзале, что бы узнать о результате начавшегося наступления Русской армии.

В течение дня 28 мая красные пытались наступать на Асканию-Нову, но были отбиты с большими потерями. Под вечер, уже в сумерках, вдруг в степи появились целые тучи пыли. В направлении имения неслись, разбежавшиеся во время боя, животные, которых, из-за облаков пыли, вначале приняли за атакующую конницу красных и сам начальник дивизии, генерал Витковский, бросился с конными дивизии в контратаку. Проскакав версты две обнаружили, в чем дело. Но возвращаясь назад в имение наши кавалеристы все-таки захватили 27 человек комендантской роты штаба красной дивизии. Простояв 28 мая в Аскании-Нова, 3-й Дроздовский полк с 3-й легкой и 7-й гаубичной батареями двинулся на северо-восток, а остальные части Дроздовской дивизии пошли влево на помощь Корниловцам, ведущим в тот день наступление на Каховку. В имении Аскания-Нова осталась только слабого состава рота Самурского полка. Не успел полк отойти трех-четыре верст от имения, как на Асканию-Нову налетели части конной красной дивизии, под командой Блинова, с двумя броневиками. Несколько самурцев и обозников было зарублено, а остальные успели попрятаться. Немедленно на выручку их была брошена офицерская рота 3-го Дроздовского полка со взводом батареи капитана Мусина-Пушкина. Интересно было наблюдать, как в открытой степи, конная дивизия Блинова с двумя броневиками поломала свои зубы о сотню человек офицерской роты с двумя пушками и принуждена была обратиться в бегство. Аскания-Нова была снова занята и из садов и построек повыползали попрятавшиеся там стрелки.

На Корниловцев и части Барбовича упорно наступали

красные. Вообще, надо заметить, что большевики, пользуясь своим превосходством по численности весь крымский период борьбы частей Русской армии под водительством генерала Врангеля, не давали белым передышки. Под сильным нажимом Корниловцы и части генерала Барбовича принуждены были отходить. Около часу дня 29 мая 1-й Дроздовский стрелковый полк получил приказание выйти в тыл и во фланг наступающих красных. В тот день стояла жара просто невыносимая и к тому же страшно парило. Пот заливал лица. В воздухе стояла серая мгла, а край неба заволакивали огромные темные тучи.

Полк очень скоро вышел в тыл на левый фланг красных. Видя это, 9-я пехотная дивизия красных повернула свой фронт на вышедший ей в тыл 1-й Дроздовский полк и атаковала его. Страшный пулеметный огонь. Цепи атакующих шли из-под тяжелого душного неба серыми волнами. Вдруг хлынул страшный ливень с такой силой, точно он хотел разогнать всех, и красных, и белых. Батальон полковника Петерса, мокрый до нитки, с криками «ура», заглушаемыми проливным дождем, двинулся в контратаку, сопровождаемый броневином сплошь залепленным грязью. Команда конных разведчиков во главе с командиром полка, генералом Туркулом, бросилась также в атаку и была встречена бешеными залпами красной пехоты, но, что было непонятно и странно, среди атакующих Дроздовцев не было ни убитых, ни раненых, — все пули летели куда-то высоко в воздух. В дождевом тумане проливного дождя и люди, и кони мелькали как тени. Вот уже стали видны и серые тени советских стрелков. Впереди всех генерал Туркул с адъютантом, капитаном Конради, и ординарцем, которых их отличные кони вынесли вперед. Бегущие им навстречу красные стали забегать со всех сторон, стараясь отрезать их от остальных. Броневик в это время застрял в колдобине на размытой ливнем дороге. Рычит, пытит — и ни с места. Конные разведчики оказались в стороне, а батальона еще не видно. Ординарец поскакал к стрелкам батальона с приказанием поспешить на выручку. Генерал Туркул и капитан Конради осадил своих лошадей и попятит их. Оглядевшись по сторонам заметили, что их окружают уже со всех

сторон красные. В мыслях у обоих промелькнуло: «Ну, теперь конец! . . . Быстрым движением оба выхватили из кобур револьверы . . . В этот момент из цепи красных донесся глухой крик: «Господин полковник, не стреляйте, господин полковник . . .»

Тогда генерал Туркул понял, что их окружили не враги, а свои.

Окружившие генерала Туркула и капитана Конради советские стрелки 9-й дивизии, почти все были раньше дроздовскими стрелками и попали в плен, находясь по лазаретам при отступлении Добровольческой армии на Кубани. Как было заведено в 1-м Дроздовском полку, раненые и больные не отправлялись в чужие тыловые лазареты, а в свои собственные, для этого созданные, чтобы им не приходилось валяться в горячке на вшивых вокзалах, по эвакуационным пунктам, в нетопленных теплушках. Кроме того в полковых лазаретах уход за ранеными и больными был образцовый и была отличная пища. Особенно отъедались в командах выздоравливающих. Один из таких лазаретов с командой выздоравливающих и попал полностью в плен при отступлении Добровольческой армии на Кубани. Попавшие в плен стрелки заявили, что они бывшие красноармейцы. Большевики никого не расстреляли и потом всех взяли на фронт, пополнив ими свою 9-ю пехотную дивизию. Действительно, большинство этого пополнения было бывшими красноармейцами, но среди них было и около сорока офицеров дроздовцев. Последним, конечно, грозил расстрел, если бы красные дознались, но среди команды выздоравливающих не нашлось ни одного предателя. Солдаты дроздовцы скрыли своих дроздовцев офицеров. Так они все вместе попали в 9-ю советскую пехотную дивизию как простые бойцы. И вот неожиданная встреча во время боя, в огне, с их бывшим командиром. У некоторых еще на фуражках красные звезды, у других они уже сорваны. Все сильно волнуются, смущенно обертываются друг на друга, но не от испуга, а довольные и радостные. Вдруг один из них крикнул:

— Да чего же мы его господином полковником величаем? . . . Сам-то наш уже генерал . . .

А двое стрелков, перед этим, отошли в сторону и стали

Генерал-майор Манштейн

горделиво отпарывать что-то в своих вещевых мешках, а потом надели малиновые дроздовские погоны с унтер-офицерскими нашивками, утаенные ими, когда они попали в плен к красным, и предстали перед генералом Туркулом.

— Так что, господин полковник, виноват, Ваше Превосходительство, старшие унтер-офицеры 4-й роты, капитана Иванова...

Вот она, образцовая солдатская школа храбреца — капитана Иванова!

Подбежавшие на выручку своего командира стрелки батальона остановились с удивлением, оперлись на винтовки ничего не понимая и видя генерала Туркула, окруженного красными и мирно с ними разговаривающего.

— Но, братцы, вы все же в нас здорово стреляли, — как раз в этот момент обратился к стоящим вокруг него советским стрелкам, бывшим дроздовцам, генерал Туркул.

— Так точно, очень здорово, но не по малиновым фуражкам, а в воздух. Мы все время в воздух жарили.

Действительно, за все время боя не только людей, но и даже лошадей не было раненых.

— А где комиссары?

— Пятерых, так что прикончили, а другие успели удрать.

Так как в последних боях 2-й батальон 1-го полка пострадал больше других, генерал Туркул решил его пополнить перешедшими на нашу сторону бывшими дроздовцами, а посему сказал:

— Вот что, ребята, я вас всех назначаю во второй батальон.

Услышав это новые дроздовцы, стали дружно кричать:

— Ваше Превосходительство, не забивайте нас во второй... Разрешите — по старым ротам, по своим... Вон и Петро стоит... Акимов, здоров... А где ты, ряшку нажрал?... Вон и Конев... Жив Корнюша?... Разрешите — по старым!...

И на радость всех, генерал Туркул разрешил их разбить по прежним ротам. Тогда из строя новых-старых вышли, бывшие среди них, дроздовские офицеры и началась разбивка по ротам:

— Первая — ко мне!

— Вторая — ко мне!

— Третья — ко мне!

И так до последней — двенадцатой. Таким образом Дроздовская дивизия пополнилась вернувшимися из плена стрелками и офицерами. Несколько сот человек, верных бойцов, ставших в строй дивизии, на много увеличили бое-способность 1-го полка.

В этот день был занят хутор Круглова, но захватить там красных кавалеристов не удалось, успели удрать.

Выбив красных из Аскания-Нова и Марьяновки, остальные части Дроздовской дивизии продолжали наступление и 30 мая была без боя занята Ольговка. Во время пребывания Дроздовцев в селе Самойловке, тамошние жители рассказывали с возмущением чинам 3-го полка о том, что большевики разбили склеп местного помещика, взломали цинковые гробы, перетрясли и обшарили скелеты и потом поразбрасывали кости мертвецов. Они искали нателные кресты и другие золотые и драгоценные вещи.

1-я Конная дивизия генерала Барбовича с боем заняла Алешки, где изрубила батальон чрезвычайки и захватила пленных и большие обозы. Корниловцы и части 2-й Конной дивизии 30 мая вечером заняли Каховку. На участке фронта, занимаемого частями Сводного корпуса генерала Писарева, в ночь на 30 мая красные внезапно налетели на туземную дивизию, расположенную в селе Ново-Троицком. Бывшие там в охране калмыки охранения-то не выставили и «преспокойно» спали. Даже свои винтовки не имели при себе, а оставили в тачанках. В результате — 200 человек зарублено и 600 человек попали в плен, в том числе и начальник дивизии — генерал Ревшин.

В последнее время этот корпус показал себя с плохой стороны и успехами похвастаться не мог. Последовал приказ об отрешении от командования корпусом генерала Писарева.

Из Самойловки, двигаясь на север, 3-й Дроздовский стрелковый полк занял село Успенское и 29 мая, разбив красных, занял с боя и село Малую Белозерку. Остальные части Дроздовской дивизии успешно продвигались в северном направлении и 29 мая, преследуя красных, дивизия вы-

шла на Днепр — на линии Знаменка—Каменка, захватив переправы против города Никополя. (Схема № 2.)

Красные несколько раз переходили в наступление против частей корпуса генерала Слащева с целью овладеть городом Мелитополем, но их упорные атаки каждый раз были успешно отражены. При опросе пленных выяснилось, что особого эффекта на красных бойцов наши танки не произвели. Они говорили, что их не особенно боялись, так как в танках часто при стрельбе из пулеметов происходили задержки. (Примечание автора: в то время танки были вооружены пулеметами системы Гочкиса.)

К 8 июня, то есть за сравнительно короткий срок, части Русской армии вышли с боями на линию фронта, местами удаленную от Крыма на 120 с лишком верст, а по длине свыше 300 верст. Половина нового фронта шла по Днепру и здесь была естественная преграда, но остальная часть фронта, длиною около 150 верст, от Днепра до Азовского моря, не имея естественных преград, была самой уязвимой и опасной. Это обстоятельство заставило командование Русской армии произвести спешную перегруппировку своих частей и приступить к формированию новых частей. На занятой территории была объявлена мобилизация пяти сроков и реквизиция коней, чтобы на них посадить безлошадные конные части. Продвигаясь в северо-восточном направлении донцы, к этому времени, заняли станцию Нельговку и тем самым перерезали железную дорогу Пологи—Бердянск. (Схема № 2.)

Красное командование, имея в своем распоряжении огромные резервы, несмотря на то, что за это время потеряло 48 орудий, 250 пулеметов, 3 бронепоезда, 9 бронеавтомобилей, свыше 16 000 человек пленными, не считая потерь убитыми и ранеными, стало усиленно подготавливать контрнаступление с целью если не разбить и сразу уничтожить Русскую армию, то хотя бы отбросить ее назад в Крым. На востоке стала сосредоточиваться в большом количестве красная кавалерия и ее численность там быстро стала превышать численность конницы Русской армии почти в три раза. На западе же, за Днепром, красные кроме того стали сосредото-

чивать крупные силы пехоты, задача которой была в скором будущем форсировать реку Днепр и наступать на Перекоп.

Объявленная мобилизация пяти сроков в Северной Таврии и реквизиция коней прошли весьма успешно, чему много помог обнародованный закон о землевладении, согласно которому земля переходила в собственность тех, кто ее фактически обрабатывал, причем новые владельцы не могли иметь свыше 200 десятин и то при условии, что земля будет обрабатываться ими самими — без посторонней помощи.

В мае месяце в местных газетах Крыма появились два сообщения, о которых нельзя не упомянуть. Первое сообщение о том, что военные суда английского флота покинули Крым и второе — ниже приведенное заявление Лойд-Джорджа в английском парламенте (Палате общин) по случаю начавшегося наступления Русской армии. Лойд-Джордж сказал:

«Британское правительство ни в коем случае не может считаться ответственным за события на Юге России, поскольку они выходят из рамок обеспечения наилучших условий для русских, нашедших себе в Крыму последнее убежище. Только к этому сводилось предполагаемое посредничество Англии. Расширение же зоны занятой Русской армией на Юге России произошло исключительно по личной инициативе генерала Врангеля».

Иначе говоря — поспешили умыть руки и тем самым дали понять, что на их помощь рассчитывать больше не приходится.

Части Дроздовской дивизии в начале июня находились в районе реки Конской, занимая села Васильевку, Скелцы, Бурчак и колонии Гейдельберг, Андребург, Янчекрак, а также село Копани. На их участке вначале было сравнительно спокойно, но с середины июля большевики стали проявлять активность и против Дроздовцев. Наши части не оставались в долгу и переходили короткими ударами в контрнаступления. 16 и 17 июня Дроздовцы вели упорные бои с красными в районе села Копани и Янчекрака, а 18 июня — в районе колонии Гехгейм. Перед этим красные, введя в бой большую группу конницы, сильно нажимали на части корпуса генерала Слащева, бывшие правее Дроздовцев и, потеснив их

перст на тридцать от города Орехова, заняли даже Большой Токмак. Только к вечеру 15 июня наши части с подошедшими танками, отбросили красных от Большого Токмака. Донцы на правом фланге фронта удачным маневром захватили в плен целую бригаду красных с 40 пулеметами, и заняли город Бердянск.

В связи с успехами на Польском фронте и с угрозой, создавшейся для тыла советского Юго-западного фронта выдвижением Русской армии в Северную Таврию, красное командование наметило на середину июля большую наступательную операцию с целью разгрома и уничтожения Русской армии, вышедшей из Крыма. В районе Цареконстантиновки сосредоточился Конный корпус Жлобы, состоявший из 1-й и 2-й советских кавалерийских дивизий. О высадке его частей на станциях Волиоваха, Розовка и Цареконстантиновка командование Русской армии получило сведения еще 12 и 13 июня, чем самым элемент внезапности, до известной степени, устранялся. На время операции Жлобе были подчинены также кавалерийская дивизия Блинова и Богучарская дивизия с двумя конными бригадами, только что включенные в состав 13-й советской армии. Все эти части и составили, под командой Жлобы, ударную конную группу. Эта группа должна была нанести главный удар с фронта Поповка—Орехов, через Верхний Токмак, в направлении на Мелитополь, овладев им выйти в тыл основным силам Русской армии, отрезать им путь отхода в Крым. С целью окончательно зажать в клещи все части Русской армии в Северной Таврии, одновременно было приказано правобережной группе красных войск (Латышской и 52-й советской дивизиям) основными силами форсировать реку Днепр у Каховки, закрепить за собой плацдарм на левом берегу реки и наступать на Перекоп. Переправившимся через Днепр у города Никополя частям красных было приказано занять район Большая Знаменка—Водяное. Также было приказано форсировать Днепр и у Алешек, а после того вести наступление на Перекоп. Группа красных частей под командой начальника 3-й советской стрелковой дивизии вместе с бригадой 15-й советской стрелковой дивизии должна была выйти из района Янчекрак—Плавни в район Михайловка—Гохштедт

и наступать, после этого, вдоль железной дороги на Мелитополь. 46-й пехотной дивизии с двумя бригадами 15-й советской стрелковой дивизии, под командой Федько, было приказано перейти в наступление с фронта Жеребец—Пологи на Большой Токмак и, овладев им в кратчайший срок, продвигаться вдоль реки Молочная также на Мелитополь, держа связь с группой войск 3-й советской стрелковой дивизии. 40-я советская стрелковая дивизия, носившая также название — Богучарская, состоявшая в составе ударной группы Жлобы, получила задачу наступать на Николаевку, в 30 верстах северо-западнее Ногайска, с тем чтобы выйти на побережье Азовского моря. В резерве оставалась 42-я советская стрелковая дивизия. (Схема № 3.)

Таким образом, красное командование ставило своим войскам задачу, охватывая правый фланг основной группировки войск генерала Врангеля, находившийся в районе Большого Токмака, выйти на ее тылы, отрезать пути ее отхода и, совместными усилиями наступающих одновременно с разных направлений советских войсковых группировок, окружить и полностью уничтожить все силы белых в Северной Таврии.

Утром 15 июля началось общее наступление частей ударной группы Федько и группы начальника 3-й советской дивизии. Правобережная группа советских войск начала 16 июня форсирование Днепра.

Против всех этих группировок Красной армии находились части Русской армии, которые после выхода из Крыма численно увеличились в своем составе больше чем в два раза. В тылу в это время приводились в порядок позиции на Перекопе и строилась подъездная ветка железной дороги Джанкой—Армянский Базар. В Дроздовской дивизии за это время было довольно много потерь, но по численному составу она не уменьшилась. Упорные бои и постоянные переброски частей дивизии с одного участка фронта на другой, часто переходами до 60 верст в сутки (правда на подводах), хотя и основательно изматывали стрелков, но на дух и боевое настроение людей дивизии не влияли. Раненых и взятых в плен, как правило, отправляли в тыл. Часть же пленных ставилась сразу в роты, а из остальных в тылу формирова-

лись запасные батальоны. В Крыму у Дроздовской дивизии был свой запасный батальон, который в последних боях в Таврии был переименован в 4-й Дроздовский стрелковый полк (речь о нем будет в конце этой главы).

Начав свое наступление ударная группа Жлобы, несмотря на проявленные в боях чудеса храбрости донских частей, нанесших противнику громадные потери, заставила донских казаков отходить, и 15 июня Верхний Токмак и Чернировка были заняты красными. Попытка их на следующий день наступать на Мелитопольском направлении им не удалась и они были отброшены, потеряв три орудия, пулеметы и попавших в плен. На северном участке фронта, где находились части корпуса генерала Слащева, Дроздовская стрелковая дивизия и 2-я Конная дивизия генерала Морозова, велись 15 и 16 июня упорные бои с перешедшими в наступление группами красных Федько и начальника 3-й советской стрелковой дивизии. 17 июня на этом участке фронта обозначился крупный успех частей Русской армии, решительно и неожиданно для красных перешедших в наступление. Группа Федько была отброшена с громадными потерями на линию Копани—Работино, причем оба эти пункта были потеряны красными. Группа начальника 3-й советской дивизии, будучи разбитой, стала спешно отступать и задержалась только заняв оборонительные позиции по реке Карачекрак.

На этом участке фронта красные понесли большие потери, оставив в руках белых свыше 2000 пленных, много пулеметов, кроме брошенных на поле брани убитых. После поражения этих двух групп красных командование Русской армии получило возможность спешным порядком перебросить Дроздовскую и 2-ю Конную дивизии в район Гальштадт—Молочное. В этот же район, в село Троицкое, в 19 часов 17 июня прибыла из села Натальино, пройдя из Каховского района с 12 июня походом 160 верст, Корниловская ударная дивизия. 18 июня 2-й Корниловский ударный полк с его артиллерией был выдвинут вперед и занял колонию Орлово-Тиге, причем 1-й и 2-й батальоны заняли северную часть колонии, а в ее юго-западной части расположились штаб полка, 3-й и офицерский батальоны с артиллерией. В тот же день было обнаружено присутствие красных в коло-

нии Тигервейде. По всей вероятности штаб ударной группы Жлобы не имел представления о прибытии в этот район Корниловской дивизии, когда на рассвете 19 июня передовые части конницы слабыми силами атаковали части 2-го Корниловского полка, что дало возможность помощнику командира полка, полковнику Левитову, принять соответствующие меры и достойно встретить движущуюся на колонию главную массу конницы Жлобы — в строю поэскадронно. Прежде всего пулеметным огнем была выведена из строя батарея красных, стрелявшая с близкой дистанции, а когда был открыт из многочисленных пулеметов огонь по коннице противника, то их фронт, в первый момент, замер от неожиданности, потом смещался, а затем конница красных бросилась назад, расстреливаемая ружейными залпами и пулеметным огнем 1-го и 2-го батальонов полка. Наступивший рассвет позволил артиллерии Корниловцев принять участие в бою и она своим огнем окончательно расстроила ряды противника. Брошенные на поле боя раненые и убитые красноармейцы были из состава Таманской кавалерийской бригады, которая своими передовыми частями, при четырех орудиях, произвела перед этим ночной налет на северную часть колонии и ворвалась в нее. Временный успех красных, — занятие ими северо-восточной части колонии Орлово-Тиге, можно объяснить, главным образом, переутомлением частей Корниловского полка после шестидневного походного марша из Натальино, а также тем, что в ту ночь в охранении были только небольшие разъезды эскадрона штаба дивизии, из которых несколько человек попало в плен к красным, благодаря чему красным стало известно, что в колонии находятся какие-то части противника, о чем они раньше не имели представления. Сама же быстрота выполнения успешного лихого налета на колонию своими передовыми частями и возвращающиеся из колонии отдельные всадники с награбленными вещами, создали у красных иллюзию полного успеха, а потому возможно то, что их конная батарея снялась с передков в непосредственной близости от колонии, а главные их передовые части, не ожидавшие никакого отпора, продолжали свое движение в эскадронных колоннах. Из числа прорвавшихся в колонию красных немногие всад-

ники вернулись обратно к своим, а остальная масса конницы Жлобы и особенно два полка Таманской кавалерийской бригады жестоко поплатились за свою смелость. Попавшие в плен ночью чины разъезда эскадрона штаба Корниловской дивизии были отбиты после разгрома Жлобы 20 июня. Они тогда рассказали, что их отвели в штаб Жлобы, где очень долго расспрашивали, пытаясь узнать подробно обо всем, и что они были свидетелями долгих споров между начальствующими лицами в штабе Жлобы. В конечном результате в этот день дальнейшего продвижения ударной группы Жлобы не последовало и тем самым красными были потеряны драгоценные 24 часа, а за это время командование Русской армии имело возможность окончательно подготовить все детали своего контрудара. Полковник Левитов считает, что удачно закончившийся бой 2-го полка с красными 19 июня у колонии Орлово-Тиге, положил начало фактическому разгрому конницы Жлобы. Красные кавалеристы были очень самоуверены, но сила огня Корниловцев обошла их слишком дорого — красная конница, не успев даже полностью развернуться, попала под такой пулеметный, артиллерийский огонь, а также под ружейные залпы, что в панике бросилась в направлении колонии Рикенау, не подобрав даже раненых и убитых. Бой закончился около 6 часов утра и в течение целого дня красные больше не появлялись. Потери 2-го Корниловского полка: убиты — врач и 4 ударника, ранены — 4 офицера и 15 ударников. Трофеи: 4 орудия и 1 таранный ящик, 2 пулемета и много брошенных винтовок; взяты были пленные.

К исходу дня 19 июня, части Русской армии, благодаря удачному бою у колонии Орлово-Тиге и приостановке продвижения ударной группы Жлобы, могли окончательно занять охватывающее положение для нанесения контрудара глубоко вклинившемуся в тыл Русской армии конному корпусу Жлобы.

Теперь с запада находилась Корниловская ударная дивизия, с северо-запада — Дроздовская стрелковая дивизия и 2-я Конная дивизия, с севера — 13-я пехотная дивизия из корпуса генерала Слащева и на ветке железной дороги Федоровка—Стулнево — три бронепоезда, а с юга — 3-я Дон-

ская казачья дивизия генерала Гусельщикова и с юго-востока — 2-я Донская казачья дивизия генерала Калинина. Общая численность войск Русской армии для окружения группы Жлобы исчислялась приблизительно в 10 000 штыков и сабель. В распоряжении Жлобы было около 11 000 сабель и 7500 штыков.

Около полуночи на 20 июня, Корниловская ударная дивизия выступила с места стоянки. Пройдя колонию Тигервейде и Рикенау, возле последней сбив разъезды красных, несших охранение, вышла в тыл всей ударной группы красных. Во главе двигался 2-й Корниловский ударный полк. Полковник Левитов подробно описал в своих воспоминаниях бой 2-го полка с конницей Жлобы. (Схема № 4.)

«Не пройдя и трех верст в направлении на колонию Лихтенфельд (за нами шел 3-й полк, — пишет полковник Левитов) часов в восемь в бинокль можно было наблюдать массовое движение красной конницы за колониями Клейфельд—Александрдорф (иначе Александеркрон), двигавшейся на юг, то есть, согласно диспозиции, против 3-й Донской дивизии».

Действительно, на рассвете 20 июня на участке 3-й Донской дивизии завязался встречный бой. Перешедшие было в наступление донцы столкнулись с напиравшей на них лавиной конницы Жлобы. Генерал Врангель требовал телеграммой от генерала Гусельщикова удержать во что бы то не стало позиции на линии Астраханка—Варваровка, чтобы дать возможность 1-му Армейскому корпусу выполнить свой марш в тыл и во фланг группы красных. Донцы с большим трудом, ведя упорный бой с наседающими на них красными, удержали свои позиции.

«2-й Корниловский полк с места стал разворачиваться для боя с кавалерией, взяв направление: 1-й батальон вдоль дороги на колонию Лихтенфельд, 2-й батальон — левее, 3-й — в резерве, а офицерский батальон — уступом за левым флангом. Батальоны двигались в резервных колоннах с развернутыми ротами в две шеренги. Все 52 пулемета в интервалах рот, офицерская пулеметная команда (21 пулемет) со своим батальоном. Две легкие и одна шестидюймовая батареи двигались прямо за полком на близких дистанциях. Ро-

ты и батальоны полка продолжали движение, но артиллерия стала на позиции и открыла огонь по красной коннице. Наш броневик лихо покати́л по дороге на Лихтенфельд. Туда же на рысях двинулся и эскадрон штаба дивизии. Спустя минут 15, при виде всей массы конницы противника перед собой, наши горячие головы понеслись карьером обратно под прикрытие пехоты. Артиллерия красных открыла также огонь. Бьет часто, но разбрасывает снаряды. Высокий хлеб хорошо маскирует наше движение. Командир полка, полковник Пашкевич, оценив силу, движущейся на нас массы красных конных полков, приостанавливает наше движение. Батареи почти соединяются с пехотой, а пулеметы все в первой линии. Отчетливо наметились две громадные группы для удара по нашим флангам, но на центр пока шло не больше десяти эскадронов. Напряжение бойцов было предельным, но вера в силу своего действительно внушительного огня и, вдобавок, компактное расположение — обещали успех. В это время из Рикенау быстрым шагом на наш правый фланг выходил 3-й Корниловский полк, располагаясь уступом за 2-м полком. Вслед за ним выходил и батальон 1-го полка для прикрытия нашего левого фланга, уступом назад версты на две. Первыми нас атаковали в лоб сотни кубанцев. Сначала они шли змейками, потом, на расстоянии версты, когда вышли на нашу возвышенную местность и увидели нас, все лихо развернулись в две шеренги, почему-то надвинули кубанки на глаза, выхватили шашки и понеслись на нас в атаку. Картина была внушительная. Наша пехота молчала, стреляла только артиллерия. Я почти с ужасом смотрел на мчавшихся на нас вчерашних наших славных союзников, земли которых совместно с ними освободила дорогой ценой Добровольческая армия, а теперь только одна минута отделяла нас от начала исполнения нами своего воинского долга. Летели на нас кубанцы лихо, сохраняя даже равнение в сотнях. Среди наших ударников на их адресу кое-где неслась отборная ругань, но преобладало уверенное в себе гробовое молчание. Красные были уверены в успехе удара по нашим флангам, а мы, в большинстве не видевшие еще этой угрозы, твердо верили в мощную

силу нашего огня, несмотря на выдвинутое положение полка.

Начало каждой атаки во многом зависит от выбора момента шока, и это особенно важно в кавалерии. Атакующие нас с фронта не согласовали во времени своего удара с фланговыми. Они начали его минимум минут на 20 раньше, не дождавшись эффекта действий на флангах и этим самым сами себе подписали полный разгром. Расстояние быстро сокращалось, несло уже русское «ура» и в ответ ему понеслись русские же пули. Уничтожение «себе подобных» началось. Лавина пулеметного огня понеслась навстречу грозно сверкающим клинкам в руках озверевших красных кубанцев, мчавшихся на прекрасных конях, хотя и неповинных в нашем кровавом споре, но одинаково обреченных на смерть. Первая половина версты, разделявшая противников, вычистила наполовину атакующих. Их победный крик смолкает под силой огня Корниловцев. Темп атакующих выдыхается. Роковой перелом наступил. Только немногие храбрыцы нашли свою смерть в ста шагах от центра обороны 2-го Корниловского ударного полка.

Первая сцена центральной атаки закончена, начинают давить более мощные кулаки красной конницы на оба фланга полка. Артиллерия бьет прямой наводкой, а тяжелые пулеметы перемещаются на фланги и ведут огонь. Сила огня снова заглушает гул несущихся в атаку красных. 2-й Корниловский ударный полк не меняет своей позиции, только погибает оба фланга и усиливает их, главным образом, тяжелыми пулеметами. Атакующие частично захватывают участки 3-го Корниловского ударного полка и батальона 1-го Корниловского ударного полка. По густоте атакующих на наш образовавшийся треугольник было видно, что противник решил уничтожить выдвинувшийся 2-й Корниловский ударный полк. Но и здесь красные не учли того, что сила огня Корниловцев была в полном взаимодействии. Артиллерия красных растерялась. Повидимому она все время меняла позиции, да и высокие хлеба отлично маскировали нас, а потому все наше внимание сводилось к отбитию кавалерийских атак. На этот раз они были более настойчивыми и возобновлялись по несколько раз, соединив их с новой

фронтальной атакой. В итоге настойчивых атак красных — результаты для них всюду были печальными: фронтальная атака снова была отбита огнем, а фланговые, каждая в отдельности, под нашим перекрестным огнем, благодаря своевременному прикрытию флангов 2-го Корниловского ударного полка штабом нашей дивизии, тоже захлебнулись. Не помогли красным попытки их в повторных атаках.

После первой неудачной лобовой атаки кубанцев на центр 2-го Корниловского полка, Жлоба повторяет ее, соединяя с двумя мощными ударами, слева — 6-й бригадой, справа — 4-й бригадой, на фланги и тыл 2-го Корниловского ударного полка. Он считал, повидимому, что это главные силы с нашей стороны, которые он хотел и надеялся уничтожить. Своей левофланговой и самой многочисленной группой — 6-й кавалерийской бригадой, управлял сам Жлоба. Фланги 2-го Корниловского полка оказались хорошо прикрытыми. Кавалерия красных с громадными потерями отбита, но она все-таки пытается более глубоким ударом сломить наше сопротивление. Но, когда и эта попытка красных провалилась, то можно считать с этого момента, что Жлоба со своей самой большой группой обратился в бегство, подобно тому, как и все остальные части его корпуса. В это время уже и 3-я Донская дивизия энергично гнала перед собой, оставленный Жлобой заслон, который при своем отступлении разделился на две группы и, обтекая 2-й Корниловский ударный полк, уходил на присоединение к своим. На этом бой для 2-го Корниловского ударного полка, с прикрывавшими его фланги 3-го Корниловского ударного полка и батальона 1-го Корниловского ударного полка, можно считать законченным. 1-й Корниловский ударный полк, после отражения атаки у колонии Рикенау, преследовал красную конницу на колонию Тигервейде и потом дальше.

В связи с создавшимся положением, большая часть советской конницы во главе со Жлобой бросилась на северо-запад в направлении колонии Тигервейде и, после попытки атаковать 1-й Корниловский ударный полк, отброшенная от Рикенау, уклонилась в промежуток между колониями Тигервейде и Рикенау. В районе к западу от колонии Фирстенварден красным преградил дорогу 1-й Дроздовский стрелко-

вый полк. Попытка же Жлобы атаковать его была совершенно безуспешна и красная конница в полном беспорядке, имея в своих рядах обрубивших построения артиллеристов и обозников, повернула на запад в направлении на колонию Линденау. Потом Жлоба с конницей в полном расстройстве, повернул на север в направлении колонии Гальбштадт. Здесь на него обрушился батальон Самурцев с танками. Тогда Жлоба бросился на Большой Токмак, где его встретили части 13-й пехотной дивизии из корпуса генерала Слащева и три бронепоезда. Отбитые огнем, красные круто свернули на юг. Во главе своей уже беспорядочной конницы, ехал на автомобиле сам Жлоба. Встреченный залповым огнем Дроздовцев, преградивших ему путь и перешедших затем в атаку, Жлоба бросился со своей конницей, уже в полном беспорядке, на север, но там был встречен огнем трех бронепоездов. Разбитая и расстроенная масса красной конницы в полнейшем беспорядке бросилась тогда на восток в направлении Черниговки. Надо добавить, что все время наши аэропланы своими бомбами и пулеметным огнем содействовали поражению Жлобы, создавая панику в рядах его частей и нанося им большие потери. Сам Жлоба едва спасся, бросив свой автомобиль и в нем своего начальника штаба, ускакав на коне. Бежавших в сторону Черниговки красных, огнем преследовали наши бронепоезда до станции Стульнево.

Другая группа конницы Жлобы, вышедшая к колонии Моргенау, была встречена 3-м Дроздовским стрелковым полком и отброшена ружейным и пулеметным огнем. Полковник Манштейн с сорока ординарцами и стрелками, посаженными на тачанки и подводы, преследовал бегущих красных. И здесь наши аэропланы сеяли панику между бегущими красными. Противник отброшенный к колонии Николайдорф, в панике бросился на северо-восток в направлении колонии Гиршау, но тогда его атаковала конница генерала Морозова, совершившая обходное движение через Большой Токмак и колонию Ландескрене, выйдя во фланг красным. Красные, смятые с одной стороны 2-й Конной дивизией генерала Морозова, а с юга, наступающими от колонии Шпенфельд на север донцами, стали рассеиваться и пробиваться на восток.

В этот день был разгромлен Конный корпус Жлобы, состоявший из 1-й и 2-й кавалерийских дивизий (11 полков), конного отряда Блинова (6 полков) и двух кавалерийских бригад 40-й дивизии (6 полков), в общей численности свыше 8000 сабель. Красная конница с артиллерией, потеряв голову и способность сопротивления, бросив свои орудия, пулеметные тачанки и загнанных лошадей, стала разбегаться по хуторам и балкам. Весь обоз Конного корпуса Жлобы попал в руки частей корпуса генерала Слащева. В районе их висела наша «колбаса». Жлоба, посчитав ее за свою, направил в тот район свои обозы. Преследование остатков разбитого Конного корпуса Жлобы до самой Черниговки вели части генерала Морозова. (Схема № 5.)

Трофеи этого дня были: весь обоз Конного корпуса — длиною в 4 версты. 41 орудие, свыше 200 пулеметов, 2 броневые автомобили, штаб одной конной дивизии — в полном составе, много комиссаров, легковые автомобили (в том числе и автомобиль самого Жлобы с его начальником штаба), мотоциклы, радиостанция, большое количество тачанок, тысячи лошадей, седел, патронов, снарядов и свыше 3000 конных пленников.

Здесь следует еще прибавить, что через короткое время после разгрома конницы Жлобы, перешел на нашу сторону из красной армии полковник генерального штаба Попов, который сообщил, что у Жлобы после боя 20 июня из 44 орудий осталось только 3 и из более 240 пулеметов — только лишь 40.

Эта победа явилась более чем весьма крупным успехом, так как, в случае неудачи, Русская армия могла потерпеть чуть ли не полный крах. Положение было очень тревожное и неустойчивое. Уже приступили было к эвакуации некоторых тылов из занятых мест в Таврии; такого большого успеха командование, повидимому, не ожидало. В строй Русской армии, после разгрома конного корпуса Жлобы было поставлено свыше 3500 коней с амуницией и седлами, орудия в полной упряжке.

Еще не зная о разгроме Жлобы, красное командование, будучи уверено в его победе, в 22 часа 20 июня отдало приказ «об усилении ударной группы Жлобы руководящими ра-

ботниками штаба армии с целью более твердого руководства и объединения». Подобно грому из ясного неба была для красного командования весть о разгроме ударной группы Жлобы. Сам же разгром для красного командования был не только громадной неожиданностью, но он показал, что теперь с Русской армией надо больше считаться, что перед красными весьма опасный противник. По этому поводу интересно привести мнение советского военного писателя Голубева, бывшего командира одной из бригад 51-й стрелковой дивизии. Он написал в своем исследовании «Борьба Красной армии на Крымском фронте» (сборник «Разгром Врангеля», ГВИЗ, 1930 г.): «Разгром Жлобы окончательно показал, что в лице Врангеля мы имеем дело с серьезным противником. Численно небольшие силы Врангеля показали высокую боеспособность, а тщательно подобранный командный состав — умение управлять войсками в сложных условиях. Противник в совершенстве применил самые современные средства боя — бронемашины и авиацию».

Советский военный писатель напоминает нам о действиях авиации. Действительно, в бою 20 июня эскадрильи аэропланов под командой генерала Ткачева много способствовали разгрому Конного корпуса Жлобы. Наши аэропланы снижались насколько было возможно и своим пулеметным огнем и бомбами расстраивали ряды красных, а при их бегстве усиливали паническое настроение. (Генерала Ткачева англичане, в числе других казачьих начальников, обманном путем вывезли из стана казачьих войск около Лиенца по окончании второй мировой войны и выдали в Советский Союз. Генерал Ткачев, после отбытия срока наказания в Сибири, был отправлен советскими властями на проживание в город Краснодар, где и скончался.)

Вся тяжесть боя, в первую очередь и 19 и 20 июня, пала на Корниловскую ударную дивизию и особенно на 2-й Корниловский ударный полк. Блестящие действия Корниловской пехоты и артиллерии, принявших на себя первый главный удар конницы Жлобы в эти дни, дали первый толчок к разгрому красных конных полчищ, а остальные части Русской армии dokonчили его, причем надо напомнить, что в окружении Конного корпуса главную роль играли пехот-

Генерал-майор Антон Васильевич Туркул
11. 12. 1892—20.8.1957.

ные части Русской армии. Жлоба и его начальник штаба просчитались в своих расчетах на победный марш по тылам Русской армии и, кроме того, видимо, Жлоба не рассчитывал встретиться со своими старыми знакомыми еще по 2-му Кубанскому походу, забыл и о Белой Глине, когда, как и 20 июня, только по счастливой случайности избежал пленения. После разгрома Конного корпуса военная карьера Жлобы в Красной армии закончилась. Он был арестован и закончил остаток своей жизни, живя на одном из хуторов на границе Донской и Кубанской областей и занимаясь хозяйством.

Одновременно с началом наступления Конного корпуса Жлобы, красное командование двинуло в наступление свои войска правобережной ударной группы против частей Русской армии, занимавших фронт по Днепру. Против красных на этом участке Крымского фронта участвовали Марковская пехотная дивизия; Черноморский полк, частично севший на коней; пешие и конные части дивизии генерала Барбовича. Когда выяснилось глубокое проникновение Конного корпуса Жлобы в наш тыл, конные полки генерала Барбовича со 2-м Конно-артиллерийским дивизионом (1-я и 5-я конные батареи) переменным аллюром были вызваны в район действия против частей Жлобы, но успели подойти туда только тогда, когда разгром Жлобы уже был полным.

С 16 по 22 июня продолжались в районе Каховки и Алексеевских бои, но и здесь красные потерпели поражение. Все их неоднократные попытки форсирования реки Днепра закончились победой белых. Красные понесли большие потери, и особенно части Латышской и 52-й советских стрелковых дивизий. Было взято в плен свыше 1000 бойцов и захвачено много пулеметов. Бои здесь были упорные, о чем свидетельствуют большие потери Марковцев, из строя которых выбыло свыше 400 человек убитыми и ранеными. В этих боях со стороны красных принимала участие многочисленная артиллерия, расположенная на правом берегу Днепра.

В сводке Главнокомандующего Русской армией упоминалось о действиях доблестной пехоты, на долю которой и пришлась основная задача по разгрому Конного корпуса Жлобы. Чины же штаба генерала Врангеля с восторгом отзывались о боевых качествах «цветных» частей 1-го Армей-

ского корпуса, и даже самые ярые приверженцы генерала Слащева соглашались с тем, что с «цветными полками» генерала Кутепова им трудно равняться. Впоследствии на месте боя 20 июня побывали многие военные специалисты иностранных штабов.

Не ожидая, что белые части, участвовавшие в разгроме ударной группы Жлобы, успеют быстро произвести перегруппировку, красное командование бросило в наступление 21 июня свои свежие войска из резервов. Это наступление представило собой запоздалую попытку как-то спасти положение конницы Жлобы. Вначале красные имели временный успех и ворвались в Большой Токмак, но их весьма скоро выбили оттуда — при содействии танков. Одновременно красные повели наступление вдоль железной дороги Александровск—Мелитополь, и к ночи 22 июня заняли село Михайловку, что западнее станции Пришиб, но три полка 42-й советской стрелковой дивизии (376-й, 377-й и 378-й), введенные в этом районе в бой из армейского резерва Красной армии, были быстро смяты Корниловцами и отброшены к колонии Гиршау, после чего части 1-го Армейского корпуса занялись очищением от красных районов у Большого Токмака, Щербаковки и Янчекрака. Было взято, в разных местах, свыше 2000 пленных, 4 орудия и много пулеметов. После поражения на этих участках, красные 23 июня начали отступать во всех направлениях. За три дня на Александровском и Ореховском направлениях попало в плен свыше 3000 красных. За период же от 15 июня по 23 июня, то есть за время осуществления красными их «контрудара 13-й армией», имевшим цель окружить и уничтожить Русскую армию в Северной Таврии, Русской армией было взято в плен свыше 11 000 красных, захвачено 60 орудий, свыше 300 пулеметов, 2 бронеавтомобиля, громадные обозы, автомобили, в большом количестве — снаряды и патроны, разное военное имущество и, главное, тысячи лошадей. План красных не только не удался, но, как видим, части их были разгромлены. Положение Русской армии окрепло и население стало с большим доверием относиться к белым властям в освобожденных местах Таврии.

Оставшиеся, после разгрома, остатки Конного корпуса

Жлобы были собраны к 23 июня в районе села Волноваха и выведены в армейский резерв. В дальнейшем, на основании приказа Реввоенсовета Юго-западного фронта от 3 июля, они поступили, вместе со спешно собранными пополнениями, на формирование 2-й Конной армии. Было приказано довести к середине июля численность этой армии до 4500 сабель и 6000 штыков. В эту армию вошли пополненные 20-я, 21-я и имени Блинова кавалерийские дивизии, при 38 орудиях и 300 пулеметах. В командование этой армией вступил Городников, вскоре замененный бывшим войсковым старшиной Всевеликого Войска Донского — Мионовым. Городников же получил новое назначение — в 1-ю Конную армию Буденного, на должность начальника 6-й кавалерийской дивизии.

После окончания вышеописанных операций генерал Врангель решил, пополнив части и приведя в порядок тыл, нанести противнику новый удар на северном участке фронта и на некоторое время развязать себе руки, так как он хотел часть своих сил, главным образом кубанские казачьи части, перебросить на Кубань, где во многих местах обозначились вспышки восстаний против красных, и очистить область от большевиков.

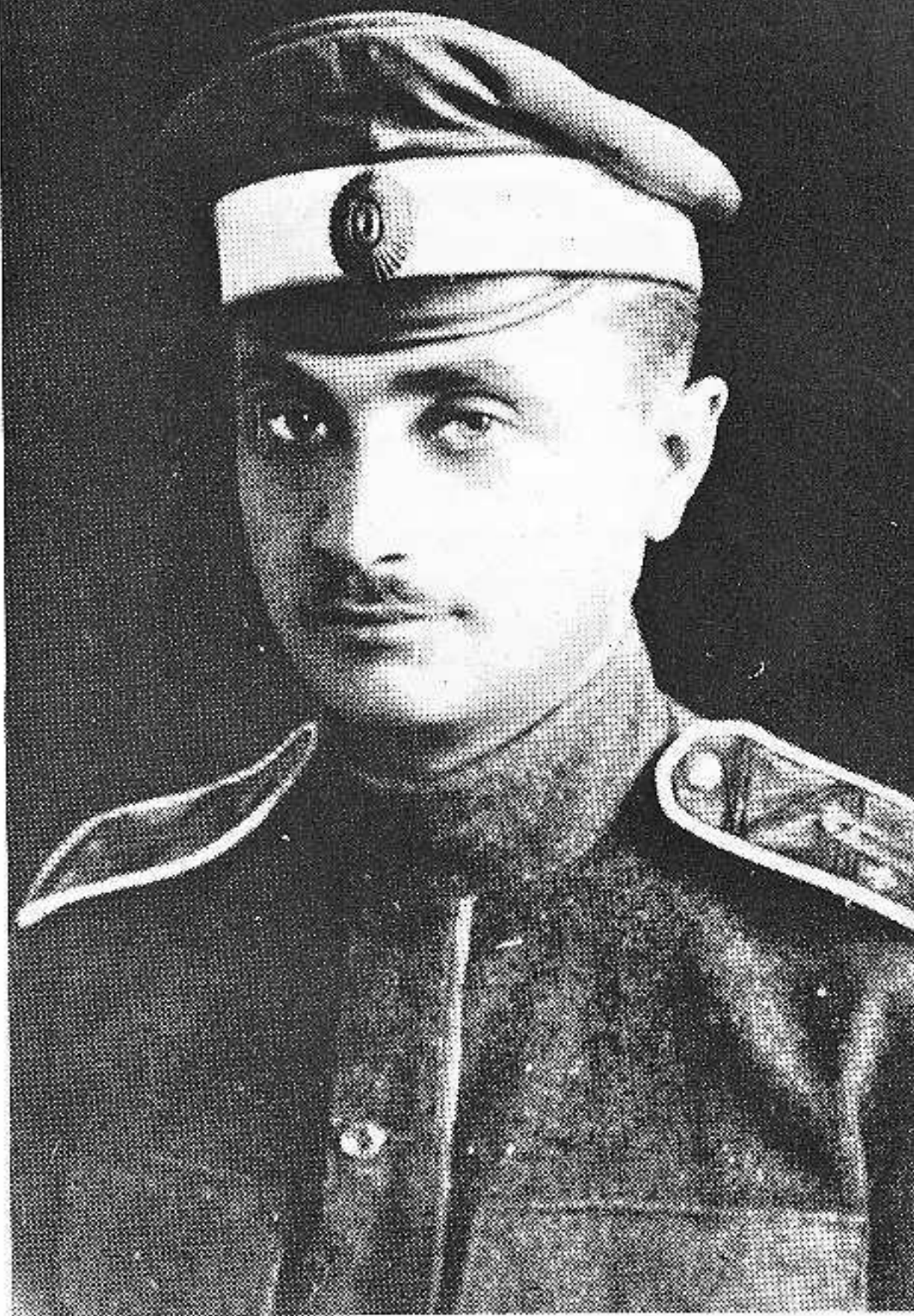
В Таврии, хотя настроение было благоприятное, полной уверенности в завтрашнем дне не было. После же проведенной в Таврии реквизиции лошадей, крестьяне, в своем большинстве, стали засеивать только ту площадь земли, которая была необходима для обеспечения только их личных нужд. Кроме того Кубань могла явиться именно той областью, в которой Армия могла бы получить дальнейшее пополнение людьми, лошадьми и всем остальным, а с освобождением Кубанской области Армия имела бы твердую базу и тыл.

Из 2-го Дроздовского стрелкового полка был выделен батальон Самурцев, ввиду развертывания его вновь в полк, а вместо Самурцев был сформирован батальон из бывших пленных красноармейцев.

Отступившие было на Александровск красные, видя что белые их не преследуют, стали очень осторожно продвигаться назад и занимать нейтральную территорию, сосредоточи-

ваясь в районе колонии Гехгейм. 3-му Дроздовскому стрелковому полку было приказано выбить красных из Гехгейма. Полк генерала Манштейна численно увеличился за счет пополнения из пленных красноармейцев, но, по словам своего командира, много потерял в качественном отношении, так как в его строю стало до 50% бывших красноармейцев. Это особенно было заметно при ночных операциях, так как новоиспеченные «дроздовцы» (из бывших красноармейцев), часто поддавались паническому настроению, а бывали случаи и перебежек их назад к красным. Перед началом наступления на колонию Гехгейм (29 июня) перебежало к большевикам несколько стрелков, которые, конечно, предупредили большевиков о предстоящем наступлении полка, и поэтому, когда 3-й Дроздовский полк генерала Манштейна, на рассвете 29 июня, подошел к колонии Гехгейм, он был встречен сильным ружейным и пулеметным огнем. Хотя полк и ворвался в колонию, но ему пришлось оттуда быстро отступить под сильным артиллерийским обстрелом, так как к тому же было обнаружено обходное движение довольно крупных сил красной конницы. Когда же отходивший полк подошел опять к колонии Гейдельберг, было замечено, что колония уже занята красной конницей и полку пришлось ее оттуда выбивать.

Операция, в конечном итоге, кончилась неудачно. Положение на этом участке фронта осталось прежним, а полк потерял 103 человека, из которых 40 стрелков попало в плен, около 25 осталось убитыми на поле сражения (среди них и командир одного батальона), а остальные 38 стрелков вернулись ранеными. На рассвете 30 июня красные большими силами атаковали колонию Гейдельберг и, после непродолжительного боя, заняли ее. 3-й Дроздовской батарее, бывшей в колонии Гринталь, было приказано выступить на помощь генералу Манштейну. Так же было приказано отряду нашей конницы (приблизительно силою до 500 сабель) генерала Агоева обойти Гейдельберг справа. Около 9 часов утра батарея уже стала на позицию у бугра против колонии Гейдельберг, в то время когда красные успели достаточно близко продвинуться к бугру. Красные залегли шагах в 200 от наблюдательного пункта батареи перед кукурузой, но так,

Генерал-майор Харжевский

что до пояса были в кукурузе, а ноги на дороге. Ясно, что видеть что-нибудь перед собой они не могли, а поэтому и не обстреляли наш наблюдательный пункт. Батарея открыла огонь при прицеле 10—12 и в течение дня выпустила 179 снарядов. Появлялся несколько раз броневи́к красных, но неизменно, каждый раз возвращался обратно при первом же снаряде выпущенном в него. По ошибке несколько снарядов батарея выпустила по нашему броневи́ку, не зная, что при 3-м Дроздовском полку имеется броневи́к «Иван Сусанин». Генерал Агоев с конницей подошел с некоторым запозданием, но, встретив значительные силы красных и слегка их порубив, вернулся в Мунталь. С наступлением темноты батарея снялась с позиции и вернулась в Гринталь, где лошадей не выпрягали и все спали при орудиях на улице. Около двух часов была ложная тревога и вся артиллерия и обозы были оттянуты версты на полторы от колонии, по дороге на Розенталь. Рано утром батарея вновь стала на позицию. Почти одновременно завязался бой, так как цепи 3-го Дроздовского полка подошли к колонии Гейдельберг. В 9 часов утра красные в панике бежали из колонии и батарея крыла беглым огнем по отступающим красным. Колония была взята. В плен попало 280 красноармейцев и было захвачено 4 брошенных красными орудий, так как перед самым началом боя ездовые красной батареи повели поить лошадей и не успели подать передки. Полк двинулся на хутор Коробочка и туда же, через Гейдельберг, проследовала и батарея, после небольшого привала в Гейдельберге. Жители Гейдельберга говорили, что от огня батареи красные имели большие потери. Особенно много было раненых и убитых гранатами с замедлителем, которые производили на красных ошеломляющее впечатление. Одной такой гранатой было убито и ранено сразу 12 человек. Жители также рассказывали, что у красных за два дня выбыло из строя около 1500 человек убитыми и ранеными. Колонию Гейдельберг защищали 73-й, 79-й и 299-й советские пехотные полки при десяти орудиях, одном бронеавтомобиле и двух, оборудованных и снабженных пулеметами, грузовиках. Из хутора Коробочка батарея вернулась вечером в колонию Гринталь. За день было опять израсходовано 172 снаряда. Пришло при-

казание: расход снарядов ограничить, так как таковых будет выдаваться значительно меньше чем раньше, — в связи со взрывом в Килен-бухте промежуточного артиллерийского склада, где взлетело в воздух до 80 000 снарядов. (Схема № 3.)

На другой день, 2 июля, все вначале говорило, что красные, получив столь хороший урок, достаточно потрясены и на этом участке фронта будет спокойно; но получилось совсем иначе. В 10 часов красные вновь зашевелились и их цепи обозначили наступление на колонию Гейдельберг, а около полудня красные появились и на буграх севернее Андребурга и Гринталя. Как потом было установлено, оказалось, что накануне подошли к красным их новые части, главным образом оренбургские казаки, которые ранее были в армии адмирала Колчака и попали в плен к красным. Теперь красные послали их на Крымский фронт против Русской армии. 3-й Дроздовский стрелковый полк быстро и самостоятельно отбросил красных от колонии Гейдельберг, но 1-й Дроздовский полк, на который наступали значительные силы красных, после упорного боя оставил в третьем часу дня Эристовку и Карачекрак. Совместно с подошедшим 2-м Дроздовским стрелковым полком 1-й Дроздовский полк атаковал красных и занял Карачекрак, а 2-й Дроздовский стрелковый полк выбил красных и из Эристовки, причем, вновь сформированный из бывших красноармейцев, 2-й батальон этого полка отлично дрался, за что получил особую благодарность от полковника Харжевского, своего командира полка. В тот день также были отброшены красные, наступавшие вдоль железной дороги, о чем можно было судить по продвижению нашей наблюдательной «колбасы». Под вечер красные вновь повели наступление и заняли колонию Гейдельберг. Чтобы ликвидировать действующую на этом участке фронта сильную группу красных, в 4 часа утра 3 июля из Михайловки выступила наша конница, состоявшая из пяти полков генерала Морозова и двух конных кубанских полков генерала Бабиева. Полкам генерала Бабиева и генерала Морозова, под командой генерала Бабиева, было приказано пройти между Карачекраком и Эристовкой и выйти в тыл красным. Затем эта конная группа должна была пройти на колонию

Блюменталь, село Копани (верстах в двадцати трех в тылу фронта) и спуститься к колонии Тифенбрун. Дроздовской дивизии было приказано наступать на колонию Гейдельберг, а коннице генерала Агоева пройти правее колонии Гейдельберг через нижний Куркулак и колонию Вальдорф и выйти на бугры у колонии Тифенбрун. 2-му Дроздовскому стрелковому полку с двумя батареями было приказано, заняв Эристовку, выдвинуться несколько на север и прогуляться через колонию Барбараштадт, деревню Лесную, колонию Гохгейм и, пройдя мимо колонии Тифенбрун через Гейдельберг, вернуться на старое место в колонию Гринталь. Таким образом был намечен рейд с обходом красных по двум соприкасающимся в конце полуокружностям, причем радиус кавалерийского обхода раза в два с половиной превосходил пехотный.

В 7 часов утра части 2-го Дроздовского стрелкового полка уже столкнулись с выходящими из Эристовки красными. Опоздай полк на 15 минут, было бы довольно плохо, так как красные успели бы выйти на бугры, но все-таки колонна 2-го Дроздовского полка была обстреляна ружейным огнем раньше чем полк развернулся. В 3-й батарее был ранен поручик Зиновьев и убита одна лошадь. После короткой перестрелки, развернувшийся 2-й Дроздовский полк атаковал красных и Эристовка была взята. Цепи полка, после этого, стали продвигаться дальше, согласно полученному приказу. Слева была слышна сильная стрельба. Там продвигалась наша конница. Пройдя небольшое расстояние, 2-й Дроздовский полк свернул вправо. У колонии Барбараштадт наши батареи снова стали на позиции и обстреляли цепи красных правее колонии. Несколько раз появлялся пушечный броневик красных, но каждый раз, как только был обстрелян нашими батареями, с места поворачивал обратно. Красные открыли было сильный огонь по колонии, но через полчаса прекратили. Одно из орудий 3-й батареи стреляло по взводу красной батареи, который находился в колонии Гейдельберг и стрелял по наступающим цепям 3-го Дроздовского стрелкового полка. После этого 2-й Дроздовский стрелковый полк двинулся на деревню Лесную и прошел ее. В этой деревне одна женщина жаловалась, что «коммуна производила в де-

ревне сильное насилие над женщинами». Из деревни Лесной колонна 2-го Дроздовского стрелкового полка двинулась дальше и около 18 часов вошла в колонию Гехгейм, где, по указанию жителя колонии, арестовала комиссара, забрав его с собой, чтобы позже расстрелять. Из колонии полк двинулся в направлении колонии Тифенбрун и, не доходя до этой колонии, свернул в направлении на колонию Гейдельберг. Пройдя эту колонию, в 23 часа вернулся в колонию Грингаль. Когда полк находился недалеко от колонии Тифенбрун, на буграх уже маячила конница генерала Агеева. Наша кавалерия сделала в тылу противника много переполоха и особенно в хуторе Гладком, где коммунисты даже стрелялись. В одном месте наши кавалеристы ворвались в самую гущу коммунистического еврейского полка. Красные оказали упорное сопротивление и их очень много порубили. После окончания этой операции выяснилось, что красные сами собирались наступать, но наш рейд сорвал все их планы. Рейд закончился с успехом. Было захвачено два бронепоезда, 4 орудия, пулеметы и около 3000 пленных. После этого конная группа генерала Бабиева получила приказание отправиться на правый фланг Русской армии и ликвидировать там конную группу красных, которая сильно наседала на донцов.

Когда части 2-го Дроздовского полка были в Гехгейме там нашли много советских газет («Красная Звезда», «Беднота», «Московские известия» и «Правда»), в которых красные посвящали много статей нашему Крымскому фронту, называя его Южным фронтом. Встречались в газетах новые лозунги: «Смотрите в оба за бароном!» «Все на Врангеля!», «Удесатерим усилия, и на этот раз не только разобьем, но уже совсем добьем!» В этих газетах красные также сообщали о своих успехах на Польском фронте и вспоминали про какой-то Северный фронт и много писали о Кавказском фронте. Должно быть о Кавказском фронте вновь вспоминали по той причине, что там, на Кубани, имели много хлопот с повстанцами, которые уже располагали внушительными силами и даже занимали временно Армавир, Гулькевичи, Минеральные Воды и находились в районе Святого Креста.

6 июля Дроздовскую дивизию сменила на этом участке Марковская дивизия, а Дроздовская перешла в район колонии Гоффенталь.

В сводке Главнокомандующего от 7 июля появилось сообщение об отряде полковника Назарова, состоявшего из донских казаков, высадившемся между Мариуполем и Таганрогом. Отряд успешно продвигался, захватив около 400 пленных, пополнился добровольцами и имел уже в своих рядах до двух тысяч бойцов.

Под вечер 9 июля через колонию Альт-Нассау прошла в направлении на Большой Токмак конница генерала Бабиева и Морозова. В этом же районе уже сосредотачивалась и кавалерия генерала Барбовича, которая теперь достигла внушительной силы — свыше 5000 сабель. Все эти приготовления и вообще переброска частей Русской армии на центральный участок фронта говорили о том, что в скором времени намечается наступление Русской армии. По линии Днепра остались лишь части корпуса генерала Слащева и Сводного Дону-Кубанского корпуса. Эти части в то же самое время, неся боевую службу, пополнялись и переформировывались. Генералом Врангелем самое главное внимание было обращено на создание конных частей и теперь кавалерия в весьма короткий срок основательно пополнила свои ряды и многие, до того бывшие в пешем строю, конные части вновь сели на коней, имея для этого возможность после проведения мобилизации и реквизиции, а главным образом за счет трофейных лошадей. Значительно увеличилось число батарей, за счет захваченных у красных орудий, а также число бронепоездов и бронеавтомобилей.

За последние бои многие части и отдельные лица были награждены знаками отличия, вновь учрежденного генералом Врангелем, Ордена Св. Николая чудотворца. В числе награжденных частей — батареи Дроздовской артиллерийской бригады — 1-я, 3-я и 7-я — получившие серебряные Николаевские трубы с лентами.

Последовали значительные перемены в высшем командном составе Армии: генерал Кутепов назначен помощником Главнокомандующего, а на его место — командиром 1-го Армейского корпуса — начальник Дроздовской стрелковой

дивизии, генерал Витковский. Дроздовскую дивизию принял генерал Кельнер. Дроздовцы радовались повышению в должности генерала Витковского, но в то же самое время и сожалели, теряя его как своего начальника дивизии, так долго бывшего среди своих Дроздовцев.

Необходимо отметить и то, что после того как все штабы, по приказу генерала Врангеля, были выселены из вагонов, командные лица теперь постоянно появлялись на фронте. Раньше, бывало, начальствующих лиц старшего командира полка редко можно было увидеть на передовых позициях, а теперь часто и всюду появлялись штабные автомобили с начальством и при мотоциклетах для связи и донесений.

На участке Корниловской ударной дивизии на нашу сторону перешло 350 красноармейцев, перебив своих комиссаров, но за время стоянки 2-го Дроздовского полка в Гоффентале в полку было расстреляно 27 стрелков из бывших красноармейцев, оказавшихся агентами-политкомиссарами красных, посланных для пропаганды и разложения полка. Их выдали сами стрелки.

Вышедшая из Крыма Русская армия все время вела бои, переходящие в крупные сражения, часто упорные, носящие маневренный характер, имея противником части Красной армии, руководимые бывшими офицерами, призванными, по совету и настоянию Троцкого, на службу декретом, — под строгим надзором комиссаров. Все части Русской армии показали отличные качества и доблесть, заслужив признание даже своего противника, — в лице советских военных писателей и начальствующих лиц Красной армии. Сам же Троцкий, председатель Реввоенсовета, в связи с осложнившейся обстановкой на юге России, в то время перестал в своих статьях и выступлениях с пренебрежением говорить о Русской армии, как бывало раньше, например: «Не может же брелок, висящий на пузе советской России, завоевать всю Россию», а стал, особенно после разгрома конницы Жлобы, проявлять беспокойство и совсем снизил свой тон.

С. Рабинович в своей «Истории гражданской войны» написал так: «Успех наступления Врангеля говорит о том, что

перед Красной армией на юге стоит очень серьезный противник».

Ленин же в своих выступлениях прямо указывал: «Врангель является главной угрозой. Его войска, чрезвычайно окрепшие за этот период времени, ведут теперь отчаянные бои...» (Сборник «Перекоп и Чонгар» к 15-летию Красной армии. ГВИЗ. 1933 г.)

Бывший начальник штаба 51-й советской дивизии, Дятюк, в статье «В Северной Таврии» (сборник «Штурм Перекопа») писал, что «армия Врангеля, к маю 1920 года, превратилась в грозную подвижную силу» и приводил слова, бывшего вместе с эшелонами 51-й дивизии из Сибири на южный фронт Блюхера: «Надо изучить все о Врангеле, — это чрезвычайно сильный и серьезный противник».

Выброшенный большевиками в августе 1920 года лозунг: «Все на Врангеля!», а также следующее указание в директиве главкома С. Каменева Командюзав-у от 6 августа 1920 года за № 4634: «..., но главное напречь вся усилия для уничтожения Врангелевского фронта, в то время, как армиям Западного фронта остается одна задача — продолжить операции по разгрому белой Польши», — свидетельствуют о том, какое значение придавали советская власть и красное командование Крымскому фронту в тот момент, который всего лишь несколькими днями отстоял от наступившего решительного перелома на польско-советском театре военных действий (Какурин и Меликов — «Война с белополяками». ГВИЗ. 1925 г.).

В. Триандафилов в стратегическом разборе «Ликвидация Врангеля» (Сборник трудов Военно-научного общества при академии. Рабочей Крестьянской Красной армии /РККА/, книга 2-я. Москва. 1922 г.) писал: «Армия Врангеля, уступавшая нам в количественном отношении, превосходила наши части в качественном. Имея в своем составе громадный процент офицеров, она превосходила наши армии, как в подвижности и умении гибко маневрировать, так и в стойкости...»

В статье советского военного писателя, комбрига Голубева, «Борьба Красной армии на Крымском фронте» (Сборник «Разгром Врангеля в 1920 г.» ГВИЗ, 1930.) встречаем

следующий отзыв о Белой армии: «Качественно Белая армия Врангеля, в то время, являлась лучшей боевой силой, какой когда-либо располагала русская и международная контрреволюция в вооруженной борьбе против советских республик. Количественно она была ничтожна для повторения, в масштабе Деникинского, похода на Москву. Это прекрасно понимал и сам Врангель. Врангелевская армия, переименованная им в Русскую армию, благодаря исключительно высокому проценту офицеров и унтер-офицеров, оказалась более подготовленной в роли кадров, чем любая из остальных армий контрреволюции».

В другой своей статье — «Перекопско-Чонгарская операция» (Сборник «Перекоп-Чонгар». ГВИЗ. 1933 г.) тот же автор, бывший в 1920 году на Крымском фронте командиром бригады 51-й советской дивизии, писал: «Армия Врангеля значительно уступала, по численности, вооруженным силам Деникина..., но это была, в большинстве своем, отборная белая гвардия. Все неустойчивое, малобоеспособное, могущее помириться с революцией осело на путях Деникинских отступлений, отсеялось от белых сил. В Крым ушли наиболее непримиримые, контрреволюционные от начала до конца и, одновременно, наиболее опытные в вооруженной борьбе военные и политические кадры белых армий».

В газете «Правда» от 11 июля 1920 года (по новому стилю) приводились слова Сталина из его беседы с корреспондентами газеты: «... между тем, Врангель усилился и не видно, чтобы мы предпринимали что-либо особенное, серьезное, против растущей с юга опасности... Но об одном нужно помнить — пока Врангель имеет возможность угрожать нам, нашим тылам, наши фронты будут хромать на обе ноги... Поэтому партия должна начертать на своем знамени новый очередной лозунг: «помните о Врангеле» и «смерть Врангелю»».

11 июля 1920 года Ленину было сообщено, что на совещании главкома С. С. Каменева с начальником его штаба П. П. Лебедевым и с заместителем председателя Реввоенсовета республики, Склянским, решено было перебросить на усиление Крымского фронта следующие воинские части и технические единицы: 51-ю стрелковую дивизию, 1-ю стрел-

ковую дивизию, 23-ю стрелковую дивизию, 9-ю стрелковую дивизию, 9-ю кавалерийскую дивизию, Добровольческую Сибирскую бригаду, Бригаду курсантов, 1-ю и 2-ю бригады Гольберга, кавалерийский полк Гольберга, 4 маршевых эскадрона, 10 маршевых батальонов, 10 000 человек пополнения, все срочно еще до 15 июля, 7 бронеотрядов, кроме уже раньше отправленных трех, дивизион аппаратов-истребителей в составе трех отрядов, 2 разведывательных авиационных отряда и танки в установленном на совещании числе.

В книге Короткова «Разгром Врангеля», вышедшей в начале осени 1955 года и приуроченной к 35-летию овладения Красной армией Крыма, указывалось что «Реввоенсовету Юго-западного фронта, в самый разгар начавшегося и успешно развивавшегося контрнаступления против белополяков, пришлось снимать силы и перебрасывать их на Врангелевский фронт» и что, таким образом, «Врангель оттянул на себя до восьми стрелковых и трех кавалерийских дивизий».

В связи с положением на Крымском фронте, красному командованию приходилось, нередко, чтобы спасти положение, отправлять советские дивизии, следовавшие с восточных окраин Европейской России и из Сибири, против Русской армии генерала Врангеля, в связи с катастрофическим положением красных войск в Северной Таврии.

В советских исследованиях сражений на Крымском фронте, изданных в первые годы по окончании гражданской войны в России, приводились данные из доклада главкому Каменеву (бывшему царскому полковнику) его начальника штаба Лебедева (также бывшего царского полковника Генерального штаба), по которым узнаем, что в течение июня месяца на Крымский фронт было дополнительно отправлено, к уже имевшимся там советским частям, 63 000 штыков и 12 000 сабель как в виде отдельных частей, так и как пополнение уже бывших на этом фронте войск. За первую же половину июля на фронт против Русской армии было послано еще 80 000 штыков и сабель, но и «этого всего количества оказалось недостаточно для положительного разрешения задачи».

Хотя в своей книге Коротков и стремится доказать, что «передовое советское военное искусство всем своим сущест-

вом, еще на заре своего возникновения в гражданскую войну, показало превосходство над военным искусством капиталистических стран» (стр. 5) и что «в ходе ожесточенной борьбы с вооруженными силами международного империализма и в годы гражданской войны и иностранной интервенции успешно была решена основная задача стратегии — выбор направления главного удара», а также, что в кампаниях гражданской войны «родилась и, по характеру боевых действий того времени, получила практическое разрешение новая форма операций, названная — 'глубокой операцией'» (стр. 7), которая нашла «практическую проверку и дальнейшее развитие на полях сражений во время Великой Отечественной войны 1941—1945 годов» (стр. 9), он, несмотря на ссылки на «талантливость», по его словам, советских красных руководителей и на «образцы мужества и массового героизма» красных войск, все же должен был признать, что «войскам Красной армии предстояли ожесточенные бои с опытным и сильным противником», ибо, по его словам, «армия Врангеля по боевым качествам личного состава и по техническому оснащению стояла на высоком, для того времени, уровне и была весьма серьезным противником для Красной армии. Такие корпуса Врангелевской армии, как 1-й Армейский, по существу представляли собой подготовительные кадры для развертывания трех корпусов». (Стр. 50).

После смерти Сталина, в Советском Союзе все то, что раньше ставилось в заслугу Сталину, стали приписывать коммунистической партии и «непревзойденному революционному стратегу», вождю партии — Ленину. Это направление усвоил себе и Коротков, в связи с чем он и подчеркивает в своей книге решающую роль коммунистической партии, как в «развитии советского военного искусства», так и «в выборе направления главного удара» при наступлениях Красной армии, указывая при этом, что «учитывались все решающие факторы, — экономические, политические, непосредственно военные — в их диалектической взаимосвязи» (стр. 7), а также и «роль партии в организации и осуществлении разгрома третьего похода АНТАНТЫ», под которым он понимает выдвижение Русской армии генерала Врангеля из Крыма в Северную Таврию. Конечно, как и нужно ожи-

дать от Короткова, он считает «главными организаторами и вдохновителями похода империалистов США, Англии и Франции», в то время, как всем известно, что американцы вообще не оказывали генералу Врангелю в Крыму помощи, англичане ее прекратили непосредственно после оставления Вооруженными Силами Юга России Новоросска и даже требовали прекращения вооруженной борьбы с советским правительством, предлагая в этом свое посредничество, а Франция начала оказывать помощь Русской армии в Крыму и признала де-факто правительство генерала Врангеля позже, о чем предварительно было сообщено из Парижа телеграммой П. Б. Струве лишь 22 июля, в то время, как официально это признание состоялось лишь 14 августа 1920 года.

«Неудача контрудара 13-й советской армии» (как мы знаем, их удар кончился разгромом конницы Жлобы и пехотных частей), как пишет Коротков, «еще более приковали внимание компартии и советского правительства к Врангелевскому фронту». ЦК партии, учитывая обстановку, обратился 10 июля (по новому стилю) ко всем партийным организациям с двумя циркулярными письмами, в которых «со всей правдивостью вскрыл глубину опасности над советской республикой на Юге ...»

В этих письмах указывалось, что «солдаты Врангеля сколочены в части великолепно, дерутся отчаянно и сдаче в плен предпочитают самоубийство», причем подчеркивалось, что ЦК партии обязывает усилить массовую агитацию в духе циркулярного письма и незамедлительно организовать регулярную отправку коммунистов на Крымский фронт, хотя бы в ущерб другим фронтам.

Из разных районов страны отправлялись на фронт коммунисты, комсомольцы, члены профсоюзов. На Ореховское направление срочно была послана «Свобная курсантская бригада», об участии ее в боях будет речь ниже. Кроме того, по словам Короткова, осенью 1920 года «обстановка потребовала даже создания специальной «Сводной курсантской дивизии», в состав которой, почти целиком, влились петроградские, киевские, харьковские и из других мест командные курсы. «Посылка на фронт командных курсов, — говорит

далее Коротков, — свидетельствует о большом напряжении сил Красной армии в борьбе против Врангеля».

2 августа 1920 года Ленин, в телеграмме на имя Сталина, бывшего в то время комиссаром Юго-западного фронта, в состав которого входил и Крымский участок фронта, указывал, что «опасность Врангеля становится громадной и внутри ЦК растет стремление тотчас заключить мир с буржуазной Польшей». (Книга Короткова, стр. 97.)

Вот сколько тревоги и напряжения вызвали у большевиков военные действия численно небольшой, но хорошо организованной армии генерала Врангеля в Крыму в середине 1920 года в момент стремительного наступления красных армий в глубину Польши, окончившегося для них катастрофой в середине августа под Варшавой. Руководители советской власти исходили тогда из того, что они, так или иначе, смогут достичь соглашения с Польшей, а что на юге России они имеют опасного и непримиримого противника, а потому и считали необходимым уделить все свое внимание, в первую очередь, ему. Из этого вытекает также, что сражаясь с красными в Крыму и защищая Русское дело, белые воины, одновременно, боролись с мировым коммунизмом, наступавшим на Запад через Польшу. Эту мысль и надвигавшуюся на весь мир угрозу со стороны коммунизма, в случае поражения белых русских сил, генерал Врангель, во время продолжавшейся вооруженной борьбы с красными в Крыму и Таврии, стремился, при всех представлявшихся случаях, развить и внушить представителям союзных военных миссий, иностранным корреспондентам, влиятельным иностранцам и политикам. Но ни тогда, ни до сих пор русские предупреждения и обоснованные доводы не были в достаточной мере услышаны и приняты во внимание.

Теперь, когда прошли десятилетия после чуда под Варшавой, как принято называть неожиданную победу Польской армии, можно смело утверждать, что, если бы не было Крымского фронта, еще большой вопрос — случилось бы это чудо под Варшавой, или нет. Больше, также можно предполагать, что и конец гражданской войны в России был бы иной, если бы Польша не заключила мир с большевиками, а продолжала бы, совместно с Русской армией, во-

оруженную борьбу с красными. Соединившись с частями 3-й армии, являвшейся частью Русской армии и находившейся на фланге Польской под командой генерала Бредова (части Добровольческой армии отошедшие на территорию Польши за время отступления в 1919 году), усиленно пополняемая новыми формированиями из пленных, Русская армия уже представляла бы внушительную силу и в союзе с Польшей могла бы достичь тех результатов, о которых мечтали и к которым стремились все русские патриоты. Случись это, вероятно не было бы и второй мировой войны, наверное не существовал бы Советский Союз, а была бы национальная миролюбивая Россия, никому не угрожающая, не стремящаяся к мировому владычеству.

К 4 июля части Русской армии, закончили в главном перегруппировку, после которой Донской корпус остался на прежнем месте фронта, на участке у Азовского моря, от Ногайска до колонии Вальдхейм, 1-й Армейский корпус, сменив части 2-го корпуса генерала Слащева, занял участок фронта от колонии Вальдхейм до станции Попово возле реки Днепра (через хутора Острякова и Вальдорфа). 2-й корпус стал по течению Днепра, где пополнялся и приводил себя в порядок после ряда боев. Сводный Доно-Кубанский корпус был расформирован и 1-я, 2-я и Кубанская конные дивизии (кубанцы полностью сели на коней после разгрома Жлобы) были сведены в Конный корпус под командой генерала Калинина, бывшего начальника 2-й Донской дивизии. Этот корпус сосредотачивался в районе Большого Токмака. В городе Мелитополе заканчивалось формирование 6-й пехотной дивизии, в состав которой вошли Самурский, Смоленский и Кавказский полки.

Красные в этот период времени также приводили свои, пострадавшие в боях, части в порядок и пополняли их. В состав красной 13-й армии все время приходили пополнения и свежие части из всех округов Европейской России, из Сибири и Кавказа. Они были расположены в то время следующим образом: на участке от устья реки Днепр до Никополя (на правом берегу Днепра) находились части Латышской и 52-й пехотных дивизий и в этот район была отправлена 15-я стрелковая дивизия, из Сибири подходила 51-я стрелковая

дивизия Блюхера. Эта дивизия направлялась на Польский фронт, но с дороги была спешно повернута на Крымский фронт. Все эти части в будущем составили правобережную ударную группу советских войск 13-й армии. В левобережной группе войск 13-й советской армии находились: на участке по реке Конской до села Щербаковки — 3-я стрелковая дивизия; в районе от колонии Гехгейм, через колонию Тифенбрун, село Сладкую Балку до села Очеретоватое были расположены части 45-й стрелковой дивизии, от села Семеновка до местечка Могиланск находилась 42-я стрелковая дивизия, в районе села Михайловка — 40-я стрелковая дивизия, возле железной дороги Пологи—Бердянск до станции Петровской, что в 15 километрах северо-западнее города Бердянска, 2-я Конная армия и все время подходившие свежие части конницы находились в армейском резерве. По имеющимся в то время сведениям у командования Русской армии, силы красных, стоявших непосредственно на фронте, определялись в 35 000 штыков и 10 000 сабель, входивших в 11 пехотных и стрелковых дивизий и в 6 кавалерийских. Общую же численность красных войск против Русской армии генерал Врангель определял в 250—300 тысяч человек, включая в это число резервы, тыловые и запасные части красных.

По советским данным, в имеющихся источниках, Русская армия в то время имела на участке Крымского фронта в боевой линии 25 000 штыков, 10 500 сабель, 178 орудий, до 8 бронепоездов, около 15 танков и 33 самолета. В то же самое время, по тем же источникам, советские авторы определили свои силы в боевой линии в 40 000 штыков и 5500 сабель при 247 орудиях, 7 бронепоездах и 45 самолетах. Во главе последних находился известный летчик Павлов, отличившийся в первую мировую войну. Коротков, сообщая данные о числе сабель, не включил в него 2-ю Конную армию, находившуюся в то время в армейском резерве и пополнявшуюся после разгрома конных частей корпуса Жлобы.

По данным штаба Главнокомандующего Русской армии приблизительно к 10-м числам июля в боевой линии на фронте в составе 13-й советской армии находились: 3-я, 15-я, 29-я, 40-я, 52-я и Латышская стрелковые и пехотные диви-

зии и, прибывшая из Сибири, 51-я стрелковая дивизия Блюхера. К 20 июля подошли на фронт в состав 13-й советской армии: из 7-й советской армии 1-я стрелковая дивизия с северо-западного фронта, 23-я стрелковая дивизия и Сибирская бригада добровольцев. Из состава 2-й Конной армии к этому времени уже находились на линии фронта 2-я, 16-я и 21-я кавалерийские дивизии и Особая кавалерийская бригада. Подтягивалась к линии фронта 20-я кавалерийская дивизия. К середине июля в район Гуляй-Поля прибыла Петроградская бригада курсантов, численностью в 1500 штыков (по показаниям пленных курсантов, когда она была разбита под городом Ореховым). Коротков в своей книге численность бригады курсантов уменьшает, показывая ее в 1200 штыков. Эта бригада курсантов состояла из воспитанников бывших военных училищ в Петрограде — Павловского и Владимирского, в Москве — Алексеевского и Александровского и в Петергофе — школы прапорщиков. Командовал этой бригадой бывший капитан Преображенского полка Около-Кулак. Он был убит позже под селом Михайловка разрывом снаряда 7-й Дроздовской гаубичной батареи.

В тылу у красных стали действовать партизаны, некоторые из них снабжались деньгами и оружием частями Русской армии.

Таково было положение на Крымском фронте в начале июля, когда генерал Врангель, 5 июля, отдал следующий приказ:

«Генералу Кутепову объединить командование Донским, 1-м Армейским и Конным корпусами.

Сосредоточить ударную группу в районе Токмака и на рассвете 10 июля разбить Александровскую группу красных, стремясь прижать ее к Днепровским плавням.

По выполнении этого, удерживая частью сил линию Жеребец—Конская, прочими силами ударной группы бить по тылам Пологской и Верхне-Токмакской групп противника.

Генералу Слащеву выполнять прежнюю задачу».

По просьбе генерала Кутепова, начало операций, согласно этого приказа, было перенесено на предрассветные часы 12 июля.

2-й Армейский корпус генерала Слащева продолжал ох-

ранять фронт по течению Днепра от устья до станции Попово, где он соприкасался с левым флангом Марковской пехотной дивизии, занимавшей участок фронта до Большого Токмака исключительно. От Большого Токмака до Черниговки простирался участок фронта, занимаемый частями Корниловской ударной дивизии, дальше до городка Ногайска, на побережье Азовского моря, стояли части Донского Корпуса. Дроздовская стрелковая дивизия была сосредоточена в ближайшем резерве в районе колонии Гоффенталь.

Вечером 9 июля, во исполнение приказа генерала Врангеля, прошли в район Большого Токмака, через Альт-Нассау, части 2-й Конной дивизии генерала Морозова и вслед за ними — части Кубанской дивизии генерала Бабиева. В тот же район к исходу 10 июля подтянулись части 1-й Кавалерийской дивизии генерала Барбовича.

Около 19 часов 11 июля из колонии Гоффенталь, под звуки егерского марша и сопровождаемая приветствиями и пожеланиями успеха жителями колонии, Дроздовская дивизия выступила в Нижний Куркулук, куда и прибыла к 22 часам того же дня.

В 3 часа 30 минут 12 июля началось наступление ударной группы генерала Кутепова. В центре двигалась, посаженная на повозки, Дроздовская стрелковая дивизия в направлении на город Орехов, имея головным 1-й Дроздовский стрелковый полк под командой генерала Туркула, за ним двигался 2-й Дроздовский стрелковый полк генерала Харжевского, а последним — 3-й Дроздовский стрелковый полк генерала Манштейна. Артиллерия — при полках.

Правее Дроздовской дивизии наступали конные части дивизий генералов Бабиева и Морозова, а левее — полки 1-й Кавалерийской дивизии генерала Барбовича. По пути движения Дроздовской стрелковой дивизии красные части из состава 46-й советской стрелковой дивизии в последовавших столкновениях у колоний Тифенбрун и Блюменталь и затем у села Копани, были опрокинуты и отброшены на северо-восток. После этого 1-й Дроздовский полк свернул на северо-запад и занял села Ново-Андреевку и Ново-Павловку.

Продолжая продвижение вперед, после полудня 2-й и 3-й Дроздовские стрелковые полки вошли в город Орехов,

уже занятый частями Кубанской дивизии. Наступая Кубанцы уже успели захватить до 3000 пленных, а Донцы генерала Морозова — у села Сладкая Балка — большой обоз красных.

Части ударной группы двигались большим кулаком, предполагая встретить большие силы красных, а на самом деле серьезного сопротивления оказано не было и в город Орехов наши части вошли почти без боя, чему особенно радовались жители его. Город быстро переполнился войсками настолько, что по улицам не особенно легко было продвигаться батареям. По первому впечатлению казалось, что наш удар пришелся по воздуху, но дальнейшие события показали совсем иное.

Во второй половине дня 12 июля 2-й Дроздовский стрелковый полк перешел из города в смежное село Преображенское, а 1-й Дроздовский полк занял позиции в районе вокзала и на городских окраинах Орехова. 3-й Дроздовский полк выступил вечером с конницей генерала Морозова на Жеребец, который и был занят без боя.

В дальнейшем эта группа должна была совершить рейд на город Александровск, где находился штаб 13-й советской армии. Конница генерала Барбовича двинулась из Орехова на запад в направлении на село Щербаково, где по полученным сведениям сосредоточивались красные. Корниловская ударная дивизия, потеснив 42-ю советскую стрелковую дивизию, 12 июля выдвинулась на линию Ланскроне—Шензе—Сладкая Балка. Части Марковской дивизии отбросили 3-ю советскую дивизию за линию Янчекрака. Таким образом, ударная группа генерала Кутепова сильно выдвинулась на север — по сравнению с общей линией фронта. Таким положением воспользовались красные и стали нажимать на город Орехов с востока и юго-востока. Уже 12 июля обозначилось со стороны Полог наступление красных, которые выбили нашу заставу из М. Токмачке около 16 часов и в то же время, появившиеся бронепоезда красных открыли артиллерийский огонь по городу Орехову. Красные также пытались наступать на город Орехов, но их без особого труда отбросил 2-й батальон 2-го Дроздовского стрелкового полка, совместно с одним из полков Кубанской конной дивизии.

В книге советского военного историка Короткова записано, что части Русской армии внезапно перешли в наступление на Орехов и Жеребец, причем боевые действия приняли сразу широкий размах, части 46-й советской дивизии были отброшены на восток и северо-восток. Фронт, по его словам, в районе города Орехова был прорван, чем создалась реальная угроза развития этого прорыва.

Ввиду создавшегося положения, красное командование, чтобы воспрепятствовать дальнейшему продвижению Русской армии, приказало своим войскам следующее:

2-й Конной армии ставилась задача нанести сильный контрудар в направлении на Жеребец и Орехов, остановить дальнейшее продвижение частей противника на север и разбить, находившиеся в этом районе, войска Русской армии; частям 13-й советской армии приказано было одновременно наступать на Орехов и Большой Токмак и отрезать пути отхода на юг частям противника в этом районе. Совместное начало намеченной операции назначалось на 13 июля.

В течение дня 13 июля 1-й и 2-й Дроздовские стрелковые полки, вместе с Кубанской конной дивизией вели бой с наступающими красными в районе города Орехова и села Преображенского. В 15 часов красные одновременно атаковали с востока из района М. Токмачки позиции 2-го полка у села Преображенского и с юго-востока — позиции 1-го полка у города Орехова, но были отбиты. Правее и левее позиций 2-го полка у села Преображенского действовала конница генерала Бабиева, части которой уже были заняли М. Токмачку, но перешедшей в контратаку красной пехотой с броневиком из села были выбиты.

В этот день 1-я Конная дивизия генерала Барбовича в районе Щербаково основательно потрепала красных, захватив в плен свыше 1000 красных, среди которых было немало латышей и мадьяр. После этого конницу генерала Барбовича спешно перебросили в помощь Марковцам, встретившим упорное сопротивление красных.

2-я Конная дивизия генерала Морозова, двинутая в обход красных на север, заняла станцию Камышеватку, называемую также Камушевахой,

Генерал Врангель остался весьма недоволен таким обра-

зом действий конницы под командой командира Конного корпуса генерала Калинина. Последний разбросал свою конницу по частям, вместо того, чтобы действовать ее сосредоточенной массой.

Марковцы при поддержке конницы к исходу дня отбросили части 3-й советской дивизии за реку Конскую и продвинулись к Щербаково. Атакующие, Дроздовцев и Кубанцев в течение целого дня на фронте Омельник—М. Токмачка—Работино красные, имевшие целью овладеть городом Орехово, успеха не имели. Частям же 2-й конной армии удалось захватить селение Жеребец, а 42-я советская дивизия, потеснив Корниловцев, вышла на линию Сладкая Балка—Шензе, заняв к югу и в тылу города Орехова село Копани. После занятия Жеребца 21-я советская кавалерийская дивизия была направлена в район Камушевахи—Фисаки, а 2-я кавалерийская дивизия имени Блинова — для занятия города Орехова. 3-я советская стрелковая дивизия получила приказ, удерживая своим правым флангом село Янчекрак, главные силы сосредоточить на своем левом фланге — для удара на город Орехов. 46-я советская стрелковая дивизия, вместе с прибывшей на этот фронт Петроградской бригадой курсантов, получила задачу овладеть городом Ореховым и селом Вторые Копани, что в 10 километрах южнее города Орехова. 42-я советская стрелковая дивизия, с приданными ей частями конницы (4-й и 5-й бригад и 42-го конного полка) и при поддержке бронемашин получила приказание наступать на Большой Токмак с целью отрезать частям Русской армии пути отступления на юг. 40-й советской дивизии было приказано наступать на ее участке фронта, чтобы оттянуть на себя возможно больше сил противника и тем самым поддержать наступление 42-й советской дивизии.

В связи с сложившейся обстановкой к концу дня 13 июля, когда красные обошли город Орехов с трех сторон, защищать его, находящегося в лощине, было невозможно, и поэтому было приказано город оставить и отойти на бугры за селом Ново-Алексеевкой. Во исполнение этого приказа, наши части ночью с 13 на 14 июля покинули город. 3-й Дроздовский стрелковый полк, бывший при 2-й Конной дивизии

генерала Морозова в районе Камушевахи также отошел несколько к юго-западу.

В 9 часов утра 14 июля красные, войдя тремя колоннами, без боя заняли город Орехов. Коротков, в своей книге, где вообще замечено много неточностей, пишет, что «27 июля (по нов. стилю) 46-я дивизия и бригада курсантов заняли Орехов. Бои за этот город отличались особым героизмом советских войск. Курсанты шли в штыковую атаку с пением «Интернационала», наводя страх на Дроздовцев, считавшихся «цветом» Врангелевской армии».

На самом же деле, 14 июля в город Орехов вошли лишь части советской пехоты и никаких курсантов в тот день в Орехове не было. Город был оставлен Дроздовскими полками без боя, ввиду сложившейся обстановки на этом участке фронта. Бой же с курсантами разыгрался только в ночь на 16 июля (или, по нов. стилю, 29 июля), причем бригада курсантов была тогда разгромлена и город взять не смогла.

Отойдя от города Орехова и пройдя село Ново-Андреевку, 1-й и 2-й Дроздовские стрелковые полки расположились в поле, и в Ново-Андреевку вошли без боя красные. Переброшенная в этот район конная дивизия генерала Барбовича с боем овладела селом Копани, захватив свыше 800 красных в плен, а перешедший в наступление 1-й Дроздовский полк к 15 часам выбил красных из села Ново-Андреевки, захватив также свыше 150 пленных. После взятия села Копани 1-я конная дивизия генерала Барбовича двинулась на село Жеребец и заняла селение Аул, отделенное от Жеребца рекой Конской. В 22 часа 14 июля Дроздовцы атаковали красных в Орехове и к полуночи город был полностью очищен от красных. 2-й Дроздовский полк после этого занял вновь село Преображенское. Кубанская дивизия генерала Бабиева продвинулась к востоку от Орехова, захватив одно орудие и около 700 пленных. Марковская дивизия утром 14 июля атаковала красных и отбросила их за реку Мокрая Московка, овладев селениями Веселая и Царицынский Кут. В тот же день Корниловцы вели упорные бои с 42-й советской дивизией и с приданными ей конными полками красных, сильно нажимавших на восточные подступы к Большому Токмаку, но и здесь красные не имели успеха. Донцы, перейдя

в наступление, оттеснив 40-ю советскую дивизию за железную дорогу Пологи—Бердянск, вышли во фланг 42-й советской дивизии. Части 2-й советской конной армии, направленные в район Камушевахи—Фисаки, после упорного боя были принуждены оставить этот район, отступив в северо-восточном направлении.

С утра 15 июля город Орехов подвергся сильному артиллерийскому обстрелу подошедших в этот район бронепоездов красных. В 11 часов красные повели энергичное наступление на позиции 1-го и 2-го Дроздовских полков. Ведя наступление на восточную и юго-восточную окраины села Преображенского, которое защищал 2-й Дроздовский стрелковый полк, красным удалось временно занять юго-восточную часть села. В это же самое время 1-му Дроздовскому полку удалось отбить все атаки красных и они отошли назад.

3-й Дроздовский стрелковый полк, приданный коннице генерала Морозова, ведя ожесточенные бои с наступающими красными в районе Камушевахи, отбил, совместно с нашими конными полками, все атаки 46-й советской дивизии, поддержанной бронепоездами и бронеавтомобилями красных. В этот день 3-й Дроздовский стрелковый полк проявил исключительную доблесть, покрыв свое знамя лаврами славы.

Бои в районе города Орехова подробно описаны в книге генерала Туркула:

«Пыль атак, пушечный гром. Отдыха нет. После Гейдельберга мы наступали степью в отблескивающем ковыле, обдаваемые суховеем, загоревшие, с глазами посветлевшими от усталости.

Все переходы, как перебаты одного огромного боя. Идем тремя колоннами... За несколько дней до того, контрразведка прислала сводку, что у станции Пологи и в Волновахе высаживается бригада красных курсантов. Курсанты, если это были они, привалили на южный фронт, одурманенные удачами, безнаказанностью и легкостью расправ над восставшими крестьянами и обывателями. Среди них, как мы знали, больше всего было той наглой городской черни, какую до революции звали хулиганами. Это было смешение городского отребья с революционными подпольщиками, ар-

мейскими неудачниками и переметами. Все они были, конечно, коммунисты. Это была самая отчаянная сволочь, ядовитая выжимка России, разбитой войной, разнузданной и разъединенной революцией. Это была страшная сила. Мы, правда, не очень верили донесениям контрразведки, не верили и в красных курсантов.

От села Сладкая Балка, после удачного удара по большевикам, мы двинулись на Орехов.

Новое сопротивление. На плечах большевиков мы ворвались в город. Курсантов нигде и помину. Первый Дроздовский полк, заняв Орехов, выставил сторожевое охранение. Второй же полк стал в городском предместье, в селе Преображенском. Вечером, в штабе полка, меня вызвал начальник службы связи, капитан Сосновский:

— Ваше превосходительство, удалось включиться в линию телефона красных. Слышен разговор их комбригов.

— Вы не ошибаетесь?

— Никак нет. Слышно отчетливо. Кажется, там красные курсанты...

Красные, отступая, довольно часто забывали перерезать провода, и мы, зная это, всегда включали наши аппараты в телефонные линии и слушали противника. Большевики не перерезали провода и на этот раз. Я взял слуховую трубку.

— Алло, алло... Комбриг краснокурсантов, — услышал я и подумал: «Так курсанты, действительно, здесь», а голос продолжал:

— Почему ты оставил Орехов?

— На нас наступали Дроздовцы, — отвечал другой голос, только что выбитого мною из Орехова командира советской бригады.

— Полки не выдержали атаки. Еще теперь я привожу их в порядок.

— Ничего, завтра мы приведем в порядок дроздовскую сволочь. В шесть утра бригада курсантов начнет наступать на Орехов южнее дороги, с востока, с заданием атаковать белогвардейцев с тыла. Ты слышишь?

— Слышу. С тыла.

— Краснокурсантов будут поддерживать бронепоезда.

Твоя бригада поступает в подчинение мне, в резерв. Слышишь?

— Слышу. В резерв.

Далеко за полночь все еще записывали телефонисты перекличку комбригов. Судя по их ночному разговору, они гордились, что им поручено покончить с белыми Дроздами. Уверенно ждали встречи: их отборная бригада, нас в Орехове — один полк.

Они могли переменить ход удара, но удар готовился несомненно. У нас поднялась тихая спешка, перед неминуемым боем: усилены сторожевые охранения, высланы разведки, послана связь во Второй полк. В четыре часа я приказал Первому полку без шума сосредоточиться у вокзала, на восточной окраине Орехова, откуда обещали ударить курсанты. Третий батальон полковника Мельникова и артиллерия стали на позиции. Для верности прицельного огня артиллеристы кое-где расставили вежи.

Заря, прохладная, свежая, осветила лица. Какие все молодые, какие все суровые. На траве играет роса. Бездонное синее небо обещает прекрасный день, а в то утро многие из нас в последний раз смотрели на это небо, на дивный синий, небесный покров над всеми нами.

Ровно в шесть часов утра мы услышали дружный гул. Далеко заблистали первые цепи большевиков. Цепи длинно, криво и влажно вспыхивали оружием. Правее их, на железной дороге, закурились дымы пяти-шести бронепоездов, отблескивающих сыро. На нас шли в атаку курсанты и бронепоезда. Курсанты шли превосходно, легко, быстро, стройно, с возрастающим гулом.

Загремели пушки: бронепоезда красных, распутивая стаи голубей и воробьев, бьют по еще не проснувшемуся Орехову, по мокрым от росы крышам, над которыми бродит румяный пар.

Мы стоим в полном молчании. Я приказал огня не открывать.

Серые, выблискивающие цепи курсантов подкатили тысячи на три шагов и заметно замедляют движение. Они идут теперь так, точно прислушиваются, почему молчат Дроздовцы, как могила. Их затревожило молчание. Они приостанав-

ливаются. От цепей высылают вперед дозоры в два-три человека. Цепи очень медленно двигаются за ними, точно ощупывая, куда идут.

Наше гробовое молчание поколебало их великолепный первый порыв. Медленно, неуверенно, как бы отяжелевши, они плывут к нам. Две тысячи шагов. В бинокль хорошо видны лица, глаза, блистающие штыки.

Я приказал: «Огонь!»

Наши пушки и все сто пулеметов бьют в лоб. Огненная, жалящая смерть.

Огонь разбрасывает их, терзает. Курсанты катятся, не могут остановиться, как лавина. Их раздирает фронтальный огонь. Мы слышим в грохоте их вой. До нас шестьсот шагов и Третий батальон полковника Мельникова пошел в контратаку.

В блеске оружия, стиснувши зубы, с необыкновенной быстротой кинулся вперед Третий батальон. Это молчание, сухой блеск глаз, быстрота, сильный удар всей грудью, были, совершенно, подобны разящей молнии.

Стремительная атака Третьего батальона отбросила курсантов, уже растерзанных огнем. Они качнулись, покатились назад. Третий батальон с пленными, также быстро, молча, вернулся: молния ударила и отлетела. Командир батальона, доблестный полковник Мельников, в атаке ранен в голову. Учащенное наш пулеметный, орудийный огонь и, кажется, что слышно в нем ликование нечеловеческих сил, терзающей смерти.

Бронепоезда красных заметили отступление курсантов. В отместку открыли ураганный огонь. Они бьют вслепую, куда ни попадет, разбивают снарядами город. Около меня, осколком, смертельно ранило вахмистра Носова. Ему был поручен наш полковой значок. Он был простой солдат Империи, сильный, спокойно-красивый, русский богатырь. Это был белый солдат. Я помню, как между его загоревших пальцев, в серебряных кольцах, затекала полосками кровь. Он желал перекреститься. Он очень страдал от раны, уже кончался.

— За правду, — бормотал он, — за правду...

Тонко дрожал в предсмертной улыбке его рот. Навсегда

открылись солдатские серые глаза в синее небо... Я завел ему веки.

Вернувшиеся конные разъезды донесли, что большевики отступают на Камушеваху. Мы отбили курсантов и могли смениться с позиции. После какого-то заземного существования в бою, когда человек со всех сторон охвачен смертью так, точно в нем одном таится вся жизнь, какая есть во вселенной, — странно входить снова в жизнь, чувствовать, что она не только в тебе, а и кругом тебя, что тебя со всех сторон обтекает мирное дыхание бытия. Странно в первые мгновения менять пропотевшую боевую рубашу, мылиться у рукомойника, закуривать, наливать чай, причесываться или садиться обедать.

Мы отобедали. Уже наступил провинциальный мирный предвечер. Я забрался в ванну, начал с удовольствием полоскаться. И вдруг, как пробуждение: раскаты залпов, строчат пулеметы. На площадь, к дому занятому нашим штабом, сбегается с лязгом полк. Красные курсанты идут по городу. Они очнулись от утреннего огня. Их второй вал будет яростнее первого. Курсанты идут в атаку с пением. Они переиначили нашу белогвардейскую «Смело мы в бой пойдем...»

— Смело мы в бой пойдем

За власть советскую

И всех Дроздов побьем

Сволочь кадетскую...

Я приказал полку сосредоточиться у вокзала. Там была обширная площадь, огороженная забором. По краю тянулось здание земской больницы. Проходы в заборах были заматаны колючей проволокой. Первый полк стал на вокзальной площади. Ко мне подошел командир роты, занимавшей сторожевое охранение, сказал вполголоса:

— Ваше превосходительство, первого взвода, бывшего в заставе, нет целиком.

Исчезновение взвода показалось мне невероятным, тем более, что полковой врач доложил, что ни одного раненого из первого взвода через перевязочный пункт не проходило.

Целый взвод, сорок человек, с двумя пулеметами, неужели захвачен врасплох, отрезан, погиб до одного человека?

Ночь теплая, безветренная. По небу медленно волокутся тучи. Ближе пение курсантов. Я обернулся и тоже приказал петь всем полком. Я приказал петь в надежде, что исчезнувший взвод по нашему хору найдет к нам дорогу. Полк пошевелился за мною в потемках, как бы легкое дуновение прошло по нему, и поднялось наше дружное, сильное дыхание

— Смелей, дроздовцы удалые,
Вперед, без страха, с нами Бог...

Пели все: и командиры, и бойцы, от старого деда Манштейна до подростка пулеметчика. Наша боевая, как мощная молитва.

Доносится пение красных. Теперь это стенания «Интернационала»:

— Вставай проклятьем заклейменный...

Порывы нашего пения обдают мне затылок и щеку, до дрожи. В потемках сходятся революция и Россия, бунт и строй — на смерть.

Нас, красных и белых бойцов, павших в бою, может быть уравниет перед Вечным Судией наша смерть и наши страдания, но для живых останется навеки заветом беспощадная борьба, выбор между белыми и красными, между бунтом и строем, между революцией и Россией.

Мы за Р о с с и ю: «Вперед, без страха, с нами Бог...»

Передовые цепи курсантов выкатились на вокзальную площадь. Из темноты доносится:

— Товарищи, вперед, ура...

Они бросились в атаку. Тогда я приказал открыть огонь. Точно засияли чудовищные молнии, озаряя площадь в беспрерывных падениях...

Атаку отбили. Теснясь кучками, они пытаются удержаться на площади, но сносит огонь шевелящиеся островки. Команда пеших разведчиков выслана за отступающими. Начали приводить пленных. Все щегольски одеты, лихо измяты фуражки с красными звездами. Все в хороших сапогах.

Хорошими сапогами, жратвой, девками покупала пролетарская революция свое пушечное мясо. Все коммунисты с

клоками намасленных волос, выпущенных из-под фуражек. Мы легко узнавали коммунистов по печати наглой вседозволенности на молодых лицах. Одни дико озирались, еще не понимая толком, что с ними случилось, другие, с лицами, посеревшими от страха, сильно дрожали, третьи помешались от нашего ночного огня. Они размахивали руками, кричали мучительно, смутно, рыдали, просили прощения у наших солдат.

Ночной бой утихал. Меня охватила такая усталость, что тут же на площади, среди первого батальона, я лег на землю и мгновенно заснул. Проснулся в темноте от невыносимой жары и духоты. Оказывается, когда я спал, накрапывал ночной дождь и стрелки стали потихоньку прикрывать меня шинелями. Один подойдет и покроет, за ним другой заботливо набросит свою. Вскоре на мне оказалось шинелей четырнадцать, а гора все росла, и, не проснись я от духоты, стрелки, чего доброго, навалили бы на меня шинели всего ударного первого батальона.

К исходу ночи курсанты с нестройными криками, видимо, подбадривая друг друга, двинулись в третью атаку. Мы отбросили их огнем. Порыв их был сбит окончательно.

Светало. Я приказал первому полку двумя колоннами переходить в контратаку. На площади, куда мы вышли, мы могли убедиться в страшной силе нашего огня. Площадь была вповалку устлана курсантами. Убитые лежали так тесно и такими грудками, точно их швыряло друг на друга. Застигнутые огнем, они, по-видимому, сбегались и жались в кучки, а пулеметы их всех сметали. Наши цепи шли пустыми улицами города. Обваленные заборы, крыши, пробитые их и нашими снарядами, низкий дым пожара...

Проклятая гражданская война.

У каменистой, высохшей речки под городом, отступающие вдруг обернулись. С отчаянной дерзостью кинулись в штыки. Встречный удар...

Сшиблись в остервенелой свалке. Дрались прикладами, разбитыми в щепки, камнями... Схватывались врукопашную, катились по дну каменистой реки...

Наш штыковой удар был сильнее. Курсантов сбили, погнали. В наших первой и второй ротах, ударивших в штыки,

переколото до пятидесяти человек. Курсантов перекололи до двухсот. Первый полк, осипший от «ура», земетенный пылью, в порыве преследования вынесся за город, в поле. Все остервенели. Наши наступающие волны, настигая кучки оставшихся курсантов, мгновенно их уничтожали.

Курсанты отступали мимо приречных камышей, куда с вечера была послана застава, наш исчезнувший взвод. Вдруг там стали рваться залпы и застрочил пулемет. Курсанты попали под огонь с фланга и с тыла. Из камышей вышла редкая цепь стрелков и мы узнали пропавший взвод. Каким радостным, свирепым ревом встретил их полк. Со штабом я подскакал к заставе. Поздоровался со стрелками. Только теперь я понял, как всю ночь болело у меня сердце за сорок пропавших бойцов.

Они стояли увешанные поломанными камышами, измазанные грязью и глиной, как негры, в мокрых шинелях, с которых стекала вода. Оказывается, курсанты с броневином стали вчера на дороге у камышей и тем отрезали заставе отступление. Тогда взвод отошел в болото, в самую глубину. Люди всю ночь стояли по грудь в воде с двумя пулеметами на плечах.

— Мы были уверены, что выручите, — говорили стрелки.

— Не бросите нас с двумя пулеметами...

Я поблагодарил взвод за солдатскую верность России и знаменам.

Разъезды донесли, что курсанты отступают по всему фронту. Два батальона на подводах были посланы их преследовать. Конные лавы генерала Барбовича показались из Камушевахи. Наша кавалерия напала там на бригаду, за день до того разбитую мною под Ореховым. Теперь генерал Барбович разметал советскую бригаду в дым. Так кончилась встреча дроздовцев с курсантами. Около тысячи человек осталось на поле сражения. (Примечание автора. Этим погибшим в бою с дроздовцами Советы в Москве поставили памятник.) У нас в Первом полку убито и переранено больше двухсот.

Из земской больницы, на вокзальной площади, ко мне пришел унтер-офицер, раненый в грудь штыком.

— В больнице большевики... Под койками винтовки...

Сговариваются ночью раненых наших переколоть и бежать...

Мне показалось, что унтер-офицер со штыковой раной помешался. Мы пошли с ним в больницу. Раненые встретили нас возмущенными рассказами: их не перевязывали, они были брошены. Зато они обнаружили палату, где лежало человек тридцать курсантов в больничных халатах. Курсантов, не успевших пробиться к своим, собирал в больницу тамошний врач еврей. Он же выдал им халаты и уложил на койки. Курсанты сговаривались ночью переколоть наших и бежать из больницы. Врач, коммунист, скрылся. Курсантов начали приводить ко мне. Среди них ни одного раненого.

— Коммунисты?

— Так точно, — отвечали они один за другим с подчеркнутым равнодушием.

Все были коммунисты.

— Белых приходилось расстреливать?

— Приходилось.

Мои стрелки настаивали, чтобы их расстреляли всех. Курсантов вывели на двор, тридцать человек. Они поняли, что это конец. Побледили, прижались друг к другу. Один выступил вперед, отдал под козырек, рука слегка дрожит:

— Нас вывели на расстрел, ваше превосходительство?

— Да.

— Разрешите нам спеть интернационал.

Я пристально посмотрел в эти серые русские глаза. Курсанту лет двадцать. Смелое, худое лицо. Кто он, кто был его отец? Как успели растравить его молодую душу, что Бога, человека, Россию, — все заменил для него этот «интернационал»?

Он смотрит на меня. Свой, русский, курноса московская, Ванька или Федька, но какой зияющий провал — крови, интернационала, пролетариата, советской власти, — между нами.

— Пойте, — сказал я.

— В последний раз. Отпевайте себя интернационалом.

Выступил другой. Лицо в веснушках, удалой парнишка. Прискалены ровные белые зубы, щека исцарапана в кровь. Отдает мне честь:

— Ваше превосходительство, разрешите перед смертью покурить, хотя бы затяжку.

— Курите. Нам бы не дали, попадись мы к вам в руки. Они затягивались торопливыми, глубокими затяжками. Быстро побросали окурки, как-то подтянулись и внезапно, откуда-то из глубины их, поднялся точно один глухой голос: воющий «интернационал».

От их предсмертного пения, в один голос, тусклого, у меня мурашки пошли по корням волос.

— С интернационалом воспрянет...
«Род людской» заглох в мгновенно грянувшем залпе. Их расстреляли на больничном дворе».

На этом заканчивается повествование генерала Туркула о боях в городе Орехове.

Теперь вернемся к другим полкам Дроздовской дивизии. Основные силы 2-го Дроздовского стрелкового полка вели в то время, когда происходило сражение с курсантами, бой фронтом на восток, обороняя предместье города Орехова — Село Преображенское. Также приходилось 2-му полку временами отбивать атаки красных с юга и юго-востока. Таким образом, фронт Дроздовцев ломался под углом у юго-восточной окраины села Преображенского. Вести же бой приходилось, по существу, с перевернутым фронтом по отношению к нашему общему выдвижению на север.

Красные, поддержанные броневиком, ворвались было в юго-восточную часть села Преображенского, но около полудня второму батальону 2-го Дроздовского стрелкового полка, при поддержке 3-й Дроздовской артиллерийской батареи, удалось выбить уже залегших в огородах и поперек улиц, красных из села.

Одно заряженное орудие артиллеристы 3-й батареи выкатили под огнем красной пехоты и броневика на улицу и стали обстреливать броневик, который, после того как был поврежден, воспользовавшись поднявшейся пылью от рвущихся снарядов, успел уйти. После этого стрелки полка, пошедшие в контратаку, погнались красных и отбросили их более чем на версту от села и заняли вновь позиции на окраине Преображенского. В это самое время курсанты вели наступление на город Орехов при поддержке бронеавтомобилей и

бронепоездов; весь бой отлично можно было наблюдать с юго-восточной окраины села через широкую сухую ложину, отделяющую город Орехов от Преображенского, а 2-й батальон 2-го Дроздовского полка от левого фланга 1-го Дроздовского полка. Хорошо было видно артиллеристам и стрелкам 2-го полка контратакующих Дроздовцев и отступление красных от города. Во время атаки курсантов одно орудие 3-й батареи вело огонь по бронеавтомобилям и правому флангу атакующих курсантов. Одновременно вели наступление красные и на части 2-го полка, с целью обеспечить наступление правого фланга курсантов. Левее, на выдвинутой линии обороны 2-го полка перед восточной окраиной Преображенского шел также упорный бой. Там наступали части 46-й советской дивизии и полки 2-й кавалерийской дивизии имени Блинова. Оттуда доносился сплошной артиллерийский гул. Выстрелы 3-й и 4-й Дроздовских батарей сливались в один гул с выстрелами красных орудий, дополняемый сильным пулеметным и ружейным огнем. Был момент боя, когда правый фланг 2-го батальона 2-го Дроздовского полка, попав под огонь справа, принужден был отойти немного вглубь села, но к 16 часам положение было восстановлено. Бой на участке 2-го полка, восточнее Преображенского, продолжался с большой интенсивностью весь день и затих только с наступлением темноты. Красные, при уже совсем сгустившихся сумерках, повели энергичное наступление на юго-восточную окраину села, но были, после продолжительного боя, отброшены от села 2-м батальоном 2-го Дроздовского полка. Не добившись успеха, красные некоторое время держались этой ночью на участке 2-го полка пассивно.

Не успел еще полностью затихнуть огонь в районе юго-восточной окраины Преображенского, как в районе 1-го полка началась ожесточенная стрельба, которая все время расширялась в городе Орехове. Не будучи осведомленным о положении в городе, 2-й батальон 2-го полка, опасаясь за свой фланг, снова отошел в глубь села, чем воспользовались красные и с криками «ура» и стрельбой заняли окраину села. Получив сообщение о том, что положение в городе восстановлено и курсанты отброшены, батальон 2-го полка, атаковав

красных, выбил их из села и занял вновь окраину его. Около полуночи в городе вновь поднялась ожесточенная стрельба пачками, залпами, перемешанная с артиллерийским огнем 1-го дивизиона Дроздовской артиллерийской бригады и пулеметными очередями. Затем наступила зловещая тишина и на мост, что через балку, в тыл 2-го батальона выехала пулеметная тачанка красных, направившись к церкви на площади, где помещался штаб 2-го полка, а в огородах, ближних и крайних домах города начали раздаваться голоса отдельных, просачивающихся в город и перекликающихся между собой, красных. Тачанка, будучи обстреляна, повернула обратно и унеслась в город. Связь с Первым полком прервалась. 2-й полк выставил охранение в сторону города.

Наступила опять тишина, а потом начало раздаваться в городе пение «интернационала», проникавших в город курсантов. Красный бронепоезд же стал переносить свой огонь все дальше и дальше за город, видимо предполагая, что наши части уже отходят из него.

В связи с тем, что связь с Первым полком была прервана и не знал, что творится в городе, 2-й батальон 2-го полка снова отошел с окраины села, чтобы занять более сосредоточенное положение и принял несколько вправо, с целью уменьшить разрыв с левым флангом 1-го полка. По продвигающемуся в город пению «интернационала», причем отдельные слова его были очень хорошо слышны в Преображенском, создалось впечатление, что для курсантов путь в город уже почти открыт.

Но вдруг в ответ послышалась песня Дроздовцев, а потом пение «интернационала» было прервано морем залпового огня, пулеметными очередями, разрывами снарядов, что убедительно свидетельствовало, что 1-й полк удерживает свои позиции. Как мы знаем, в ту ночь в городе шел бой, описанный в воспоминаниях генерала Туркула, закончившийся разгромом курсантов. На следующий день, офицеры и стрелки 1-го Дроздовского полка с гордостью рассказывали о бое с курсантами, отмечая, что сам генерал Туркул в эту ночь все время находился на самых передовых позициях, и что его исключительная отвага и решимость в бою придавали еще больше уверенности, твердости и без

того доблестному боевому составу полка. Говорили, что генерал Туркул очень жалел, что в этом бою отсутствовал полковой оркестр: «Жаль, что с нами нет оркестра, а то я приказал бы ему при этом играть».

Из описания ночного боя известно, что только отдельным небольшим группам курсантов удалось задержаться в том месте, где город отделен от села Преображенского ложиной (в разрыве между полками) и задержались также те курсанты, которые проникли в район городского сквера, попавшие под перекрестный огонь и, не имея возможности отойти, рассеялись по дворам, ища спасения. Позже, оставшиеся в живых, попали в плен и были расстреляны. Дальнейшее отступление для курсантов оказалось весьма тяжелым, так как 1-й полк их жестоко преследовал.

Чтобы облегчить их положение 46-я советская дивизия пыталась наступать, но успеха не имела и была с потерями отброшена. В течение всего дня 16 июля, из погребов и разных закоулков, дворов и укромных мест вылавливали застрявших в городе курсантов. У многих из них были найдены письма, которые они написали своим родным и знакомым накануне боя. В них описывалось, как курсантов провожали из Петрограда, как их напутствовал при проезде через Москву сам Троцкий, выражалась уверенность в том, что им удастся разбить Дроздовцев, и что после этого им обещали командные должности и звания. Действительность же для них была весьма печальная. Из общего числа в 1500 штыков, бывших в бригаде курсантов, только около 400 смогли отойти на М. Токмачку. По дороге их встретила конница генерала Барбовича, ведущая бой с 46-й дивизией, и также их потрепала. В тот день было взято генералом Барбовичем в плен около 800 человек из частей 46-й советской дивизии. Всех взятых в плен курсантов расстреляли. В районе вокзала после ночного боя было подобрано свыше 130 трупов курсантов, а в городе повсюду также валялись убитые курсанты. Смотря на убитых Дроздовцы говорили, что произвели их в красных офицеров. Потери у Дроздовцев были сравнительно невелики. Больше всех пострадали роты 1-го батальона Первого полка и 2-й батальон Второго полка. Сам же город Орехов пострадал очень сильно от артилле-

рийского обстрела — разбито около 150 домов и убито свыше 300 жителей.

Остатки бригады курсантов были сведены в батальон. После их разгрома, красные курсанты уже утратили свою отвагу, потеряли, как говорится в военной среде, «сердце», и по своим боевым качествам почти перестали отличаться от остальных красноармейцев. Командовал бригадой курсантов Около-Кулак, бывший капитан Преображенского полка, в котором он, по словам генерала Кутепова, заворачивал полковыми песенниками.

За время боев в районе Орехова наступающие части 3-й пехотной советской дивизии, совместно с 21-й кавалерийской дивизией и бригадой 15-й дивизии, после упорного боя потеснили Марковскую дивизию в районе реки Конской, части которой отошли, но продвинуться, заняв села Ново-Григорьевку и Юльевку, дальше не смогли. Вечером 15 июля, оставив охранение на реке Конской, Марковцы отошли в район Щербаково—Яковлевка—Янчекрак.

К концу 15 июля на участке Корниловцев, после упорного боя, 48-я советская дивизия была отброшена к востоку от Большого Токмака. В этом бою был убит командир 2-го Корниловского полка — полковник Папкевич.

В течение 15 июля 3-й Дроздовский полк, приданный коннице генерала Морозова, целый день вел бой против наступающих частей 16-й и 21-й советских кавалерийских дивизий, и совместно с нашей конницей отбил все их атаки в районе Камушевахи. К вечеру наши части расположились в этом селе. 1-я кавалерийская дивизия генерала Барбовича и Кубанская конная дивизия генерала Бабиева 15 июля ночевали в Жеребце и Ауле.

Донцы потрепали 40-ю советскую дивизию; захватили в плен 1500 человек, взяли 7 орудий, 2 зарядных ящика и 35 пулеметов. Красных отбросили на восток, в сторону Мариуполя, за железную дорогу.

Коротков (советский историк) в своей книге пишет, что 15 июля Дроздовская дивизия оттеснила 45-ю советскую дивизию и бригаду курсантов на линию Омельник—Новоселыца—Богатый. Об упорных боях в городе Орехове и о разгроме курсантов он умолчал. В советских источниках вспо-

минается и о том, что 2-я конная советская армия не могла выполнить приказ о нанесении удара в районе города Орехова, а поэтому 16 июля не наступала на Михайловку, а также что 46-я стрелковая дивизия и бригада курсантов не были поддержаны справа 2-й кавалерийской дивизией имени Блинова и слева 42-й стрелковой дивизией, что и вызвало их отход от Орехова.

С рассветом 16 июля красные перешли в наступление на участке Корниловской ударной дивизии и после упорного боя потеснили ее в районе Сладкой Балки к долине реки Чингул. В тот же день, под давлением частей 2-й конной армии красных, 3-й Дроздовский полк и Марковцы отступили в районе реки Красной и красные продвинулись в район сел Юльевка—Веселое—Ново-Григорьевка.

Части Конного корпуса генерала Калинина находились в районе сел Жеребец—Васильевка—М. Токмачка. Генерал Врангель остался недоволен действиями нашей конницы и, вместо генерала Калинина, на пост командира Конного корпуса назначил начальника Кубанской дивизии — генерала Бабиева.

Красное командование, в свою очередь, также не удовлетворенное действиями своей 2-й конной армии, подчинило ее, в оперативном отношении, командующему 13-й советской армией и приказало подготовить правобережную группу своих войск к переходу в наступление, назначив таковое на 4 августа. 2-й конной армии и 46-й советской дивизии с курсантами вновь подтверждалась задача по овладению городом Ореховым, с тем чтобы в дальнейшем оказать помощь частям 42-й советской дивизии, ведущей упорные бои в районе Полог.

Около 18 часов 16 июля части 2-й Конной армии с четырьмя бронеавтомобилями атаковали, одновременно, село Ново-Павловку, где потеснили 2-ю конную дивизию генерала Морозова, а с севера и запада — наши части в районе города Орехова. Был момент, когда конница красных уже заняла окраину города, но подошедшими Дроздовцами они были выбиты из черты города. В течение дня до позднего вечера части генерала Морозова отбивали атаки наступающих семи красных полков при четырех бронепоездах и положе-

ние к ночи оставалось серьезным, а посему Дроздовцы выслали из города все лишнее и обозы. Село Жеребец к вечеру было занято красными.

С рассветом 17 июля генерал Бабиев направил под командой генерала Барбовича 1-ю кавалерийскую и Кубанскую конную дивизию в обхват левого фланга красных, из М. Токмачки на Васильевку и Жеребец. 2-я конная генерала Морозова дивизия должна была наступать на Аул. Вскоре эта дивизия завязала бой с красными, нажимавшими на Ново-Павловку. 3-й Дроздовский полк по-прежнему был придан 2-й Конной дивизии.

Отбросив конницу красных от Орехова, 1-й и 2-й Дроздовские полки стали продвигаться на север. Справа от города Орехова, несколько севернее района Блюменфельд—М. Токмачка, конница генерала Барбовича столкнулась с частями 16-й и 21-й конных дивизий красных. При содействии 1-го и 2-го Дроздовских стрелковых полков, ударивших во фланг развернувшейся красной конницы, конница генерала Барбовича рассеяла красных, много их порубила, захватила пленных, пулеметы и 9 орудий. Весь следующий после этого боя день, на месте одной захваченной батареи оставались стоять 2 задних хода от зарядных ящиков и вокруг них лежали 12 зарубленных красноармейцев, среди последних две женщины в военной форме, бывшие ездовыми в захваченной конной советской батарее.

Разбитую конницу красных дивизия генерала Барбовича преследовала до глубокой ночи. На Верхне-Токмакском направлении донские части, перейдя в наступление, нанесли в этот день поражение 42-й советской дивизии, прорывавшей ее фронт и, выйдя ей в тыл на высотах севернее Черниговки, заняли станцию Семеновку. Отрезав путь отступления, Донцы захватили бронепоезда красных: «Троцкий», «Большевик», «Красноармеец» и «№ 94». В этом бою Донцы также взяли в плен свыше 800 красных, захватили 3 орудия, пулеметы, 3 поездных состава и запасы бензина.

Наступавшие в тот же день Корниловцы заняли колонию Вернерсдорф и села Скелетоватое и Сладкую Балку и вышли своим правым флангом на линию Ново-Михайловка—Очеретоватое. Марковцы, поддержанные 3-м Дроздов-

ским полком и 7-м конным из дивизии генерала Морозова, перешли в наступление на Яковлевку, Веселое и Царицынский Кут.

С утра 18 июля на участке фронта ударной группы генерала Кутепова было относительно спокойно. Коротков в своей книге пишет, что 2-я конная армия 31 июля (по старому стилю) перешла в наступление, но занять город Орехов не могла.

Нужно отметить, что в этот день вообще не было серьезного наступления на город Орехов со стороны красных. Дроздовские артиллеристы побывали на месте вчерашней схватки конницы генерала Барбовича с красной конницей, привезя повозку с русскими снарядами, рассказывали, что там всюду валяются в большом количестве порубленные красноармейцы. Днем появлялись отряды красной конницы со стороны Жеребца, но их конные группы и разъезды, порой и с броневиками, легко были рассеяны, главным образом артиллерийским огнем.

Около 22 часов красные опять появились и подошли вплотную к городу с броневиками и обстреляли, но после того как одно орудие 3-й Дроздовской батареи ахнуло на звук их выстрелов гранатой, красные быстро исчезли, бросив мотоциклет. Судя по всему мотоциклист был или убит, или ранен.

Донские части (3-й конной дивизии) заняли Верхний Токмак, Черниговку и Южную Семеновку, а частями 2-й Конной дивизии была занята линия Семеновка Северная—Конские Раздоры—Пологи. Конный корпус генерала Бабиева, сосредоточившись для нового удара в составе 1-й кавалерийской и Кубанской дивизий под командой генерала Барбовича, двинулся на Васильевку и, атаковав ее в темноте, захватил там конницу красных врасплох. В плен попало много красноармейцев, взято 3 гаубицы, 2 бронеавтомобиля, пулеметы и обозы красных.

В 3 часа 30 минут 18 июля вся Дроздовская дивизия двинулась на Жеребец. В правой колонне наступал 2-й Дроздовский стрелковый полк, в центре двигался 1-й Дроздовский полк, а в левой колонне, в направлении на село Дарьевку — 3-й Дроздовский полк с конницей генерала Морозова.

1-я кавалерийская дивизия заходила в обход по радиусу в 15 верст, а Кубанская конная дивизия — еще севернее. Обе эти дивизии должны были атаковать Жеребец с севера, а части Дроздовской дивизии и 2-й конной генерала Морозова — с юга. На рассвете части Дроздовской дивизии подошли к Жеребцу, но там все было спокойно и как будто пусто, — получалось первое впечатление удара по пустому месту.

Вскоре было замечено, что справа на Орехов движется какая-то группа конных. Оказалось, что красные и их быстро рассеяли. Около 8 часов начался бой севернее Жеребца. Взвод 3-й батареи выехал вперед и открыл огонь. В это время начался бой у северной окраины этого огромного села. Красная конница, не занимавшая южной части Жеребца и сосредоточенная главной своей массой на северной его окраине, подверглась атаке конницы генерала Барбовича, который лично сам повел в атаку головной эскадрон Павлоградцев. Наша Дроздовская артиллерия могла поддержать эту атаку только до того момента, когда ряды конницы врубались один в другой. Артиллеристы с наблюдательных пунктов следили за этим боем. Было отлично видно, как сверкали шашки, как сталкивались группы всадников, но разглядеть где свои и где красные было невозможно. Рубка продолжалась недолго. Красные ее не выдержали и поспешно бросились назад, сопровождаемые артиллерийским огнем и оставив на поле боя 7 легких орудий, 2 гаубицы, 3 броневые автомобили, 4 грузовых и 2 легких автомобиля и 3 зарядных ящика. В бою под Жеребцом было взято в плен около 1000 красных. Атаковавший красных головной эскадрон Павлоградцев потерял 30 всадников и лошадей.

О боях в этот день, весьма кратко, сообщает в своей книге Коротков: «1 августа (по новому стилю) красная конница вместе с курсантами возобновила наступление на Орехов, но белые отбросили ее к северу, причем 46-я и 42-я советские дивизии оказать ей помощь не могли».

В 12 часов части Дроздовской дивизии были в Жеребце. Село Жеребец очень большое. В нем было свыше 4000 дворов, две церкви, заводы, банк, театр и даже электричество. По другую сторону реки Конской — селение Аул.

Бои в районе города Орехова, который являлся с 12 июля осью всей операции в этом районе, закончились и началось наступление, вернее — рейд, на город Александровск. Имея же город Орехов центром своих маневренных действий, Конный корпус, подчиненный вначале генералу Калинину, а потом генералу Бабиеву, опираясь на части Дроздовской стрелковой дивизии, много раз занимал и оставлял ряд населенных пунктов в этом районе, исключительно с целью уничтожения сил противника.

На фронте Донского корпуса в это время красные сначала были выбиты из Конских Раздоров, но затем, перейдя в контрнаступление, они оттеснили Донцов к Семеновке и Ново-Григорьевке и правым своим флангом вышли на линию Басан—Вербовое—Работин.

Конница генерала Бабиева к вечеру 19 июля сосредоточилась в селении Аул, а Дроздовская дивизия — в Жеребце. В 5 часов 29 июля вся ударная группа выступила в направлении на город Александровск, до которого от Жеребца около 40 верст. В городе Александровске в то время находился штаб 13-й советской армии. Красные стали отходить на север. После непродолжительного боя в районе Еленовка и Камушеваха, 21-я советская конная дивизия 2-й Конной армии была отброшена на север и отступила в район Софиевки, а 16-я советская конная дивизия отошла в Ново-Гуполовку. 1-я и 2-я конные дивизии Конного корпуса генерала Бабиева преследовали противника, отходящего севернее города Александровска, который уже был занят передовыми частями Кубанской конной дивизии и частями Дроздовской стрелковой дивизии. Все части последней сосредоточились в городе Александровске к 17 часам, а конница прошла на ночлег в район села Григорьевки. В тот момент, когда 3-я Дроздовская батарея входила в город, к ней подошел, на главной улице, оркестр железнодорожников Южных железных дорог. Капельмейстер оркестра спросил, можно ли встретить наши части музыкой. Получив удовлетворительный ответ, сыграли нам встречный марш. После этого оркестр продолжал играть все время, встречая маршами входившие в город части Русской армии. Жители города все как один жаловались на красных, а наши войска произвели на

них отличное впечатление. После вечерней поверки и общей молитвы, к Дроздовцам подошла какая-то старушка и трогательным голосом сказала: «За то спасибо, что Бога не забываете, хорошо...» Наступая на Александровск, Дроздовцы, проходя через Дарьевку, любовались там результатами работы наших летчиков. По дороге целыми группами валялись убитые бомбами лошади, а жители города говорили, что красные очень боялись наших аэропланов. Действительно, они наносили им серьезные потери. Например, 14 июля 7 наших аэропланов навели на красных в Орехове страшную панику и вечером отогнали с места боя их бронепоезда.

В результате ударная группа прогулялась на Александровск совсем зря, так как красные бежали из города заранее и, таким образом, успели ускользнуть из наших объятий. В городе ничего не захватили, а командование Русской армии не собиралось удерживать город за собой. Уже на другой день в 20 часов было получено приказание разрушить Александровский железнодорожный узел, город оставить и отойти на юг: Дроздовской дивизии — в район колонии Гоффенталь; Марковской дивизии, которая перед тем отбросила 3-ю советскую дивизию и вышла на рубеж реки Московки, отойти на линию колонии Гохгейм; Корниловская дивизия стягивалась к Большому Токмаку. Согласно последовавшего приказа Кубанская дивизия направилась на станцию Пришиб, для погрузки в эшелоны. Она следовала в город Феодосию, где формировался десантный отряд на Кубань.

Согласно полученному приказанию, без всякого давления со стороны противника, город Александровск был оставлен и части Русской армии начали отход на новые рубежи. Красные недоумевали и, не зная причин, вызвавших такой неожиданный для них отход частей Русской армии, очень осторожно стали продвигаться вперед. Дроздовская дивизия, взорвав железнодорожные пути, покинула город Александровск и около 12 часов 22 июля прибыла в Жеребец, где никаких красных не оказалось. Жители рассказывали, что как-то появлялись конные разведчики красных, но, не задерживаясь в селе, сразу же уехали. Там же стало извест-

но, что в город Орехов, заблудившись, заехала кухня красных и, не найдя своих в городе, в панике улетучилась.

Дроздовцы в Жеребце задержались до утра 23 июля. Оттуда они выступили все, за исключением 2-го Дроздовского стрелкового полка с приданными ему двумя батареями, причем 2-й полк получил приказание, в случае появления красных с ними в бой не вступать, а отойти в город Орехов. Около полудня стала подходить к Жеребцу красная конница. Одна из Дроздовских батарей обстреляла колонну красной конницы, когда та стала втягиваться с северо-восточной стороны села в Жеребец. После этого полк и батареи отошли через село Аул, не преследуемые противником, в предместье города Орехова — Прицепиловку. Красные не спешили, и только в 19 часов подошли к городу Орехову и пробовали наступать, но были легко отбиты. На этом успокоились, и только их артиллерия еще некоторое время продолжала довольно сильный обстрел города. Ночью, около 12 часов, красные еще раз попробовали полезть, но встреченные пулеметным огнем, сразу же отошли назад. Жители Жеребца и Орехова боялись возвращения красных, так как они заберут последний хлеб. Перед нашим уходом из Жеребца один десятник сказал нашим стрелкам: «Кажется придется брать вилы в руки, иначе ничего другого не будет».

Около трех часов 24 июля 2-й Дроздовский полк и батареи, без всякого давления со стороны противника, вышли из предместья города Орехова и двинулись в направлении на Сладкую Балку, что 25 верст южнее города.

Прибыв в село Сладкая Балка и простояв там около часу, в 11 часов 2-й полк со своей артиллерией передвинулся на одну версту севернее — в хутор Ильчиков. Корниловцы в это время находились северо-восточнее в хуторе Работин и оттуда, с Дроздовским полком, должны были пойти на Большой Токмак.

В это время стояла очень жаркая погода; жара и большие переходы, хотя пехота и передвигалась на подводах (жителям приходилось от этого очень тяжело), очень утомили всех. 25 июля в 3 часа 2-й Дроздовский полк с батареями, бывший в арьергарде, выступил из хутора Ильчикова и, пройдя Сладкую Балку, Большой Токмак, Ледекол, Петере-

гаин и Пришиб, наконец прибыл на место своего назначения — в колонию Гоффенталь. Красные не преследовали.

Во время последних боев, закончившихся рейдом на Александровск и возвращением в исходное положение и даже, местами, немного назад — ради сокращения линии фронта — было захвачено в плен свыше 5000 красноармейцев, 4 бронепоезда, 5 броневых автомобилей, свыше 200 пулеметов, 40 орудий, зарядные ящики, грузовые и легкие автомобили, составы железнодорожных вагонов и другая военная добыча. За это время была разгромлена бригада курсантов, а также нанесены большие потери пехотным и кавалерийским частям красных дивизий. О действиях Дроздовской дивизии очень лестно выразился генерал Бабиев, командующий Конным корпусом, сказав: «Дроздовская дивизия — это прочная ось, вокруг которой кавалерия может совершать какие угодно маневры». (Схема № 3.)

К этому времени положение на фронте было следующее. 25 июля красные большими силами правобережной группы своих войск, форсировав реку Днепр у Каховки, Корсунского монастыря и у Алешек, перешли в наступление против частей 2-го Армейского корпуса. Одновременно, чтобы поддержать это наступление и приковать на нашем северном участке фронта части Русской армии, красные, подтянув свежие силы, атаковали 25 июля Марковцев и после упорного боя заняли Гохгейм, а к вечеру захватили и Гейдельберг.

О готовящемся наступлении красных на Днепровском участке фронта командование Русской армии знало, — даже и день начала его, а поэтому с северного участка фронта к Каховке были переброшены Донская и 1-я кавалерийские дивизии. О наступлении же на северном направлении, после урока, который получили красные перед этим, даже не предполагали. Наступление на Марковцев явилось полной неожиданностью. На северном участке в это время оставался 1-й Армейский корпус в составе трех дивизий (Дроздовской, Корниловской и Марковской), конная бригада генерала Морозова, и в район Корниловской дивизии были направлены развернувшиеся в полки Самурцы и Кавказские стрелки небольшого состава при нескольких батареях. Кубанская ка-

зачья дивизия была уже направлена в Феодосию в состав десантных войск на Кубань. Правее 1-го Армейского корпуса находились две Донские казачьи дивизии.

Не успели части Дроздовской дивизии разместиться полностью по квартирам на новом месте, как было получено приказание быть готовыми к походу. Не замедлило и приказание о наступлении совместно с бригадой генерала Морозова для ликвидации группы красных, нажимавших на Марковцев. В 18 часов 25 июля Дроздовская дивизия выступила в Нижний Куркулак, куда и прибыла в тот же день, а в 3 часа 26 июля двинулась на Гохгейм. Впереди шел 1-й Дроздовский полк, который без особого труда выбил красных из Тифенбруна и продолжал движение дальше. За полком двигались остальные части. Шли, минуя все селения, прямо по полям, и на рассвете подошли к колонии Гохгейм, занятой красными. 1-й полк подошел вплотную, 2-й вышел несколько левее, а 3-й — почти в затылок Первому полку. В колонии находились советские пехотные части, кавалерийский полк, батарея и обозы. Все беспечно спали, а кавалеристы даже не выставили охранения, так как, после взятия вечером Гейдельберга, не ожидали появления противника. Паника у красных поднялась страшная: кавалеристы, бросив всех своих коней, обоз, винтовки, шашки, платье и даже, многие, белье, почти голыми разбежались пешком, кто куда успел. Кроме обозов, лошадей, оружия здесь было захвачено 3 орудия и грузовой автомобиль. В панике красные так бежали из колонии, что наша пехота не смогла их догнать. Кроме того им помогла бежать и кукуруза на полях. Пленных было мало, но среди них были курсанты и комиссары, которых тут же в Гохгейме на улице и расстреляли. Не прошло много времени, как из Гейдельберга также стала на рысях уходить конница красных и их артиллерия. 3-й полк продвинулся на север Гохгейма, 2-й двинулся на колонию Барбараштадт, а 1-й остался в Гохгейме. Отступающие красные открыли было на короткое время сильный артиллерийский обстрел колонии Гохгейма. Жители рассказывали, что они первый раз видели у красных такую массу войск, как это было теперь. Все было переполнено их кавалерией.

Операция была закончена занятием Барбараштадта. По-

ложение было восстановлено и дивизия стала сворачиваться и собираться у Гейдельберга. У хутора Коробочка полил такой сильный ливень, что буквально нельзя было стоять против ветра и дождя. К хутору подошли и Марковцы. Противника разбить не удалось, его только слегка потрепали, захватив около 250 пленных и из них 50 курсантов, которых и расстреляли на месте. Еще не успели все вернуться в Гейдельберг, как было получено сообщение, что красные уже пришли в себя и наступают вновь на Марковцев. Под вечер они подошли и к Гейдельбергу и стали обстреливать колонию артиллерийским огнем. Ответным огнем и Первым полком они были быстро отогнаны назад. 1-й полк остался в колонии, а 3-й утром ушел на отдых в Молочное. Красные стали 27 июля опять нажимать на Марковцев и 2-му полку было приказано помочь Марковцам восстановить полностью положение, так как красные к этому времени уже заняли Эристовку. 2-му полку было приказано наступать на Эристовку по ложине, то есть между Марковцами и большевистскими цепями. Красные подходили уже к Гейдельбергу. 2-й полк двинулся по линии фронта, но вскоре частям пришлось свернуть влево на более укрытую дорогу, попав под сильный артиллерийский обстрел. Эта небольшая и совершенно ненужная прогулка по открытому полю обошлась 2-му полку в 23 человека из 1-го батальона, причем был серьезно ранен и командир батальона — полковник Кунцевич. Эристовку к этому времени уже вновь заняли Марковцы и прогулка с потерями оказалась излишней. Полк двинулся на Андребург, а оттуда в Гоффенталь по старой знакомой дороге через Новый Монталь. Начальник штаба дивизии просил об отдыхе всей дивизии, который она вполне заслужила и очень в нем нуждалась. К вечеру многие буквально шатались. Жара изнуряла, постоянные переходы днем и ночью не только лишали нужного отдыха (почти не приходилось даже как следует поспать), но и регулярного питания не было (кухни с едой не успевали прибыть к полкам вовремя), а поэтому питались, главным образом, всякого рода зеленью из бахчей и баштанов (зелеными яблоками, грушами, дынями и помидорами, а также не вполне созревшими арбузами). Весь

скошенный и не убранный хлеб на полях шел на кормежку переутомленных лошадей. (Схема № 6.)

День 26 июля прошел спокойно и дивизия простояла в Гоффентале. С 20 июля фактически началось наступление красных на северном участке фронта. Красным удалось занять только ту территорию, которую части Русской армии оставили без всякого давления с их стороны — согласно полученного приказа Главного командования. На фронт за это время прибыли Самурский пехотный и Кавказский стрелковый полки 6-й пехотной дивизии, — с пятью батареями, имея по 600 штыков в полку.

На Днепровском участке фронта красные, наступая, потеснили части 2-го корпуса, которые отошли почти до Аскания-Нова. Вечером 28 июля красные, наступая на Марковцев, вновь продвинулись и заняли Нижний Куркулак. Ночью 29 июля, около 2 часов, загремела артиллерия красных на всем участке 1-го Армейского корпуса, от Васильевки до Б. Токмака, и даже правее последнего. Гул артиллерийской стрельбы все время нарастал, приближаясь к Гоффенталу. Около 9 часов в Гоффентале была уже слышна ружейная перестрелка. Красные в этот день повели наступление на всем участке 1-го Армейского корпуса. Получив приказание, Дроздовская дивизия в 12 часов выступила из Гоффентала. 1-й и 3-й Дроздовские полки двинулись на станцию Монталь, получив приказание наступать и занять Нижний Куркулак, а затем продвинуться на Ново-Монталь. 2-й Дроздовский стрелковый полк двинулся прямо на Ново-Монталь. У холмов «Шесть братьев» 2-й полк столкнулся с колонной красной конницы, двигавшейся на Гоффенталь. Она была огнем рассеяна и отброшена к Ново-Монталу. Около 15 часов, левее — в направлении на наш тыл, была замечена колонна красной конницы длиной в шесть верст, двигавшаяся на Ново-Нассау, Вассерау и Вейнау. Вначале эту конницу приняли за отступающие обозы Марковской дивизии, но оказалось, что красной кавалерии удалось прорваться в наш тыл, сильно потрепав Марковцев, которые отошли к железной дороге под прикрытие бронепоездов. Южнее Андребурга сильно пострадал 2-й Марковский полк, на который налетела конница красных. Выбыло из строя два батальона,

погибла батарея и смертельно был ранен командир полка генерал Гаттенберг. Только одиночки пробились и вышли к своим, скрываясь в кукурузе. В их числе был и капитан Костенко, командир одной из погибших рот полка. Он вышел весь в крови, совершенно раздетый, с головой кое-как забинтованной. Будучи ранен, он упал без чувств и не помнил, и не знал как и когда его раздели. Ночью он с трудом добрался до Андребурга и свалился у забора, где его нашел житель колонии; наскоро перевязал ему голову и отправил в нашу сторону, так как в колонии находились красные. Другого раненого, капитана Рейнберга, немцы колонисты, по приказанию красных, привезли в колонию, где капитана узнал немец, у которого он был на квартире, и укрыл его у себя. Остальных красные вскоре всех расстреляли.

Вследствие этого прорыва красных в наш тыл, 2-му Дроздовскому стрелковому полку пришлось изменить первоначальную задачу — восстановление положения — и повернуть фронт больше чем на 90 градусов влево, на юг, и занять позицию у юго-западной окраины Гоффенталь. В это время конница красных уже вошла в колонию Ново-Нассау. В тылу у нас началась паника. Все стали спешно эвакуироваться в сторону Б. Токмака. Утром красная конница ворвалась и туда, но Корниловцы, с помощью танков, восстановили положение в этом районе. На станции же Полугород уже приготовились взрывать снаряды. Все говорило, что путь отступления на Федоровку уже отрезан. В городе Мелитополе также приготовились эвакуироваться учреждения и государственная стража.

В это время на участке Дроздовской дивизии красная конница была встречена дружными залпами, пулеметным и артиллерийским огнем. Не ожидая этого, красные сразу опешили и потом стали принимать вправо, то есть назад. С юга вмешались в эту операцию запасные части Дроздовской дивизии, чтобы закрыть дыру в прорыве. Под вечер конная батарея красных основательно обстреляла, стоящую на открытой позиции, 3-ю Дроздовскую батарею. Был смертельно ранен походник — поручик Мазинг, а также ранены ездовые Ковалев, Косов и Орещенко, убито 2 и ранено 10 лошадей.

3-й Дроздовский стрелковый полк, продвинувшись влево от Ново-Монталья, стал заходить в тыл красных. Видя все эти маневры Дроздовской дивизии, красные догадались, что для них готовится мешок и, опасаясь судьбы Жлобы, стали поспешно уходить из уже почти приготовленного мешка. 3-й полк вскоре захватил два исправных орудия, и после захода солнца занял колонию Ново-Нассау. 2-й полк в 22 часа пришел в Гоффенталь, где и остановился на ночлег. После того как 1-й и 3-й Дроздовские полки из Нижнего Куркулака передвинулись дальше, в последний вновь прибыли красные.

Предпринятый красными прорыв в наш тыл полностью сорвался. Заняв село Нижний Куркулак, Дроздовцы захватили 2 шестидюймовые гаубицы, 3 сорокавосемиллинейных, 2 сорокадвухлинейных дальнобойных орудия и 4 легких.

Вывести взятые орудия, кроме 2-х сорокадвухлинейных, было не на чем и пришлось их бросить, сняв с них замки и взяв с собой панорамы. Кроме взятых орудий в руки Дроздовцев попало свыше 1000 пленных и пулеметы. Красной коннице удалось избежать судьбу Жлобы, понеся большие потери. (Схема № 6.)

30 июля утром наши артиллеристы выпустили несколько 42-линейных снарядов по Нижнему Куркулаку, прямо от штаба 1-го полка, — из захваченных накануне у красных орудий. Около 10 часов было получено приказание приготовиться к наступлению. Полки выступили в 15 часов. 3-й Дроздовский полк двинулся на колонию Розенталь, 2-й Дроздовский стрелковый полк — на колонию Ново-Монталь, а 1-й полк продвигался сзади в резерве. Начиная от бугров «Шесть братьев» до колонии Ново-Монталь местность, на протяжении семи верст, совершенно открытая: нет ни одной складки, ни одной закрытой артиллерийской позиции. Дроздовская дивизия двигалась общей колонной, имея впереди разведку и роту в цепи. Подошли версты на 3 к колонии Ново-Монталь. Оттуда ни одного выстрела. Полная тишина, и казалось вначале, что колония оставлена красными. Вдруг, неожиданно, начался сильный ружейный огонь и вскоре к нему не замедлил прибавиться и обстрел артиллерийским огнем колонны наступавшей Дроздовской дивизии.

Первым снарядом по третьей батарее были ранены капитан Андриевский и ездовой Поляков. Батарея сразу свернула в кукурузу и стала на позицию. Открыв ответный огонь, быстро сбила стрелявшее орудие красных. Появившуюся красную кавалерию отбросила огнем наша пехота. Бой под Ново-Монталем затянулся до темноты. Около 20 часов пыль от выстрелов и разрывов снарядов достигла таких размеров, что на 3 версты уже ничего нельзя было увидеть, даже разрывов наших снарядов, а поэтому корректировать стрельбу было очень трудно. Постепенно, хотя и медленно, меняя много раз позиции, части 2-го полка, наконец, заняли колонию Ново-Монталь. Красные стреляли очень много, но из-за поднявшейся пыли почти без результата и поэтому наши потери в этот день были ничтожны. 1-й полк наступал правее 2-го, а 3-й — на Розенталь и, заняв его, в нем заночевал. Остальные части Дроздовской дивизии на ночь разместились в колонии Ново-Монталь. Ночью конница красных с броневиками два раза пыталась атаковать наши части в Ново-Монталь, но каждый раз была отбита огнем. Жители колонии рассказывали, что там были буденовцы, которые сильно грабили их и говорили, что им было приказано окружить и уничтожить Дроздовцев. Также они говорили о вчерашней операции, что им едва удалось избежать судьбу Жлобы, и во всех своих неудачах обвиняли своих комиссаров и даже хотели с ними расправиться. Паника у них в тот день была большая.

Перед рассветом на 31 июля 1-й Дроздовский полк двинулся на колонию Гейдельберг, а 3-й полк — на Андребург. Генерал Манштейн со своим полком сразу же занял Андребург и Гринвальд, после короткого боя, но с 1-м полком вышла совсем неожиданная и со многими жертвами история. Об этом, вернее о бое под Гейдельбергом, подробно написано в книге генерала Туркула «Дроздовцы в огне».

«Гейдельберг старинный город в Германии, кабачки, песни, дуэли, бурши в романтических плащах... Но Гейдельберг в Таврии — тихая немецкая колония верстах в трех севернее Монталья в ложбине. (Схема № 6.)

На Гейдельберг, занятый красными, наступал 31 июля третий батальон 1-го полка под командой полковника Бик-

са. Доблестный полковник Бикс атаковал красных еще в потемках и вышиб их из колонии. Третья офицерская рота, пулеметчики, команда пеших разведчиков вышли севернее колонии на холмы. В этот момент красные ударили в контратаку. Они навалились на третий батальон и он начал отходить. Уже посветлело. В бинокль я заметил, что отступают одни наши белые околыши. Цепь за цепью, цепей восемь. Со мной команда пеших разведчиков, пулеметчики, офицерская рота. Отступать на нас, стало быть может только один батальон Бикса, а надвигаются целые полчища в белых околышах.

Что за чертовщина?

Я подозвал командира пулеметной роты капитана Павла Михайловича Трофимова, блестящего офицера, великого молчаливца. Павел Михайлович отдал под козырек и с совершенным хладнокровием пошел к пулеметам. Пристрелка. Снова молчание. Вдруг заскрежетали все двадцать четыре пулемета. Я вижу, с третьей цепи, наши стали косить белые околыши.

— Господи, но там наши, — промолвил за мною кто-то из адъютантов.

Подскакал полковник Бикс.

— Ваше превосходительство, вы стреляете по своим. Это мой батальон.

— Сколько у вас штыков?

— Пятьсот.

— Возьмите бинокль и смотрите. Сколько там наступает?

— Что такое?!... Там несколько тысяч.

— Ваших?

— Нет.

— Конечно нет. Наших только первые три цепи, а за ними красные. Они надели фуражки с белыми околышами. Военная хитрость, вернее подлость.

Мы стоим на холме. Красные спускаются в долину Гейдельберга. Видны их цепи, сметаемые пулеметным огнем. Третьему батальону полковника Бикса я приказал отходить на меня. Первый и Второй батальоны, отступающие за третьим, ошиблись дорогой и вышли не на правую окраину Гейдельберга, где я сосредотачивал силы, а на левую. К ним

поскакали ординарцы. Я приказал обоим батальонам идти беговым шагом ко мне. Нам надо было сойтись до того, как в Гейдельберг войдут красные, иначе нас раскромсают по кускам. Наша артиллерия, ставшая на позиции ночью, оказалась теперь открытой для большевиков. Большевики покрывали батареи таким огнем, что нельзя было подать передки, чтобы сняться с места. Так мы могли потерять все наши пушки. Большинство чинов штаба переранено, другие разосланы. Я приказываю команде пеших разведчиков прислать отделение для связи. Под отчаянным пулеметным и ружейным огнем, команда храбрецов, печатая шаг, подходит. С ними храбрый капитан Байтадоров, коренастый, суровый. Отдавши ногу, звякнули ружья, замерли. Веет огонь.

— Господа, — мой голос осекается, — Первый и второй батальоны еще не подошли. Третий отступает. Мы одни. Наша артиллерия на открытой позиции. При отходе мы вынуждены оставить все пушки. Первый полк никогда не бросал артиллерию, не бросит и сегодня. Примите боевой порядок и как только ворвутся большевики — в штыки.

Гремит, проносится огонь. Стоит дружина. Окаменели лица. Отблескивают белки глаз.

— Вы поняли, господа?

Точно сильно дохнула одна грудь:

— Поняли.

Степной ветер шумит над нами. Есть в его шуме щемящее древнее дуновение, и мне кажется, что так уже было с нами много веков назад: горячий ветер в степи, серый блеск ковыля, суровая дружина, шум стягов над нею.

Офицерская рота и команда пеших разведчиков развернулись в боевой порядок.

Красные всадники уже скакали по колонии. Конница обходит нас справа. Я поскакал к пулеметной роте, бывшей правее. Мне перерезали дорогу первые большевики. Впереди бежал рослый парень в белой рубахе. В одной руке блещет наган, в другой ручная граната. Рубаха надулась от ветра, лицо блестит от пота:

— Товарищи, вперед!

Я прицелился, уложил белую рубаху из маузера. Ручная

граната большевика, сверкая, заковыляла в пыли и откатилась. Команда пеших разведчиков двинулась в атаку. Трофимовская пулеметная рота заметила обход красных. В Гейдельберге начался настоящий ад. Офицерская рота, не успевшая было полностью развернуться, подалась было назад, но потом, повернувшись, пошла в контратаку.

Тогда-то, серый от пыли, в потоках пота, сипло дыша, к нам бегом подоспел второй батальон под командой доблестного полковника Василия Петровича Конькова. Из пересохших глоток вырывалось яростное «Ура».

Под лобовым натиском большевики откинуты назад, но справа, от мельницы, за колонией, на нас поднимаются новые цепи.

— Полковник Коньков, видите мельницу? — крикнул я командиру второго батальона.

— Вижу.

— На мельницу, в атаку.

Я сорвал голос. Песок и пыль хрустят на зубах, мешаясь с соленым потом. Полковник Коньков во весь рост вышел перед головными пятой и шестой ротами:

— Братцы за мной, ура!

Огонь такой, что не двинуться живому. Кипит пулевая пыль. От огня блещет желтым блеском воздух, рассекаемый со звоном, точно вот-вот загорится. Не подняться.

Я подбежал к Конькову. Голос сорван совершенно:

— За мной, братцы, ура!

Все лежат и кричат «ура». Блеск на винтовках, на манерках. Приподымаются на колена, упираясь рукой в землю, лица напряжены до черноты, открыты от крика рты. Хотят встать, натужены жилы на руках, на лбах. Привстают, и снова, с тяжким гулом падают в пыльную траву.

Не встать. Неутихаемый, мучительный рев «ура» катится над степью. Они кричат с набрякшими жилами, рты открыты, выкачены невидящие глаза, они хотят встать, но сильнее человеческих сил — сила огня, животное чувство жизни гнет нас всех к земле.

В отчаянии, в бешенстве, я кричу двум стрелкам, лежащим около меня:

— Вперед, вперед, ура!

И оба, ничего не видя перед собой, грузно, точно стопудовые, отрываются от земли. Поднялись и шатаясь, побежали вперед. И тогда, железным лязгом, ослепительно сверкнувши, поднялась вся цепь, кинулась вперед.

Три-четыре минуты атаки. Красных погнало, но справа, под новым натиском, отходит команда пеших разведчиков, офицерская рота. Скорым шагом, сильно отбивая ногу, к нам подошли первый батальон полковника Петерса и третий батальон полковника Бикса. Первый батальон, рассыпавшись на ходу в цепь, двинулся в контратаку. Еще не было, я думаю, девяти утра, когда красные отступали по всему фронту.

День стал жаркий, влажный, со столбами пыли и мглой над выжженной степью. Гейдельберг заняли с налета, причем озверение дошло до того, что расстреливали и докалывали раненых. В полку было около 150 раненых, до 30 убитых и 26 попало в плен из третьего батальона. Полк расстрелял всех захваченных красных в Гейдельберге (до 200 человек). На улицах Гейдельберга валялись убитые, солдатское тряпье в крови, расстрелянные гильзы.

Полк прошел пыльную колонию. В поле, за Гейдельбергом, у большой скирды соломы брошены четыре орудия. Кругом лежат убитые артиллеристы. Под самой скирдой раненый, перегнувшись вдвое, стонет и выкашливает кровь. Меня удивило, как мы могли перебить здесь команду красных, когда не видели их, даже не подозревали о четырех пушках у скирды. Я решил, что все разбросал удачный разрыв нашей шрапнели. Ветер шевелит длинные концы соломы. У скирды полная тишина смерти. Через серую пушку, отблескивающую солнцем, перевесился убитый наводчик.

Уже собираясь уходить, я посмотрел наверх и замер в полном изумлении. Увешанные космами соломы, коренастые, сухопарые, как два смуглых Калебана с винтовками, на меня смотрели сверху два загорелых стрелка в дроздовских фуражках. Оба прискалены, по скулам течет пот. Они смотрели на меня с таким же удивлением, как и я.

— Какой роты? — крикнул я, не веря что это наши.

— Так что, разрешите доложить, команды пеших разведчиков.

— Но как вы попали сюда?

Оба разведчика, увешанные соломой, стали втолковывать мне, как именно попали на скирду. Они пошли в атаку, не заметили, как вырвались вперед. Наши отступили, их обошли большевики и пробиться к своим оба разведчика не успели: впереди уже были большевики. Пропали удалые. Но вот громадная скирда. Стрелки проворно забрались на нее, зарылись, закидали себя соломой.

— Да на что же вы надеялись?

— А на то, мы, ваше превосходительство, надеялись, что верх все равно будет наш, что Первый полк выручит беспрременно.

Оба стрелка зарылись. Бой уходил дальше. Все не наш верх. Так они таились около часа. Вдруг слышат лязг пушечных цепей. На рысях скачет к скирде батарея. На помятых фуражках красные звезды. Товарищи с проворством снялись с передков. Один полез на скирду. Наблюдатель. Оба наших затаили дыхание. Притиснулись друг к другу. Вот-вот красный наблюдатель наступит на плечо, на руку.

— Скирда, ваше превосходительство, сами видите, шагов сорок длины. Наблюдатель до нас шагов пять не дошел. Ходит по соломе, шуршит. Такую пылицу поднял, что чихнуть страсть хочется. Мы руками носы, рты зажимали, чтобы не чихнуть. Вдруг слышим «ура». Ближе к нам подается. Тогда мы поняли, что подходит наш полк.

— Да как же вы поняли? По «ура»?

— Так точно. У товарищей крик большой и точно по низу идет, а у нас поверху рвется. Узнать легко.

— Ну, и что?

— Ну, когда обратно подходит, мы поняли, что верх будет наш. Тогда высунулись оба из соломы, схватились за винтовки и давай бить. Наблюдателя первого со скирды долой.

— Сколько выпустили?

— Патронов шестьдесят. Прямо, как из пулемета крыли.

Красный офицер в долгополой шинели лежит лицом в траву. Стекла бинокля разбиты. Вокруг пушек я насчитал четырнадцать убитых. Большевиков, по-видимому, охватил ужас от внезапного огня сверху. Видимо они были убиты.

когда не оглядываясь, убегали. Скоро к скирде подошла команда пеших разведчиков. Начальник команды стал докладывать о потерях, что двое пропали без вести...

— Да вот они, без вести пропавшие.

Вся команда смотрит снизу, а два стрелка, черные от загара, очищая с себя солому, прискаленные, порывисто дыша, стоят на скирде.

Пошли расспросы. Один из них бывший матрос, а другой наш, из суровых хуторян. Я не могу назвать их имен — они оба теперь в Советском Союзе.

Бой утих, но через три часа вновь загремели пушки. Снова покатились серые цепи красных. Поперло бессмысленное число. Весь полк втянулся в бой. Когда у меня в резерве осталась только офицерская рота и команда пеших разведчиков, мне доложили, что первый батальон полковника Петерса отступает. Я повел весь резерв в атаку на помощь доблестному батальону. Увидя подмогу, батальон повернул назад в атаку. Ударил всей грудью. Большевики дрогнули и откатились назад. К сумеркам умолкла последняя пушка.

Как было странно видеть ласточек, прометывающихся низко над улицей, свет зари в тихой луже. Под Гейдельбергом разбили первую советскую стрелковую дивизию, отборные красные войска, гарнизон красной Москвы. Все пленные были ладно одеты, хорошо накормлены. Мы заметили у них старую солдатскую дисциплину.

Тяжелый бой под Гейдельбергом напомнил нам бои Великой войны. Мы израсходовали 2000 снарядов, а красные на столь маленьком участке свыше 10 000. Из строя у нас выбыло свыше 300 человек. Этот бой у Дроздовцев зовется боем адъютантов. Все полковые адъютанты были переранены или убиты. Смертельно ранен адъютант второго батальона — поручик Сараев, ранен адъютант первого батальона поручик Гичевский, мой штабной адъютант — шт. капитан Виноградов, теперь в изгнании принявший монашество, ранен адъютант Степанищев, ранен начальник пулеметной команды — капитан Трофимов. Не останови Трофимовская пулеметная рота ужасным огнем обход справа, день Гейдельберга мог бы кончиться для нас разгромом.

Гейдельберг, вымершая и выжженная солнцем степная колония. В пыльном поле, где шумит и сегодня степной ветер с кладбищенским, древним звуком, спят вместе до Страшного Суда и белые, и красные бойцы. И над всеми ходит, качается, блистая на солнце, трава забвения, серый ковыль». (Схема № 6.)

2-й Дроздовский стрелковый полк, во время этого боя, находился в колонии Ново-Монтале и его к 19 часам вытянули на позицию. Красным этот день обошелся недешево. С нашим броневику «Кречет» произошел следующий случай во время боя. Когда он въехал в цепь красных у него вдруг остановился мотор, так как пуля попала в бак, пройдя в маленькую щель в броне. Пулеметным огнем он разогнал красных вокруг себя, после, солдат механик вышел из броневика и произвел необходимое исправление, будучи во время этого ранен пулей в руку. За это он был представлен к награждению орденом св. Николая, а также и те два лихих разведчика, о которых вспоминает генерал Туркул, которые перебили почти всю прислугу красной батареи у скирды возле Гейдельберга. В автомобиль начальника Дроздовской дивизии, генерала Кельнера, попал снап пуль разорвавшейся красной шрапнели. Был убит шофер и слегка попорчен автомобиль. Кроме взятых у скирды четырех орудий в Гейдельберге красные оставили еще два орудия и сгоревший броневик.

В этот день красные выкинули с Корниловцами следующий номер. Они подпустили их почти вплотную к деревне и затем открыли в упор сильный огонь. Корниловцы были отброшены версты на полторы от деревни, а Нижний Куркулак остался в руках красных. Марковцам же, наоборот, в это время повезло и они изрядно трепанули красных, разбив их бригаду. Корниловцев частично сменили части 6-й пехотной дивизии, прибывшие на этот участок фронта. Теперь все части 1-го Армейского корпуса были втянуты в бой. Марковцы занимали участок фронта — Васильевка—Карачекрак, Дроздовцы — Эристовка—Гейдельберг, причем 3-й Дроздовский полк был в резерве, Корниловцы находились в районе Нижнего Куркулака и правее их — полки 6-й пехотной дивизии. Против 1-го Армейского корпуса красные вы-

ставили 1-ю, 3-ю, 42-ю и 46-ю стрелковые дивизии и всю 2-ю конную армию. На этот участок фронта красные подтягивали также 8-ю и 15-ю стрелковые дивизии и должна была подойти Червонная казачья дивизия.

1 августа около 12 часов 2-й Дроздовский стрелковый полк сменил в Гейдельберге 1-й Дроздовский полк. Позиция в Гейдельберге весьма плохая, так как колония расположена в яме и справа и слева к ней подходят глубокие лощины. Если месяц тому назад эту колонию было тяжело удерживать, то теперь, при наличии у красных громадных сил, с этой позицией был совсем гроб. День прошел на этом участке относительно спокойно. Правда, красные подходили к колонии, но особенного нажима с их стороны не было и их легко отбрасывали каждый раз артиллерийским огнем. Их артиллерия в течение дня обстреливала позиции батарей и вела огонь по колонии, а на буграх до темноты маячила лава красных. Ночью разведка красных подходила к колонии и была обстреляна нашими заставами.

В этот день, перейдя в наступление, Корниловцы заняли село Нижний Куркулак. Также была получена сводка, из которой стало известно, что линия фронта на участке 2-го Армейского корпуса проходила так — Скадовск—Маячки—Черненькая—Черная Долина—хутор Мариановский—Ново-Александровка. В районе Алешек наши части отрезали группу красных. На Днепровском участке фронта 13-я пехотная дивизия взяла в плен свыше 800 красных, а кавалерийские части — 2000 пленных и захватили 3 орудия. Три повторные атаки корпуса генерала Слащева на Каховку успеха не достигли и предмостное укрепление у Каховки осталось в руках красных. В боях на этом участке фронта принимала участие почти вся авиация Русской армии. (Схемы №2 и № 7.)

На Кубани был высажен десант и у города Ейска, кроме уже высаженных десантов на Тамани и между Адлером и Сочи. Положение в Польше было катастрофическое. Красные подошли к столице и их кавалерия появилась в 19 км от Варшавы. Опубликовано было соглашение между генералом Врангелем и правительствами Дона, Кубани и Терека, по которому все военные силы подчинялись ему, а внутрен-

няя жизнь казаков устраивалась по их собственному желанию.

Франция признала правительство генерала Врангеля. Америка солидаризировалась с ней и отказалась признать советскую власть в России.

На участке Дроздовской дивизии день 2 августа прошел сравнительно спокойно. На участке 2-го полка — артиллерийская перестрелка. Было замечено также передвижение красной пехоты, кавалерии и обозов между Коробочкой, Гохгеймом и Барбараштадтом. На рассвете 3 августа красные повели наступление на колонию Гейдельберг. Первый их порыв был быстро остановлен и они залегли на прицеле 20—24 от батарей и до полудня вели интенсивный обстрел, а потом вновь атаковали наши позиции при поддержке броневиков, из которых один был подбит и едва успел отойти в сторону Гохгейма, но красной пехоте удалось занять бугры у самой колонии, что вынудило 2-й Дроздовский полк отойти от Гейдельберга, версты на две-три, в сторону Ново-Монталя. Приблизительно через час после этого на правый фланг 2-го полка вышел, подошедший из Ново-Монталя, 1-й Дроздовский полк. В 13 часов 2-й полк из лощины через бугор Шанцы атаковал красных. Неожиданно на атакующие цепи полка выскочила конница красных и врубилась в цепи 1-го батальона. Дальнейшее продвижение красной конницы было остановлено артиллерийским огнем, но среди стрелков 1-го батальона было много раненых и часть порублена. В 15 часов 2-й полк вновь занял Гейдельберг и к вечеру оттеснил красных далеко от колонии. В этот день досталось и Дроздовским батареям. Было двое убитых и восемь раненых батарейцев и пять коней. В довершение сего, наш аэроплан, по ошибке, сбросил на позицию 3-й батареи 4 бомбы и обстрелял орудия из пулемета. К счастью потерь не было. (Схема № 6.)

День 4 августа на участке дивизии прошел в перестрелке. 1-й полк занимал колонию Андребург, 2-й полк — позиции у колонии Гейдельберг, а 3-й Дроздовский полк был в Ново-Монтале в дивизионном резерве.

В районе Днепра удалось ликвидировать прорыв красных и они отступили за Днепр, причем очень много красных

потонуло при переправе на правый берег Днепра, но окончательно выбить красных из укрепленного района Каховки не удалось. (Схема № 7.)

Генерал Врангель обратил особое внимание на наш флот и приказал привести в порядок ряд боевых судов, которые до этого бездействовали в Севастопольской бухте.

Ночью на 5 августа красные повели наступление на Корниловцев и Марковцев. Уже с 2 часов доносился гул артиллерийской стрельбы, с их участков, что заставило и 2-й Дроздовский полк занять оборонительные позиции впереди колонии Гейдельберг. Около 6 часов обозначилось наступление красных крупными силами и на участке полка. Красные наступали бешено. От открывшейся стрельбы пехоты, от выстрелов орудий и разрывов снарядов поднялась такая пыль, что ничего нельзя было разобрать и разглядеть. 2-й Дроздовский полк отступил и красные ворвались в колонию. 3-я батарея едва успела сняться с позиции. Последнее орудие едва вытащили на руках номера, под сильным огнем красных. В колонию вскочил броневик красных. Человек 70 стрелков 2-го полка, не успев выскочить из колонии, попрятались в домах. Броневик налетел на 3-ю батарею, обстрелял ее из пулеметов. Пострадала пулеметная тачанка батареи: был убит подпоручик Якубовский и ранен солдат Аникин. Одновременно, справа, выскочила также и конница красных, но огнем восьми орудий и дружными залпами пехоты была отброшена. Пехота красных, пройдя колонию, стала выходить на бугры. 2-й полк, отступив версты на три от колонии, перестроился и контратаковал красных. Встреченный сильным огнем с близкой дистанции, принужден был залечь, потеряв до 100 человек. В это самое время от мельницы вылетела красная конница. Ей на встречу понесся наш броневик «Кречет», заставил ее изменить направление и удирать вдоль фронта. 3-я батарея выпустила по красной коннице почти все свои снаряды. Великолепно было видно, что целые группы лошадей скакали без всадников. Все говорило, что Гейдельберг будет вновь занят нами, но, неожиданно, было приказано полку отходить. Как потом стало известно, приказ об отходе последовал потому, что в районе Ново-Монталя на 3-й Дроздовский полк налетела конница

красных и 3-й батальон полка попал в очень тяжелое положение: часть стрелков была порублена, много попало в плен и только единицам удалось спастись. До селения Гохштадт 2-й Дроздовский стрелковый полк отошел без давления со стороны красных. 1-му Дроздовскому полку пришлось также отойти, оставив Андребург. В этот день Дроздовские батареи израсходовали почти весь запас своих снарядов, а дивизия понесла значительные потери. В 3-м полку фактически остался только один батальон. Во 2-м полку в строю считывалось лишь 300 стрелков и только в 1-м полку в строю было свыше 1000 стрелков. Красные наступали очень крупными силами и бросали в атаку тучи пехоты и массу кавалерии, поддержанных броневиками и артиллерийским огнем из большого числа орудий. В ночь на 6 августа 2-й и 3-й Дроздовские полки отошли вправо в Ново-Нассау, а 1-й полк со штабом дивизии расположился в колонии Гохштадт.

Корниловцы и Марковцы целый день вели упорный бой с наступающими на них красными, понесли также большие потери, но удержались на своих позициях.

С Кубани были приятные новости. Наши части продвинулись вперед, заняли станицы Брынковскую и Роговскую и захватили 1 бронепоезд, 4 броневика, 2 тяжелых орудия, много пулеметов и пленных. (Схема № 8.) В десантной операции принимали участие Дроздовские Конно-горная и 7-я конные батареи (Конно-артиллерийский дивизион полковника Колзакова).

У Каховки продолжались бои без успеха для Русской армии.

Генерал Туркул принял от генерала Кельнера Дроздовскую дивизию, а командиром 1-го Дроздовского полка был назначен полковник Мельников. Последовал приказ перейти в наступление, а поэтому в 9 часов утра 6 августа 1-й Дроздовский полк повел наступление на колонию Фридрихсфельд, а остальные полки дивизии — на Розенталь. На Ново-Монталя должны были наступать Корниловцы, а на Гейдельберг Донцы генерала Морозова. Пройдя Ново-Нассау, верстах в двух от Гохштадта Дроздовцы встретились с конницей красных и артиллерийским огнем разбили ее на две группы. Одна группа ускакала в сторону Розенталя, а дру-

гая — в Ново-Монталь. Около полудня 1-м полком был занят Фридрихсфельд. После этого 2-й и 3-й полки стали продвигаться вперед и огнем трех батарей красная конница была сбита с бугров у колонии Розенталь и после часовой перестрелки наша пехота заняла колонию. Дроздовцы двинулись дальше, и пройдя мимо колонии Ново-Монталь наша артиллерия вновь обстреляла конницу красных, уходившую из колонии. 1-й полк наступал в направлении на колонию Гринталь, а 2-й и 3-й полки — на Андребург. Когда цепи Дроздовцев подошли к колонии Андребург на одну версту, красные встретили их огнем, и только после получасового боя удалось выбить их из колонии. Надо отметить, что красные стали очень самоуверенными и наглыми. На окраине Андребурга стояла у них пушка и продолжала вести огонь еще и тогда, когда наши цепи уже занимали колонию. Она была подбита нашей батареей и все предполагали, что красные не смогут ее вывезти, но когда наши стрелки подошли к месту ее стоянки, там нашли только один труп и пустые гильзы. В Гринтале 1-м полком было захвачено 100 пленных, а конницей генерала Морозова был занят Гейдельберг. Весь день, таким образом, прошел в восстановлении прежнего положения на участке дивизии. Вчера Дроздовцы отходили, а Корниловцы и Марковцы удержали свои позиции. Сегодня же получилось наоборот, и Дроздовцы продвинулись вперед, а Корниловцы отступили и оставили Нижний Куркулук, Марковцы же отошли на Михайловку. В их районе красным удалось отрезать и захватить наш бронепоезд «Генерал Алексеев», участвовавший, после ремонта, первый раз в бою. Наши аэропланы, приняв конницу генерала Морозова за кавалерию красных, напали на нее. Пострадали командир одной бригады, командир полка и несколько всадников, будучи ранеными. На станции Федоровка выгрузились, прибывшие из Севастополя, Атаманский и Лейб-казачий полки. Для сокращения фронта, ввиду отступления Марковцев, в три часа 7 августа Дроздовцы оставили Фридрихсфельд и отошли к Андребургу, который к вечеру был занят красными. (Схема № 6.) К Марковцам прибыло пополнение в 600 шттыков, — из числа прибывших из Польши чинов армии генерала Бредова.

Дело с ликвидацией предмостного Каховского плацдарма красных неожиданно приняло печальный результат. Красные повели наступление, но 2-му корпусу удалось выйти красным в тыл и отрезать их от Каховки. Генералу Слащеву было приказано занять Каховку, взорвать переправы на Днепре и удерживать Каховку. Каховка была взята. Уже в штабе стали подсчитывать возможные трофеи, но генерал Слащев, вместо того чтобы уничтожить переправы, на свой риск перешел с частями корпуса через Днепр. Оттуда его красные шибанули так, что он едва вынес с той стороны ноги. Части корпуса понесли большие потери и была потеряна половина корпусной артиллерии. Отрезанная от переправ группа красных войск пробилась к Каховке, вновь овладела не только местечком, но и уцелевшими переправами и закрепила их за собой. После этого красные в свою очередь атаковали расстроенные части 2-го корпуса и заставили их спешно отступить от Каховки. Приказом генерала Врангеля, генерал Слащев, вследствие расстроенного здоровья (кокаин был виной этого) был уволен на покой, а чтобы позолотить пилюлю, ему к его фамилии добавили слово — Крымский. Командующим 2-м корпусом был назначен генерал Витковский, а 1-й Армейский корпус принял генерал Писарев.

Приостановку наступательных действий Русской армии и переход ее к активной обороне в Северной Таврии, советский военный писатель Коротков объясняет невозможностью продолжать начатое наступление вследствие измотанности наших войск, как результата оказанного им красными сопротивления. Коротков, видимо, выпустил из внимания то обстоятельство, что после выделения десантного корпуса на Кубань, части Русской армии выполняли только намеченный генералом Врангелем летний план кампании. Генерал Врангель считал, что у него нет достаточных сил для продолжения наступательных действий без увеличения состава Русской армии и что единственным источником для пополнения живой силой Армии могут явиться только казачьи области России, тем более, что после отступления Добровольческой армии к Новороссийску, на Дону и на Кубани остались десятки тысяч казаков, разошедшихся по своим ста-

ницам с оружием, снаряжением и лошадьми, кроме того на оставленной территории были брошены громадные запасы боевого имущества, которое по тем или иным причинам продолжало оставаться на своем месте, особенно на Кубани. Генерал Врангель считал, что для расширения базы борьбы с красными можно рассчитывать только на местные силы, а таковые могут быть только на территории казачьих областей и в первую очередь на Кубани, где в это время уже во многих местах обозначились активные действия отдельных отрядов восставших казаков. Вот именно все эти расчеты, предположения и соображения привели к решению о посылке десанта на Кубань и переходу в Северной Таврии к активной обороне, в надежде что десантная операция закончится освобождением богатых областей Кубани. Возможно, что генерал Врангель предполагал даже, в случае успеха, оттянуть войска к крымским перешейкам, закрепиться на них, а большую часть своих войск направить на Кубань для развития там достигнутых успехов, а в будущем создать там базу для дальнейшей борьбы с красными.

Вследствие создавшегося положения на Крымском участке фронта в июле и августе получился своего рода танец на месте. Красные все время пытались во что бы то ни стало отбросить части Русской армии обратно в Крым и даже совсем их уничтожить, чтобы развязать себе руки для дальнейшего похода на Запад, что они не могли осуществить при наличии Крымского фронта со столь активным противником, Русской же армии пришлось активно обороняться, чтобы удержать свои позиции в Северной Таврии.

Всем в Крыму было известно, что до выдвижения Русской армии из Крыма, в то время, когда красные сами собирались перейти в наступление, чтобы окончательно ликвидировать участок фронта на юге России, их агентами повсюду распространялись слухи о том, что под властью большевиков в России жить уже стало лучше, что нет больше прежних эксцессов, все приводится к известной норме и законности, что власть приближается к нормальной — государственной и т. п. Все это было обычной пропагандой несоответствующей истинному положению вещей, но все эти слухи, вольно или невольно, распространялись в тылу Армии и в

Крым не только советскими агентами, но также и легковыми людьми. Только после освобождения Русской армией Северной Таврии вся эта пропагандная ложь оказалась несостоятельной. Наоборот, летом стали появляться слухи о волнениях в оккупированных большевиками областях Дона, Кубани и Терека среди казаков. Посылаемые в те области разведчики доносили, что жители укрывали их от красных властей и оказывали им помощь. Вскоре появились сведения о вспыхнувших на Кубани восстаниях, о действиях партизанских отрядов генерала Фостикова, полковника Скакуна, полковника Крыжановского и других более мелких отрядов. Появились и сведения о том, что советская власть намерена принять меры по разоружению населения Кубани и о выселении казаков в центральные области России и даже в Сибирь. Согласно исследованиям советского военного писателя Короткова численность партизан в первое время определялась в 15 000 штыков и сабель, при 5 орудиях и 60 пулеметах, — в то время когда генералом Врангелем подготавливался десант на Кубань. С целью более глубокой разведки были произведены две десантные высадки и на территории Дона. Одна такая десантная группа казаков, под командой полковника Назарова, высадившаяся западнее Таганрога, проникла далеко в Донскую область, по данным того же Короткова, вначале имела успех и увеличилась численно до 1500 человек. Она окончательно была ликвидирована только когда против отряда полковника Назарова были посланы две пехотных и одна конная дивизия. Под станицей Константиновской полковник Назаров потерпел поражение, а когда отступил к селению Жеребково на Маныче, его отряд был там окружен и окончательно ликвидирован. Только немногие успели скрыться в Сальских степях, сам же полковник Назаров в числе других попал в плен. После многих мытарств полковник Назаров в середине августа прибыл в Севастополь, где доложил что население станиц сочувственно относилось к его отряду, но, боясь жестокой расправы в случае неудачи, к отряду присоединялись очень немногие. Вторая группа численностью в 1000 человек, высадившаяся восточнее Мариуполя, успела только дойти до станицы Ново-Николаевской и захватить ее. Там она была 26 июня окру-

жена советской конницей и ликвидирована. Сведения доложенные полковником Назаровым были неблагоприятны для десантных операций, но, к сожалению, командование Русской армии получило их уже после десанта на Кубань. О настроениях на Кубани и сам генерал Врангель получил полное впечатление, побывав в августе в станице Таманской, где присутствовал 11 августа на молебне и на станичном сборе. По его словам, он нашел станицу почти пустой, а оставшиеся казаки были запуганы до крайности, в успех белых не верили и со страхом ожидали возвращение красных.

Высадка первого десанта на Кубань была назначена на 1 августа в районе станицы Приморско-Ахтарской. Цель этой десантной операции была: захват плацдарма в западной Кубани, закрепление его, энергичное наступление вглубь области, чтобы соединиться с восставшими и действующими партизанскими отрядами. В состав десанта входили 1-я Кубанская конная дивизия генерала Бабиева, численностью в 1000 шашек при 6 орудиях 3-го Конно-артиллерийского дивизиона полковника Колзакова (дроздовские Конно-горная и 7-я конная батареи) при 35 пулеметах; 2-я Кубанская дивизия генерала Шифнер-Маркевича, численностью 900 штыков и 100 шашек при 8 орудиях и 48 пулеметах; Сводная пехотная дивизия генерала Казакевича, в которую входили 1-й Кубанский стрелковый полк, Алексеевский пехотный полк, Алексеевский артиллерийский дивизион, Константиновское и Кубанское военные училища — всего около 2500 штыков, 8 орудий и 50 пулеметов. Общая же численность десанта была 4500 штыков и сабель при 133 пулеметах и 26 орудиях.

Советский военный писатель Коротков, указывая в своей книге численность боевого состава десанта, показал иное. По его книге пулеметов было на 50 меньше, но зато — 12 000 штыков и сабель. Видимо, он в число строевых бойцов поместил и чинов тыловых частей и погрузившихся на транспорты беженцев.

По данным же флота было погружено всего 16 000 человек и 4500 лошадей.

Одновременно в район Анапы был отправлен второй десантный отряд под командой генерала Черепова, с целью демонстрации, в составе Корниловского военного училища и

Черкесского дивизиона в пешем строю при двух горных орудиях. Десантом в районе Приморско-Ахтырской командовал генерал Улагай.

В то время на Кубани и Северном Кавказе была расквартирована 9-я советская армия под командой Левандовского, численностью, по данным Короткова, в 24 000 штыков и сабель при 133 орудиях и 650 пулеметах. В Реввоенсовете Кавказского фронта в то время был С. Орджоникидзе.

Операции десантов на Кубани вначале развивались успешно, но в районе Анапы вскоре начались тяжелые бои. 5 августа частями Сводной пехотной дивизии была занята станица Тимошевская, а генерал Бабиев со своей дивизией занял станицу Брюховецкую, разгромив 1-ю советскую кавалерийскую дивизию. Начальник этой дивизии, Мейер, попал в плен со всем своим штабом и всей артиллерией. Заняв в тот же день станицу Поповическую, части десанта генерала Улагая соединились с повстанческим отрядом полковника Скакуна и к десантному отряду присоединились до 2000 казаков из освобожденных станиц (Схема № 8.)

Красное командование в спешном порядке в течение трех дней сосредоточило в районе реки Бейсуг довольно крупные силы против десантных частей. Туда прибыл полк из Армавира, из фронтового резерва 2-я Донская и 9-я стрелковые дивизии и стали подходить части 33-й кавалерийской бригады и 7-я кавалерийская дивизия. Из Екатеринодара был отправлен, под командой бывшего казачьего офицера, некоего Кавтюха, отряд, который, прибыв в район станицы Гривенской, то есть в тыл десантных войск, атаковал эту станицу, — месторасположение штаба генерала Улагая. Генерал Улагай, под влиянием создавшегося положения, приказал 2-й Кубанской и Сводно-пехотной дивизиям отойти в ночь на 10 августа к станице Гривенской, а также отправил генералу Врангелю телеграмму с просьбой выслать суда для эвакуации, ссылаясь на серьезность создавшегося положения.

Перейдя в общее наступление, красные заняли 9 августа станицу Тимошевскую, оттеснив части генерала Улагая на запад и северо-запад. В то же самое время частям десантного корпуса удалось отбить атаки отряда Кавтюка и оттес-

нить его из района станицы Гривенской. От генерала Бабиева донесений генералу Улагаю не поступило, так как связь с ним была временно нарушена. Советская Азовская флотилия начала расставлять мины на путях к станице Приморско-Ахтарской и высадила части своей морской дивизии южнее станицы Камышевской. Между тем, не имея прямой связи с генералом Улагаям, генерал Бабиев 11 августа непосредственно донес о своем крупном успехе в районе станиц Брыньковской и Ольгинской. Он считал, что обстановка вполне благоприятна для продолжения операций на Кубани. 12 августа и генерал Улагай тоже донес, что положение изменилось и больше нет необходимости присылки судов для эвакуации. Очищение красными Таманского полуострова отходом отряда Кавтюка, и занятие его небольшим отрядом Русской армии давало командованию Русской армии надежду на успех операции на Кубани. На Таманский полуостров был спешно отправлен, сформированный в Керчи, отряд в составе сборной роты, сотни казаков при одном орудии и в скором времени прибыл туда же и десантный отряд генерала Черепова, — после тяжелых боев в районе Анапы. Но все эти силы не были достаточными для прочного закрепления плацдарма в районе Тамани, а с фронта в Таврии не было возможности послать даже небольшую часть, так как там велись крайне тяжелые бои с наступающими красными. Частям генерала Улагая не удалось продвинуться к Тамани и перенести свою базу в тот район, а в течение последующих дней пришлось вести упорные бои с перешедшими в наступление красными, из станицы Тимошевской в районе станицы Ново-Николаевской. Вскоре обозначилась активность красных и на Таманском полуострове. Несмотря на первоначальный успех и особенно успешные действия генерала Бабиева, в конечном итоге части десанта генерала Улагая отошли в район Ачьева, где и погрузились в порядке на прибывшие для эвакуации транспорты. Почти в то же самое время была произведена эвакуация наших частей с Таманского полуострова. Полная эвакуация была закончена к 25 августа. Соединение с партизанским отрядом генерала Фостикова, освободившим после удачных боев большую часть Лабинского и Майкопского отделов, не со-

стоялось. Генерал Фостиков, когда у него запас огнеприпасов подошел к концу, отступил с отрядом в район Сочи и потом — в Грузию, где партизанские полки были разоружены. Остатки его отряда были перевезены в сентябре из Адлера в Крым. (Схема № 8.)

Неуспех десантной операции начальник штаба генерала Врангеля, генерал Шатилов объяснял так:

«Со стороны генерала Улагая были сделаны немалые ошибки. Вместо того, чтобы обеспечить тыл десантного корпуса быстрым, по высадке, движением на юг, чтобы перекинуть свои силы на Таманский полуостров, захваченный нами к тому времени, он приостановил наступление и сразу проявил неуверенность в успехе, прося прислать туда суда для посадки. Правда, что затем он отменил свою просьбу под давлением начальников дивизий, но, приостановив наступление, он потерял время, дал красным возможность сосредоточить против себя значительные силы и вновь потребовал суда для эвакуации...»

Несмотря на значительные потери десантного корпуса, численность армии генерал Врангеля возросла, так как к десантным войскам присоединилось до 10 000 казаков. Бывшие в десанте Дроздовские Конно-горная и 7-я конные батареи имели потери убитыми и ранеными. Среди последних был и командир 7-й батареи подполковник Чижевич. Части бывшие в десанте пополнились за счет примкнувших к десанту казаков. Так, например, 2-я Кубанская дивизия, вышедшая в десантный поход в составе 900 штыков и 100 конных казаков и 200 лошадей, вернулась в Крым в составе 1500 пеших и 600 конных казаков.

По возвращению десантных войск в Крым, генерал Врангель приказал передать казаков из Сводной дивизии генерала Казановича в 1-ю Кубанскую дивизию. Дивизия была пополнена и переименована в 7-ю пехотную дивизию. 6-я и 7-я пехотные дивизии составили 3-й Армейский корпус под командой генерала Скалона, бывшего начальника 33-й пехотной дивизии, прибывшего в то время из Польши в составе отряда генерала Бредова. 1-я и 2-я кавалерийские дивизии были сведены в Отдельный конный корпус. Продолжалось доформирование 2-й Кубанской дивизии. 1-й Армей-

ский корпус, в составе Алексеевской, Дроздовской, Корниловской и Марковской дивизий, и Донской корпус генерала Абрамова составили 1-ю Армию под командой генерала Кутепова, а 2-й и 3-й корпуса образовали вместе с Терско-Астраханской бригадой 2-ю Армию.

В описываемый период времени на Польском фронте в паническом отступлении находились части поляков, а поэтому красное командование имело возможность направить на Крымский фронт несколько дивизий с Польского фронта, против армии генерала Врангеля. Напряженность боев в Северной Таврии с каждым днем возрастала и наши части несли большие потери, особенно в пехоте. Пополнить же части, за отсутствием резервов живой силы у генерала Врангеля, было невозможно. Кроме того десантная операция на Кубань не дала ожидавшихся результатов и стало ясно, что притока свежих значительных сил в ближайшее время ожидать не приходится, и что шансы выйти победителем из борьбы, или даже хотя бы удержаться в Таврии, стали также неукоснительно падать. Приближавшаяся к концу война с Польшей, предоставила красным возможность все свои силы бросить теперь на Крымский фронт; части не только из Европейской России, но и из Сибири, оставив небольшой заслон против войск атамана Семенова, находящихся за Байкалом в полном бездействии. Это стали сознавать не только высшие начальники, но и рядовые бойцы Русской армии, но все же они продолжали сражаться с неослабленной энергией, решимостью и самопожертвованием, исходя из того, что борьба должна продолжаться при всех условиях и обстоятельствах, и должна быть доведена до конца.

Не каждая армия способна, в таких условиях в каких была Русская армия в Крыму, к проявлению столь высокого духа, военной доблести и стойкости. Это заслуживает быть особенно отмеченным.

Упорные бои в Таврии продолжались. 8 августа красные вновь сильно нажимали на 6-ю и Корниловскую дивизии, но успеха не имели. 6-я дивизия занимала позиции в северо-западном направлении от Большого Токмака, а Корниловцы находились в районе станции Монталь. Дроздовская дивизия базировалась на колонию Фридрихсфельд. На участке Дон-

цов красные показали редкое до того времени упорство, пытаясь все время наступать, терпя большие потери, но без успеха. Первое их наступление закончилось пленением остатков 353 пехотного полка, а при вторичном — донцы их раскатали еще сильнее, взяв в плен свыше 1000 человек. На участке Дроздовцев красные 10 августа повели наступление, но их остановили артиллерийским огнем. Тогда артиллерия красных повела усиленный огонь, обстреливая колонию Фридрихсфельд и позиции наших батарей. В 19 часов подошедшие два бронепоезда красных открыли также сильный огонь из тяжелых орудий. От разрывов и поднявшейся пыли было трудно что-либо видеть перед собой. Наши части понесли потери и особенно много было их у артиллеристов — людском и конском составе. В тот день был убит и командир 5-й Дроздовской батареи, подполковник Мусин-Пушкин, вышедший в поход из Румынии. Артиллерийский огонь не прекращался всю ночь, и красные, около трех часов, атаковав наши части силою до одного батальона, подошли к колонии Фридрихсфельд. Дроздовцы молча подпустили их к колонии и только тогда встретили огнем, заставив их залечь. До утра красные вели ружейный обстрел. От захваченных в тот день в плен красных стрелков были получены сведения о том, что на рассвете красные перейдут в наступление силами Сибирской добровольческой бригады на Дроздовцев, а на Марковцев будет наступать 4-я советская дивизия.

Ночью был получен приказ перейти в наступление Дроздовской дивизии совместно со 2-й Донской дивизией. Выполняя этот приказ, 1-й Дроздовский полк двинулся на колонию Гринвальд, а остальные полки Дроздовской дивизии — на колонию Розенталь. Батальон красных, который залег ночью перед Фридрихсфельдом, был моментально обращен в бегство, но у колонии Розенталь красные оказали упорное сопротивление. 3-й полк, шедший впереди, не мог выбить их из окопов. Генерал Манштейн все время горячился. Он выезжал на тачанке вперед цепей, кричал «Вперед!», но ничего из этого не вышло. Генерал Харжевский успокаивал его и предлагал обождать с атакой, пока подтянется 2-й Дроздовский полк и подойдут батареи, но генерала Ман-

штейн упорствовал. Интересно то, что артиллерия красных ушла, но их пехота продолжала стойко держаться в окопах, и только когда подошел и развернулся 2-й полк и батареи открыли огонь из десяти орудий по окопам, красные стрелки стали медленно отходить, часто останавливаясь и отстреливаясь от преследующих их Дроздовцев. В колонии Розенталя попало в плен около 100 красных, которых почти всех по приказанию генерала Манштейна расстреляли. При взятии Розенталя был подбит наш броневик «Екатеринославец», попавший в вырытую красными на дороге яму. Из пяти человек команды один был убит, а трое ранено. Когда 1-й полк уже втянулся в колонию Андребург, красная конница, силою до 600 сабель собралась его атаковать, но наткнулась на наш броневик «Кречет». Броневик стоял на месте и красные, думая что он подбит, бросились к нему. Из 100 всадников, которые атаковали броневик, его команда пулеметным огнем с места спешила свыше 40, а после этого броневик влетел в густые лавы красных, уже идущих в атаку на колонию Андребург, и смял их. Красная конница обратилась в бегство. Продолжая наступление в колонии Ново-Монталь было захвачено 2 орудия, прислуга которых отстреливалась до последнего момента. Всех 14 захваченных артиллеристов на месте же расстреляли. Попало в плен довольно много коммунистов, которых постигла та же участь.

В этот же день, наступая, Марковцы заняли Бурчак, а Корниловцы — колонию Тифенбрун и Сладкую Балку. Наша конница побывала в колониях Гохгейме и Гейдельберге и заскакивала в город Орехов. За время всей операции взято в плен около 2000 красных стрелков, свыше 200 коммунистов расстреляно на месте боя и захвачено 6 орудий, 2 зарядных ящика и много пулеметов. Затея красных прорвать наш фронт не удалась.

На Каховском направлении наши дела не поправлялись, и для усиления наших сил на этом участке была отправлена с северного участка фронта 6-я пехотная дивизия. С большевиками стало теперь значительно труднее воевать. Их пехота стала более стойкой, а артиллерия работает хорошо и стреляет прилично, имея к тому же неограниченный запас снарядов. Все последние время красные артиллеристы свое

главное внимание обращали на нашу артиллерию и площадками обстреливали наши позиции. Достойного ответного огня наши батареи дать не могли, ввиду весьма малого дневного количества снарядов. Нашим батареям поэтому, экономя снаряды, приходилось вести огонь, главным образом, по наступающим цепям красных, а об обстреле артиллерии красных площадками не могло быть и речи. Наши батареи стали нести большие потери в людском и конском составе. Для примера возьмем Дроздовскую артиллерийскую бригаду, которая со времени выхода из Крыма в Северную Таврию имела около 500 человек убитыми и ранеными. Не лучшее обстояло дело с конским составом, потери которого были настолько велики, что в 1-й батарее в строю работал только один взвод, в 4-й батарее — три орудия, в 6-й батарее — один взвод, а в 3-й батарее в запряжках уже давно ходили обывательские лошади. На пополнение казенными лошадьми, в ответ на запрос, был получен ответ, чтобы и не помышляли рассчитывать.

Около 10 часов 12 августа Дроздовская дивизия двинулась на Эристовку, а Донская конница должна была, заходя правым плечом, занять Щербаковку и Янчекрак. Цель наступления — прижать красных к плавням. После небольшой перестрелки Дроздовцы двинулись к буграм перед Эристовкой. Бой вели 2-й и 3-й Дроздовские полки, а 1-й был в резерве. Все решалось исключительно артиллерией. Пехота ружейного огня и не открывала. Противником оказалась только конница красных. Около 14 часов обозначился обход красными слева по глубокой ложине, которая начиналась между Эристовкой и Карачекраком и выходила к колонии Андребург. Туда был выдвинут 1-й Дроздовский полк, а цепи 2-го и 3-го полков вышли на бугры перед Эристовкой. Наши батареи обстреливали красных, а пехота двинулась влево на Карачекрак, уже занятый 1-м полком. Марковцы также продвинулись и заняли Васильевку. К вечеру линия фронта была: Васильевка—Карачекрак—Эристовка—Нижний Куркулак. Защищать эту линию очень трудно, так как все селения находились в ямах, местность пересечена, местами, глубокими ложинами. Хотя Щербаковка и Янчекрак заняты не были, но прежнее положение было восста-

новлено. На этот раз прижать красных к плавням не удалось. (Схема № 6.)

Последнее время стали постоянно появляться аэропланы красных. Семь их 12 августа налетели на расположение Дроздовцев, сбросили много бомб, но, к счастью, почти не причинивших потерь. Единственно в 3-м полку было ранено несколько стрелков.

Утром 13 августа, когда 2-й батальон 2-го Дроздовского стрелкового полка со взводом 3-й батареи подымался на бугор, чтобы занять позицию, подполковником Слесаревским, командиром взвода, выехавшим вперед, были замечены совсем близко от Карачекрака цепи и колонна красных, двигавшихся на колонию. Об этом было доложено командиру батальона и он, не разузнав точно о направлении красных, с места скомандовал: «Батальон в кукурузу!» Это весьма характерно для способа ведения гражданской войны. Пехотные цепи в большинстве случаев заботились о том, чтобы они были получше укрыты, даже не считаясь с тем, какой у них будет обстрел. Красные же почти всегда рыли себе окопчики за гребнем — на противоположном к нам скате. Видел там стрелок перед собой не больше как на 100 шагов, но зато и его не видели, — и это считалось достаточным.

На этот раз Дроздовцы очень удачно и быстро заняли соответствующую позицию и покрыли красных ружейным и артиллерийским огнем. Красные отскочили, и остановились лишь на линии хутора Гладкий. В скором времени на Дроздовцев налетело 10 аэропланов, по которым наша пехота открыла сильный ружейный огонь и даже одно орудие бахнуло два раза по ним, но понятно, что от этой стрельбы не было результатов. Красные, сбросив некоторое количество бомб, вполне благополучно улетели.

В Карачекраке Марковцы сменили 3-й Дроздовский полк и он перешел в Андребург. Теперь участок дивизии был — Эристовка—Андребург—Гейдельберг. Согласно приказа начальника дивизии, генерала Туркула, части дивизии были собраны в кулак. В Эристовке и Гейдельберге были лишь конные разъезды, а штаб и 1-й полк разместились в Гринтале, а 2-й и 3-й полки — в Андребурге. Батареи — при полках.

Донская конница сменила в районе Большого Токмака Корниловскую дивизию, которая спешно перебрасывалась на Каховский участок фронта, где красные стали слишком активными и, в случае их успеха, могли очень легко отрезать путь отхода всей Русской армии на Перекоп и даже угрожать отступлению на Чангарский мост.

Около 12 часов 14 августа красные, заняв Эристовку, подошли к Гринталю. 2-й и 3-й полки оставались некоторое время на месте и оборонялись, а 1-й Дроздовский полк повел в 15 часов наступление слева. Около 19 часов 2-й полк выдвинулся вперед наступая и имея целью очистить от красных Эристовку. 3-й полк оставался в Андребурге, так как к этому времени выяснилось, что красные заняли Гейдельберг. Сбив противника, 2-й полк уже подходил к Эристовке, когда было получено сообщение нашего летчика о том, что в долине у Эристовки сосредоточивалась красная конница силой до 1500 сабель. Начинало темнеть. 1-й а за ним и второй полки свернулись и пошли на старые квартиры. Не успели полки разместиться по квартирам, как со стороны Гейдельберга послышалась очень близкая ружейная стрельба. Минут через десять стреляли уже у самой окраины Андребурга. По улицам понеслись обозы, но с нашей стороны не было ответных выстрелов. Двинулась из Андребурга и 3-я батарея. Со стороны Гейдельберга начался артиллерийский обстрел Андребурга. Ружейная стрельба со стороны Гейдельберга, бывшая до того справа, почти стихла, но зато слева, у Гринталя, стреляли чуть ли не в упор. Когда батарея выехала на дорогу на Розенталь и повернула по ней, она очутилась в настоящей каше. Обозы неслись со всех сторон и батарея попала сразу между четырьмя-пятью рядами повозок. Стреляли прямо под носом и в сторону батареи раздавался неистовый крик. Пехота выбегала из колонны вразброд, не слушая криков командиров. Только после того, как броневики выпустили несколько очередей из пулемета, она остановилась, пришла в себя и ее удалось собрать. Страшный крик продолжался впереди по дороге к Розенталю. Продолжалась и стрельба по дороге между повозками, причем ясно можно было разобрать крики: «куда?», «стой!», «вертай назад», «ай, не руби!»... Тут

же справа у дороги раздалось несколько оружейных выстрелов. Среди этого хаоса 3-я батарея двигалась дальше и, наконец, въехала в совершенно непонятную кашу. Снова крики: «Товарищи», потом свистки и стрельба. Кто-то стрелял, по-видимому из револьвера, прямо в лошадей орудий. Куда ехать дальше — стало совсем непонятно. Многие вначале предполагали, что эту панику устроили сами наши обозники и что в суматохе, темноте и пыли стреляли друг в друга, не разобравшись в чем дело, но крики «Товарищи» разубедили всех мгновенно и было ясно, что на нас налетели красные. Кто-то крикнул: «Где наши пулеметы?!» «Кавалерия». Стрелять же в этой суматохе из пулеметов было совершенно невозможно, так как со всех сторон двигались в несколько рядов повозки. Батарея свернула влево, но и слева стреляли. Наконец, в полуверсте перед батареей раздался оружейный выстрел и батарея двинулась в том направлении и вскоре подошла к орудиям 5-й батареи, стоящему на позиции у дороги. Теперь с полной очевидностью было установлено, что на дивизию налетела конница красных. Она шла вслед за нами между колоннами 2-го и 1-го полков и вошла в Гринताल в тот момент, когда части стали размещаться по квартирам. Тогда и поднялся страшный кавардак. Красные налетели на штаб дивизии. Начальник дивизии удирал на автомобиле, который попал в яму и перевернулся. Автомобиль нашли красные и порубили шины, а также испортили мотор. Штаб дивизии и управление артиллерийской бригады выскочили из колонии на конях под пулеметным огнем. 1-я батарея, слыша выстрелы и летящие в ее сторону пули, встретила, скакавших на них наших штабных, приняв их за красных, картечью. Несколько человек было ранено и среди них — адъютант бригады, подполковник Пинчуков, а начальник службы связи дивизии, капитан Семенов, убит.

Часть красных кавалеристов выскочила на дорогу у Андребурга в тот момент, когда 3-я батарея только сворачивала на нее и налетела на обозы, начав их заворачивать (крики: стой, заворачивай, назад — исходили от красных) рубить обозников и пехотинцев. Эти крики наши понимали как голоса своих и кричали «Стой», в то время, как другие

и ответ кричали: «Куда стой?! Нас рубят!» Все это происходило в 20 шагах правее батареи на дороге, но из-за темноты, шума и пыли никто не мог знать и представить, что рядом разыгрывается подобная история. Тут же, недалеко от дороги, красные наскочили на 5-ю батарею, окружили ее и начали рубить прислугу. Одно орудие выскочило и удрало, а три остались на месте. Захватив орудия, красные посадили соскочивших было ездовых, а на один из передних уносов сел красный кавалерист, повернув орудия в обратную сторону, двинулся с ними в колонию. Разведчик 3-й батареи, младший фейерверкер Ермолов, случайно оказавшийся вблизи, зарубив сопровождавшего орудия 5-й батареи красного кавалериста, помог ездовым вывезти орудия на голос командира 3-го полка генерала Манштейна. За этот подвиг фейерверкер Ермолов был представлен к награде. Вообще же, вначале этого налета, люди просто не имели представления о том, что вокруг них происходит. Такое положение продолжалось недолго. Как только частям удалось выбраться из улиц колонии на простор, пехота была приведена в порядок и красная конница, встретив организованное сопротивление, принуждена была ускакать. Обе колонии были снова заняты Дроздовцами. В результате этого налета в дивизии было зарублено 4 и ранено 96 человек, главным образом холодным оружием, причем больший процент пострадавших приходился на чинов хозяйственных частей и обоза 1-го разряда.

В «Записках» генерала Врангеля, относительно этого боевого эпизода, сказано довольно коротко: «Несмотря на большие потери, красные упорно рвали фронт 1-го Армейского корпуса, введя в бой свежие части. Особенным ожесточением отличался ночной бой 28 августа (по новому стилю) Дроздовской дивизии на улицах Андребурга и Гринталя. Красные были выбиты из селений».

А вся эта ночная история получилась потому, что не было настоящего охранения и красные ворвались в колонию без выстрела. Слишком много было самоуверенности. Еще продолжали, по-прежнему, считать красных бандой, в то время, когда они уже представляли хорошо организованное войско. Если одним полком и удавалось бить 4—5 полков

красных, то из этого не следовало бы заключать, что с красными можно совсем не считаться. Вот и получили хороший урок.

В тот же день, вернее в ночь, Донцы в свою очередь устроили красным еще большую «потеху». Они налетели на красных в районе Гейдельберга и Коробочки. У красных поднялась страшная паника и они побросали орудия, броневики и обозы. К сожалению, наши многое не успели вывезти, так как Донцы были быстро отозваны обратно и успели только испортить то, что не могли вывезти. На Марковцев целый день наседали красная конница, но ее неизменно отбивали и отбрасывали с большими потерями в исходное положение.

15 августа 2-й Дроздовский полк занял старые позиции, а 3-й пошел в Эристовку на помощь Марковцам. Донцы вновь наступали и занимали Гохгейм. В Гейдельберге довольно скоро появились красные, но вели себя пассивно. Около 17 часов 2-й Дроздовский полк выдвинулся вперед с целью обеспечить правый фланг 3-го полка, заняв гребень перед Эристовкой. В течение дня на участке Дроздовской дивизии ничего особенного не произошло. Правее наступали Донцы, которыми были заняты Гохгейм, Коробочка и Барбараштадт. Последний Донцы вскоре оставили, так как красные перешли в контрнаступление. За вчерашнюю ночную и сегодняшнюю операции Донцы основательно потрепали 42-ю и 46-ю советские дивизии, захватив, кроме другого, около 2000 пленных, 3 орудия и броневик. На участке Марковцев красные вели упорно наступление. Около 20 часов 2-му полку было приказано отойти в Андребург. В час ночи полк начал отход на Фридрихсфельд, так как стало известно, что красные прорвались и заняли Бурчак, Белозерку и Орлянк, заставив отступить Марковцев. Не успел 2-й полк отойти три версты от Андребурга, как на левой окраине Гринтала поднялась стрельба. Повелись теперь красные ходить и бродить по ночам. В это время в Гринтале было еще прикрытие от 1-го Дроздовского полка, которое встретило красных пулеметными очередями. Стрельба вскоре прекратилась и вновь наступила тишина. Днем 19 августа 1-й и 3-й Дроздовские полки ушли из Фридрихсфель-

да, чтобы занять фронт по линии Михайловка—Пришиб. 2-й полк оставался в Фридрихсфельде. День прошел спокойно. Перед наступлением темноты прошли, влево от колонии, обозы 2-й Донской дивизии, которую сменила 3-я Донская дивизия генерала Гусельщикова. Теперь правее Дроздовской дивизии (правого фланга 2-го полка) весь участок фронта до Азовского моря занимали части Донского корпуса: 3-я Донская дивизия, бригада Атаманцев и Лейб-казаков и 18-й полк. На северном участке сил осталось довольно мало, и весь центр тяжести перенесен был в район Каховки, где положение было, одно время, очень тяжелое. Ходили слухи, что наше командование имело план предоставить красным возможность переправиться через Днепр, чтобы потом отрезать их от переправ и уничтожить. В то время еще командовал 2-м корпусом генерал Слащев, который считал, что переправилось не слишком много красных, и он стал затягивать их вглубь. Он не рассчитал, и когда на этой стороне Днепра накопилась целая армия красных, стало трудно с ними справиться. Потом генерал Слащев не выполнил приказание командования и получилась история с Каховкой, о которой уже было упомянуто раньше, что за малым не привело к тому, что чуть не вся Русская армия оказалась отрезанной от Крыма. Был момент, когда левый фланг 2-го корпуса генерала Слащева, понесшего громадные потери, уже упирался в Перекоп, на котором стояли военные училища, а правый — откатился к станции Ново-Алексеевка и Сальково. (Схемы № 2 и № 10.)

Красные уже собрались атаковать и занять Геническ, чтобы окончательно отрезать части Русской армии, находившиеся в Таврии, от Крыма. До этого весьма за малым не дошло. Генерал Слащев был смещен, и командиром корпуса назначен генерал Витковский. Потрепанные части 2-го корпуса были пополнены чинами отряда Бредова, прибывшего из Польши. 2-й корпус, под командой генерала Витковского, совместно с конницей генерала Барбовича перешел в наступление. Красные стали отходить. Подошедшая Корниловская дивизия в бою в районе Нижних Сорочез атаковала красных, трепанула их, взяв в плен 2000 бойцов, захватив 2 броневика, 4 орудия и много пулеметов, и стала, вместе с

6-й пехотной дивизией, теснить красных на запад. В это время 2-й корпус стал продвигаться от Аскания-Нова на северо-запад, а конный корпус генерала Барбовича — на север, правее Корниловской дивизии.

В это время стало известно, что под Варшавой советские войска разгромлены и поляками взято в плен свыше 55 000 человек, захвачено около 200 орудий и другая военная добыча. Часть советских войск не смогла пробиться и попала в Германию (конный корпус Гая), где была интернирована и разоружена. Остатки советских армий на Польском фронте стали поспешно отступать. Такой оборот событий на Польском фронте был совершенно неожиданным и вселил надежду на успех и на Крымском фронте, так как красное командование не было теперь в состоянии, по крайней мере некоторое время, присылать новые части на Крымский фронт. С теми же частями, которые были на нашем фронте, Русская армия могла легко справиться. На Южном фронте, до сих пор, систематически были разбиты лучшие и отборные части (мадьяры, латыши, коммунистические батальоны, курсанты, сибирские добровольцы и конница), на которых лежала обязанность еще в августе окончательно покончить с Крымским фронтом.

На Каховском направлении красная конница стала спешно отходить в сторону Каховки. На Северном участке в это время, 17 августа, красными был занят Розенталь и ночью они вошли в Ново-Монталь. Донцы выбили красных из Белозерки, а Марковцами был занят Орлянский. Группой в районе Михайловки командовал генерал Туркул. Там был и 1-й Дроздовский полк. Когда перед расположением 1-го Дроздовского полка появились первые цепи красных, генерал Туркул приказал одному батальону 1-го полка выдвинуться левее вперед, к кирпичному заводу, и когда красные подойдут ближе, атаковать их во фланг и тыл. Остальные батальоны и танковый отряд заняли боевую позицию на северной окраине села Михайловки. Красные наступали против 3-го батальона 1-го Дроздовского полка, которым командовал полковник Бикс. Они подошли местами на триста шагов к двум гаубицам 7-й Дроздовской батареи, снаряды которой рвались в самой их гуще. Перед Михайловкой версты на три

раскинулась целина, ровная и гладкая, как паркет. Цепи красных шли быстро и стройно. Их легкий шаг всем показался давно знакомым. Дроздовцы молча ожидали их приближение и только на близкой дистанции открыли сильный огонь. Тогда цепи заметались. Многих снесло, а остальные залегли. Среди цепей, верхом на хорошем коне выблискивающим буланой шерстью, скакал всадник. Он вырвался вперед и поднял залегших, которые побежали за ним с криком «ура». Разрывом гаубичного снаряда его сбило с коня. В это самое время, с фланга и тыла, от кирпичного завода стремительно бросился в атаку на красных батальон Дроздовцев, а в лоб красных ударили танки и остальные батальоны 1-го Дроздовского полка. Красных разметали.

После боя выяснилось, что на Дроздовцев в этот день наступали курсанты, остатки бригады разбитой 1-м полком под Ореховым, и 2 полка 7-й бригады 3-й советской стрелковой дивизии. Этот бой был последней «лебединой песней» курсантов. Всадник, сбитый разрывом снаряда, оказался командиром бригады курсантов — бывшим гвардейским офицером по имени Около-Кулак; это был крупный человек с холеными руками, прекрасно одетый, в тонком шелковом белье. Разведчик 7-й гаубичной батареи нашел его визитную карточку: «Отставной штабс-капитан Около-Кулак». С его гимнастерки сняли орден красного знамени, а в его полевой сумке нашли приказ, согласно которому на нашем участке красные не смели сильно нажимать до тех пор пока Каховская советская группа войск полностью отрежет пути отступления частям Русской армии в Крым, и только после этого красные должны были стремительно нас атаковать, чтобы полностью уничтожить. Красные понесли весьма большие потери и очень многие из уцелевших попали в плен. Особенно не повезло курсантам. Их не только разбили, но и многих захватили в плен, а участь их в плену довольно печальная — расстрел.

18 августа на участке 2-го Дроздовского полка весь день было спокойно. Слева даже не было слышно нигде выстрела. Около 18 часов 3-й батарее было приказано занять позицию и огнем поддержать наступление Донцов на Ново-Монталь. Через час Донцы уже заняли эту колонию, из которой

красные поспешно ушли, и Розенталь. 2-я советская конная армия, отступавшая к Каховке, была встречена Конным корпусом генерала Барбовича и после короткого боя разрезана на две части. Одна часть рассеялась на мелкие группы, а другая бросилась обратно на север и хотела прорваться через позиции занятые Марковской дивизией, но не смогла и вновь повернула на юг в направлении на Большую и Малую Белозерку. По их пятам пошла конная группа генерала Татаркина. Корниловцы же, разбив 51-ю советскую дивизию, захватив пленных, штаб дивизии и заняв Рубановку, продвигались к Каховке. 2-й корпус, стремительно наступал и заняв село Натальино, получил извещение об обходе его правого фланга крупными силами красных. Тогда генерал Витковский, оставив заслон, отошел несколько назад и со своими главными силами, танками и броневиками двинулся ликвидировать красных, угрожавших правому флангу корпуса.

Из штаба 1-й Армии был получен приказ от 16 августа за № 0842:

«В связи с благоприятно складывающейся обстановкой в Румынии и на Польском фронте, где большевистская армия разгромлена и потеряла свыше 120 000 пленными и интернированными и находится накануне капитуляции, Главнокомандующий категорически требует напряжение всех сил для ликвидации врага и обязательного удержания Северной Таврии. Необходимо вновь собрать всю энергию и обрушиться на врага. Внушить это всем. В непродолжительном времени к нам прибывают новые подкрепления. Сейчас идет борьба на нервах и, если противник будет сломлен нами, наш удар будет решающим для всей кампании.

Кутепов».

День 19 августа на участке Дроздовцев, в районе Фридрихсфельда, прошел спокойно. Красные не наступали, но 1-й полк на своем участке, коротким ударом немного потрепал красных, взяв 300 пленных и захватив 6 пулеметов. Ночью в районе Ново-Монталя, Куркулака и Старо-Монталя шел приличный бой и красные выбили Донцов из Ново-Монталя и Куркулака. На Каховском направлении груп-

па генерала Скоблина перерезала дорогу на Любимовку. Красные бросились к переправам. 20 и 21 августа на участке Дроздовской дивизии было спокойно. Над расположением дивизии пролетал в эти дни советский аэроплан «Илья Муромец», сбросивший в районе станции Пришиб много бомб. Каждый раз по «Илье Муромцу» открывался сильный ружейный, пулеметный и артиллерийский огонь. Стреляло поставленное на противозащитную установку орудие 4-й батареи. Этот обстрел был безрезультатен. Донцы же на своем участке сбили ружейным огнем аэроплан красных, который снизился в 10—15 верстах от Федоровки, но летчику и наблюдателю удалось скрыться. На Каховском направлении большевики пробивались к переправам. 21 августа там шел упорный бой с отходящими красными. Части 2-го корпуса и наша конница подошли к Каховке на 12 верст, а Корниловцы были в 2—3 верстах от Любимовки. Район переправ был забит бесчисленными обозами отступавших красных, которые все время подвергались бомбардировке нашими аэропланами. (Схема № 7.)

В состав Дроздовской дивизии вернулся 21 августа 2-й Дроздовский конный полк, но в пешем строю, прибывший из Польши и бывший некоторое время при Марковской дивизии, имея в строю 600 штыков. Чины этого полка сильно ругали поляков, которые очень плохо к ним относились во время их пребывания в Польше, куда они попали при отступлении Добровольческой армии. В тот же день в состав дивизии прибыла 42-линейная пушка и была придана 1-му полку для борьбы с бронепоездами красных.

Дни 22 и 23 августа прошли на участке Дроздовской дивизии спокойно. На Каховском участке фронта, после неудачной попытки овладеть переправами, наши части отошли немного назад и перешли к активной обороне. Наши части, после упорного боя, заняли Корсунский монастырь и продвигались на Алешки и Голую Пристань. Красные сильно укрепили предмостный плацдарм, а на противоположном берегу Днепра сосредоточили в большом количестве тяжелую артиллерию и тем самым создали постоянную угрозу всему фронту Русской армии в Северной Таврии. Закончилась эвакуация наших десантных войск с Кубани. После

возвращения десантных войск с Кубани 2-й Конно-артиллерийский дивизион был придан 1-й Кубанской казачьей дивизии генерала Бабиева, в составе 1-й и 5-й конных батарей, а 3-й Конно-артиллерийский дивизион в составе Конно-горной и 7-й конных батарей под командой полковника Колзакова вошел в состав Конного корпуса генерала Барбовича.

24 и 25 августа ради разведки, в пешем строю, ходил в экспедицию в Розенталь 2-й Дроздовский конный полк. Донцы, чтобы предупредить наступление красных, сами перешли 24 августа в короткое наступление в районе Скелетоватая—Очеретоватая и захватили в плен бригаду 46-й советской дивизии (371-й, 372-й и 373-й пехотные полки) со всеми штабами, обозами, канцеляриями и пулеметами. Командир советской бригады, оказавший сопротивление, был убит.

26 августа Дроздовская дивизия и Донцы провели короткое наступление. 1-й Дроздовский полк побывал в Андребурге, 2-й Дроздовский стрелковый полк побывал в Розентале и Ново-Монтале, а 3-й Дроздовский полк произвел демонстрацию впереди Пришиба. В этом наступлении было захвачено около 100 пленных, и к вечеру все части вернулись назад, потеряв 15 человек ранеными, в их числе был командир 1-го артиллерийского дивизиона Дроздовской бригады, полковник Протасевич. Особенно упорно сопротивлялись пулеметные тачанки красных, оставаясь на позиции и после отхода пехотных цепей. Колонию Ново-Монталь занимали части 46-й советской пехотной дивизии, сменившие 25 августа западно-сибирских стрелков, отведенных в тыл на переформирование ввиду их неустойчивости. Жители всех колоний, где побывали в этот день Дроздовцы, жаловались на красных, и всех своих молодых женщин и девушек отправили в наш тыл, боясь насильствования их красными. Донцы в этот день побывали в Куркулаке и Сладкой Балке, подходили к Блюменталю, но к вечеру также вернулись в исходное положение, захватив около 700 пленных, 6 орудий, 2 зарядных ящика и пулеметы. На Каховском участке фронта в течение дня — артиллерийская и ружейная перестрелка.

Сформированный в районе Симферополя партизанский отряд атамана Володина (из повстанческой организации име-

ли батеньки Махно), отправленный в тыл красных, переправившись через Днепр, захватил город Никополь, взяв там пленных и приличную военную добычу и в том числе бронепоезд красных. Теперь партизаны типа Махно работают на нашей стороне, получая от командования денежную помощь, оружие и остальное снаряжение.

На участке всего 1-го Армейского корпуса до 1-го сентября ничего не произошло. Было замечено, что красные около занятых колоний усиленно рыли окопы и ставили проволочные заграждения. Налетевшие на красных разведчики Дроздовской дивизии захватили несколько подвод с проволокой и кольями. Наступившая тишина на участке Дроздовской дивизии позволила оттянуть в резерв, в колонию Карлсруз, 3-ю Дроздовскую батарею, где она и отпраздновала свой батарейный праздник. Донская конница лихим налетом захватила город Ногайск и в нем — пленных, пулемет и 20 тачанок. На Каховском направлении наши части отошли в район Дмитриевки и стали там рыть окопы. В Розенталь и в Ново-Монталь, которые никем не были заняты, ходила разведка от Дроздовской дивизии.

1 сентября ожидался приезд генерала Врангеля в район Дроздовской дивизии, а в ночь на 1 сентября из 2-го Дроздовского стрелкового полка к красным перебежало несколько стрелков с офицером. Были вызваны все полки и устроена репетиция смотра и парада. В 14 часов над Фридрихсфельдом появились семь советских истребителей и «Илья Муромец», сбросивших много бомб и листовок, приблизительно такого содержания: «Сегодня у вас будет Врангель. Не верьте ему, что он будет вам говорить». В это же время бронепоезда красных обстреливали колонию из тяжелых орудий. Вышло очень удачно, что налет и обстрел были после репетиции парада и перед приездом генерала Врангеля. Но все же было ранено около 20 стрелков.

В 17 часов дивизия, кроме 3-го полка, находившегося в Пришибе, выстроилась у мельницы для встречи генерала Врангеля, который около 18 часов прибыл на автомобиле, в сопровождении большой свиты. С ним прибыли генерал Кутепов, командующий 1-й Армией; генерал Писарев, командир 1-го Армейского корпуса; от правительства —

Кривошеин и представители иностранных держав — адмирал американской службы Мак-Кели; полковник английской армии Уэльш; французский майор Этьеван; американский полковник Нокс; капитан 2-го ранга британского военного флота Будварт; майор сербской армии Стефанович; майор японской армии Такахеси и поручик польской армии Михальский — в сопровождении семи корреспондентов наиболее распространенных заграничных газет. Генерал Врангель был в дроздовских погонах, а генерал Кутепов в полной дроздовской форме. Во время смотра дивизии красные обстреляли район мельницы тяжелой артиллерией, но, к счастью, разрывов ближе 30 саженей от стоящих частей не было, не было также и потерь. Все время пока генерал Врангель находился в районе дивизии над колонией Фридрихсфельд кружились наши аэропланы.

Генерал Врангель обошел все построенные части, благодарил доблестных Дроздовцев — стрелков и артиллеристов — за славную боевую работу, лично сам приколот орден св. Николая чудотворца начальнику дивизии генералу Туркулу и его помощнику генералу Манштейну (теперь 3-м полком командовал полковник Дрон), 1-й, 2-й, 3-й и 7-й батареям выдал серебряные трубы с лентами ордена св. Николы чудотворца, в хороших футлярах, с надписями на серебряных дощечках. На этих дощечках были соответствующие надписи, например для 3-й батареи, — «3-й батарее Дроздовской артиллерийской бригады — 24/6 1920». Выдавая трубы генерал Врангель сказал:

«Даю вам трубы. Пусть они протрубят атаку, а атака — это победа».

От каждой батареи на смотре было представлено по взводу, причем 7-я батарея успела к этому времени перевооружиться, получив вместо французских 75 мм пушек 10 см немецкие гаубицы. Эти гаубицы были в очень хорошем виде и отличные, но, к сожалению, к ним прибыл ограниченный запас снарядов. В это время в Крыму вообще было весьма мало артиллерийских снарядов и за каждый выпущенный снаряд приходилось отчитываться перед командиром артиллерийской бригады. Уже в июле месяце совершенно не стало снарядов к 45-линейным английским гаубицам.

и 7-я и 8-я Дроздовские гаубичные батареи были перевооружены 3-дюймовыми русскими пушками, которые были в очень плохом состоянии. Через месяц эти батареи, взамен, получили 75 мм французские орудия старого образца — без щитов. Когда и к ним не стало снарядов гаубичный дивизион получил, прибывшие из Болгарии, 10-сантиметровые немецкие гаубицы.

После смотра, церемониальным маршем, стройно рота за ротой, проходили мимо Главнокомандующего и всей его свиты Дроздовские стрелки, а после них рысью прошли батареи и конный эскадрон. После парада генерал Врангель и все прибывшие с ним были на обеде в штабе дивизии. Генерал Врангель был в отличном настроении. Ясно, что после посещения Главнокомандующим и смотра дивизии начались разговоры о предполагаемом в скором времени наступлении.

В район Большого Токмака прошли два полка Донской конницы и правее дроздовского участка фронта донцы уже зашевелились, нарушив бывшую до того на фронте тишину. На Пологском направлении ими были захвачены пленные и взято несколько орудий и пулеметов, а южнее перерезана железная дорога Большой Токмак—Бердянск. Всего было взято в плен свыше 2000 красных, причем 357-й советский полк — в полном составе, орудия, пулеметы и три бронепоезда, отрезанные на станции Верхний Токмак. От Дроздовской дивизии в усиленную разведку ходила 2 сентября из Фридрихсфельда в Андребург 2-я рота 1-го полка с одним орудием. В Карлсруэ, где в резерве находилась 3-я батарея, перед заходом солнца произошел довольно комический переполох. Недалеко от селения в поле ездые батареи рвали кукурузу для кормления лошадей и в том районе, вследствие порчи мотора, спустился аэроплан красных. Один из ездых прискакал в Карлсруэ и сообщил, что упал аэроплан красных, а к нему спустились еще два аэроплана, которые обстреляли из пулеметов ездых, когда те хотели приблизиться к упавшему аэроплану. Все, кто только мог, услышав об этом устремились в указанном направлении — верхом и даже пешком — некоторые даже без оружия, но тащили с собой пулемет. Стало уже темнеть, но к месту где

упал аэроплан не добрались, так как дополнительно стало известно, что аэроплан красных уже захвачен, что летчик успел скрыться в направлении Карлсруэ, предварительно поджегши свой аэроплан. Два других аэроплана оказались нашими и они стреляли не по ездovým, а по удирающему красному летчику.

В ночь на 3 сентября вновь ходила от Дроздовской дивизии усиленная разведка с одним орудием на Гейдельберг и наделала там приличный переполох. 3 сентября 3-й полк и 3-я батарея прибыли в Фридрихсфельд и тогда там собралась вся дивизия. Было получено приказание быть готовыми к выступлению.

В ночь на 4 сентября вся дивизия выступила в поход. Во главе шел в пешем строю 2-й конный Дроздовский полк. Дивизия прошла нейтральные колонии Розенталь и Ново-Монталь, а на рассвете ее передовые части подошли к Гейдельбергу, под которым завязался бой. На Гейдельберг наступали части дивизии без 1-го Дроздовского полка, который шел в резерве, чтобы, после взятия Гейдельберга, наступать на Андребург, защищенный на большом протяжении укреплениями в сторону Розенталя и Ново-Монталья. Красные успели вырыть окопы и поставить в два ряда колья с колючей проволокой. После весьма приличной, но недолгой, перестрелки, во время которой наши батареи стреляли не умолкая, цепи 2-го и 3-го стрелковых полков подошли к окраине Гейдельберга, а в обход колонии двинулись 150 сабель 2-го Дроздовского полка. Появление нашей конницы вызвало такую панику у красных, что они, бросив 4-орудийную батарею с 4 зарядными ящиками, телефонной двуколкой при всех номерах и с ездowymi при полной упряжке, пытались бежать из колонии, но до 600 человек попало в плен. 5-я батарея выскочила за колонию вместе с нашими конными Дроздовцами прежде чем наша пехота успела пройти Гейдельберг. Красные, бывшие в селе Коробочка, перешли в контрнаступление и стали наседать. Наши конники ускакали, а батарею пришлось минут 20 отбиваться даже на картечь, пока наша пехота вышла из Гейдельберга и отбросила красных за Коробочку. Дивизия продолжала движение. К 10 часам наши цепи выдвинулись вперед Коробочки на

бугры и, круто повернув влево, двинулись по хребту лощины на Эристовку. Перед этим у Андребурга была полная тишина, и было предположение что красные уже оставили колонию. Вдруг поднялась стрельба и возле Андребурга. Наши легкие и гаубичные батареи открыли небывалый по интенсивности огонь и вскоре 1-й Дроздовский полк занял колонию Андребург, захватив там пленных. Дальше дивизия продвигалась вдоль основной, бывшей прежде, линии фронта, причем 1-й полк продвигался южнее лощины, а все остальные части дивизии — севернее, на Эристовку. У самой колонии 3-я батарея прямой наводкой сбила с открытой позиции взвод красной батареи. Была занята и Эристовка, и дальнейшее продвижение происходило безостановочно. К 17 часам были заняты село Карачекрак и лес севернее его. Таким продвижением Дроздовской дивизии была отрезана левая группа красных, действовавшая против Марковской дивизии. Отсюда артиллерийским огнем были рассеяны удирающие кавалеристы красных. Дивизия остановилась в этом районе, заняла позиции и успокоилась, выжидая сообщение о продвижении других частей корпуса. Около 18 часов на позиции 2-го Дроздовского полка прибыл командир корпуса генерал Писарев. Посетив 3-ю батарею и увидя стоявшего там командира полка, полковника Харжевского, указал ему, что полк рано остановился и что лучше было бы резать красных севернее Янчекрака. Полковник Харжевский, в ответ, доложил командиру корпуса, что левая группа красных уже отрезана и не имеет значения в каком месте их нужно было прижать к Днепру, что главное то, что на север красные уже отступить не смогут. Если бы полк двигался севернее, ему пришлось бы продвигаться по открытому и ровному полю под огнем бронепоездов противника и понести ненужные потери. Этот ответ вполне удовлетворил командира корпуса.

До вечера красные обстреливали Карачекрак тяжелыми орудиями и потом успокоились. За день дивизия взяла 1200 пленных, 4 орудия с зарядными ящиками с полной упряжкой и пулеметы. Марковцы вышли к Васильевке. Конница генерала Бабиева вышла на линию Ольгополь, недалеко от железной дороги Орехов—Пологи—Копани, а Донцы заня-

ли станцию Пологи и Гуляй-Поле. Захвачено было еще свыше 1200 пленных и 15 пулеметов. Всего с 1 сентября на центральном участке фронта было взято в плен свыше 4100 красных, захвачено около 100 пулеметов, 11 орудий, 3 бронепоезда, много обозов и другого разного имущества. В этот день произошел с Марковским полком довольно интересный случай. Из села Васильевки красные были выбиты 1-м Дроздовским полком, который оставался в селе до подхода Марковцев. Командир корпуса поехал на автомобиле с позиции 3-й батареи в 1-й Дроздовский полк и прибыл в Васильевку как раз в тот момент, когда туда втягивался Марковский полк, командир которого, полковник Гравицкий, не замедлил отправить донесение, что «вверенный ему полк ворвался в Васильевку». Потом говорили, что, получив такое донесение, генерал Писарев, усмехнувшись, сказал: «Странно, странно ворвались». Продвигаясь Марковцы в тот же день взяли Янчекрак. Потери в Дроздовской дивизии в этот день были совсем небольшие, но был ранен начальник дивизии, генерал Туркул.

5 сентября Дроздовская дивизия оставалась в резерве. Ночью красные подходили и Карачекраку, но огнем застав были отброшены. Часов около десяти пролетали над Карачекраком два «Ильи Муромца» красных и сбросили на село 15 бомб. Перед этим пролетали наши пять аэропланов, и спустя часа полтора — еще семь наших. Наша конница пошла на город Орехов. Распространился вдруг слух, что Гейдельберг занят противником. Для проверки туда была послана разведка, которая выяснила, что ничего похожего нет. В действительности же оказалось, что при нашем поспешном продвижении красные, отступая, в панике побросали в полях много винтовок, собрать которые сразу не было времени. Было приказано жителям колонии собрать их и снести к старосте. Группа мальчишек, подобрав несколько винтовок, решила пострелять в цель. Они открыли стрельбу как раз в то время, когда возле колонии проходили повозки обоза. Услышав стрельбу, обозники драпанули и донесли, что их из Гейдельберга обстреляли. Около 13 часов по улице Карачекрака, желая скрыться, бежал ординарец комиссара — коммунист, а за ним гнался командант 2-го

полка, стреляя из револьвера. Бежавший коммунист вскопал в дом, где располагались ездые, влез на чердак и там забарикадировался. Перед домом собралась большая толпа. 3-й номер батареи, Заваруев, полез наверх и выстрелом из винтовки в упор раздробил ногу беглецу, которого потом извлекли из чердака. Он кричал: «Я, братцы, не виноват, я также не терплю жидов». После допроса он был расстрелян.

В 16 часов Дроздовская дивизия выступила на Щербаквку, что в двадцати верстах к северо-западу от Карачекрака, и прибыла туда в 22 часа. Жители рассказывали, что красные ушли уже в 15 часов и у них была сильная паника. Один из начальников обоза хотел остаться с обозниками и все оттягивал выступление обоза, ожидая появления наших конных, но все-таки был принужден отступить с остальными. Из Карачекрака с дивизией двигалась группа артистов Павла Троицкого. Комично выглядели верхом на импровизированных седлах трое штатских — Троицкий, Кубанский и Дудин. Их жены и выступавшая с ними девочка Женичка ехали сзади на повозках. Они приехали в дивизию в Фридрихсфельд, чтобы устроить представление. Поздно вечером, накануне нашего выступления, присоединились к дивизии и стали с нами путешествовать.

Наша конница 5-го сентября заняла Орехов, Жеребец, Ново-Павловку и уже вела бой у Камышеватки. Было взято около 1000 пленных пеших и 150 конных, 5 орудий, 3 зарядных ящика, 2 броневики, пулеметы и большие обозы. Кубанцы влетели в город Орехов со стороны Омельника, то есть почти с севера. Их там не ожидали. Произведя среди красных огромный переполох, захватили городской совет и всех комиссаров.

На рассвете 6 сентября дивизия двинулась дальше, так как было получено приказание выйти на линию Лежина—Трудолубовка. Это первая станция железной дороги Александровск—Пологи. Дивизия вскоре прошла через колонию Ней-Базель, в которой уцелело только два дома, а остальные были сожжены еще в 1919 году отрядом Махно, в знак мести за то что вся молодежь из колонии поступила в ряды конницы Добровольческой армии. Двигаясь дальше дивизия прошла села Ново-Яковлевку, Хитровку и Камы-

шеватку, не встречая красных. Камышеватку Кубанцы генерала Бабиева, в составе которых были 1-я и 5-я конные батареи (2-й конно-артиллерийский дивизион), прошли еще рано утром и двинулись на Александровск. В Камышеватке был большой привал и обед для дивизии. Пройдя за день 40 верст, дивизия остановилась в селе Степном в трех верстах от станции Лежина. Еще в дороге было получено извещение о том, что Александровск занят нашими войсками. Вечером из города все время освещал местность, захваченный там у красных, большой прожектор. В городе была захвачена нашими войсками громадная добыча, в том числе 5 бронепоездов, аэропланы и много эшелонов. За шесть дней операции были последовательно разгромлены Верхне-Токмакская, Пологская, Ореховская и Александровская группы красных войск. На фронте в 200 верст за это время было взято в плен свыше 10 000 красных, 35 орудий, из которых 9 тяжелых, 8 бронепоездов, несколько сот пулеметов, автомобильно-инженерная станция с прожектором, 7 аэропланов, 5000 пудов колючей проволоки, 7 исправных, под парами, паровозов и прочая добыча. Часть нашей конницы вышла к станции Софиевка, 25 верст севернее Александровска. Подрывники нашей конницы в нескольких верстах севернее этой станции взорвали в нескольких местах полотно железной дороги, благодаря чему сошел с рельс один бронепоезд красных и закрыл дорогу двум другим, шедшим за ним, и 16 эшелонам, вышедшим из Александровска. Так как в этот район проскочили только разъезды численностью в 16 конных, то красные продолжали и дальше оставаться в вагонах и сидели в них до тех пор, пока не налетели наши аэропланы и не начали забрасывать эшелоны бомбами. От взрывов бомб на Станции Софиевка стали гореть эшелоны и взрываться снаряды в них. Тогда у красных началась огромная паника. Они стали выскакивать в чем попало из вагонов — одни с вещами, другие без них — и все устремились на запад, удирая в сторону Днепра. Снизившиеся аэропланы стали поливать бегущих пулеметным огнем, заставив их на бегу расстаться с последними вещами. В этих эшелонах удирали из Александровска разные политработники, хозяйственные чины, семьи советских деятелей и вообще

публика мало привыкшая к обстрелу. Было среди нее и немало евреев. Потом жители рассказывали, что еврейки умоляли спрятать их, так как они были в страшной панике, ввиду слухов о появлении нашей конницы, наступающей с севера.

Недалеко от города Александровска попало в плен 75 сестер милосердия, свыше 100 молодых евреев политработников, канцелярия одного отдела 13-й советской армии. В отрезанных эшелонах в районе Софиевки было много всего оставлено, но эти эшелоны всю ночь оставались без охраны, так как наша конница подтянулась к Александровску. Там же остались и три бронепоезда красных — без охраны. Этим воспользовались красные и, сделав на маленьком отрезке пути обводный путь, ночью увели два бронепоезда, а третий, который сошел с рельс, взорвали. Жители из окрестных сел целую ночь грабили и тащили вещи из вагонов.

На другой день, 7 сентября, Дроздовская дивизия выступила в направлении на станцию Софиевка, пройдя станцию Лежина, хутор Скелеватый и село Натальино. На станции Софиевка остался 3-й Дроздовский стрелковый полк, 1-й Дроздовский полк ушел в село Софиевка со штабом дивизии, а остальные части расположились в селе Сергеевка. Возле станции Софиевка происходила еще настоящая вакханалия. На протяжении нескольких верст в сторону Александровска стояли эшелоны, около которых шныряли толпы людей. За две-три версты от полотна железной дороги валялись по полям стулья, корзины, чемоданы, различная бумага, вещи и всевозможные тряпки. Из вагонов выскакивали все время люди со всякими нужными и ненужными для них вещами. Во многих вагонах было полное оборудование для жилья, и теперь все это растаскивалось и грабилось жителями сел. Перевезти батареи, обозы 1-го разряда и даже перейти на другую сторону железной дороги, сплошь занятой эшелонами, даже на переездах, было не так-то просто. Приходилось людской силой расталкивать вагоны, чтобы образовать проходы между ними. Проходя мимо, командир 2-го батальона 2-го полка вспомнил, как были забиты застрявшими составами все пути у станции Гниловской, когда Дроздовская дивизия, оставляя Ростов в декабре 1919 года, пе-

реходила 27 декабря по льду Дон, и вслух выразился: «Это Гниловская номер 2, но на этот раз у красных».

Стали известны подробности боя при занятии города Александровска. Около 15 часов 6 сентября Марковские части вышли на бугры перед городом. В это время на станциях стояли, не успевшие отойти, эшелоны красных. Вдали дымили их же уходившие составы в направлении на Синельниково и на мост через Днепр. Вперед выехали и стали на позиции батареи под прикрытием конных. Была замечена разворачивающаяся к бою пехота красных, на южной окраине города. Загremели орудия Марковцев, а их пехота стремительно атаковала красных, смяла их и на плечах бегущих ворвалась в город. В городе к орудийному грохоту присоединились сильные взрывы, так как красные стали взрывать склады и вагоны. На улицах города Марковцев встретили толпы жителей с цветами. Приближались уже сумерки, когда один из Марковских полков, пройдя город, у села Вознесенского наткнулся на упорное сопротивление красных. Этот (2-й) Марковский полк имел задачу выйти в тыл села Вознесенского, занять село и переправы через Днепр. Село было взято только когда наступил вечер, но красные успели, бросив свои обозы, отойти на другой берег Днепра и отвести понтонный мост через Днепр, а также взорвать железнодорожный мост у Кичкаса. Резервные роты полка захватили около 200 красных, продолжавших сидеть в окопах, а потом вылавливали разбежавшихся красных, среди которых поймали и командира красного батальона, бывшего офицера. Высланные вперед дозоры дошли до разъезда. Привели также и двух красных сестер милосердия, которые рассказали о зверском поступке красных со своими ранеными. Утром красное командование приказало им погрузить, в еще не разгруженный и только в тот день прибывший, эшелон раненых и их сопровождать. Погрузив раненых, они двинулись в составе большого эшелона в направлении на мост через Днепр, но у разъезда около моста он остановился. Наступила ночь. Бой все время приближался и вдруг раздался сильный взрыв.

— Мост взорван! — раздался крик.

В это время эшелон уже медленно двигался.

— Остановите поезд! Поцадите раненых! — кричали из вагонов, а в ответ: — Белые все равно перебьют всех.

Кто мог, стал выпрыгивать из вагонов эшелона, который медленно приближался к взорванному мосту. Выпрыгнули и эти обе санитарки-сестры милосердия, а вагоны один за другим полетели с высоты в десяток метров в Днепр, под зловеющий крик и грохот. На рельсах остался только толкач паровоз. На следующий день еще можно было видеть, рассказывали потом Марковцы, сносимые быстрым течением по Днепру красные вагоны. Все бывшие в вагонах раненые красноармейцы погибли «во славу революции и советской власти».

День 8 сентября наши части оставались на своих местах расположения. На аэродром в Александровске спустился аэроплан красных, прилетевший из Каховки в штаб 13-й советской армии. Летчик не имел представления, что город уже занят частями Русской армии и был страшно поражен, когда его на месте арестовали. На вечер в Софиевке, наконец, был назначен концерт группы Павла Троицкого для чинов Дроздовской дивизии, но в самый последний момент был отменен, так как дивизии было неожиданно приказано приготовиться к наступлению на Синельниково. 1-й и 2-й Дроздовские стрелковые полки получили приказание перерезать железную дорогу Синельников—Екатеринослав, а 3-й Дроздовский полк должен был, после занятия Синельникова, вместе с бригадой Конной дивизии генерала Бабиева перерезать дорогу Синельниково—Павлоград. Дроздовская дивизия выступила в поход в 21 час 8 сентября. Со 2-м полком пошли и три эскадрона 2-го Дроздовского конного полка. Остальные эскадроны были еще в пешем строю. Дивизия целую ночь двигалась, по отъратительной дороге, с большими задержками у бесчисленного числа дощип и оврагов и без единого привала. На рассвете, пройдя село Новогуполовку, 1-й полк подошел к селу Михайловка, а 2-й полк — к селу Васильевка. После нескольких коротких очередей, конные эскадроны 2-го полка атаковали и заняли Васильевку, зарубив несколько красных на улице. Оба села были заняты Дроздовцами, дальнейшее продвижение их было стремительным и красные не смогли нигде задержать.

ся. Возле Васильевки была захвачена кавалеристами повозка с сестрой милосердия и громадным красным флагом с надписью: «Да здравствует непобедимая Рабоче-Крестьянская Красная Армия!» В районе села Афанасьевки Конным полком Дроздовской дивизии было захвачено одно орудие и 2 зарядных ящика. Орудие было с замком, панорамой и в запряжке, но только при трех лошадях. Расстояние от Михайловки до Синельниково, 18 верст, дивизия прошла очень быстро и в четырех верстах от станции 3-я батарея обстреляла цепи красных, а 2-й полк двинулся к железной дороге Синельниково—Екатеринослав. 3-й Дроздовский полк в это время вел бой правее. Выйдя к железной дороге Дроздовцы увидели дымки, успевших выскочить из Синельниково, двух броневиков красных и мчавшийся на всех парах поезд, увозящий станционное начальство и обстреливаемый 7-й гаубичной батареей. Один батальон 2-го полка со взводом 3-й батареи двинулся на разъезд железной дороги на Екатеринослав, а остальные части полка свернули и пошли в Синельниково. У разъезда произошел небольшой бой с отступавшими конными и пешими красными и разъезд был занят Дроздовцами. Красные поспешили отступить, а батальон, простояв возле разъезда около трех часов, также свернулся и отошел на Синельниково. Пройдя станцию Синельниково-малое, батальон в колонии Гейденфельд, что в полутора верстах севернее Синельникова, присоединился к своему полку. Кубанская бригада прибыла к шапочно-му разбору, и в бою под Синельниково не участвовала. Как потом выяснилось, причиной их опоздания было их веселье в Александровске, накануне в городском саду, во время которого их командир скомандовал: «По коням». Их опоздание во многом уменьшило успех проведенной операции, так как успели удрать бронепоезда, меньше попало в плен, даже те красноармейцы, которые бросили винтовки в окопах, сами спокойно ушли. Не было кому их преследовать.

В этой операции Дроздовцами было взято в плен свыше 1500 красных, захвачено орудие с панорамой, замком и передком с тремя лошадьми, два зарядных ящика, пулеметы, много оружия и обозы красных. Дальнейшего продвижения и закрепления за Русской армией Синельникова не предви-

делось. Части Дроздовской дивизии, согласно полученного приказа, в 21 час двинулись в обратный марш, вдоль железной дороги, на Александровск. В 7 часов 10 сентября дивизия прибыла в Ново-Гуполовку, где и разместилась по квартирам. Линия железной дороги была по-прежнему в хаотическом состоянии, а брошенные эшелоны еще не убраны. Пакгаузы и вагоны на станции Софиевка все сгорели. Кругом была полная картина войны и разрушения. Масса брошенного большевиками ценного имущества была растащена, потоптана и попорчена рыскавшими по вагонам людьми, и особенно медикаменты в брошенных двух летучках, в которых чины дивизионного перевязочного отряда почти ничего уже не нашли. В основном все было попорчено.

Следующие дни дивизия простояла в Ново-Гуполовке. Наши бронепоезда прибыть в Александровск не могли, так как мосты еще не были починены. Сам город красные стали обстреливать с другой стороны Днепра артиллерийским огнем. 12 сентября, для усиления Марковской дивизии, ушли 7-я и 8-я Дроздовские гаубичные батареи. Ночью 14 сентября ушли в короткий рейд на Славгород 1-й и 3-й Дроздовские полки, а 3-й батальон 2-го Дроздовского полка на рассвете перешел на разъезд Ново-Гуполовку, где и оставался во все время рейда на Славгород. Уже на рассвете части 2-го полка слышали доносившуюся со стороны Славгорода сильную артиллерийскую стрельбу, но она скоро прекратилась. Рейд был быстро закончен с полным успехом. Красных там разгромили, захватив свыше 700 пленных и пулеметы. Бывшие правее Славгорода красные части, услышав бой в районе Славгорода, поспешно отступили. В 15 часов Дроздовцы, бывшие в рейде, уже вернулись в Ново-Гуполовку.

Только 14 сентября группе Павла Троицкого удалось, наконец, устроить концерт для Дроздовской дивизии — в два сеанса, — чтобы на нем могло побывать как можно большее число чинов дивизии. Все побывавшие на нем остались очень довольны доставленным развлечением. Во время концерта смех не умолкал.

Наши разведчики побывали в районе Днепра и рассказали, что видели там заставы Марковцев и что там действует

также отряд партизан «бабки Махно» — на нашей стороне. Эти партизаны, по рассказам Марковцев, время от времени перебирались на другую сторону Днепра и тревожили красных. Во время отступления красных 6 и 7 сентября эти махновцы переловили много комиссаров и коммунистов и всех их расстреляли, а бегущих красноармейцев разоруживали и, раздев до гола, отпускали на все четыре стороны.

Бросилось в глаза, что только с приходом частей Русской армии в район Александровска, крестьяне приступили к уборке хлеба на полях, и на вопрос — почему они раньше это не сделали, был общий ответ: «Мы вас ждали. Ваши еропланы сбрасывали нам бумажки, чтобы мы не поспешали с уборкой».

Население этого района было настроено явно враждебно к красным, так как они его ограбили, отбирая все и вся. Красные отдавали просто невыполнимые приказания о поставках или сдаче того или другого. Для примера одно из приказаний селу Сергеевка: «Доставить немедленно 40 пудов кур и по 15 яиц с курицы». Отбирая скот и свиней, платили гроши, или просто давали только расписки. Нам крестьяне все охотно давали и продавали. Вообще, просто говоря, были очень рады нашему приходу. На полях сразу закипела работа по уборке хлеба, и наши солдаты в этом помогали.

Получены были сведения о появлении в Крыму шаек зеленых. Во время экспедиции для их ликвидации, 26 августа, был убит шеф одной шайки — некий Васильев-Бородин, оказавшийся бывшим комиссаром при политкоме 13-й советской армии. Он был послан в Крым как инструктор и состоял членом ялтинской коммунистической подпольной организации, которая была раскрыта и ликвидирована. Также была ликвидирована и симферопольская подпольная коммунистическая организация, установившая уже регулярное сообщение по морю с Одессой. В частях также были обнаружены коммунистические агенты, создававшие ячейки. Их выдавали сами стрелки. В части эти агенты попадали из числа взятых в плен или засланных под видом перебежчиков.

На других участках фронта было без перемен, только на

Иллиновском направлении нашим частям удалось, наконец, сломить упорное сопротивление красных и завладеть Андреевкой. Было взято около 200 пленных, 2 орудия и пулеметы. В районе Александровки на Днепре захвачено 12 пароходов.

15 сентября на участке Дроздовской дивизии было спокойно. Получено было сообщение о крупном успехе Донцов, занявших город Мариуполь, где была захвачена богатая добыча. На острове Хортица Марковцы отбили наступление девяти красных полков. Так как появились слухи о сосредоточении против Дроздовцев крупных сил в районе Терновое, лежащего в двенадцати верстах к северо-западу от села Ново-Гуполовки, последовал приказ дивизии отправиться в рейд в этот район. В первом часу 16 сентября дивизия выступила, имея в голове колонны 2-й стрелковый полк. 3-я батарея шла с головным батальоном. Ночь была холодная но светлая, — полная луна. К рассвету головной батальон подошел к селу Александрополь, находящемуся в трех верстах севернее села Терновое. Была полная тишина в селе. Батальон остановился, через пять минут развернулся к бою и двинулся дальше. Красные молчали, и только когда наши цепи уже подошли к первым домам, со стороны красных заработали два пулемета, но стреляли недолго и пули летели высоко вверх. Один взвод батареи снялся с передков и послал в сторону стрелявших пулеметов несколько гранат, а наша пехота с криками «ура» устремилась в село. Конный полк и конный дивизион 1-го полка помчались вперед в обход села. Генерал Туркул находился при головном батальоне, впереди. Красные бросились удирать, и из Александрополя, и из Терново по балке, которую в то время уже перерезали конный полк и дивизион 1-го полка. Все бывшие в этих поселениях красные попали в плен. Захвачены — 2 орудия, 2 зарядных ящика в полной исправности (с ездовыми, номерами и всеми лошадьми), пулеметы, вся пехота и обозы. В селе Терновое конники зарубили командира 69-й советской бригады. Согласно найденного боевого приказа в штабе бригады, группа «товарища» Нестерова, состоявшая из девяти полков, должна была в этот день «ликвидировать» Дроздовский отряд, расположенный в селе Но-

во-Гуполовке, при 12 орудиях. Красное командование дало неточные данные о числе орудий, так как в то время в дивизии было 20 орудий. 68-й советской бригаде было приказано, совместно с бронепоездами, на рассвете 16 сентября завязать бой у восточной окраины села Ново-Гуполовка, а рано утром из села Терновое должна была выступить, захваченная уже в плен, 69-я советская бригада, чтобы, обойдя Ново-Гуполовку слева, атаковать с запада. За центром должна была наступать резервная советская бригада, по расписанию выходявшая с ночлега позже 69-й бригады. Уже совсем рассветало, когда части дивизии выдвинулись севернее балки, в которой расположены села Терновое и Славгород, и дивизия, повернув круто направо, пошла на Славгород.

В это время в районе Ново-Гуполовки, в которой остался 3-й Дроздовский полк и куда накануне вечером прибыло 5 броневиков, шел бой. 3-й полк был атакован красными, но с помощью броневиков их быстро отбросил от Ново-Гуполовки и стал преследовать.

Наступая на Славгород 2-й Дроздовский полк вскоре вышел в тыл красных. 1-й Дроздовский полк двигался за ним. Колонну Дроздовцев красные вначале приняли за свою, подход которой они ожидали, бригаду, и не проявляли беспокойства. 3-я и 4-я Дроздовские батареи выехали вперед и стали на открытых позициях, открыв беглый огонь по красным. В это же время конные части дивизии, проскочив незаметно между домами и деревьями хутора Ремнева и Рита, быстро развернулись в лаву. Атаковав красных, подавленных уже огнем восьми орудий, наши конники своим внезапным появлением вызвали среди них такую панику, что те, несмотря на то что они во много раз численно превышали атакующих, все, без единого выстрела, бросив оружие, сдались. Это был редкий по красоте бой и он произошел на глазах артиллеристов — на очень небольшом расстоянии.

Пока собирались пленные, Дроздовская конница со взводом 3-й батареи подскочила к вокзалу Славгород, от которого на всех парах уходили два красных бронепоезда в такой панической суматохе, что даже не стреляли. Бронепоезда успели ускользнуть и коннице уже больше ничего не

оставалось, как свернуться и двинуться на присоединение к своей пехоте. Части дивизии уже также свернулись и стали вытягиваться на дорогу в направлении на Ново-Гуполовку. На хвост 1-го полка в это время вышла подоспевшая советская резервная бригада. Без особого труда 1-й Дроздовский полк отбросил красных, которые поспешили быстро отступить. Части дивизии продолжали свой обратный путь на Ново-Гуполовку совершенно открыто. Батареи двигались по дороге приблизительно верстах в четырех от железной дороги. Бронепоезда красных, видя что Дроздовцы уходят, вернулись и начали обстреливать колонну Дроздовцев. К счастью они стреляли очень вяло и неточно, но потери в батареях все-таки были. Были убиты младший фейерверкер Беляев и канонир Геллер, тяжело ранены — подпоручик Куладин, младший фейерверкер Хохлов и канонир Обухов, контужены — штабс-капитан Орлов, штабс-капитан Люш и младший фейерверкер Бочаров. Разорвавшимся под орудием снарядом были попорчены тормоз и две спицы в колесе. Эти потери были совсем излишние и их можно было избежать если бы батареи двигались по другой дороге, невидимой с бронепоездов красных. В полках за весь день потерь было очень мало.

На этом операция была закончена. За время ее было взято в плен 1100 красноармейцев, захвачены 2 орудия и 2 зарядных ящика в полной упряжке, свыше 20 пулеметов и многочисленные обозы красных. В числе пленных оказался весь командный состав 205-го советского полка во главе с его командиром. Было зарублено много красных и в их числе командир 69-й советской бригады. Этим рейдом дивизии планы красных были серьезно расстроены.

17 сентября на участке Дроздовской дивизии было спокойно. Стало известно, что красные усиленным темпом оккупывались на линии разъезда Ивковка, которая верстах в пятнадцати севернее станции Славгород. Бронепоезда красных за целый день не появлялись. Наши поезда стали ходить до станции Софиевка; все эшелоны были с пути убраны. Теперь выяснилось, что при взятии Александровска было захвачено свыше 1000 вагонов, 20 цистерн и 33 исправных паровоза. О рейде на Синельниково было сообщено офи-

циально очень коротко: «Севернее Александровска в боях взято много пленных и другие трофеи».

18 сентября появились опять бронепоезда красных и, выйдя за станцию Славгород, постреливали. По этому поводу один из жителей Ново-Гуполовки так выразился: «Наверно вы сегодня ночью пойдете, а то они опять днем дразнились». Видимо теперь у жителей было определенное предположение о способе наших действий, и для них не являлись неожиданностью и тайной все наши предполагаемые рейды.

За эти дни, во время боев в районе Мариуполя (15 и 16 сентября), попало в плен до 3500 красных, в районе Волновухи — до 2000 красных, взято 7 орудий и 12 пулеметов. Красная конница, проводная налет на Ольгинскую, была рассеяна, бежала на восток и оставила в наших руках пленных и пулеметы. Всего за это время Донцами было взято свыше 5500 пленных, много пулеметов, орудий, 1 бронепоезд, 5 паровозов, свыше 100 вагонов, обозы красных и разное имущество. Донцы, преследуя красных, заняв станции Караванную и Мандриково, уничтожив там громадные склады красных, к вечеру уже были в Юзовке. Там они обнаружили, что в каменноугольном районе отношение рабочих к большевикам отрицательное.

Вечером было получено приказание Дроздовской дивизии быть готовой к походу. Наш житель оказался прав в своем предположении. Предстояло ночью выступить для ликвидации группы красных в районе Варваровки — совместно с Кубанской дивизией генерала Бабиева.

Немного раньше полуночи на 19 сентября Дроздовская дивизия выступила в очередной рейд. Кубанцы ушли еще раньше, так как им предстояло пройти прямо умопомрачительный путь за один день. Они должны были выступить из Глебовки, что верстах в 30 восточнее Ново-Гуполовки, перерезав железную дорогу Синельниково—Чаплино, выйти севернее Синельникова. Дальше им нужно было, перерезав линию железной дороги Синельниково—Павлоград, занять Синельниково. После этого Кубанцы должны были прогуляться до станции Игрель и уничтожить там мост.

Дроздовской дивизии была дана задача: из Ново-Гуполовки пройти на Александровку, Богдановку, Бочары, Ни-

колаевку (местное название — Рудино), разъезд Ивковку, Варваровку, Васильевку № 1 на Днепре и на Варваровку у реки Днепра. Занимая по очереди эти населенные пункты, дивизии было предписано уничтожить там части противника. Впереди шел 1-й Дроздовский полк, за ним должен был двигаться 3-й Дроздовский полк, 2-й конный полк и конный дивизион дивизии, между ними броневики, а в заключение — 2-й Дроздовский стрелковый полк. Батареи дивизии находились при полках.

1-й Дроздовский полк выступил в рейд значительно раньше всех остальных частей дивизии. Было еще темно и 2-й Дроздовский стрелковый полк еще не успел подойти к селу Бочары, когда в это время 1-й Дроздовский полк уже был у села Николаевки. Находившиеся в селе красные проспали и их всех Дроздовцы захватили в плен. На рассвете 2-й Дроздовский стрелковый полк подошел к железной дороге у разъезда Ивковка. В это время к разъезду двигались из Славгорода на Синельниково два бронепоезда красных.

На их глазах подрывники полка взорвали железнодорожное полотно и, таким образом, для них был отрезан путь отхода на Синельниково. Артиллерийским огнем бронепоезда были отброшены назад в сторону Славгорода. После этого 2-й полк, выделив 3-й батальон со взводом 3-й батареи для ликвидации бронепоездов, продолжал движение дальше.

В книге генерала Туркула «Дроздовцы в огне» есть описание этого рейда в главе «23-я советская»:

«Мы, белогвардейцы, были последней императорской нацией, взявшейся за винтовку, ради чести и свободы России, молодой, русской нацией, вышедшей из войны и революции. Это понятно без спора. Русская романтика и вера, русское вдохновение были в Белой армии. Потому-то так много среди нашей молодежи, вчерашних студентов или армейских поручиков, было сильных, твердых и совершенно бесстрашных людей, удивительных смельчаков. В Белой армии были настоящие люди, настоящие души, настоящие герои.

Последней нацией России была ее героическая молодежь с винтовками и в походных шинелях. У красных — число там серое, валом валящее, все «давишь», у нас отдельные

люди, отдельные смельчаки. Число никогда не было за нас. За нас всегда было качество, единицы, личности, отдельные герои. Это тоже бесспорно.

— Большевики, как ползли тогда, так ползут и теперь, — на черни, на бессмысленной громаде двуногих. Мы, белые, против человеческой икры, против ползучего, безличного числа, всегда выставляли живую человеческую грудь, живое вдохновение, отдельных героев. Таким героическим человеком Белой армии был и генерал Бабиев, сухопарый, черноволосый с кавалерийскими ногами, немного колесом, с перерубленной правой рукой. В конных атаках генерал рубил-ся левой. Этот веселый и простой человек был обаятельный. В нем все привлекало: голос с хрипотой, и как он ходил, немного перегнувшись вперед. Привлекала его нераздумывающая какая-то ликующая храбрость. Такие, как Бабиев, а как много их было среди белогвардейцев, сильнее самой смерти. И останутся они сильнее смерти, на вечные русские времена. Привлекала с головы до ног порода Бабиева. Он был настоящим кавалеристом, особым существом, какое вряд ли не сродни мифическому кентавру. Казаки особенно чувствовали Бабиева. Вольная Кубань с легким сердцем прощала ему не то что горячность, а и непохвальную привычку рукоприкладничать.

Я приехал к Бабиеву условиться о боевом рейде на Синельниково. В Александровске трубят трубачи, поют песельники: генерал Бабиев обедает с трубными гласами. За обедом мы уговорились о совместном марше.

— Только давай без опозданий.

— Хорошо.

На исходе второго часа 19 сентября наш головной полк атаковал деревню Николаевку, занятую красными. Атака была настолько внезапна, без выстрела, что у нас был всего один раненый. В деревне захватили до тысячи пленных. Это были человеческие стада, ошалевшие от сна, не понимающие ничего. От деревни я повернул Дроздовскую дивизию на запад. Подрывная команда 2-го полка добралась до железной дороги, взорвала рельсы. Мы заскакали на степной полустанок. Мы, действительно, летели впотьмах, как ночная зарница, внезапными изломами. Конный полк, штаб

дивизии, конные разведчики ушли вперед. Когда посветлело, я приказал 2-му полку начать с тыла наступление на бронепоезда, гремевшие под Славгородом. Мы были в их тылу. Бронепоезда наступают на Ново-Гуполовку, а 2-й полк наступает на бронепоезда. Я с дивизией вклиняюсь еще глубже в тыл красных. В голове шел 1-й полк».

Вернемся теперь к 2-му стрелковому полку. Колонна полка двинулась в направлении на Варваровку, 3-й батальон полка со взводом 3-й батареи направился вдоль железной дороги на Славгород для ликвидации отрезанных бронепоездов красных, которые в это время вели бой с оставленным в Ново-Гуполовке дивизией батальоном. В это время правее и севернее Синельниково слышна была сильная артиллерийская стрельба. Там наступала Кубанская дивизия генерал Бабиева и в составе ее 1-я и 5-я конные батареи. На сей раз Кубанцы выступили в рейд вовремя, а не так, как это было 9 сентября. Бронепоезда красных два раза пытались подойти к разъезду Ивковка, но их отгоняли артиллерийским огнем обратно на Славгород. Нашим артиллерийским солдатам эта операция почему-то очень не нравилась, так как местность была открытая и, кроме того, они предполагали что красные, без упорного сопротивления, своих бронепоездов не сдадут и поэтому у нас будут большие потери. Наступал 3-й батальон с большой осторожностью и, когда цепи стали подходить к станции Славгород, тогда вправо от нее показалась небольшая цепь пеших при четырех конных,двигающихся с юга на север. Вправо в районе села Терновое, что было севернее этой цепи, шел в это время сильный бой. Пока командиры батальона и артиллерийского взвода решили, кто это может быть, цепь уже стала спускаться в лощину. Тогда стало ясно всем, что цепь красных. Штабс-капитан Орлов выкатил орудие на открытую позицию и обстрелял отступавшую цепь красных, но уже на больших прицелах, гранатами. Было видно, как после нескольких выстрелов были сбиты с коней всадники, при разрыве гранаты, и упало несколько пеших. Красные очень быстро вышли из предела обстрела, и за дальностью расстояния дальнейшая стрельба была бесцельна. После оказалось, что это была цепь отступавших команд красных

бронепоездов, к которым подошли уже цепи 3-го батальона. Красные бросили свои два бронепоезда, из которых один, «Атаман Чуркин», был тяжелый и вооруженный 6-дюймовыми и 45-миллиметровыми орудиями, а другой, «Ермак Тимофеевич», с четырьмя русскими легкими пушками во вращающихся башнях. При поездах паровозы, защищенные броней, в полной исправности и под парами. Замки с орудий и часть замков с пулеметов красные побросали в паровозные топки, но все остальное на бронепоездах было в полной исправности. Было захвачено больше 700 снарядов для русских орудий, около 60 крупных калибров для морских орудий бронепоезда «Атаман Чуркин», свыше 20 пулеметов и к ним лент — без числа. Бывшее на бронепоездах другое имущество братски поделили между собой пехотинцы и артиллеристы, а бронепоезда были немедленно же, с их паровозами, отправлены на разъезд Ново-Гуполовку и затребован из Александровска ремонтный поезд для исправления взорванного у разъезда Ново-Гуполовки железнодорожного полотна. Так как в этом районе 3-му батальону больше нечего было делать, он свернулся и двинулся на присоединение к своему полку, который нашел уже в селе Михайловке, располагавшимся по квартирам.

Оставим отдыхать 2-й полк и посмотрим, что сообщил в своей книге генерал Туркул о действиях остальных частей дивизии в этот день.

«Дивизия в непрерывном бою не давала опомниться противнику. Атака сменяла атаку. Поражая внезапностью, мы гнали его дальше на запад, оттесняя к Днепру. Большевики отбивались контратаками. На последних холмах, когда широко и свинцово блеснул в зарослях утренний Днепр, головной первый батальон 1-го полка не сдержал контратаки большевиков. Цепи батальона подались назад. На стороне красных перевес потрясающий, ползут, можно сказать, серым студнем, какой-то кипящей икрой. Комиссары вовсе не жалели своего пушечного мяса. Командиру отступающего батальона я приказал во что бы то ни стало повернуть цепи в контратаку. Батальон неуклюже покачался, как бы переминаясь с ноги на ногу, и с ярым «ура» повернул обратно. Тогда же повел в атаку полковник Кабаров свой подоспев-

ший Второй конный полк. В ту ночь и утро Второй конный полк уже раз пять бросался в атаки. Вымотались кони, покрытые пеной и грязью, с мокрыми боками, хрипящие, которых никакими силами нельзя было понудить к быстрым аллюрам, поднять на галоп и карьер. Измученный Второй конный полк двинулся в атаку мелкой рысью. Необыкновенно грозным было его медленное и плотное конское движение, злобный храп, ржание, лязг.

Конная атака сбила большевиков. Кабаров взял более тысячи пленных, пушки, пулеметы. Смятые, потоптанные толпы противника кинулись к Днепру. Это было не только бегство. Это был маневр: добраться раньше нас до берега, по берегу пробиться на север. Вся кавалерия Дроздовской дивизии погналась за ними. Во главе Второй конный полк, а стрелковые полки, Первый и Третий, замешкались, отстали от конницы, задержанные приднепровскими лощинами и оврагами.

Мы заскакали на последние высоты. Поднявшись на стременах, я увидел всю приднепровскую равнину, огромный смутно-светлый амфитеатр, в поволоке утреннего тумана, в реющем солнечном блеске. Вся равнина кишела и шевелилась живьем, ходила ходуном, на ней точно тряса серый студень. Равнина была забита отступающими большевиками, обозами, артиллерией. Мы гнали их полчища. Я снял фуражку и, вдыхая свежий воздух с Днепра, повернулся в седле и приказал взводу конной батареи открыть по отступающим беглый огонь. Полковник Кабаров от усталости был бледен, забрызган глиной, как и все его всадники, и конь под ним был мокрый, потемневший, в хлопьях мыла, как во всем доблестном Втором конном полку. Я приказал полковнику Кабарову снова атаковать. Это была его седьмая атака.

Есть необыкновенно трогательное, женственное в усталом коне и вместе — что-то беспомощно щенячье. Жалко было смотреть на тонкие жилистые ноги коней, изодранные в кровь, и на то, как измотанные в конец жеребцы, с потными блестящими крупами, пятились, оседали без сил. Всадники, точно окостеневшие, забрызганные грязью и глиной, понукали их к бегу.

Второй конный тронулся в седьмую атаку, с ним команды конных разведчиков всех стрелковых полков. Дон-Кихот на его костлявой кляче, куда бодрее скакал на ветряные мельницы, чем наш доблестный Второй. Я думаю, что также ни одна конница, никогда, не бросалась семь раз в атаку за несколько часов. Наше счастье, что мы спускались с горы: склон ускорял движение, хотя многие кони попросту ползли по песку, прямо на брюхе. Чем круче склон, тем конная атака пошла веселее. Беглая стрельба артиллерии и конница, спускающаяся с холмов, привели в долине все в смятение. Создалась паника. Большевики бросились за Днепр. Они обезумели, увидя нас на холмах. Они бросались в воду с тачанками, топили пушки, дрались между собой, кидались вплавь во всей амуниции. Мы их смели за Днепр. Артиллерия покрывала бегущих беглым огнем, а пулеметы косили их.

Часа в три дня я приказал Дроздовской дивизии стать на отдых в приднепровском селе Варваровке. За ночь и утро мы гнали противника шестьдесят верст в непогасимых боях. На отдыхе ко мне прискакал ординарец от генерала Харжевского с донесением о взятии, отрезанных нами, двух бронепоездов. Два бронепоезда, много пленных, броневик, десятки пулеметов, пушки. Теплая сентябрьская ночь обернулась для 23-й советской дивизии полным разгромом, а у нас, странно сказать, всего один убитый и двадцать семь раненых. Теперь могу признаться, что впервые за мою боевую жизнь я соврал в реляции. На вранье меня подбил мой оперативный адъютант.

— Ваше превосходительство, — убеждал он, — если мы не увеличим числа потерь, в штабе создастся впечатление, что не успели мы пробиться, как все подняли руки вверх и стали сдаваться повально...

Я подумал, подумал, и в донесении в штаб корпуса о трофеях и потерях, увеличил наши потери с одного на сто.

Пролетавший над Михайловкой, где расположился на отдых 2-й Дроздовский стрелковый полк, наш летчик сбросил сообщение о том, что Кубанцами взято много пленных, в полной исправности бронепоезд «Свердлов», поездные со-

ставы, все штабы, зарублен начальник группы красных Нестерович и захвачено много разного имущества.

Дроздовская дивизия, согласно первоначального приказа, должна была к вечеру 19 сентября занять линию фронта Петровское—Синельниково, но, вследствие большого боевого марша, совершенного за сутки, и потому что дальше продвигаться уже не имело смысла, так как красных сил перед дивизией уже не было (все было разгромлено и взято в плен), 2-й Дроздовский стрелковый полк остановился на отдых в селе Михайловке, а остальные части дивизии в селе Варваровке у Днепра. Кубанская дивизия в 13 часов выступила из Синельникова в направлении на город Екатеринослав. За эту операцию только Дроздовской дивизией взято много пленных, 2 бронепоезда, один сторевающий броневик, орудия, из которых 6 в полной упряжке с зарядными ящиками, ездовыми и номерами, много пулеметов и обозы красных.

Под утро 20 сентября прошел сильный дождь с грозой. Днем сразу стало холодно и сыро. В 14 часов 2-й Дроздовский стрелковый полк выступил обратно в Ново-Гуполовку. Еще раньше туда же выступили из Варваровки и все остальные части дивизии кроме 3-го стрелкового полка, который ушел в Синельниково, чтобы оттуда вывести броневик «Свердлов», взятые составы и захваченное имущество. Кубанцам же предстояло, согласно полученному приказу, за день прогуляться со станции Игрень на станцию Чаплино и разрушить там железнодорожный узел. Путешествие, в общем, верст восемьдесят.

В этот день пришла сводка Главнокомандующего, согласно которой за время операции на Синельниково было взято свыше 4000 пленных, 3 бронепоезда, 6 орудий в полной упряжке с зарядными ящиками, один броневик, много пулеметов, многочисленные обозы, свыше 100 вагонов, 5 паровозов, 15 000 пудов угля и другая добыча.

Кубанцами в Синельниково был захвачен весь командный состав группы войск, во главе с начальником группы, который был зарублен, начальником штаба, начальником артиллерии и его помощником. Как всегда, в официальной

сводке количество пленных показано на много меньше, чем было на самом деле.

Кубанская дивизия генерала Бабиева со своими батареями за ночь прошла, двигаясь переменным аллюром, глубоко в тыл красных, пара сотень побывала в Павлограде. Там они уничтожили все местное начальство красных и потом сообщили в штаб группы советских войск в Синельниково, что к ним идет на подмогу конная дивизия. Большевики не могли ожидать появления из глубокого тыла противника, а кроме того дивизия подходила к Синельниково в походной колонне с развернутыми знаками и под звуки трубачей, а поэтому большевики и попали впросак. В самый последний момент бронепоезд красных попытался выскочить на север, но на железнодорожном пути стояло орудие 1-й конной батареи, которое своим метким попаданием гранаты в паровоз остановило бронепоезд, команда которого почти целиком была зарублена казаками, а бронепоезд захвачен в полной исправности, не успев дать ни одного выстрела.

От командира 1-го Армейского корпуса была получена телеграмма:

«Срочно опертивная. Начдив Дроздовской, Начдив Кубанской. От имени своего и частей корпуса от всей души благодарю Вас и всех начальников, офицеров, солдат и казаков доблестной дивизии и поздравляю с большой победой, увенчавшейся полным поражением противника и многочисленными трофеями. Отличившихся представить к наградам. 20 сентября 1920 года. Город Александровск. № 6003. Генерал-лейтенант Писарев».

Также были получены сведения, что и на Волновахском направлении за то же время разгромлена ударная группа красных и захвачено свыше 1000 пленных и пулеметы. Кавалерия же поляков продолжала преследовать отступающих после разгрома под Варшавой красных и находилась уже в 140 верстах от города Киева.

Когда 2-й Дроздовский стрелковый полк подошел к Ново-Гуполовке, а это было около 18 часов, перед взорами всех предстала картина: перед селом была выстроена и окружена пулеметами вся масса захваченных в плен красных, из ко-

торой выбирали коммунистов, лиц командного состава и разного рода политруков и военкомов. Судьба коммунистов и большинства отобранных была незавидная — расстрел. Печально это и тяжелое и неприятное впечатление оставляют подобные массовые расстрелы, но ничего не поделаешь, иначе нельзя было.

В Синельниково были отправлены наши бронепоезд и ремонтный поезд, и к следующему утру оттуда удалось все вывести и доставить в Александровск.

Из документов, захваченных Донцами в Мариуполе, установлено, что на Кавказе к 1 сентября (по новому стилю) развернулась повстанческая армия «Возрожденная Россия», которая занимала фронт от Пятигорска до Майкопа и во главе ее был генерал Фостиков. Эта армия состояла из полков: 1-го и 2-го Хоперских конных; 1-го, 2-го и 3-го Лабинских конных; 1-го и 2-го Урупских пеших; 1-го и 2-го Линейных конных и двух пластунских батальонов. Также от Майкопа до Новороссийска и в районе Грозного и Владикавказа орудовали отряды повстанцев полковников Дастурова, Рубашкина, Иванова и Титарева. Красные насчитывали в рядах повстанцев 5395 штыков, 3160 сабель при 15 орудиях и 89 пулеметах.

21 сентября в Ново-Гуполовку прибыл запасный батальон Дроздовской дивизии, в составе около 600 птыков, под командой полковника Тихменева. Этот батальон был отправлен в распоряжение Марковской дивизии. В это время в 1-м Дроздовском полку было свыше 1500 штыков, во 2-м Дроздовском — около 900 штыков, в 3-м полку — свыше 700 штыков. 2-й Дроздовский конный полк уже полностью сел на коней и насчитывал в строю до 600 сабель. Кроме того при каждом полку были многочисленные команды конных разведчиков. Артиллерия Дроздовской дивизии: в 1-м и во 2-м дивизионах все орудия были в полной упряжке и батареи 4-орудийные, но в 3-м дивизионе нехватало лошадей и некоторые орудия не были в строю. 4-й гаубичный дивизион — в полном строю, но не был при дивизии, а батареи стояли в немецкой колонии Шенвиз, южнее города Александровска, временно находясь при Марковской дивизии.

Настроение во всех Дроздовских частях было отличное. Население деревень и города Александровска особенно хорошо относилось к нашим частям. Про красных рассказывали прямо невероятные вещи. Надоели они им и насолили, весьма солидно.

— Уж они нам так обрыдли, так обрыдли, — жаловались всюду и везде жители. все в один голос и вполне искренно.

С нашим приходом у всех настроение стало бодрое и крестьяне без боязни приступили к молотье. Почти в каждом дворе шумели и гудели разные машины, а наши солдаты, в свободное время, крестьянам помогали. Как-то особенно успокаивающе действовал на нервы весь этот шум разных молотилок.

22 сентября Дроздовскую дивизию посетил протопресвитер военного и морского ведомства — епископ Вениамин, прибыв в расположение дивизии с чудотворной иконой Курской Коренной Божией Матери. Это чудотворная икона в настоящее время постоянно пребывает в США. В 12 часов дивизия была построена на церковной площади в Ново-Гуполовке. Епископ Вениамин сказал короткое слово и призвал всех помолиться за успех нашего дела. После отслуженного молебна довольно долго говорил один священник — из сопровождавших епископа. Он называл Дроздовцев «орлами» (по примеру генерала Врангеля), «доблестными, христоролюбивыми воинами, бессмертными чудо-богатырями». Говорил о том, что на нашу долю выпала чрезвычайно тяжелая задача — освобождение от красного ига России — и призвал нас твердо творить свое дело со Христом и во Христе идти к великой заветной цели. После этого все ряды дивизии были обнесены Чудотворной иконой и епископ Вениамин окропил всех святой водой. Обойдя все ряды дивизии, Епископ Вениамин, на прощание, обратился к Дроздовцам и сказал, что за последнее время ему не приходилось вообще слышать жалобы на наши части и предложил всем вместе пропеть молитву «Спаси Господи...», и лично управлял всеми певчими.

В районе Мариуполя заканчивалась эвакуация захваченного Донцами имущества, а, по дополнительным сведениям, на волновацком направлении было еще захвачено

одно орудие в полной упряжке с ящиком. Ударная конная группа красных, совершавшая ночные переходы, ушла на север. На Екатеринославском направлении продолжалась ликвидация остатков 23-й и 42-й дивизий красных. Кубанцами был взорван мост на станции Илларионово, в 20 верстах от города Екатеринослава, сожжен мост на станции Ульяновка — в 15 верстах западнее Чаплино, причем в этом районе был разбит и уничтожен, вследствие невозможности вывезти, бронепоезд красных. Когда Кубанцы были вблизи города Екатеринослава можно было видеть царившую в городе панику — весь город был окутан пылью.

В районе острова Хортицы был редкий артиллерийский огонь с обеих сторон. 23 сентября на участке Дроздовской дивизии полная тишина и о противнике ни слуха, ни духа. Высланный в 10 часов разъезд в район Терновое—Варваровка противника там не обнаружил. На этот раз Дроздовцы основательно «слизнули» фронт перед собой. К 17 часам полки и батареи были построены на церковной площади для встречи Командующего 1-й армией, генерала Кутепова, который прибыл в 18 часов в сопровождении командира 1-го Армейского корпуса, генерала Писарева. Генерал Кутепов был в дроздовской форме. Обойдя части, генерал Кутепов благодарил их за лихую работу и провозгласил «ура» в честь начальника дивизии, генерала Туркула. После этого дивизия отлично прошла церемониальным маршем мимо Командующего армией. Конный полк и артиллерия прошли рысью. Генерал Кутепов сообщил последние новости и стало известно, что части генерала Фостикова сосредоточились в районе Адлера и будут перевезены в Крым. В Польше, из кадров бывшей армии генерала Юденича и пленных красноармейцев, формировалась армия под командой генерала Глазенапа, который вошел в подчинение генералу Врангелю. Командиром 1-го Дроздовского полка был назначен командир 1-й батареи, полковник Чесноков. Полковник Мельников сам просил о назначении ему приемника, так как по болезни он не мог руководить полком. Полковник Чесноков, хотя и артиллерист, но все его считали идеальным командиром какой угодно части. Стало известно, что красные стали перебрасывать на центральный участок фронта свою

9-ю армию, так как на фронте осталось только около 15 000 штыков и 3500 сабель, при 120 орудиях.

Весь день 24 сентября на участке Дроздовской дивизии полная тишина. Ночью на 25 сентября в районе города Александровска была слышна сильная артиллерийская стрельба. Днем стало известно, что наши части переправились, на рассвете, в районе острова Хортицы на правый берег Днепра. Недели полторы тому назад Марковцы пытались переправиться на другой берег Днепра, но были отбиты. На сей раз переправа была проведена с большим успехом. К 12 часам наши части вышли на линию станции Хортица—станция Канцеровка—колония Шенеберг. Целиком попал в плен 23-й советский полк с 17 пулеметами. Сам бой около переправы произошел следующим образом. Около 5 часов утра 25 сентября Корниловцы и Марковцы начали переправу через Речицу с острова Хортица — при сильном холоде и под сильным ружейным, пулеметным и артиллерийским огнем по бродам, местами доходившими выше колена. Удар наших частей был настолько стремительный, что они уже в 5 часов 20 минут овладели высотами правого берега реки Днепра. После короткого боя противник был сбит по всему фронту и стал в беспорядке отходить, оставив в руках атакующих его свыше 500 пленных и много пулеметов. К 19 часам Марковцы заняли Лукашевку, где и остановились на ночлег, выслав конный дивизион в Веселое. Корниловцы к этому времени подошли к Романовке. Кубанская конная дивизия, переправившись на правый берег в 5 часов 30 минут и к 14 часам овладев селом Томаковка, двинулась дальше в юго-западном направлении. Вместе с Марковцами в переправе участвовал и запасный батальон Дроздовской дивизии, принимая участие в расширении плацдарма. В этот день кроме 23-го советского полка попали в плен 19-й и 29-й полки — со всеми своими пулеметами. Батареи красных успели удрать. (Схема № 9.)

На участке Дроздовской дивизии 26 сентября противника ближе 40 верст обнаружено не было. Наши бронепоезда «Волк» и «Севастополь» целый день, не произведя ни одного выстрела, находились на станции Славгород. Согласно сводке за № 01135 в ночь на 26 сентября, прорвавшаяся между

нашими частями конница красных на правом берегу Днепра налетела на колонию Шенеберг, где захватила часть обоза Корниловской дивизии и после этого стала угрожать району Бурвальдской переправы, колонии Розенталь и Хортице. Запасный батальон Дроздовской дивизии с 1-й Марковской батареей лихо атаковал, 27 сентября, подошедших к переправе красных и отбросил их на 15 верст к станции Абрузовка, нанеся им большие потери. В этот район прибыли затем Марковцы, а Дроздовский батальон был оттянут в Александровск. За блестящие действия батальона генерал Врангель переименовал его в 4-й Дроздовский стрелковый полк. Этот полк сплошь состоял из бывших пленных красноармейцев. Офицеры в ротах были только на командных должностях и то в очень ограниченном числе. Можно было ожидать, что при неудаче вчерашние красные перебегут назад к большевикам, но получилось обратное, и полк доблестно дрался до самой эвакуации из Крыма. Его остатки покинули Крым в рядах Русской армии.

27 сентября наступление на правом берегу Днепра успешно продолжалось и были разбиты 16-я и 21-я кавалерийские и 3-я стрелковая дивизии красных. Захвачен полк 3-й дивизии — целиком, взято 6 орудий, броневики, 4 грузовика, много обозов и запасы патронов и снарядов.

На участке Дроздовской дивизии, появившиеся были цепи красных, пытавшиеся продвигаться вдоль железной дороги в сторону Славгорода, были отогнаны огнем наших бронепоездов. В район штаба Дроздовской дивизии приехали иностранные корреспонденты: англичане, итальянцы, французы и с ними два русских, издававших газету в Берлине — Горелов и Ксюнин. Снимали в различных позах генерала Туркула, артиллерию, конницу и пехоту Дроздовской дивизии. Обещали осветить в печати, под правдивым углом зрения, положение дел на юге России. Около 21 часа 27 сентября дивизия ушла в рейд. Корреспонденты также двинулись со штабом дивизии. По ночам стало уже холодно, и даже вода в лужах покрывалась тоненьким льдом, а земля белела от инея. Описание этого рейда имеется в книге генерала Туркула в главе под названием «Сечь».

«Помянем доброй памятью нашу стоянку в селе Ново-Гу-

половке, в Северной Таврии, под Александровском. Стоянку прозвали Запорожской Сечью. Мы выставляли во все стороны паутины сторожевых охранений, выходили за них для коротких ударов и снова возвращались в нашу Сечь. Там мы отдыхали мирно, весело и сыто жили в осеннюю пору. В самый разгар нашего отдыха от генерала Врангеля к нам в Сечь неожиданно и негаданно были присланы иностранные корреспонденты.

«Я вас очень прошу, — писал мне по-дружески генерал Врангель, — показать им бой».

А боя, как назло, даже и не предвидится. Мы только что вернулись в нашу Сечь, после удачного рейда, когда разнесли красных, что называется, в дым, перед фронтом Дроздовской дивизии. Разъезды ушли от Сечи вперед верст на тридцать, нигде о красных ни слуху, ни духу. Но господа корреспонденты рвутся в бой. Их стали кормить до отвала, а вином хоть залейся. Песельники поют, оркестры гремят, но противника нет нигде. Не выдумывать же для господ военных корреспондентов, по примеру потемкинских деревень, потемкинские баталии?

В те дни у меня в подчинении на левом фланге был атаман белого партизанского отряда. Партизаны бродили где-то в камышах на левом берегу Днепра. Что делали эти заднепровские ребята, здоровенные, угрюмые, крепко зашибавшие горилку, я толком не знаю и теперь. Думаю, впрочем, что ни черта не делали: сидели в камышах, в прохладной тени, и дулись по целым дням замасленными картами в очко. Атаман партизан, кажется приказчик с большой экономии, левша, усы колечками, был, думаю, из полковых писарей. Красных он ненавидел люто, нещадно. Все его белые партизаны — такие же. Среди них были: украинские мужики, ограбленные большевиками, мастеровые, солоно хлебнувшие товарищей, отбившиеся от рук солдаты, в общем — суровая вольница.

Атаман Левша, назовем его так, разъезжал в помещицьем экипаже на дутых шинах. Он сидел в коляске подбоченясь. По животу пущена серебряная цепь от часов, сам был увешан пулеметными лентами, а против атамана всегда сидел его гармонист. С венской гармонией в бубенцах и звон-

ких, с перламутровыми клавишами, разъезжал наш союзник-атаман по селам. Меня герой днепровских камышей явно боялся. Когда ему была надобность, он обычно оставлял на селом свой экипаж на дутых шинах и гармониста, а сам скромно шел ко мне пеший. В разговоре тянулся во фронт по-солдатски. Партизанский атаман приходил только за довольствием и снова исчезал в зарослях. Наконец, мне это надоело и при очередной встрече я ему с ледяной вежливостью сказал:

— Вот что, мой друг, довольно нам ломать дурака. Вы и ваши ребята жрете до черта и только отнимаете у нас пайки. Больше я вас кормить не буду. Вы все равно ничего не делаете. Потрудитесь, мой друг, сделать что-нибудь, пошевелитесь, или я начисто спишу вас с довольствия.

Атаман покрутил ус, обещал что-нибудь сделать и ушел, заметно подавленный, в заросли. Журналисты, между тем, ждали боя. Как только могли, мы, покуда, их боевую жажду утоляли обильным обедом. Наступил вечер. Стали ужинать. Вдруг мне доложили, что пришел партизанский атаман.

«За довольствием, — подумал я не без злорадства. — Нет, голубчик, ни шиша больше не получишь».

Атаман вошел героем. Его свирепый вид порастил корреспондентов. И было чему поражаться, когда мой Левша вошел, перепоясавшийся во всех направлениях, куда только можно и куда нельзя, холщевыми пулеметными лентами.

— Я привел пленных, — гордо сказал Левша, с притворным равнодушием, обведя всех глазами.

«Как пленных!? Врет!?» — мелькнуло у меня невольно. — Ведите их сюда.

Вошло еще несколько белых повстанцев, кто с винтовкой, кто с потертой берданкой, кто с карабином. Кряжистые хохлы, загоревшие, буйный черный волос так и прет из-под рваных папах с заношенными белыми лоскутками — белые наши страдальники. Мужички затылки пропечены солнцем, в бороздах морщины. Все тоже увешены пулеметными лентами, как ходячие арсеналы. Вид самый суровый, а между повстанцев жмутся трое пленных, в хороших шинелях, у одного на ремне через плечо бинокль: красный офицер и

два красноармейца. Вид у пленных пролетариев куда более буржуйский, чем у заднепровских серых орлов.

За столом утихли. Журналисты во все глаза смотрели на пленных. Я приказал их обыскать и тогда у красного офицера под гимнастеркой нашли запечатанный конверт, а в нем документы исключительной боевой ценности. Это был приказ по 13-й советской армии. Ее частям, 9-й советской конной дивизии и двум бригадам 23-й советской дивизии, давалось задание покончить с нами в Ново-Гуполовке. Приказ предписывал двигаться тремя колоннами, точно были указаны маршруты, часы движения, отдыха.

— Поздравляю вас, господа, — сказал я, вставая из-за стола. — Мы выступаем немедленно.

Все поднялись с горячим «ура». Наши камышковые ребята, степные орлы со своим Левшой, недаром ели дроздовский пашек: они перехватили документ драгоценный. Он отдавал нам в руки ключ боя, только надо было опередить движение красных, следуя навстречу их же маршрутам. Начальник моего штаба тут же за столом, написал приказ о выступлении, а я, чтобы было веселей, приказал взять с собой полковой оркестр. Мы точно знали маршрут и могли бить красных по очереди, колонну за колонной. Ночью 3-й полк уже атаковал среднюю колонну. Внезапная атака захватила их врасплох: красные спали без сторожевого охранения, почти без часовых. Они были уверены, что идут по своим тылам и что белогвардейцы от них далеко. Мгновенным ударом мы захватили красную бригаду с комбригом. Большевики ничего не понимали, что творится, они, что называется, еще чужались со сна, а все уже были пленными. Пленных погнали в тыл, а мы потекли вперед. Наши потери — единственный раненый, наши трофеи — вся красная бригада. Все было похоже на охоту впопыхах: подстеречь, захватить, не дать опомниться, поразить внезапным ударом. Через два часа быстрого марша разведчики донесли, что впереди замечена новая колонна. Я приказал пехоте садиться на повозки, а сам рысью повел на колонну кавалерию дивизии.

Мы неслись по степи, в сухой траве, еще не тронутой росой и обдававшей нас пылью. Начинало светать. В бурной быстроте ночного марша я забыл о наших гостях журналис-

тах. Правда, когда мы выступали, после ужина, я предложил им следовать за нами в удобных экипажах. Но какие там экипажи: наши гости в один голос с лихостью стали требовать верховых лошадей. Они рвались в атаку, едва ли не впереди нас, brave газетчики. Им подали порядком горячих лошадей конвоя. Только иронический и тонкий Шарль Ривз, корреспондент «Тана» отказался от поэтического верхового коня и выбрал себе самую обычную прозаическую тачанку. Мы скакали без дорог, нам было не до того, чтобы справляться, как чувствуют себя в седлах штатские попутчики. Полагаю впрочем, что с непривычки их подкидывало здорово. Мне говорили, что кое-кто из журналистов проехался под конским животом.

В колонне большевиков были так уверены, что скачет своя конница, что не открывали огня. Зато я, с полутора тысячи шагов, приказал конному артиллерийскому взводу открыть беглый огонь. В колонне красных заметались. Доблестный полковник Кабаров повел в атаку Второй конный полк. Большевики под огнем и перед лавой стали быстро отходить. Тогда я приказал атаковать всей нашей конницей.

— Шашки вон!

Блеснула по рядам мгновенная молния. Я подскакал к нашему оркестру, махнул фуражкой, приказал играть. Румяно блеснули трубы конных трубачей. Конница, влажно высверкивая на заре, колыхаясь тесно и сильно, с музыкой двинулась в атаку. Оркестр играл мазурку Венявского. Необыкновенный трепет, светлый трепет атаки, музыка, заря, пронизывают меня и теперь, когда я вспоминаю утренний марш.

Это было изумительно красивое движение, атакующей с музыкой конницы, сверкающее оружие, молодые лица, дружный гул копыт, ржание, выблескивание серебряных труб и над всем гармонические волны мазурки Венявского. Что-то дальнее вспомнилось мне, что-то из Библии, о небесных воинствах, крылатых всадниках, осиянных светом, мчавшихся в небесное сражение.

Бег коня, свежий ветер в лицо, музыка, блеск. Мы неслись в атаку вдохновенно с тем священным чувством боя,

когда забыта смерть, точно нет ее вовсе, когда сильнее смерти человек.

Я вспомнил о журналистах, когда проскакал боком на седле тощий англичанин в очках, с застывшей улыбкой, приоткрывший желтоватые зубы. Только тогда я понял, что журналистам не следовало давать заводных лошадей. Конвойные лошади превосходно знали свои места, и по команде «Шанки вон!», понесли в атаку господ иностранных корреспондентов. Признаюсь, что с некоторым чувством вины я вспоминаю невероятную скачку журналистов. Мне помнится черноволосый, с оливковым лицом, итальянец: он несся в атаку без стремян, со сползавшим седлом, держась за конскую гриву. Но все храбрые военные корреспонденты орали не хуже наших ребят. С ошалевшей улыбкой орал «ура» англичанин, зажмурившись орал итальянец. В кепках, в пыльных пиджаках, с удалью летели они в атаку с одними своими блокнотами, карандашами и фотографическими аппаратами на потертых, видевших виды, ремнях. Еще один корреспондент, маленький, довольно плотный, короткий, полный человек, потный и багровый, пронесся мимо, размахивая шляпой, с яростным криком. Атака увлекла журналистов так же, как коней. С бряцанием, с музыкой, ударили волны атаки, опрокинули красную колонну мгновенно, смели. Колонна с артиллерией и обозом была взята.

Надо сказать, что третья колонна красных, их кавалерия, успела от нас драпануть. Запыленные, веселые и усталые, мы двинулись с музыкой назад в Сечь».

Так как третья колонна красных успела ускользнуть, дивизии не было надобности дальше двигаться и, свернувшись, она повернула в обратный путь.

Все части дивизии, кроме 3-го Дроздовского полка, двинулись в Ново-Гуполовку вдоль железной дороги на Славгород. 3-й Дроздовский полк возвращался на свои квартиры через Варваровку. Когда дивизия уже была вблизи Ново-Гуполовки, встретила целая компания беженцев крестьян из Калужской губернии, которые, спасаясь от голода царившего в их краях, с семьями пробирались на юг, в Таврическую губернию. Красные их не пропускали, но сегодня,

благодаря разгрому красных Дроздовской дивизией, беженцам удалось проскочить на юг, в наши края.

Большевики были сильно напуганы действиями Дроздовской дивизии, что можно было заключить из простого разговора между командиром советского полка и комиссаром, переданного одним крестьянином, бывшим свидетелем их разговора. Крестьянин хутора Тредьякова рассказал, что перед нашим последним, описанным выше, рейдом, накануне, комиссар сильно нажимал на командира одного советского полка, чтобы тот быстрее и смелее действовал против Дроздовцев и увереннее продвигался вперед, на что командир советского полка ответил комиссару: «Вот подожди, подожди, они тебе покажут как воевать здесь».

Ждать, как мы видели, комиссару долго не пришлось — всего пару часов.

В это же время стало известно, что наше наступление на правом берегу Днепра успешно развивалось и был освобожден от красных город Никополь, а в районе Каховки продолжались бои местного значения.

Вернувшись из рейда Дроздовская дивизия, вместо отдыха получила новую задачу и уже в ночь на 29 сентября выступила на юго-восток с целью ликвидации ударной группы красных в районе Ново-Николаевки. В голове колонны шел 2-й Дроздовский стрелковый полк. Двигались довольно быстро и было уже довольно холодно. Пройдя еще до рассвета 20 с лишним верст, голова колонны подошла к селу Ново-Миргородовке, но там красных не оказалось. Последнее время в этом селе располагался отряд партизан «Батяки Махно», под командой некоего Чалого, силой в 200 сабель. В соседней деревне Антоновке было захвачено несколько конных красных, после чего движение дивизии продолжалось беспрепятственно до хуторов, лежащих верстах в семи от Антоновки. Вдруг, неожиданно, на буграх появились солидные и густые цепи красных. Генерал Туркул во главе 2-го конного полка атаковал красных в лоб, а левый фланг красных был атакован разведчиками 2-го стрелкового полка. Красные могли бы снести огнем атакующих всадников 2-го конного полка, а поэтому командир 3-й батареи, полковник Слесаревский, приказал обстрелять цепи красных

беглым огнем. Красные бросились за бугры и только отдельные их стрелки поддерживали коротко редкий огонь, да один пулемет красных пустил две-три очереди. Все, что было за бугром, за исключением конных, попали в плен. Целым лесом стояли винтовки, воткнутые в землю. Слева отстреливалась группа красных человек в 12 и туда подскочил разведчик 2-го полка. Под ним убили лошадь, а когда он упал, тогда прикололи его штыками. Эту «лихую» компанию наши конники всю зарубили за их «лихое» дело. Здесь попало в плен свыше 600 красноармейцев.

После этого дивизия продолжала свой путь на Ново-Николаевку. Появившаяся было конница красных, видя колонну Дроздовцев, быстро испарилась, бросив свою пехоту на произвол судьбы и пехота попала в плен. Около 14 часов дивизия прошла Ново-Николаевку, и цепи головных частей заняли бугры к востоку от нее, сделав уже переход свыше 50 верст и захватив в плен более 2000 красных. 1-й и 3-й Дроздовские полки были лишь свидетелями этого, в боях не участвовали и не разворачивались. Все было сделано без их участия. Теперь Дроздовская дивизия уже была в тылу ударной группы красных, которую ей, совместно с Донцами, предстояло ликвидировать.

Располагаясь в Ново-Гуполовке, Дроздовская дивизия имела разрыв фронта перед собой и между соседними частями Донцов почти в 70 верст, в котором в то время бродил лишь партизанский отряд Чалого. Взятые в бою у Ново-Николаевки в плен красные принадлежали воскресшей 42-й советской дивизии. Красные развернули свой запасный полк в 4 полка, выдали накануне боя им оружие, пригнали в Ново-Николаевку, где они сразу же попали в плен. В бою был зарублен командир 125-й советской бригады.

В этот день генерал Туркул вновь принимал участие в конной атаке. Он, в последнее время, уж очень много стал рисковать собой — почти в каждом бою.

Около 15 часов в район расположения Дроздовской дивизии спустился наш аэроплан, летчик которого привез приказ о дальнейшем движении дивизии, еще в тот же день, на юг. Он сообщил также о занятии нашими частями станции Апостолово, и что по всему фронту идут упорные, но успеш-

ные для нас, бои. На северо-восточном участке Северной Таврии наши войска сильными ударами нанесли красным крупное поражение. Кроме плененной 42-й советской дивизии были разбиты морская экспедиционная, 2-я Донская и 8-я стрелковая советские дивизии. Взято в плен свыше 5000 красных, захвачено 12 орудий, много пулеметов и обозов. На правом берегу Днепра также взято в плен свыше 3000 красноармейцев и захвачено 8 орудий, 6 бронеавтомобилей, зенитная батарея, понтонная рота — полностью, с моторными понтонными. В районе Каховки попытки красных перейти в наступление были ликвидированы. Как видим, красные не особенно терялись уже и тогда, когда их били на правом берегу Днепра, а у Каховки, в свою очередь, продолжали попытки наступления. В полночь на 30 сентября Дроздовская дивизия выступила в дальнейший поход на юг. Головным полком шел 1-й Дроздовский полк, а замыкал колонну 3-й Дроздовский стрелковый полк. При выступлении было приказано быть готовыми к отражению атак конницы, так как по имеющимся сведениям в том районе было до 2500 сабель красной конницы. Было запрещено курить во время похода. Дивизия имела направление на станцию Гайчур на линии железной дороги Чаплино—Пологи. Ночью верстах в двенадцати от Ново-Николаевки 1-м полком был захвачен в плен целиком — с санитарями, сестрами и обозами — советский стрелковый полк. Жители хутора, где был захвачен этот полк, были страшно удивлены появлением Дроздовцев со стороны Ново-Николаевки.

— Откуда это вы взялись? — говорили крестьяне. — Фронт аж под Ореховым, а вы сзади идете.

Как потом выяснилось, взятый в плен полк только накануне сменился, и под вечер пришел в хутор Самойловский — в резерв, где и попал в руки 1-го Дроздовского полка. Для красных появление Дроздовцев ночью оказалось весьма неприятным сюрпризом.

Когда стало светать, сделалось очень холодно. Все стали прямо замерзать и, чтобы согреться, стали при всяком удобном случае разводить костры из соломы; и это делали не только главные части, но даже дозоры и разъезды. Надо предполагать, что дым мог быть виден на много верст вне-

ред. Получилось здорово смешно, скрыто шли — курить нельзя, — а костры все-таки зажигали.

Утром дивизия прошла хутор Самойловский и вскоре сзади красные начали обстреливать артиллерийским огнем хвост нашей колонны. Так как предполагалось захлопнуть красную конницу, дивизия двигалась очень быстро и приказано было не особенно обращать внимание на то, что творится по сторонам и сзади. Впереди продвигался 1-й Дроздовский полк, ведя бой со встречными частями красных, а, шедший последним в колонне Дроздовской дивизии, 2-й стрелковый полк вообще не разворачивался, и только изредка обстреливались, артиллерийским огнем его батарей, удиравшие по сторонам движения — слева и справа — группы красных. В районе мелких селений (Тонеты, Кущевы и др.) отступали отдельные группы красных, которые можно было легко забрать в плен, если бы 2-й полк развернулся, но дивизия получила особую задачу, связанную со временем, а поэтому и не пришлось заняться этими группами. В районе Рождественской 1-й Дроздовский полк (разворачивался только один батальон) совместно со 2-м конным полком захватил много пленных, и потом сразу продвинулся дальше к югу. Вся дивизия двигалась узким фронтом с севера на юг. Когда 2-й Дроздовский стрелковый полк подошел к Рождественской, на нашем пути увернулась группа красных — довольно внушительных размеров. Приняв 2-й полк за обозы, так как наша пехота передвигалась на повозках, эта группа красных решила обрезать хвост колонны. Обозы же дивизии шли в середине колонны, а не в хвосте. Эта группа красных, среди которых были курсанты, неожиданно встретила колонну полка, когда она подошла к Рождественской, с близкой дистанции огнем и атаковала ее. 1-й батальон сейчас же соскочил с повозок и со своей стороны контратаковал красных. 3-я батарея с места открыла огонь на прицеле 10, а 4-я выехала еще несколько вперед, причем конные разведчики, во главе с полковником Самуэловым, бросились в атаку. Такой оборот для красных был совершенно неожиданным, но, несмотря на это, они на окраине села оказали упорное сопротивление и среди стрелков 2-го полка были раненые штыками. Наш броневик, выйдя во фланг

красных, ускорил решение боя в нашу пользу. Красные бежали, оставив убитых, раненых и пленными 112 курсантов.

Во время этого марша постоянно поддерживалась связь с Донцами аэропланом, летчик которого все время освещал обстановку. Когда же была взята и Воздвиженка, то перед Дроздовцами не было больше красных частей на юг. После того как 2-й стрелковый полк отошел от Рождественской, ее вновь заняли красные и начали артиллерийским огнем прикрывать отход на север, к железной дороге, уцелевшей колонне красной пехоты. К станции Гайчур подошел бронепоезд красных, открывший огонь по 2-му стрелковому полку, но когда взвод 4-й батареи специально занялся бронепоездом, последний поспешно исчез в северном направлении. После этого 3-я и 4-я батареи беглым огнем обстреливали поспешно отходившую группу тысячи в две красных. Оставив на буграх 2-й батальон и 4-ю батарею, 2-й стрелковый полк ушел в село на ночевку. Никакой конницы в этом районе не оказалось. Силы красных были разбиты и за два дня из состава 42-й и 9-й советских дивизий Дроздовцы взяли в плен свыше 5000 красных. На долю Донцов также пришлось большое количество пленных.

Генерал Туркул остался недоволен результатом рейда и считал, что только из-за ненужной спешки не была захвачена вся артиллерия красных и на две-три тысячи меньше попало в плен красных. Но успех, конечно, был большой, хотя и не удалось полностью снять всех красных с этого участка фронта. Красные же были совсем деморализованы. Разворачивался в 1-м полку всего лишь один батальон, а во 2-м полку, на другой день, два, а пленных взято уйма. Наши же потери маленькие и исчисляются единицами, но среди раненых генерал Субботин, командир бригады, получивший тяжелое ранение в живот. Переходы же в последнее время Дроздовская дивизия совершала прямо кавалерийские — по 50 и больше верст в сутки и притом с боями. Уставали все здорово, так как переходы совершались ночью и, благодаря этому, для сна и отдыха оставалось мало времени. Кроме того уже наступили холодные ночи и приходилось, чтобы согреться, больше передвигаться пешим поряд-

ком, а не на повозках. Зато все это окупалось громадными успехами, которые сопутствовали Дроздовцам.

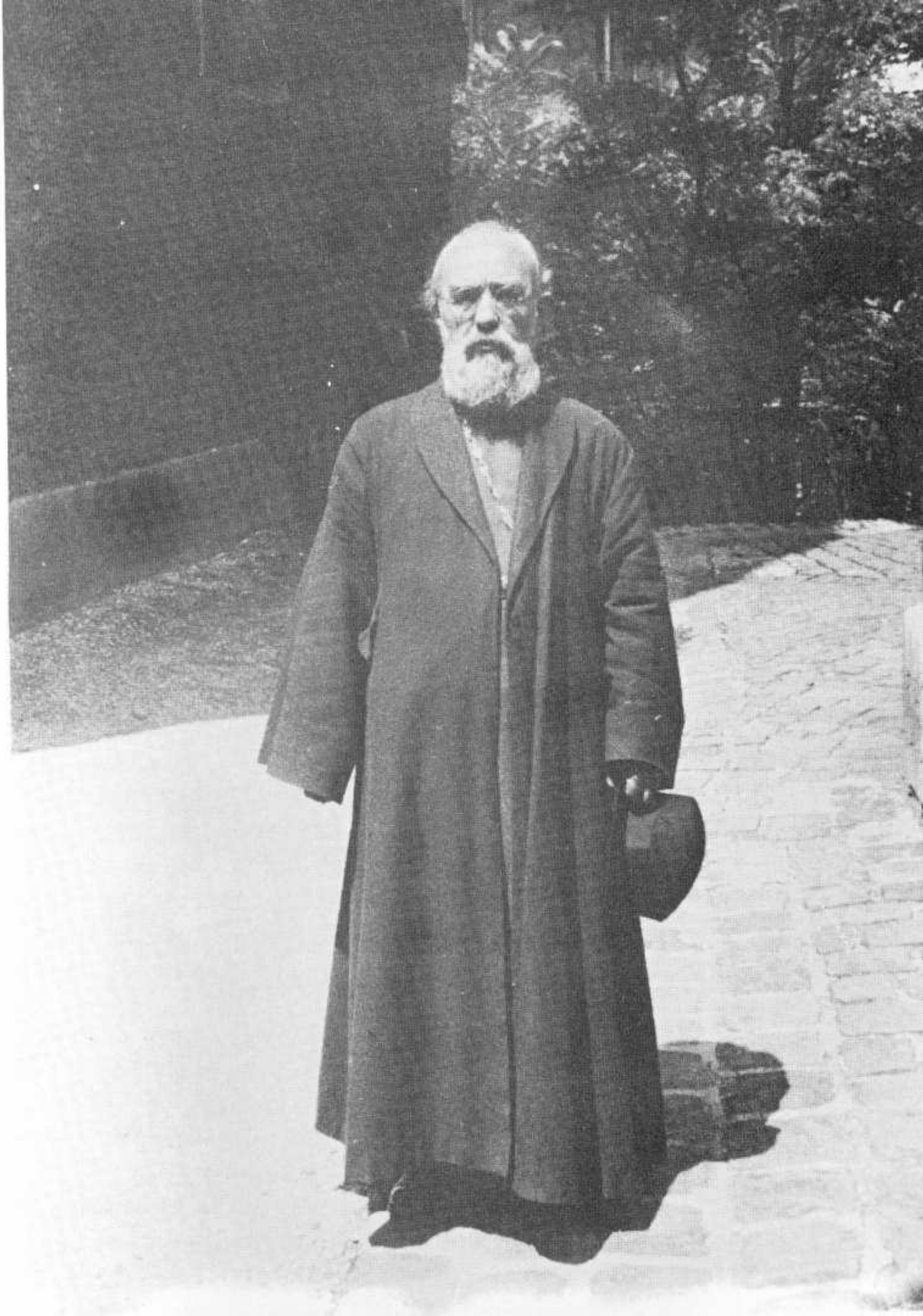
Целый день 1 октября Дроздовская дивизия простояла в Воздвиженке. Донцы ушли в район Царе-Константиновки, чтобы ликвидировать еще одну ударную группу красных. На правом берегу Днепра красные, стянув превосходящие во многом силы, вынудили наши части отойти за Днепр. Вообще в последнее время стало заметно усиление красных по всему фронту и ясно обозначился их нажим во всех направлениях. С одной ударной группой основательно разделалась Дроздовская дивизия, с другой успешно справились Донцы. Некоторый успех имели красные у Каховки, Алешек и на правом берегу Днепра. За Днепром, у села Шелухово, возле мельницы, 20 сентября разрывом снаряда был убит генерал Бабиев, командовавший нашей конной группой. Это произошло в самый решительный момент боя, и Кубанцы, а также части нашей 2-й армии, понесли значительные потери, что объясняется тем, что было, в связи со смертью генерала Бабиева, нарушено управление частями.

Донцам же повезло и они разделали «под орех» всю группу красных у Царе-Константиновки. Захвачено было до 9000 пленных, 12 орудий и много пулеметов. Разбитые красные части принадлежали к подошедшей на южный фронт 9-й советской армии.

2 и 3 октября Дроздовская дивизия оставалась в Воздвиженке. Были получены официальные сведения о заключении перемирия между Польшей и советами и о грандиозной манифестации в Москве по этому поводу.

В Александровке был арестован за грабежи партизанский атаман Володин. Прорвавшаяся у Бердянска красная конница дошла до Б. Токмака и несколько часов занимала его. Там красные зарубили коменданта, несколько генералов, захватили бронепоезд «Святогор», поезд генерала Богаевского, взорвали 6 вагонов со снарядами и вагоны с обмундированием. Вообще там красные наделали немало бед. Сам генерал Богаевский едва успел ускакать.

В 22 часа 3 октября Дроздовская дивизия двинулась на Орехов, а Корниловская — на Жеребец, чтобы закрыть выход прорвавшейся красной коннице, численностью свыше

О. Федор Каракулин
Полковой священник Дроздовской стрелковой дивизии.

2500 сабель. Дроздовская дивизия двигалась целую ночь и на рассвете прошла село Омельник. Около 10 часов, сделав переход в 35 верст, пришла в Орехов. После небольшого привала дивизия двинулась дальше в направлении на Щербаковку. Первым шел 3-й Дроздовский полк, за ним двинулся 2-й стрелковый, а последним, замыкающим, был 1-й стрелковый полк. При выходе из города генерал Туркул неожиданно остановил дивизию. Третьему полку было приказано отправиться в село Ново-Андреевку, а остальным частям дивизии вернуться в город Орехов. Дальнейшее движение дивизии отменялось, так как было получено сообщение, что конница красных уже успела проскочить верст 10 восточнее. Красные еще 3 октября ушли из Б. Токмака, прошли Гохгейм и в Щербаково ночевали, а под утро двинулись назад в Копани, хутор Работин, и перешли железную дорогу между Б. Токмаком и Ново-Карловкой. В это время в Александровске были Марковцы, в Жеребце — Корниловцы, а Дроздовцы, по расписанию, двигались на Щербаковку. Наши аэропланы все время висели над колоной красной конницы и сбросили на нее около 200 пудов бомб. Потери красной конницы, по свидетельству жителей, были огромные. Жаль, что она успела проскочить восточнее Дроздовцев!

Дивизия до пяти часов утра 5 октября оставалась в Орехове, откуда выступила в направлении Рубановки. Во главе шел 2-й Дроздовский стрелковый полк. Весь 1-й Армейский корпус перемещался влево по фронту к линии Днепра.

На остальном участке центрального фронта и до Азовского моря оставались части 2-й армии и Донцы.

Почти до 12 часов дня стоял густой туман и на расстоянии 200—300 шагов ничего не было видно. Дивизия шла через Ново-Андреевку, колонию Юренталь, мимо колонии Розенталь на Эристовку и, наконец, в 22 часа прибыла в большое селение Михайловку. К вечеру после дождя пошел мокрый снег и дороги испортились, Дивизия сделала переход больше чем в 60 верст.

К 9 октября дивизия должна была сосредоточиться в селе Рубановке. Подтвердилось, что наступление красных у Каховки остановлено. При переправе обратно наших частей

с правого берега Днепра больше всего пострадали части 2-й армии. Были подбиты семь танков и два танка остались на правом берегу Днепра.

6 октября Дроздовская дивизия простояла в Михайловке. Михайловка — большое село с населением около 45 000 человек, длиною до 9 верст и в ширину около 6 верст и находится в 10 верстах от станции Бурчацк. Имелась даже смешанная гимназия. Были получены сведения, что на Волновахском направлении, в районе Святодуховки, что верстах в 30 севернее и восточнее Полог, была разбита 5-я советская Кубанская конная дивизия, та, которую ловила Дроздовская дивизия у Орехова и которая совершила рейд на Б. Токмак. Красные были разгромлены, оставив в наших руках 7 орудий, много пулеметов и пленных. В районе Каховки красные были отброшены в исходное положение, а у Алешек — на правый берег Днепра, причем взято свыше 200 пленных.

По поводу заключения перемирия Польши с Советами генерал Врангель отдал следующий приказ:

«Севастополь. № 3697 от 6 октября 1920 года.

Русские воины, Польская армия, сражавшаяся рядом с нашей против общего врага свободы и порядка, ныне прекратила борьбу, заключив предварительный мир с насильниками и предателями, именующими себя правительством Советской России. Мы остались одни в тяжелой борьбе, где решается судьба не только нашей Родины, но и всего человечества. Мы защищаем родную землю от ига красной нечисти, не признающей Бога и Родины, несущей с собой смуты и позор. Скоро три года, как Русская армия несет свой тяжелый крест.

Предав потоку разорения Русь, изверги надеются зажечь мировой пожар. Малые числом, но твердые духом несли мы крест свой неизменно веря в конечное торжество нашего правого дела. Еще полгода тому назад мы были на краю гибели и безбожники уже готовились править тризну на нашей крови. Дружным усилием всех честных сынов России мы вырвали еще раз победу из рук врага и вот уже шесть месяцев бьем его неизменно.

Воины!

С любовью смотрит на вас освобожденная Русская земля, с надеждой — братья, томящиеся в застенках красных палачей, и с верою в своих непобедимых орлов.

Я, ваш старый соратник. Не первый раз выдерживать нам неравный бой. Не в силе Бог, а в правде.

Генерал Врангель».

Теперь стало Русской армии значительно трудней вести дальнейшую борьбу. Приказ генерала Врангеля не произвел своим появлением того сильного впечатления от создавшегося серьезного положения армии, какое следовало бы ожидать, и не вызвал упадка духа, хотя громадное значение намного выхода из борьбы с Советами Польши всем было понятно, а значение самого факта не замедлило очень скоро сказаться в полной мере.

Когда Дроздовская дивизия ушла из Ново-Гуполовки в рейд на юг, там остался один батальон 3-го стрелкового полка, бронепоезд, броневик, а 2 октября туда пришли обе гаубичные Дроздовские батареи, бывшие до того в распоряжении Марковской дивизии. Вскоре все части, согласно приказа, покинули Ново-Гуполовку, уйдя на присоединение к своей дивизии, и уже 6 октября в Ново-Гуполовке Дроздовцев не было. 4-й Дроздовский полк со взводом 5-й Дроздовской батареи и 7-й гаубичной, согласно приказу перешел в село Михайловку-Лукашевку, что 25 верст на северо-восток от города Александровска и, таким образом, эти Дроздовские части оказались выдвинутыми далеко на север, не имея связи ни с Марковцами, занимавшими еще в то время Александровск, ни с Дроздовской дивизией, ушедшей в рейд на Орехов. Соседние села занимались в то время отрядами партизан «Батьки Махно», которые были в союзе с нами, но скоро события показали, что доверять этим махновцам было никак нельзя.

8 октября махновцы внезапно напали на сторожевое охранение 4-го Дроздовского полка, прикрывавшее село с востока и ворвались в Михайловку-Лукашево. Полк со взводом 5-й батареи отбил от махновцев и стал отходить на юг, но 7-я гаубичная батарея, расположенная на северном

конце села, была от полка отрезана. Отбиваясь пулеметным огнем своих тачанок и «крякалками» — брызгальными гранатами, наводившими на махновцев панику, 7-я гаубичная до наступления темноты отходила на север, на Синельниково, а затем, круто повернув на восток, оторвалась от махновцев. Через несколько верст батарея вновь повернула, но уже на юг и, пройдя село Ново-Воскресенское, занятое спящими махновцами, добралась до села Ново-Григорьевки, где в то время находился 4-й Дроздовский полк. Отбиваясь от махновцев, 7-я гаубичная, во время отхода, имела большие потери, но всех своих раненых вывезла. Через Янчекрак, куда отошла, согласно приказу, из Александровска Марковская дивизия, 4-й Дроздовский полк с батареями отошел в колонию Новый Мунталь, где поступил в распоряжение начальника 6-й пехотной дивизии, занимавшей в то время фронт от Куркулака до Васильевки, Генерал Канцеров, начальник 6-й пехотной дивизии, потребовал, чтобы 4-й Дроздовский полк занял фронт от Эристовки до Куркулака включительно, то есть — протяжением в 7 верст. Полковник Тихменев, получив такой приказ, попросил командира 7-й гаубичной батареи, полковника Нилова, поехать к генералу Канцерову и объяснить ему, что бессмысленно растягивать ночью на 7 верст 4-й полк, состоящий из 500 вчерашних красноармейцев, и что Дроздовцы всегда воюют только держась в кулаке. Генерал Канцеров отменил свое приказание, а 4-й полк с батареями не задержался и уже 13 октября продолжил свой путь на присоединение к своей дивизии и прибыл в село Ново-Михайловку, а 14 октября двинулся в направлении на села Тимошевская—Менчикур, прикрываясь разъездами с севера, ввиду появления красных в Орлянке. 15 октября 4-й полк прибыл в хутор, что в 15 верстах от села Ново-Александровска, где в то время находилась Дроздовская дивизия. Взвод 5-й батареи в тот же вечер ушел на присоединение к своей батарее, бывшей при 3-м Дроздовском полке. 16 октября 4-й Дроздовский полк был уже в селе Рубановка, куда перешла вся Дроздовская дивизия.

Наконец вся Дроздовская дивизия была в сборе, имея в своем составе все 4 стрелковых полка, конный полк и свою

артиллерийскую бригаду. В строю было свыше 3000 штыков, 500 сабель только в конном полку, 20 орудий и 350 пулеметов. Во время своего мытарства, после нападения махновцев, 4-й полк потерял около 200 стрелков убитыми, ранеными и попавшими в плен к махновцам, а 7-я гаубичная имела 17 раненых.

Позже стало известно, что еще 3 октября произошел разрыв с Махно и начались с ним военные действия. В Александровске узнали, что не только за грабежи был арестован партизанский атаман Володин, а и за связь с зелеными в Крыму, которые открыто называли себя советскими партизанами и переформировывались в регулярные советские полки. Таких полков в Крыму было целых пять. Для борьбы с ними была послана 2-я кавалерийская дивизия. Зеленые одно время занимали ряд населенных пунктов между Феодосией, Ялтой и Севастополем, близко подходили к Алуште и даже занимали, недолго, Судак. Наши части, действовавшие против них, расположились примерно на линии Карасубазар—Алушта, имея целью не пустить их дальше и, по возможности, всех переловить. Передавали интересный случай, бывший в том районе действий. Как-то раз эти красные партизаны очень близко подошли к Алуште и наше командование в том районе обратилось к капитану стоявшего на рейде английского военного судна с просьбой обстрелять красных, на что от капитана был получен ответ, что войска зеленых не что иное, как партизанские полки Советской России, с которой Англия в войне не находится, а посему он удовлетворить просьбу не может.

К этому времени уже выяснилось, что наш поход на правый берег Днепра, целью которого прежде всего было занятие Каховки и уничтожение предместных укреплений красных, закончился полной неудачей. Каховку не взяли, красных не разбили, а сами сильно пострадали. 2-я армия, потерявшая свою артиллерию и танки, отступила из-за Днепра с треском. Командовавший ею генерал Драценко, увлекшись всякого рода комбинациями, забыл об общем руководстве, и части его армии действовали порознь. Смерть генерала Бабиева, нарушив управление конными частями, также весьма отрицательно повлияла на исход похода за Днепр. Ясно

было, что после всего этого нужно было ожидать в скором времени ответный удар со стороны красных, тем более что заключение мира с Польшей развязало руки их командованию. Стало известно, что в район Каховки спешно подтягивались части 6-й советской армии и 1-я конная армия Буденного, бывшие до того на Польском фронте.

Вследствие создавшегося положения и полученных сведений, генерал Врангель решил сократить фронт и подтянуть к угрожающему Каховскому направлению (ведь Каховка отстояла всего каких-нибудь 60 верст от Перекопа и потеря ее была постоянной угрозой для всего нашего фронта в Северной Таврии) самый сильный и крепкий 1-й Армейский корпус, а поэтому линия фронта Софиевка—Александровск—Пологи, без давления со стороны красных, была оставлена и части Русской армии отошли на линию Васильевка—Орехов.

Дроздовская дивизия, во исполнение полученного приказа, с 7 октября по 14 октября из Михайловки, в несколько переходов, прибыла в Рубановку, где и сосредоточилась, оставаясь там в армейском резерве. Корниловская дивизия 9 октября перешла в район Верхнего Рогачика. Марковцы перемещались в район Днепровки. Район против города Никополя (Водяное и Б. Знаменка) заняли Донцы и несколько партизанских отрядов, оставшиеся верными Русской армии. На берегу Днепра, против Рубановки, были части Терско-Астраханской бригады генерала Агоева. От Каховки и южнее, вплоть до моря, стояли части 2-го Армейского корпуса. Корниловцы 10 октября заняли участок фронта около Днепра от Б. Знаменки до Б. Лепетихи и прибрежные селения М. Лепетиху и Нижний Рогачик. Положение на участке частей 2-го Армейского корпуса было весьма неустойчивое и части его во многом отставали от частей 1-го Армейского корпуса. В то время, взять хотя бы для примера, в 1-м Дроздовском полку было 130 пулеметов, во 2-м и 3-м полках — по 100; в полках же 2-го корпуса число пулеметов даже колебалось от 15 до 20 на полк, с артиллерией также было слабовато, так как она была, еще при переходе за Днепр под командой генерала Слащева, потеряна в большом количестве.

6 октября в Севастополь прибыл главный комиссар Франции на Юге России — граф де Мартель. 9 октября был обнародован следующий приказ Правительства Юга России и Главнокомандующего Русской армией за № 0010843:

«Славные войска и доблестный флот Русской армии! Мною получена следующая телеграмма от генерала Семенова, сообщенная одновременно им Французскому и Японскому правительствам:

«Оценив настроение казаков, иногородцев и крестьян, населяющих Российскую восточную окраину, пришел к неуклонному решению во имя блага Родины не только признать Вас как главу правительства на Юге России, но и подчиниться Вам на основании преемственности законной власти, оставаясь во главе государственной власти Российской восточной окраины, главнокомандования и выборным походным атаманом казачьих войск — Забайкальского, Амурского, Уссурийского и перешедших на ту же территорию во главе с их войсковыми правительствами — Енисейского, Сибирского, Оренбургского и Башкирского. Отрезвление сельского населения, вкусившего прелести большевизма, уже сказалось: прибывают добровольцы — казаки, иногородцы и крестьяне. Части моей армии находятся в Забайкалье, Уссурийском крае и Северной Монголии. От имени своего и подчиненных мне войск и населения приветствую Вас в великом подвиге служения Родине. Главнокомандующий и походный атаман генерал-лейтенант Семенов».

Отныне все казачество с нами. Польша заключила перемирие с врагом России, но главный союзник протягивает нам руку. Этот союзник — Русский народ. Генерал Врангель».

В Крыму, после неудачи за Днепром, настроение было нервное и даже паническое. Ничего не делающая публика настолько избаловалась нашими крупными победами, что теперь малый успех на фронте никого не удовлетворял, а даже и самый незначительный неуспех уже с места порождал паническое настроение. Когда же в тыл дошли сведения о перегруппировке наших войск, там стали говорить, что «отступают даже Дроздовцы» и у многих явилось желание бежать из Крыма. Агенты красных всеми возможными

средствами старались подлить масло в паническое настроение тыловой публики.

Ожидаемое наступление красных началось 14 октября по всему Днепровскому участку фронта. На участке Донцов, Марковцев и партизан красные переправились и закрепились за собой переправы у Б. Знаменки, Водяного и на Скельке. До вечера положение не было восстановлено. На участке Корниловцев целый день шел упорный бой. Девять раз Нижний Рогачик переходил из рук в руки и под конец остался в руках Корниловцев. Все дальнейшие атаки красных были отбиты, и к вечеру на участке Корниловцев положение было восстановлено и красные были с большими потерями отброшены на другую сторону Днепра. Иное положение получилось на участке фронта, где были части 2-го корпуса. Они не выдержали натиска красных и откатились по всей линии своего фронта от Днепра до линии Чаплинка. Было совершенно ясно, что своими силами 2-й корпус был не в состоянии оказать достойное сопротивление и задержаться на этой линии, так как среди наступавших частей красных преобладала кавалерия, — была пущена в наступление 1-я Конная армия Буденного. День был туманный и облачный, а посему наши аэропланы не могли летать, а штаб армии не мог иметь точных сведений о передвижении частей противника и их перегруппировке. Если бы в тот день наши аэропланы летали, они могли бы сыграть важную роль в борьбе с конницей Буденного, бомбардируя ее с воздуха и поливая пулеметными очередями.

Ни 14, ни 15 октября в штабе Дроздовской дивизии официальных сведений о положении на фронте и об отходе частей 2-го корпуса, о боях на участках Донцов и Корниловцев и Марковцев получено не было. Также вообще не было слышно какой-либо стрельбы. Днем 15 октября в частях происходила раздача полученного в довольно большом количестве обмундирования — кожаных курток, теплого и холодного белья, френчей, брюк, шинелей, носков, — но обуви было мало. В общем все-таки все приделались и теперь уже морозы не были так страшны. Между тем положение на фронте не было таким благополучным, как это предполагали, вследствие полной неосведомленности, находящиеся

в армейском резерве части Дроздовской дивизии. Марковцы, когда очутились в районе Больших Белозерок, не успели об этом сообщить Корниловцам и последние неожиданно для них были атакованы пехотой красных в районе колонии Ольгенфельда и села Верхний Рогачик, где почти полностью погиб 3-й Корниловский ударный полк. Два другие полка Корниловской дивизии также были основательно потрепаны в районе Нового Рогачика. Был ранен начальник дивизии генерал Скоблин и дивизию принял генерал Пешня, назначенный перед этим начальником Марковской дивизии, так как начальник ее, генерал Третьяков, застрелился. В командование Марковской дивизией вступил, в критический момент боя, генерал Манштейн. После боя у Нового Рогачика Корниловцы отошли в район Зеленая, Рубановские хутора.

Раньше чем приступить к описанию последней схватки в Северной Таврии, необходимо, для ясности картины, дать некоторые данные о силе войск, принимавших в ней участие, и об общем положении. Русской армии предстояло сразиться с противником в несколько раз сильнеем по численности и вооружению. Кроме того у красных были в их распоряжении громаднейшие резервы и людской силы, и запасов всего. О готовящемся наступлении красных генерал Врангель знал отлично и поэтому, прежде чем принять последний и решительный бой, он имел совещание с высшими начальниками своей армии, предупредив их, что это — «последняя ставка».

На совещании было решено принять бой в Северной Таврии, надеясь что исход его будет положительный, несмотря на превосходство сил противника и что он готовил удар с трех сторон: с востока, севера и запада ударными группами с одновременным нажимом на всех участках фронта. В предстоящем наступлении красных должны были принять участие, кроме многочисленной пехоты, три ударные группы красной кавалерии: в районе Каховки — 1-я конная армия Буденного, переброшенная с Польского фронта, в составе четырех конных дивизий; в районе Никополя — 2-я конная армия в составе трех с половиной дивизий, и у

берегов Азовского моря — Конный корпус силою до трех конных дивизий.

По данным, приведенным в книге советского военного писателя Короткова, к началу боя в Северной Таврии силы противников были следующие: против 6-й советской армии и 1-й конной армии Буденного, силою в 49 000 штыков и сабель стояли части Русской армии численностью в 14 000 штыков и сабель; против 2-й конной армии, силою в 28 000 штыков и сабель, стояло 10 000 штыков и сабель Русской армии; против 4-й и 13-й красных армий, численностью в 55 000 штыков и сабель, Русская армия могла противопоставить только 11 000 штыков и сабель. Всего, против 132 000 штыков и сабель красных со стороны Русской армии стояло всего 35 000 штыков и сабель, причем число сабель Коротков показал на 2000 больше действительного числа, бывших в распоряжении генерала Врангеля. Артиллерия красных превышала артиллерию Русской армии больше чем в три раза. Полуторное превосходство было у красных в пулеметах и весьма большое в бронепоездах, броневиках и аэропланах. Во время боя к красным все время подходили из резерва части.

На третий день боя с участка против Никополя была переброшена к югу, против 6-й советской армии и конной армии Буденного, Корниловская дивизия, уже понесшая большие потери. Положение же на участке 2-го корпуса уже 15 октября стало угрожающим. Корпус, понеся громадные потери, безостановочно покатился к Перекопу, а красная конница Буденного, своей главной массой, прошла через Аскания-Нова на Громовку, оставив свой заслон в районе Агаймана — против нашей конницы, группировавшейся в районе Торгаевки. Таким образом красным удалось сразу же значительно углубиться и продвинуться во всех пунктах Днепровского фронта, основательно потрепав части Русской армии. Вслед за переправившейся конницей, стала переправляться через Днепр и многочисленная пехота красных. Видя столь большой успех против частей 2-го корпуса Русской армии, красные бросили к Каховке все свои главные силы. Этот день был туманный и облачный, а поэтому наших аэропланов в воздухе не было. В распоряжение Дроздовской

дивизии стали прибывать, еще ночью, повозки обозов Корниловской ударной дивизии и сопровождавшие их ударники сообщили некоторые сведения о катастрофе у Корниловцев. Дроздовская же дивизия продолжала стоять в Рубановке, — в ожидании распоряжений. Туда же подошла и Терско-Астраханская бригада генерала Агоева. Неожиданно пришло распоряжение из штаба, и генерал Туркул, у которого был приступ тифа, полулежа объяснил собравшимся начальникам частей обстановку и приказал немедленно приготовиться к выступлению на Константиновку—Антоновку, — в тыл прорвавшейся конницы Буденного. Еще не успели приготовиться к выступлению, как пришло новое приказание: двинуться на село Вознесенку, так как там ночует около двух дивизий красной конницы и около дивизии пехоты. С наступлением темноты Рубановку атаковали передовые части красной пехоты, но были отброшены 2-м батальоном 2-го Дроздовского полка. При выступлении из Рубановки встретились конные Корниловцы, которые сообщили, что Корниловская дивизия должна пройти через Рубановку на Серогозы. Через несколько часов, еще до рассвета, красные заняли Рубановку без боя.

Дроздовская дивизия двигалась двумя колоннами. 1-й и 2-й стрелковые полки и 2-й Дроздовский конный полк — правой колонной, а 3-й и 4-й стрелковые полки с Терско-Астраханской конной бригадой — левой колонной, так как было получено приказание атаковать село Вознесенку с двух сторон. Ночь была холодная, мороз дошел до 10°. Хотя и было запрещено курить, но, чтобы согреться, наступающие колонны стали всюду разжигать костры из сухой травы — перекати поле — и ясно, что эти огни должны были указать противнику путь движения Дроздовской дивизии. На рассвете 17 октября, подошедший к селу Вознесенка, 1-й Дроздовский полк атаковал красных и в то же самое время красных атаковали и подошедшие в левой колонне Дроздовцы. Через два часа боя красные оставили Вознесенку и стали отходить. Было захвачено в плен несколько красных кавалеристов. Вознесенку занимали части красной конницы и латышская пехота уже с 16 октября и говорили жителям, что теперь они наверно Крым возьмут, и что только через

Днепр переправилось свыше 50 000 конницы и пехоты. Как потом стало известно, 16 октября один наш летчик, несмотря на сильную облачность, рискнул полететь и вернулся с грандиозным для нашего штаба открытием, от которого у всех штабных рты пораскрывались: в 40 верстах от Ново-Алексеевки, то есть в самом центре нашего тыла, у единственной железнодорожной магистрали, свободно передвигалась конница красных, силою свыше 10 000 сабель с артиллерией. Дроздовская дивизия получила приказание, после занятия Вознесенки, двинуться на Агайман. После короткого отдыха Дроздовцы и Терско-Астраханская конная бригада двинулись на Агайман, опять двумя колоннами на расстоянии одна от другой приблизительно версты в полторы, то есть почти рядом и параллельно. Колонны растянулись верст на десять, пятнадцать. В них было не столько строевых частей, сколько обозов, причем повозки двигались в несколько рядов, но колонны имели очень внушительный вид. Хотя движение происходило по открытой местности и колонны часто были под обстрелом артиллерии красных, но она была больше по пустому пространству между двигавшимися колоннами (видимость, благодаря «куре» и падающему мокрому снегу, была отвратительная) и потерь у Дроздовцев было очень мало. При движении приходилось сбивать противника спереди, отбиваться сзади и зорко следить за конницей справа. Потери были, главным образом, в правой колонне.

Весь 40-верстный путь до Агаймана дивизия шла, сопровождаемая противником. В хвосте правой колонны шел 4-й Дроздовский полк с 7-й гаубичной батареей. В районе Ново-Репьевки, что верстах в 15 от Агаймана, конница красных пробовала отрезать 4-й Дроздовский полк. Их конная батарея вынеслась близко на открытую позицию и открыла огонь, но немедленно же была покрыта разрывами бризантных гранат 7-й гаубичной батареи. Большевики решительно не выносили оглушительных разрывов 10-сантиметровых немецких гаубиц. Красные артиллеристы ускакали бросив свои орудия и конницу. Так как орудия не на чем было вывезти, пришлось удовлетвориться тем, что с них были сняты затворы и панорамы. Ночью обе колонны подошли к

Агайману, сделав с боем за 36 часов переход почти в 100 верст. В Агаймане уже находились части Конного корпуса генерала Барбовича, состоящего из 3-х кавалерийских дивизий. Агайман был взят генералом Барбовичем после боя с красной конницей. Дивизия простояла на улицах селения около трех часов. Мороз был зверский, а согреться в хатах нечего было и думать, так как все хаты до отказа были набиты солдатами. Кроме частей Конного корпуса генерала Барбовича в Агаймане оказались штабы армии и корпусов, Корниловская дивизия и бесчисленные обозы. Командующий 1-й армией генерал Кутепов также находился в Агаймане. При 2-й кавалерийской дивизии находился авто-пулеметный эскадрон — легкие небольшие грузовики системы Форда, вооруженные пулеметами, а некоторые и пушками Гочкиса. Брони на них не было, а только борты площадок были защищены двойными досками, каждая толщиной в два пальца. 2-я кавалерийская дивизия в самый последний момент была переброшена из Крыма, где она была сформирована и посажена на коней. Всего в Конном корпусе генерала Барбовича было тогда около 4000 сабель (в 1-й кавалерийской дивизии было 1300 сабель, во 2-й — около 1700 сабель и в, бывшей генерала Бабиева, Кубанской казачьей дивизии — свыше 1000 сабель). Конному корпусу предстояла встреча и бой с красной конницей силою до 20 000 сабель, полки которой состояли из шести эскадронов по 150 всадников в каждом. Ясно было, что предстояла встреча при неравных условиях, но наше командование все-таки рассчитывало справиться и с этим. Сократив фронт, оно сосредоточило для принятия удара 1-й Армейский и генерала Барбовича Конный корпус.

Еще до наступления красных было предположение об отходе всей Русской армии в Крым, но это тоже не был выход из положения, так как по многим причинам армия в Крыму не могла бы долгое время просуществовать, а поэтому и было решено из Таврии не уходить, дать генеральный бой красным на просторах Северной Таврии и тем самым было все поставлено «на карту».

17 октября генерал Барбович вел бой с двумя дивизиями конницы Буденного, оставленные последним, как заслон,

в Агаймане. Бой разыгрался между Нижними Серогозами и Агайманом. Сначала наступала 1-я кавалерийская дивизия и успела уже было подойти почти вплотную к Агайману, когда ее вдруг обошла конница красных. Тогда была пущена в бой 2-я кавалерийская дивизия, конная артиллерия которой смешала конницу красных, приблизившуюся уже к нашей на близкое расстояние, а вылетевшие форды своим пулеметным и артиллерийским огнем dokonчили дело. Конница красных, неся громадные потери, повернула и бежала. Этот бой наблюдал генерал Кутепов и после него высказал предположение, что согласно выработанному плану удастся зажать красных и тогда наша армия сможет перейти в наступление и разгромить красных.

Для выполнения этого плана было снято с других участков фронта все, что было севернее и правее Мелитополя и было приказано временно оставить город, зная что при успешном окончании намеченного маневра армии, Мелитополь можно будет легко занять вновь, так как по имевшимся в штабе Русской армии сведениям, у красных на том направлении сил почти не было. Как показали дальнейшие события, эти сведения были неточные и это сыграло большую роль в исходе генерального боя в Северной Таврии. После этой перегруппировки частей Русской армии, фронта, как определенной линии, больше не было. Отдельные группы войск сосредоточивались и шли против определенных, отдельных же, групп красных, то есть — кулак на кулак.

Красные, в течение 17 октября, продолжали углубляться в наш тыл. 3-я Донская дивизия (ей был придан и 1-й взвод 3-й Дроздовской батареи, получивший французские пушки) была спешно двинута на юг вдоль железной дороги, так как красные в это время уже подошли к Ново-Михайловке, где находился вновь сформированный 4-й Корниловский полк и конвой Главнокомандующего с конно-артиллерийским взводом. Когда подошли красные, 4-й Корниловский полк, который насчитывал в своем составе до 2000 ударников, еще полностью не обмундированных, рассыпался фронтом на запад. Красные пустили в лоб только небольшие силы, а всей своей массой прошли южнее Ново-Михайловки по берегу моря, выделив часть сил для атаки Корниловского пол-

ка во фланг, а сами продолжили путь на Сальково. Корниловский полк состоял из бывших красноармейцев и когда был атакован, его правофланговый батальон сдался. Остальные батальоны оказали упорное сопротивление и были почти полностью уничтожены. Только незначительная часть их попала в плен, и очень многих на месте расстреляли красные. Подошедших к Салькову красных, задерживала на укрепленной позиции в течение четырех часов небольшая команда нашего огнесклада под командой военного чиновника, имея при себе один пулемет. Потеряв одного убитым и одного раненым, эта команда вечером, в полном составе, перешла на другой берег. В тот момент других наших частей здесь не было.

Красные заняли Ново-Алексеевку и тем самым перерезали линию железной дороги еще в одном месте. После этого красная конница, силою до 4000 сабель, внезапно налетела на базу наших летчиков, которые не успели даже подготовить свои аппараты к полету, и сожгла все бывшие на базе аэропланы. Погибло 20 аппаратов, то есть две трети всех бывших в Русской армии. Там же красные захватили большие склады обмундирования, запасы бензина, газолитина и другого имущества. Попавших в плен офицеров красные на месте расстреляли, а солдат раздели догола при 15° мороза. Затем красные продолжили путь к морю и заняли город Геничesk. На северном участке, в районе Днепра, в это время шли упорные бои и там, возле Балки, наступавшие Донцы и Марковцы разбили пехоту красных, захватив в плен свыше 2000 человек. Подошедшие к Перекопу красные пытались атаковать наши позиции у Перекопского вала, но были отбиты частями 2-го корпуса, понеся большие потери.

На рассвете 18 октября все части, сосредоточенные в Агаймане выступили в направлении на Сальково четырьмя колоннами, одна за другой на расстоянии двух или трех верст. Порой расстояния почти и не было. Слева и справа двигались конные части, а между ними шли двумя колоннами дроздовцы. В арьергарде шли остатки Корниловской дивизии, имевшие в своем составе до 1000 ударников. Около 11 часов колонны подошли к линии Салбруна, где был привал для весьма скудного обеда, так как продуктов в обо-

зах было мало, от местного же населения было просто невозможно приобрести что-либо по той причине, что вся масса войск двигалась в одном направлении. Также нельзя было выпечь хлеб, из-за отсутствия времени. После полуторачасового отдыха и обеда все колонны продолжили путь. 2-й и 3-й Дроздовские стрелковые полки двигались в направлении на Отраду, к которой подошли на расстояние артиллерийского огня к 17 часам, пройдя район Кучкогуса и хуторов Кутузова и Сорокона. Когда колонны покидали район Салбруна, верстах в шести сзади, Корниловцы вели бой с преследовавшей колонны красной конницей, шедшей весьма энергично по нашим пятам. Подход к селению Отрада совсем открытый — по чистому и ровному полю. Все части высыпали целой кучей и не разворачиваясь двинулись вперед. Красные сразу же открыли артиллерийский огонь по колонне 2-го полка тремя батареями, но стреляли страшно разбрасываясь, видя такое множество великолепных целей и, благодаря этому, не нанесли полку существенных потерь. Сначала 4-я, а затем и 3-я Дроздовские батареи, став на открытые позиции, открыли беглый огонь по Отраде. Через полчаса красная конница стала быстро покидать район Отрады, и разъезды 2-го конного полка Дроздовской дивизии уже были на окраине Отрады. Попало сильно от генерала Туркула 3-й батарее за то, что она, по его мнению, слишком медленно меняла свои позиции. Но картина все же была очень внушительная и редкая по своей красоте: почти все батареи Дроздовской дивизии, с открытых позиций, беглым огнем стреляли по удирающей красной коннице вправо, а густые лавы ее были все в дыму от разрывов. Наша пехота старалась выйти наперерез отходившей в сторону Ново-Троицкой коннице красных, открывала залпами и из пулеметов огонь, который, к сожалению, из-за большой дистанции, особого вреда коннице не мог принести. К тому же мороз был довольно большой и у стрелков коченели пальцы и часто пули ложились вблизи стрелявших. Через полчаса все здесь было кончено. Артиллерию спешно отправили на левый фланг, так как там 1-й Дроздовский полк открыл сильный ружейный и пулеметный огонь, но за короткое время и там бой прекратился. Части в сумерках вошли в Отраду. Крас-

ные не успокоились и уже в темноте вновь подошли с северо-запада близко к селу и пытались атаковать, но сместа же были с треском отброшены.

Выяснилось, что Дроздовцы будут ночевать в Отраде, хотя вначале генерал Кутепов хотел послать Дроздовцев еще ночью брать село Ново-Рождественское, но этому категорически воспротивился генерал Туркул и туда были посланы Корниловцы, которые ночью атаковали красных в селе и захватили там в плен 270 конных и взяли 8 орудий. В тот же день Конный корпус генерала Барбовича, ведя бой северо-восточнее Отрады, захватил в плен свыше 1000 красноармейцев пехотинцев, но красные пулями подбили 7 фордов и вывели их из строя. Дело в том, что так называемая броня на этих фордах, в виде досок, не защищала мотор и колеса и подбить их пулей было совсем легко. Эти форды оказались непрактичными и дорого стоящими, а в бою с пехотой неприменимые. О Буденном в Отраде узнали, что он был в селе, и только во время боя покинул его; в спешке даже не успев пообедать. В доме, где он располагался, на столе остался приготовленный для него обед. Там же в Отраде из штаба Буденного попал в плен офицер, раньше служивший в Дроздовском полку. Буденный успел выскочить из мешка и удрать со своей конницей потому, что не успела вовремя выйти наперерез отступающим красным, шедшая справа, 1-я Кубанская конная дивизия. Слева в этот день красная конница и две кавалерийские дивизии генерала Барбовича танцевали своего рода кадрили: полверсты вперед, полверсты назад, выносились лихо вперед наши конные батареи, но до рубки дело не дошло.

Три Дроздовских стрелковых полка и Дроздовский конный полк заночевали в Отраде, а 4-й Дроздовский стрелковый полк с 7-й гаубичной батареей и Терско-Астраханская бригада генерала Агосева заночевали в полуверсте от Отрады к югу — в хуторе Ново-Александровка. Корниловцы же, как уже было сказано, ушли в село Ново-Рождественское.

На рассвете 19 октября около селений началась ружейная стрельба и Терско-Астраханская бригада ушла из хутора Ново-Алексеевского к Отраде. Вскоре появились красные и пули стали лететь вдоль улицы хутора и показались на-

ступавшие на хутор лавы красных. Командир 4-го полка, полковник Тихменев, попросил командира 7-й гаубичной батареи, полковника Нилова, занять позицию на окраине хутора и прикрыть огнем разворачивание его полка. Батарея встретила, на близкой дистанции и даже на картечь, подошедшую почти вплотную к хутору лаву красных, а два батарейных пулемета нанесли ей большие потери. Лава красных смешалась, круто повернула и отскочила назад, за бугры. Тотчас же оттуда две батареи красных, с закрытых позиций, покрыли 7-ю гаубичную пеленой низких разрывов. Красные стреляли прекрасно, и немедленно в 7-й гаубичной появились потери среди номеров и было убито несколько муров. Красные лавы стали вновь приближаться к хутору. Вскоре был тяжело ранен командир батареи, полковник Нилов. Старший офицер батареи, капитан Твербус-Твердый, увел батарею из хутора на север, где между хутором и Отрадой стояла Терско-Астраханская бригада. 4-й Дроздовский полк в то время тоже уже отходил и красные кавалеристы, ворвавшись в хутор, начали рубить стрелков. Последние внезапно озверели, повернули обратно, бросились в штыки на красных. В обход правого фланга красных вынеслась Терско-Астраханская бригада, и 4-й Дроздовский полк вновь полностью занял хутор. Красные бежали за бугры.

Будет небезынтересно осветить общее положение на фронтах в этот день, так как именно в этот день была наибольшая запутанность в расположении сил Русской армии. Получился в полном смысле «слоеный пирог». На Чонгарском перешейке оказались подошедшие запасные батальоны Дроздовской дивизии, севернее Сальково — конница красных, еще севернее, у Ново-Алексеевки, оказалась 3-я Донская дивизия со своей артиллерией и 1-м взводом 3-й Дроздовской батареи и пластунский Кубанский батальон. Донцы прошли со своей артиллерией за сутки свыше 75 верст вдоль железной дороги. В это же время под Мелитополем уже была конница красных, а севернее города — отступавший на юг 3-й Армейский корпус, затем опять красные, потом части Донского корпуса и Марковцы, а у Днепра многочисленная пехота красных,двигающаяся на юг. У Перекопа наши части занимали позиции по валу, а сам го-

род Перекоп был в руках красных. Город Мелитополь заняла, очень быстро и неожиданно, конница красных при участии конных отрядов «Батьки Махно» и там остались длиннейшие эшелоны, склады со снарядами, с обмундированием, аптеки, лазареты, кроме лазарета Дроздовской дивизии, два бронепоезда, казначейство с 900 миллионами рублей, жены и семейства офицеров и чиновников и немало самих офицеров. (Схема № 10.)

Раньше чем перейти к дальнейшему повествованию, считаю необходимым вернуться немного назад и дополнить все уже написанное, для полноты картины, воспоминаниями генерала Туркула.

Как уже было сказано, для парирования предполагавшегося наступления красных и сосредоточения их главных сил за Днепром и в районе Каховки, был сосредоточен Конный корпус генерала Барбовича, а 1-й Армейский был подтянут к Днепру. Первый удар красных полчищ приняли на свою грудь корниловцы и понесли сильные потери. Выбыл из строя, раненный в бою, начальник Корниловской дивизии — генерал Скоблин. Вслед за Корниловцами красная саранча начала громить, подошедшую для смены Корниловцев, Марковскую дивизию, которая не выдержав бесконечных атак пехоты и конницы, стала отходить. Видя это, застрелился их доблестный начальник дивизии, генерал Третьяков. В самый критический момент боя, в командование дивизией вступил, примчавшийся на автомобиле, генерал Манштейн младший. Ему удалось привести в порядок отступавшую дивизию и прекратить беспорядочное отступление. Под его командованием Марковцы вновь стали доблестно отбиваться, окутанные дымом, выблескивая огненными молниями, от конных и пеших атак красных, неся громадные потери. Части 2-го корпуса, понеся громадные потери, откатились к Перекопу, где и заняли укрепленные позиции по валу.

Генерал Туркул знал о кровопролитных боях Корниловцев и Марковцев, находясь в армейском резерве просил разрешение выступить в помощь истекающим кровью нашим частям и ждал приказание об этом, но ему было приказано стоять на месте и ждать; и только вечером 16 октября по-

следовало, как известно, приказание о выступлении дивизии против прорвавшейся в тыл конницы Буденного. В своей книге «Дроздовцы в огне» генерал Туркул так описал эту свою встречу с конницей Буденного.

«... Вот почему мне не позволили кинуть дивизию в огонь на помощь истерзанному. В штабе уже знали, что Буденный прорвался в тылы. Прорыв 1-й конной армии смешал штаб, порастил наше командование, там поколебались. А надо было позволить прорвавшемуся Буденному идти по тылам на восток, а всему 1-му корпусу и Донцам броситься к Днепру на подмогу Корниловцам. Нам надо было именно здесь зажать кровоточащую рану, сменить разбитую Корниловскую грудь, принявшую весь удар, свежей грудью Дроздовской. Порыв большевистских атак мы могли бы разгромить нашим порывом. Мы отшвырнули бы их за Днепр и, развязавши себе руки на севере, могли бы броситься на конницу Буденного. Тогда это было бы не наше отступление, а наш маневр, а коннице Буденного пришлось бы туго. Но штаб, пораженный прорывом Буденного в тыл, заколебался, к тому же Марковцы запоздали на Днепр. Вместо удара одним кулаком, мы стали наносить удары растопыренными пальцами. Наш таран, отбиваясь разрозненно, потерял силу. За два дня боя у Знаменки Корниловцы понесли такие страшные потери, что состав дивизии уже не превышал тысячи штыков. Грудь всей Белой армии была разбита на Днепре. По приказу командования 1-й корпус стал отходить на юг. Это уже не маневр, это отступление в неизвестность. Как будто что-то содрогнулось во всех нас. Белая армия была потрясена. Мы отступали, а за нами зияла тяжкая рана, широкая полоса Корниловской и Марковской крови.

На правом фланге отходила Дроздовская дивизия. Дивизии была придана Терско-Астраханская конная бригада. Левее был Конный корпус генерала Барбовича. В аррьергарде шли все те же Корниловцы, остатки доблестной дивизии Марковская дивизия, атакованная со всех сторон 2-й Конной армией, стойко отбивая атаки конницы, пыталась пробиться к нам, но не пробила и двинулась одна на Геничеськ. Мы вскоре оторвались от противника. Большими маршами мы торопились на юг. Командование дало нам боевое зада-

ние атаковать Буденного. Ночью завыв в степи лютый зимний ветер, спутник всех удач большевиков: ярая пурга.

В первый же день отхода моя дивизия связалась с Конным корпусом генерала Барбовича. Перед селом Агайманом нам дорогу перерезали передовые части 1-й конной армии. Мы их мгновенно погнали и в Агаймане заночевали. От ледяного ветра коченели люди и кони. Ночью выступили снова. В стужу все шли пешком, на тачанках замерзали. В степи вертела и визжала пурга. Шли всю ночь. Вне окоченели в, подбитых ветром и дымом, шинелишках. С рассвета во фланг Дроздовской дивизии, с запада, слева стали наступать передовые части конницы Буденного. Позже с конницей смешалась пехота. Советские лавы и цепи низко курились в степи, как пурга. Мы сомкнулись. Огнем отбрасывая противника, мы шли на село Отрада. В степи, верст за пять до Отрады, перед фронтом дивизии, снова замаячили густые лавы Буденного. Наш Первый и Второй стрелковые полки развернулись в цепи, двинулся и Второй конный полк. Полки охватило молнией залпов. Конницу Буденного как бы сдуло огнем. Дроздовская дивизия двинулась на Отраду. Перед самым селом опять накопились буденовцы, тронулись в конную атаку. Огонь погнал их, а 2-й конный поскакал на отступающие лавы. С разгона 2-й конный с доблестным командиром, полковником Кабаровым, ворвался в Отраду и, сбивая там красных всадников, вынесся за село, в темное поле.

А в поле, охваченная тусклым паром, стоит в тесных колоннах, косяками, как зловещее видение, вся кавалерия Буденного. Конный полк наравлся на ее громады и принял бой. Рубились саблями. До тридцати наших коников было зарублено и переранено саблями. Удалой 2-й конный носился по полю, разгоня крылатой смелостью большевистскую конницу. Удалым порывом наши кавалеристы атаковали в самой гуще буденовцев, обширный хор, конных трубачей. Весь хор трубачей, в заячьих полушубках, армии Буденного был захвачен. Всадников с серебряными трубами, обвитыми обмерзшими красными лентами, быстро погнали в тыл. В разгар боя наши всадники наскочили на серую машину. Уже темнело. В сумерках машина показалась броневиком

и кавалеристы, обстреляв ее, свернули в переулок. В машине, как мы узнали позже, был сам Буденный. Мотор от мороза отказался работать и, подлети наши всадники ближе, Отрада для пышноусого вахмистра была бы концом.

Утверждаю снова, что если бы мы не растопыренными пальцами, а всем кулаком ударили бы по Знаменке, стряхнули бы с себя на Днепре большевиков и повернули бы затем на прорвавшегося Буденного, раскатали бы этого красного маршала, разнесли бы в дым всю эту, без толку хваленую, конницу Буденного также, как уже разгромили однажды конный корпус Жлобы или конные орды Сорокина. В Отраде, одним только конным полком, к которому подоспели стрелковые полки, мы захватили его трубачей и он сам едва не угодил преблагополучно в плен к «золотопогонникам».

Отрада была взята. Часа три подтягивались в село части Дроздовской дивизии и наш арьергард, остатки Корниловцев. Сторожевые охранения занял Первый полк. Ночь стояла туманная, безветренная и мороз усилился. Я хорошо помню эту студеную ночь потому, что у меня начался новый приступ возвратного тифа. Весь день, в бою, меня трясла нестерпимая лихорадка, ночью начался жар, тугой и звонкий, хорошо знакомый этап тифозной горячки. Помню серое утро в тусклом инее, когда снова поднялась кругом воющая человеческая метель: на нас двинулась в атаку вся конная армия Буденного, чтобы прикончить, добить в Отраде. Адъютант удивился моему бледному лицу и пожелтевшим глазам. Голова звенела, точно плыла от жара. Я приказал подать коня и с конвоем, в утреннем дыму, поскакал к Первому полку. Вдали гудели и выли лавы Буденного. С холмов у Отрады, насколько хватал глаз, открывалось громадное и зловещее зрелище: до края неба, в косых столбах морозного дыма, тусклое поле шевелилось живьем от конницы, было залито колыхающимися волнами коней и серых всадников. На нас медленно надвигалась вся конная армия Буденного. Впереди выблискивая оружием, шли лавы с темными флажками, там и здесь трепещущими в рядах, а за ними смутно наплывали, зыблясь в морозном паре, тесные колонны коней. Лавы перекатывающиеся, как огромные вы-

блискивающие удавы, тягостный вой, косые вихри над колоннами — все это было, как надвигающееся видение Апокалипсиса. Конь бледный. Смерть.

Я приказал огня не открывать. Не открывать огня до крайности, до последней возможности подпустить в полном молчании, как можно ближе, конные громады. Я знал, что наше молчание в огне заставляло большевиков визжать от страха. Отрада, побелевшая, тихая, ждала, как бы вымершая или покинутая. Мы все слушали молча тяжкий, как бы подземный, гул громадного конского движения.

Я поскакал по окраине села, осматривая полки. На южной окраине, на кладбище, погребенном под снегом, стояла маленькая цепочка нашей заставы от 2-го стрелкового полка. Я приказал немедленно выслать на кладбище, на эту нашу тыловую позицию, целый батальон и вернулся к Первому полку.

Вся конница Буденного была в движении. Серые лавы вначале шли шагом, точно осматривались, потом перешли в рысь. Заколыхалось темное поле в вихрях морозной мглы. Все поглотило от топота. Такого громадного конского движения мы еще не видели никогда. Нестерпимо, выше сил человеческих, было стоять, ружье к ноге, не нагибаться к пушке, глядя в самое лицо скачущей смерти. Но молчала белая Отрада. (Схема № 11.)

Первые волны всадников, подгоняемые другими, как будто стали топтаться. Их поразило молчание Отрады. Мы подпустили их еще ближе, еще, и, тогда, наконец, я дал команду «огонь». Дроздовская артиллерия, Первый и Третий стрелковые полки встретили атаку беглым огнем. Батареи стреляли непрерывно, пехота залпами, строчило несколько сот пулеметов. Красная конница не выдержала и, почти мгновенно, с огромными потерями, повернула назад и стала уходить.

Так было на северной окраине Отрады. На южной же нас в это время обходила особая кавалерийская бригада под командой Колпакова. На кладбище красная бригада наткнулась на батальон 2-го полка. Огонь батальона отбросил бригаду, отошедшую с большими потерями. Если бы на кладбище оставалась только цепочка нашей заставы, конница Кол-

пакова ворвалась бы в Отраду с тыла и тогда с Дроздовцами могло быть покончено. Среди груды тел в долгополых серых шинелях, в суконных шлемах с красными звездами, был найден у кладбища и «товарищ» Колпаков. Его изрешетили пулеметы. На груди бляха ордена Красного знамени, а в подобранных бумагах — благодарственный приказ Реввоенсовета за переброску армии Буденного с Польского на южный фронт по железным дорогам. Колпаков был диктатором переброски и Реввоенсовет пожаловал его золотыми часами и саблей».

Что делал в это время 4-й Дроздовский полк, бывший в хуторе Ново-Александровском, описано было раньше. Красные в течение дня повторяли свои безуспешные атаки, но даже приблизиться к нашим цепям ни разу не смогли и, понеся огромные потери, только к вечеру их прекратили. Кругом от Рождественской до Александровки в различные моменты в этот день подымалась отчаянная стрельба. Потери же Дроздовской дивизии были незначительны и выбыло из строя 46 человек и 100 коней, главным образом только от артиллерийского огня. В 22 часа части Дроздовской дивизии перешли в Рождественское, где находились уже Конный корпус генерала Барбовича и, отошедшая из района Ново-Александровского хутора, Терско-Астраханская бригада. Конный корпус генерала Барбовича также, почти целиком разворачиваясь, целый день вел бой, отвечая на атаки красных контратаками. Доходило до рубки. Лихо работали все конные батареи и между ними 1-я конная и 5-я конная батареи дивизиона полковника Москаленко и Дроздовские конно-горная и 7-я конная батареи дивизиона полковника Колзакова. Красная конница также и здесь понесла большие потери.

Донцы в районе Рубановки изрядно потрепали 2-ю конную армию, разгромив 30-ю конную дивизию.

Наше командование уже считало этот день поворотным в лучшую для нас сторону. Неожиданно в штабе Главнокомандующего были получены сведения о появлении на Бердянском направлении большой новой группы конницы красных и об обнаружении второй группы конницы их в районе Мелитополя. На севере подтягивались все части 2-й конной

армии красных и подходила громадная масса их пехоты, которая до этого еще не принимала участия в боях. Против всей этой массы красных войск командование Русской армии могло противопоставить, кроме сильно потрепанного 2-го корпуса, уже стоящего на позиции у Перекопа, также понесшие значительные потери 1-й Армейский и Донской корпуса, численностью около 15 000 штыков и сабель, части 2-й армии, отошедшие на Перекоп и понесшие большие потери за Днепром и при отступлении. По советским данным, только в ударных группах красных войск было свыше 50 000 штыков и 20 000 сабель и они имели при себе огромное количество пулеметов, артиллерию превышающую имеющуюся в Русской армии в три раза, а также броневые машины и танки. В 1-м Армейском корпусе в лучшем состоянии и по духу, и по количеству была Дроздовская дивизия в составе четырех стрелковых и одного конного полков, при нескольких сотнях пулеметов и сохранившейся всей ее артиллерии. Полки Корниловской и Марковской дивизий сильно пострадали в боях и каждая дивизия имела в своем составе только до 1000 штыков. Алексеевская дивизия была еще меньшего состава. Конный корпус генерала Барбовича и Донской более менее еще сохранились. Кроме того в Северной Таврии Русская армия потеряла две трети своих аэропланов, большие запасы снарядов и патронов, бронепоезда. Учитывая все это, командование Русской армии не имело другого выхода, как отдать приказ об отходе всей армии в Крым. Об этом приказе вначале знали только в штабах, но уже 20 октября 3-я Донская дивизия прошла в направлении на Сальково—Таганаш.

Около 2-х часов ночи на 21 октября части Дроздовской дивизии втиснулись в большое село Рождественское, забитое до отказа частями Русской армии. Там уже находились части Конного корпуса генерала Барбовича, Терско-Астраханская бригада, Корниловская ударная дивизия и многочисленные обозы. Долго пришлось стоять при морозе свыше 10° на улицах села и только под утро все смогли разместиться по квартирам, чтобы согреться и хотя бы немного отдохнуть. С едой было совсем плохо и немногие могли похвастаться, что им удалось утолить свой голод. Недолго

длился и отдых, так как уже в 8 часов Дроздовская дивизия выступила на Ново-Дмитриевку. Хотя об отходе в Крым еще не было официального приказа, но уже само движение на Ново-Дмитриевку вызвало толки об отходе в Крым. Стали говорить — идем «домой», где отдохнем после бесконечных боев, а потом с новыми силами продолжим борьбу.

Вскоре красные стали наступать на Рождественское с востока, но с севера и запада пока все было спокойно. Наши войска двигались четырьмя колоннами под фланговым ударом слева. Для сокращения длины колонны было приказано построиться в два ряда. Артиллерия шла в резервной колонне. Только одна колонна шла по дороге, а остальные — прямо по полю. Красные сильно наседали слева и с этой стороны отступавшие части прикрывала наша артиллерия. Атаковать же отходившие колонны красные все же не решались. Прошло немного времени. Появилась конница красных также и сзади и стала нажимать на хвост наших колонн. Был момент, когда конная батарея красных, став на открытую позицию, начала щелкать по отходящим колоннам, но это ее занятие сразу же прекратила 4-я Дроздовская батарея, удачно обстреляв красную батарею, поспешившую, после этого, ретироваться. (Схема № 10.)

Красные артиллеристы не любили артиллерийского обстрела и обычно, после двух-трех близких разрывов, моментально снимались с позиции. Наконец, сопровождаемые артиллерийским обстрелом, колонны подошли к Ново-Михайловке. Тут на поле лежало много раздетых и неубранных трупов, валялось много винтовок и погон Корниловцев — следы боя 4-го Корниловского полка с красной конницей 17 октября. Около 14 часов части Дроздовской дивизии пришли в Ново-Дмитриевку и было приказано выслать квартирников. Всем стало ясно, что дело клонится к тому, что придется отойти в Крым, где наверно будет зимовка, так как все считали укрепленные позиции на перешейках неприступными. За дальнейшее все были спокойны и, даже больше, приятно было думать, что после предстоящих тяжелых боев в скором будущем, так как красные, несомненно, захотят с налета овладеть Крымом, наступит на некоторое время спокойная позиционная война — без утомительных переходов,

столь неприятных особенно зимой. В Ново-Дмитриевке были большие склады с зерном и все стали запасаться им. Неожиданно у западной окраины села начался бой и было приказано на рысях вытягиваться из села. В это время наша конница на буграх уже вела приличный бой. Хорошо были видны разрывы снарядов. Колонна Дроздовской дивизии, не задерживаясь, двинулась на Сальково, куда и прибыла в 16 с половиной часов. Возле Сальково были передовые окопы укрепленной позиции в виде одного ряда окопов с проволочным заграждением. 2-му и 3-му Дроздовским стрелковым полкам было приказано занять эти окопы. Было очень холодно. Хотелось отдохнуть и всех мучил голод, но достать в Сальково ничего съедобного было нельзя. 1-й Дроздовский полк оставался в резерве. Вскоре, мимо расположившихся в окопах Дроздовцев, стали проходить отходившие в Крым части Русской армии. В сумерках прошли и конные части. Тогда у многих невольно появилась мысль: «Теперь их работа окончилась, до нашего нового наступления или до серьезного прорыва, и они идут домой».

Крым мы все считали теперь своим «домом» или «гнездом» и верили, что этот наш дом неприступен, и что там будет, во всяком случае, не плохо. Вскоре ушли со станции также и последние эшелоны и остались лишь два бронепоезда. В этот день, в последний момент, было вывезено со станции Ново-Алексеевка, при непосредственном старании и участии инспектора артиллерии Русской армии, генерала Репьева, 87 вагонов со снарядами. Около 30 вагонов все же осталось там. При отходе из Северной Таврии удалось вывезти только половину всех снарядов, бывших там на складах, а остальные достались красным. Так, например, на станции Сокологорное полностью остался склад снарядов Конного корпуса, — около 25 вагонов. Большие склады снарядов остались в Петровском и Каме. На путях у станции Рыково пришлось оставить два бронепоезда — «Севастополь» и «Волк».

Как только полки заняли окопы у Сальково, которые тянулись всего версты полторы кругом, было приказано приступить к рытью землянок, так как здесь, кроме двух-трех возле станции Сальково, их не было, но это приказа-

ние вскоре было отменено. Окопы от Сиваша до железной дороги занял 2-й Дроздовский стрелковый полк, а от железной дороги до моря — 3-й Дроздовский полк. 1-й Дроздовский полк отошел назад и стал в резерве. Остальные части Дроздовской дивизии и обозы прошли через мост в тыл. У самой железной дороги был участок незанятого пространства, где отсутствовали проволочные заграждения. На этом участке должны были стоять бронепоезда.

Около 22 часов красные повели наступление и по всему участку началась стрельба. Ничего нельзя было увидеть и разобрать. Батареи открыли заградительный огонь на прицеле от 20 до 30. Бронепоезда стали на позиции немного позади, а не на линии окопов, и красные, благодаря этому, в полной темноте прошли мимо проволоки по железной дороге и вышли в тыл 2-го полка и во фланг 3-го полка. Артиллерии 3-го полка почему-то не оказалось на позиции. Часть 3-го полка попала в плен, но большинство его успело отойти, благодаря чему 2-й полк оказался в очень тяжелом положении, особенно когда бронепоезда, видимо отчасти и по ошибке, открыли огонь на очень близком от себя расстоянии и нанесли большие потери 1-му батальону 2-го полка. Этот бой описал в своем дневнике капитан Г. А. Орлов так:

«На батарее (3-й Дроздовской) трудно было понять, что происходит в действительности. Стрельба то затихала, то снова возобновлялась и тогда доносились крики «ура». Бронепоезда отошли на линию батарей. Пуль летело в нашу сторону много и с очень близкого расстояния. Видимости никакой и что-либо понять было трудно. Батарея же продолжала стрелять, а после приказа открыть беглый огонь, последовал приказ сняться с позиции и отходить на перешеек. Моя верховая лошадь Вандея, обычно относившаяся спокойно к ружейному огню, в эту ночь как-то особенно нервничала и жалась от каждой, пролетавшей мимо, пули. Мы отъехали саженей сто от позиции батареи, когда вдруг слева поднялась снова здоровая стрельба. Я отчетливо слышал, как мимо моей левой руки прошипела пуля и хлопнула в мою Вандею. Та, как подкошенная упала, будучи убитой наповал. Такой мгновенной смерти у лошадей я не наблюдал еще. Вместе с лошадью полетел и я и расшиб себе

ногу. После поднялся, снял седло и пытался снять и оголовье, но сколько ни возился, этого не мог сделать, так как при падении готова лошади подвернулась под круп, а вытащить ее я не смог. Когда позади у меня почти никого уже не осталось, я решил бросить все мои попытки снять оголовье и, захватив седло, пошел пешком догонять свою батарею, ушедшую уже далеко. Только в полночь мне удалось ее догнать. В эту ночь нам усталым, голодным и промерзшим предстояло проделать еще около 30 верст похода. Все были измучены до последнего. Было страшно холодно и идти было очень тяжело. Во время этого ночного боя были ранены два офицера 1-го Дроздовского полка, стоявшего в резерве, сразу же позади нашей батареи. Их положили на повозку и повезли. Холодно было настолько, что ехать верхом, или на повозке, или на орудии больше 10 минут было невозможно: все коченело и застывало. Согреться было можно только во время ходьбы. Эти два раненых идти не могли, раны у обоих были легкие, но в ноги. Проходя мимо, я слышал их стоны: «Ой! Накройте же чем-нибудь, мы замерзаем». Но у санитаров нечем было их накрыть. Верст через 10, около станции Джимбулук, я подошел к их повозке, но они уже не стонали, они замерзли. Вот и смерть от пустяшной раны. Летом все было бы благополучно, а при морозе такой конец.

Шли всю ночь без остановки. Прошли Джимбулук, станцию Чонгар, Сиваш, двигаясь по линии железной дороги и пришли в Таганаш. Расстояние верст около 30. Невероятно хотелось пить, есть и спать. Только около 9-ти часов утра 21 октября Дроздовская дивизия пришла к назначенной точке отхода — станции Таганаш. Там все было забито отступающими частями, квартир не было довольно и большинство людей находилось при большом морозе на открытом месте — там, куда пришли». (Схема № 12.)

Генерал Туркул так описал отход от Сальково:

«Я послал в аррьергард мой конвой и приказал расстреливать каждого перебежчика и арестовывать тех, кто отстает умышленно. Офицер конвоя, дымный от мороза, явился ко мне на станции Таганаш с докладом. Конвоем было подобрано только двое отсталых: один стрелок с разбитыми нога-

ми и другой — в горячке, в бреду у дороги. Ни одного перебежчика, ни одного отсталого умышленно. Все шли с нами, не зная куда, может быть на последнее избиение, но никто не переходил в ту человеческую метель, какая кипела за нами по всей степи. На станции Таганаш мы должны были взять силком интендантский склад, забитый продуктами. Начальник склада отказался выдать продукты по требовательной ведомости дивизионного интенданта, подписанной мною. Он требовал еще резолюцию корпусного интенданта. Китайскую чиновничью церемонию мы прекратили мгновенно, выставивши интенданта склада из его крысиных сараев. На Таганаше дивизия подкрепилась и отдохнула. С утра мы должны были занять позицию Чонгарский мост—Восточная, но вдруг получили приказ немедленно всей дивизией двинуться на Перекоп. В темноте в 9 часов вечера 21 октября дивизия выступила».

22 октября уже было отчасти известно о наших потерях во время столь молниеносного отступления из Северной Таврии. 2-й Армейский корпус во время отхода на Перекоп пострадал больше чем изрядно и потерял часть своей артиллерии. 3-му Армейскому корпусу тоже досталось сильно на днепровских позициях и у Бурчатска и его артиллерия понесла также потери. У Днепровки, при начале наступления красных, целиком погиб 42-й Донской стрелковый полк. Там же сильно пострадал один полк Марковской дивизии. Под Ново-Монталем целиком погибла одна из школьных батарей — спаслись лишь те, кто имел лошадей. В том же районе попал в плен один из полков Донского корпуса. Корниловская дивизия сильно пострадала у Рогачика, и возле Ново-Михайловки погиб целиком 4-й Корниловский полк. Алексеевская дивизия отошла в Крым в составе около 700 штыков. В Корниловской и Марковской было около тысячи штыков в каждой. Дроздовская дивизия, единственная, вышла из всей этой передраги благополучно, понеся совсем незначительные потери. Как и в прошлой своей встрече с Дроздовцами, при отходе на Новороссийск, Буденный и на этот раз ничего не мог сделать с Дроздовцами и поломал на них свои зубы. Что же касается потерь вообще всей русской армии, то они были огромными. Почти все части, кро-

ме Дроздовцев и отчасти конницы, понесли большие потери. Погибло очень много обозов, хозяйственных частей, лазаретов, тыловых учреждений; оставлены 4 бронепоезда, много паровозов, загруженных эшелонов, почти все склады, бывшие в Северной Таврии, со снарядами, вещевые и другие. Погибло 20 аэропланов, захваченных на базе конницей Буденного. 2-й Армейский корпус быстро очутился на Перекопе, 3-й Армейский с боями пробился к перешейкам. Большинство частей Русской армии отошло в Крым через Чонгарский мост. Марковская дивизия и часть обозов отступили в Крым по Арбатской стрелке.

22 октября ночью красные атаковали Чонгар. Они наступали по полотну железной дороги и по льду Сиваша, который, благодаря сильным морозам, настолько окреп, что по нем можно было свободно передвигаться. Чонгар защищала Донская дивизия генерала Гусельщикова, которая достойно встретила красных, положила их порядком и потом погнала назад до самого Сальково.

Во время перехода из Таганаша на Перекоп в Дроздовской дивизии было очень плохо с питанием, в лучшем случае на обед был реденький суп с галушками и волокнами мясных консервов, а на целый день выдавался 1 фунт хлеба, доставлявшегося из пекарен Севастополя. 23 октября дивизия, пройдя Ново-Алексеевку и Магазинку, в 12 часов ночи прибыла на ночлег в Ново-Ивановку, а в 8 часов 24 октября продолжила свой марш дальше на Армянск. Пройдя Воинку, забитую обозами и хозяйственными частями разных полков и дивизий, в 13 часов была уже в Юшунь. Всюду по дороге можно было наблюдать царивший везде ужасный беспорядок. Достать что-либо съестное было невозможно. В Юшунь был привал на обед и двухчасовой отдых, после чего дивизия продолжила марш, проходя мимо основных укрепленных позиций. Капитан Орлов, видевший все во время марша, пишет в своем дневнике, что эти укрепленные основные позиции представляли в тот момент окопы в три ряда, но не сплошные, без землянок и блиндажей. Были проволочные заграждения, местами в несколько рядов, но не законченные полностью, но однако нигде не было видно ни досок, ни леса, ни кольев для окончания заграждений,

ни, даже запасной колючей проволоки. Бросились в глаза лишь несколько оборудованных землянок у позиционной тяжелой, вооруженной 8-дюймовыми орудиями, батареи, которая сама их для себя выстроила в июле и августе 1920 года. У капитана Орлова невольно создалось впечатление, что господа устроители укрепленной позиции упустили из вида, что пехота и легкая артиллерия, воюя в Северной Таврии, конечно не имела возможности позаботиться об устройстве для себя жилищ и землянок в районе Юшуни, а также до конца привести в надлежащий вид и самую укрепленную позицию. Были ли все эти упущения когда-либо поставлены в вину начальнику укрепленного района, генералу Макееву, или нет — неизвестно, но это было больше чем упущение. Железная дорога Джанкой—Армянский Базар, только после категорического приказа генерала Врангеля была закончена к 1 сентября и после этого поезда могли доходить до Армянского Базара.

Сумерки застали Дроздовскую дивизию возле хутора Булгакова и, наконец, около 20 часов ее части стали втягиваться в Армянский Базар. Там оказалось очень мало помещений для размещения частей и большая часть людей принуждена была разместиться прямо на улицах, у костров. Не особенно приятная перспектива была бросить в бой всех этих плохо одетых, изголодавшихся и промерзших людей. (Схема № 1.)

25 октября на Перекопском перешейке позиции занимал 2-й Армейский корпус. Левый участок его обороняла 34-я пехотная дивизия, а правый — 13-я дивизия. В тот день 34-ю дивизию, согласно приказа, должна была сменить Корниловская дивизия, 13-ю — Марковская дивизия. Приказом генерала Врангеля 3-й Армейский корпус расформировывался и во 2-й корпус вливалась из него 6-я пехотная дивизия, а 7-я — в Кубанский корпус, состоящий из перевезенных только в середине октября из Адлера (с Кавказа) повстанцев генерала Фостикова. На фронт же вышла только Кубанская стрелковая бригада, заняв участок у Чувашского полуострова. Правее, у Литовского полуострова, были размещены части 2-й Кавалерийской дивизии, а еще дальше их стояли только одиночные позиционные батареи, имевшие между со-

бой огневую связь. Полагаясь на Сиваш, как на естественную неприступную крепость, никто не ожидал, что он замерзнет так, что будет проходим. На самом же участке фронта у Перекопа была оживленная перестрелка.

О настроениях, которые в то время царили в частях, очень наглядно сказано в дневнике капитана Г. А. Орлова, офицера 3-й Дроздовской батареи.

«Все ожидают, что сегодня ночью, завтра или, во всяком случае, послезавтра, красные должны будут всеми, имеющимися в их распоряжении, силами и средствами, попытаться опрокинуть наш фронт. Совершенно ясно, что 2—3 основательных натиска со стороны красных нам придется выдержать раньше, чем мы успеем привести себя в порядок, оправиться и хотя немного отдохнуть, главным образом от этих холодов, недоедания и скученности помещений. Трудно в настоящее время подытожить и определить настроения в смысле взглядов и надежд на ближайшее будущее и на успех борьбы у рядовой массы бойцов. Настроение в общем невеселое. Большинство — молчаливо, раздражено, ругается на сегодняшние условия жизни (теснота, холод, отсутствие пищи в надлежащих размерах, главным образом хлеба). Одни качают головой, утверждая, что один-два серьезных боя и наши надломленные силы должны будут уступить напору противника и с началом этих, ожидающихся боев, отождествляют наступление катастрофы на нашем театре Белой борьбы. Другие же считают, что в данный момент сразу, «с налета», красным не удастся ворваться в Крым, что, понеся при этой попытке на нашем участке значительные потери, красные должны будут, временно, держаться пассивно, а за это время мы сможем оправиться, отдохнем и тогда снова имеет шансы борьба принять затяжной характер. Во всяком случае подходили решающие, тревожные дни. И днем, и вечером, и ночью на улицах и площадях Армянского Базара горят костры и вокруг них группами стоят, поколачивая ногой о ногу, солдаты и офицеры, главным образом, пехотных частей. Жуткая картина, если указать, что в таком состоянии и при таких условиях наши части находились накануне решающих боев. Когда я проходил мимо одного из костров, один пехотный солдат, обращаясь

ко мне, спросил, долго ли все это будет продолжаться, а другой, тут же на это ответил: 'Скоро конец'. Разговорился с офицером 2-го Дроздовского стрелкового полка. Он мне указал на то, что благодаря тому что люди не располагают даже помещениями, где можно было бы отдохнуть и согреться, настроение солдат таково, что он просто боится идти с ними в бой».

25 октября 1-й и 3-й полки Дроздовской дивизии были двинуты на Перекопские позиции. Ночью усиленная разведывательная группа в районе города Перекопа, от которого сохранилось только одно название, так как там уже не было и следов построек, захватила оружейный ящик красных в полной упряжке, по-видимому заблудившийся в темноте. Ночь же была на всем этом участке фронта сравнительно спокойной.

Рано утром 27 октября в Армянском Базаре было тихо и никакой суматохи не наблюдалось. Неожиданно около 9 часов пришло приказание 2-му Дроздовскому полку с 3-й и 4-й батареями немедленно выступить в направлении к Чувашскому полуострову. Капитан Орлов в своем дневнике так описал события этого дня:

«Сначала говорили, что, вследствие того, что замерз Сиваш и теперь он стал проходим даже для артиллерии, решено усилить охрану берегов и поэтом полк идет в один из хуторов на побережье Сиваша. В природе было совершенно тихо, а со стороны позиций не доносилось вообще звуков выстрелов. Когда мы отошли версты две от Армянского Базара, я подъехал к командиру батареи и спросил его относительно обстановки. Ему только что перед этим было сообщено, что красные переправились через Сиваш в двух местах и что утром они сняли заставу Кубанцев на Чувашском полуострове и теперь собираются распространяться на юг. Через некоторое время, слева от нас, начала редко и куда-то очень далеко стрелять пушка школьной батареи. Ружейного же огня вообще не было слышно. В районе Караджанай полк подошел к последнему перевалу перед скатом к Чувашскому полуострову. Батареи остановились и затем стали на позиции по сторонам дороги. 2-й батальон начал тотчас же рассыпаться в цепь, а затем стал переваливать через бугор. 3-й

батальон, рассыпавшись в цепь, двинулся скорым маршем в обход вправо. Став в 40 саженой от перевала, батареи с места открыли интенсивный огонь из 8-ми орудий. Начавшаяся было ружейная стрельба почти прекратилась. По силе артиллерийского огня, так как батареи сразу стали вести беглый огонь, можно было судить, что цели перед нами были очень серьезные. Несколько усложнило стрельбу то обстоятельство, что 1-й взвод 3-й батареи стрелял из французских орудий, а 2-й — из английских, 4-я же батарея — из русских орудий, а поэтому одновременно подавались три разных команды с наблюдательных пунктов. После первых очередей прицел стал уже увеличиваться и на батареях создалось впечатление, что наш огонь внес основательное расстройство в ряды красных. Генерал Туркул, появившийся незадолго перед этим, проехал за гребень. В самый разгар беглого огня, как я потом узнал, когда противник, находившийся на льду Сиваша, метался и бросался в разные стороны, не имея возможности найти никакого укрытия от нашего огня и которого мы могли преследовать артиллерийским огнем, расстроенного, на расстоянии четырех-пяти верст своего отхода, неожиданно для батарей, спереди, раздался крик «Артиллерия вперед!» Подобного рода крики нам, особенно в Крымский период войны, были хорошо знакомы и они появлялись в тех случаях, когда наша пехота неожиданно оказывалась в большой опасности при атаке конницей противника или при появлении броневиков противника, либо артиллерия с закрытых позиций не замечала заманчивых и исчезающих целей. Многим, и мне в частности, странным показался этот крик в самый разгар беглого огня и на этот раз он оказался роковым для исхода боя и гибельным для 2-го полка.

Не ожидая приказаний с наблюдательных пунктов, которые были в нескольких десятках саженой от батарей впереди и команды с которых подавались голосом и передавались по цепочке, орудия моментально снялись с позиции и ринулись вперед. Последовавшие за тем крики: «Огонь!», «Куда?» — «Кто приказал?», «Назад!», «С передков», остались без впечатления. Через минуту орудия уже на рысях перевалили через бугор вперед. Перед нашими глазами откры-

лась потрясающая картина: реденькая цепь 2-го батальона полковника Рязанцева, двигалась вперед, приближаясь к красным, которые отдельными, весьма солидными по численности, но расстроенными нашим огнем, группами и находившиеся еще в беспорядке, почти полукольцом окружали нашу цепь, насчитывающую около 130 стрелков, в то время как силы противника, бывшего на льду Сиваша, исчислялись около 2000 штыков. До сих пор, при стрельбе с закрытых позиций беглым огнем, была возможность избежать катастрофы, единственно потому, что противник был расстроен нашим непрерывным огнем из восьми орудий, по противнику метавшемуся по льду и не находящему себе укрытия от поражающего его огня. С юга в это время к красным приближались цепи 3-го батальона полковника Потапова. Вдруг мы увидели, как отдельные люди из 2-го батальона бросились внезапно назад, но остальная цепь продолжала двигаться к красным, которые бегом, выравниваясь на ходу, в момент, когда наши батареи прекратили огонь и вылетали на бугор, привели себя в порядок и, при полном нашем молчании, еще не успевших снять орудия с передков, на наших глазах стали окружать цепь 2-го батальона. Среди артиллеристов раздалось несколько возгласов: «Смотрите — наши сдаются!» К своему ужасу я увидел, как стрелки 2-го батальона бросили свои винтовки, а по батареям срезку же красные открыли весьма солидный ружейный огонь. Раздалась команда «С передков!» и с дистанции полутора версты батареи открыли с открытой позиции огонь по красным. Каждый снаряд, попадая в группы красных стрелков, заставлял их бросаться в разные стороны, а на льду оставались лежать по несколько человек убитых и раненых. В это время часть красных устремилась на цепи 3-го батальона, подошедшего к ним уже на полверсты и стала их теснить. Остальные группы красных, бывшие перед батареями, метались по льду. Интересно то, что я ни разу не заметил, чтобы наш снаряд, попавший на лед, оставил бы после взрыва воронку с водой, так сильно промерз Сиваш. Красные открыли очень сильный огонь по батареям, от которого не замедлили появиться потери. Вскоре к этому обстрелу батарей прибавился и артиллерийский. Стала стрелять красная ба-

тарея с закрытой позиции и показались густые колонны красной пехоты, приблизительно верстах в шести,двигающиеся облическим движением с северо-запада на юго-восток. Батареям было приказано отойти за бугор. В то время, когда 3-я батарея снималась с позиции были ранены юнкер Негров, ездовой Саяник и две лошади, 4-я же батарея свое одно орудие вывезла только на корню, так как остальные лошади были убиты.

Возле хутора Тимохина 3-й батальон полка попал в очень тяжелое положение. Он отбивался, переходя в контратаки. Все офицеры были или убиты или ранены. Командира батальона, полковника Потапова, тяжело раненого, стрелки с трудом вынесли из боя. Небольшая часть батальона попала в плен, а остальные, расстреливаемые огнем, устремились в нашу сторону, неся сильные потери. Теперь получилось так, что мы остались почти без пехоты. Сохранился еще только 1-й батальон полка, тоже уже понесший потери и пулеметные команды. На Перекопской позиции также в этот день шел сильный бой и прислать нам оттуда в помощь пехоту не могли. Только часа через полтора подошла еще одна батарея, бывшая при 1-м полку. Остатки 2-го полка, пехотные и батарейные пулеметы, своим интенсивным огнем при поддержке огня батарей остановили наступление красных в сторону Армянского Базара и хребет на линии Караджанай—хутор Тимохина был удержан полностью. К сожалению, не имея пехотных резервов, только огнем артиллерии остановить продвижение красных на юг было нельзя. (Схема № 1.)

В течение дня, небольшие группы красной конницы несколько раз пытались нас атаковать на этом участке, но безуспешно и были каждый раз с потерями отброшены. Нас всех в эти моменты тревожил вопрос, а где конница Буденного? За время боя была ранена наша сестра милосердия Колубакина и были солидные потери в конском составе батарей. Уже в темноте отошли на восточную окраину Армянского Базара. Здесь разнеслись слухи, что наш 1-й полк должен выйти с Перекопского вала и совместно, с действующей подойти сюда конницей генерала Барбовича, в течение ночи к утру отрезать и ликвидировать Чувашскую группу красных. Батареи простояли часа два у крайних до-

мов Армянского Базара, но конница не прибыла, а от 1-го полка в сторону Чувашского полуострова была выслана только усиленная разведывательная группа. Так как в сторону Чувашского полуострова Армянский Базар остался почти без наших войск открытым, а намерения красных было трудно предугадать, было выставлено, по почину артиллерии, из батарейных номеров с пулеметами несколько застав, а сами батареи оставались с частью номеров все время на улице. Чтобы узнать обстановку, я зашел в управление нашей бригады, но и там ничего нового узнать не мог. До двух часов ночи на 27 октября простояли на месте и тогда, совсем неожиданно для всех, получили приказ отходить на Юшунь. Со всех сторон закричали повозки и все части и обозы начали вытягиваться на дорогу в Юшунь. Какой-то летчик умудрился двигать свой аэроплан прямо по дороге с помощью пропеллера, то включая, то выключая мотор. Еще издали неслись крики: «В сторону, дорогу аэроплану». Беда же была в том, что он двигался со скоростью крупного шага лошади и все время останавливался. Орудийные лошади шаркались в сторону, повозки чуть не переворачивались и это продолжалось довольно долго. Наконец, всем такое движение аэроплана надоело, летчика выругали и перестали на него обращать внимание. Раз пять до Юшуни летчик то останавливал нас, то обгонял, тормозя движение всей колонны.

Перед рассветом части Дроздовской дивизии подошли к Юшуни. Батареи остановились около единственной землянки, где и простояли довольно долго, ожидая приказаний. В это время каждый норовил, хотя бы на короткое время забежать в землянку, из которой весьма заманчиво подымался вверх из трубы дымок. Наконец выяснилось, что позиции 3-й и 4-й батареи будут тут же у дороги Армянский Базар—Юшунь. 3-я Дроздовская батарея стала на позицию немного позади позиций позиционной батареи восьмидюймовых орудий, возле небольшого озерца, что очень не понравилось офицерам позиционной батареи, которые стали приговаривать, что в случае боя наша батарея, своей частой стрельбой навлечет на их батарею огонь орудий противника. Недалеко от 3-й батареи была позиция и 4-й Дроздовской бата-

реи. Командиры батарей остались очень недовольны позициями их батарей и отсутствием хороших наблюдательных пунктов.

Вскоре появился из Воинки наш бронепоезд «Георгий Победоносец», получивший приказание продвинуться к Армянскому Базару, там узнать занят ли уже Перекопский вал красными, на вокзале в Армянском Базаре погрузить, оставленные там при отходе ящики со снарядами и потом прикрыть отход наших частей и застав на укрепленные Юшуньские позиции. Не прошло и двух часов после этого, как наш бронепоезд уже вернулся, став на уровне батарей. Оказалось, что в Армянском Базаре, в одной из улиц, появилась группа кавалеристов, которая довольно спокойно приблизилась к бронепоезду и тогда один из всадников крикнул: «Начдив требует к себе комброта». Командир бронепоезда, подполковник Сохранский, одел шинель и поспешно, соскочив с бронепоезда, направился к ним. Приблизившись к конным, он заметил что-то странное, повернул и пытался бежать обратно, но ему кавалеристы преградили дорогу, в тот же момент в тендер паровоза попал снаряд, выстреленный из где-то неподалеку стоящего орудия. Кавалеристы оказались красными, вошедшими в Армянский Базар вслед за нашими заставами, покинувшими город. Бронепоезд, не дав даже пулеметной очереди, по на его глазах пленивших подполковника Сохранского, немедленно дал полный ход и, сопровождаемый огнем красного орудия, благополучно отошел к укрепленной позиции. Команда бронепоезда чувствовала себя весьма сконфуженно и все время оправдывалась на течь воды в тендере и указывала на слабое давление пара. 1-й Дроздовский полк и остатки 2-го ушли в резерв в Юшунь, а 3-й и 4-й Дроздовские полки остались на позиции и заняли отведенные им окопы. Перед позициями 3-й и 4-й Дроздовских батарей окопы заняли Корниловцы.

Еще до полудня перед позициями стали маячить конные разъезды красных, а после полудня перед укрепленной Юшунской позицией на горизонте появились большие колонны красной пехоты, которые стали разворачиваться, чтобы атаковать позиции укрепленной полосы. Через час уже закипел бой по целому фронту. Красные, не щадя своих пе-

хотинцев, неудержимой лавиной двинулись в атаку укрепленной линии под сильным заградительным огнем массовой своей артиллерии, встреченные ружейными залпами, пулеметными очередями и нашим заградительным огнем батарей. Довольно сильное впечатление на атакующих производили разрывы снарядов наших позиционных тяжелых орудий, которые густой шапкой покрывали разрывы снарядов наших легких батарей.

Интересно было отметить следующее: как только красные стали приближаться к укрепленной позиции, бывшие в окопах Корниловцы, начали вылезать из них и ложиться непосредственно перед окопами либо сейчас же сзади них. На вопрос, почему они вылезают из окопов, нам Корниловцы ответили, что, во-первых, из окопов плохо видно вперед, а, во-вторых, из них очень неудобно вылезать, а посему, если бы красные подошли бы вплотную, то просто невозможно выскочить из них и можно влопаться.

До самой темноты продолжался бой у укрепленной линии окопов. Красные несколько раз повторяли свои атаки и в некоторых местах подходили вплотную к проволоке, но каждый раз их отбрасывали с большими потерями обратно. Только наступившая темнота прекратила бой и красные отошли назад...»

Вечером был получен приказ от Главнокомандующего о сосредоточении ударной группы. Дроздовской дивизии было приказано сосредоточиться немедленно, еще ночью, в районе Карповой Балки, куда должна подойти наша конница генерала Барбовича и донские части генерала Гусельщикова. Задача ударной группы была прорвать фронт, выйти в тыл, заняв Армянск и Перекоп, отрезать и уничтожить силы красных, которые уже успели втянуться в перешейки. Генерал Туркул, ссылаясь на переутомление частей дивизии, донес, что ночью дивизия не сможет выступить и отложил переход под утро. Генерал Туркул вновь имел приступ возвратного тифа и дивизию принял генерал Харжевский. Дивизия в составе 1-го и 2-го Дроздовских полков, с приданными ей частями дивизии генерала Ангулядзе, сосредоточилась к рассвету в районе Карповой Балки. С утра 28 октября загорелся упорный бой впереди Юшуньских позиций.

Ружейный и пулеметный огонь слились в одно сплошное клочкотание. Легкие орудия стреляли почти непрерывно. Огонь, по своей силе и интенсивности, как утверждали участники первой мировой войны, не уступал огню в боях на театре военных действий мировой войны. Приблизительно около 6-ти часов утра началось наступление ударной группы под командой генерала Харжевского. Главный удар наносился 3-м батальоном 1-го Дроздовского полка и был вначале очень успешным, хотя очень немногие уже верили в возможность нанесения с нашей стороны стремительного удара, так как части были значительно потрепаны в предыдущих боях и дух их уже пошатнулся. И вот, несмотря на все это, Дроздовцы стали энергично рвать красный фронт и очень быстро погнались красных. (Схема № 1.)

«В последний раз, как молния, — читаем мы в воспоминаниях генерала Туркула, — врезались Дроздовцы в груди большевиков. Страшно рассекли их. Белый лебедь с отчаянной силой, перед смертью, бил крыльями. Атака была так стремительна, что противник, уже чувший наш разгром, знавший о своей победе, а такой противник непобедим, под ударом Дроздовской молнии приостановился, закачался и, вдруг, покатился назад. Старый страх, непобежденный страх перед Дроздовцами, охватил их. Цепи красных, сплывавшие друг на друга отхлынули под нашей атакой, когда мы, белогвардейцы, в нашем последнем бою, как и в первом, с винтовкой на ремне, с погасшими папиросами в зубах, молча шли на пулеметы во весь рост».

Прорыв удался. Уже было взято около 1000 пленных, 2 орудия, но нашей конницы не было видно на горизонте. Она опоздала и появилась только около девяти часов. Наше стремительное наступление, не имея поддержки, нормально, скоро стало захлебываться, так как красные подтянули большие резервы и начали нажимать на Дроздовцев с двух сторон. Части полка стали отходить, и местами очень стремительно. Участники этого боя после говорили, что за все время войны они ни разу не видели, чтобы 1-й Дроздовский полк так стремительно отходил. 1-я батарея даже бросила одно орудие, попав в очень тяжелое положение. Захваченные пленные стали разбегаться. Два броневых автомобиля крас-

ных проскочили в наш тыл. Одно время они двигались без выстрела и их приняли за своих, и только когда они приблизились настолько к 3-й батарее, что на одном из них можно было прочесть «Красный Крым», поняли, что они неприятельские. Тогда открыли по ним огонь. В тот момент, когда наши отступающие части, будучи прижаты к проволоке, в некоторых местах начали оставлять окопы, сзади появилась наша конница, опоздавшая ровно на два с половиной часа. С ее помощью положение было полностью восстановлено, но думать о прорыве уже не приходилось, так как момент для этого был уже упущен. Опоздание же конницы произошло потому, что многие старшие начальники уже знали, что вопрос об оставлении Крыма уже решен и это обстоятельство сыграло психологическую роль. Красные в течение всего дня вели энергичное наступление громадными силами по всему фронту и им удалось днем овладеть Юшуньской и Чангарскими позициями, покрыв трупами проволочные заграждения, но на участке Карповой Балки красные не смогли продвинуться.

Во время боев на перешейках Дроздовская дивизия понесла большие потери, но разбита не была. Менее других пострадал 1-й стрелковый полк. Остальные полки и артиллерия пострадали сильно. В последнем бою на Юшуньской позиции был смертельно ранен командир 3-го полка, полковник Владимир Степанович Дрон. Во 2-м, 3-м и 4-м полках большинство командиров батальонов и офицеров было убито или ранено. Среди убитых во 2-м полку командиры батальонов, полковники Рязанцев и Потапов. В бою под Карповой Балкой был ранен командир 1-го полка, генерал Чесноков, убито и ранено много офицеров и стрелков, но полк вынес из боя всех своих убитых и раненых. Среди убитых был и начальник пеших разведчиков, капитан Ковалев. (Схема № 12.)

После овладения красными Юшуньскими и Чонгарскими позициями в штабе Главнокомандующего было решено прекратить дальнейшее сопротивление красным и приступить к эвакуации армии. В 17 часов 29 октября всеми частями Русской армии был получен боевой приказ оторваться от противника и без остановок двинуться в назначенные для каж-

дой дивизии порты на погрузку. Дроздовская дивизия, оторвавшись от противника, двинулась на юг, в направлении на Севастополь.

«Конец. Это был конец не только Белым. Это был конец России», — так написал в своей книге «Дроздовцы в огне» генерал Туркул. И далее:

«Белые были отбором нации Российской и стали жертвой за Россию. Кончилось — нашим распятием.

Господи, Господи, за что Ты оставил меня? — может быть молилась тогда, с нами в смертной тьме, вся распятая Россия».

29 октября Правитель Юга России и Главнокомандующий Русской армией генерал Врангель, отдал последний приказ на Русской земле, в котором имелись следующие слова:

«... Для выполнения долга перед Армией и населением сделано все, что в пределах сил человеческих. Дальнейшие наши пути полны неизвестности... Откровенно, как всегда, предупреждаю всех о том, что их ожидает...»

Сделано все, что в пределах сил человеческих... — это не фраза, а свершившееся, и можно сетовать только на непреодолимое стечение обстоятельств и злой рок.

Последний бой в Крыму прогремел 30 октября у станции Курман, когда отходившую колонну Марковской дивизии и Гвардейского саперного батальона настигла и атаковала красная конница. Несколько раз, с победными криками «ура» неслись красные всадники на белых воинов, но их отбивали каждый раз. Порой доходило и до рукопашной и рубки, а Марковцы и саперы в упор расстреливали красных кавалеристов, но не сдавались. В конечном итоге все перемешалось. Пулеметы и орудия уже били и по красным и по белым, так как уже было трудно разобрать, где свои и где чужие. Только наступившая темнота прекратила последнюю кровавую баню на просторах Крыма — закончился бой двух полков Марковской дивизии и Гвардейского батальона против масс красных. Красные отскочили в сторону, а остатки белых пробились и под командой полковника Сагайдачного, командира Марковского полка, продолжили свой путь на Севастополь.

Без малого три года назад, первые Добровольцы, ставшие потом кадром Марковской пехотной дивизии, начали вооруженную борьбу с красными под Ростовом, а теперь в Крыму, при их участии, отзвенел последний аккорд вооруженной борьбы белых на юге России. Пролитая ими в этом бою кровь не была напрасной, так как этот бой задержал на сутки продвижение красной конницы и этим дал возможность многим прибыть вовремя в назначенные порты для погрузки на транспорты.

Получив приказ, все части устремились к назначенным портам. На всех дорогах, со всех мест, отовсюду и везде, даже без дорог, колонны отходящих частей и бесконечные обозы. Чем ближе приближались отходящие к портам, тем чаще стали встречаться уже испорченные и брошенные орудия, повозки и другое. Согласно приказу генерала Врангеля, все, кто не хотел добровольно разделить свою судьбу с Армией, могли остаться в Крыму, но даже среди бывших военнопленных красных, теперь служивших в частях Русской армии, нашлось очень мало желающих и большинство ушло в рядах Армии в неизвестность.

Приближаясь к Севастополю и другим портам, все со страхом ожидали повторение Новороссийской драмы. Но этого не случилось. Еще верстах в четырех от Севастопольской бухты, подходящие Дроздовские части встречал офицер из конвоя начальника дивизии и говорил: «Дроздовцы — в Килен бухту». Когда же подходили к пристани, всех поразила царивший там порядок. Пристань была совсем свободна от повозок. На трапе транспорта «Херсон», на который должны были грузиться части Дроздовской дивизии, стоял караул и, справившись, какая прибыла часть, пропускал ее на транспорт, указывая в какой его части место для прибывших. Разница между погрузкой здесь и бывшей в Новороссийске была колоссальная.

Над городом виднелось зарево потухающего пожара. По пути к бухте встречались табуны брошенных коней, перевернутые автомобили, испорченные орудия, бесконечные догорающие костры. На полотне железной дороги, забитом до отказа, стояли вереницы вагонов, взорванные бронепоезда. Проходили мимо разбитых интендантских складов. Все

это — зрелище эвакуации. Между подводами пробирались отдельные люди, спешившие на погрузку. Все, кто не опоздал на погрузку и хотел покинуть Крым, могли погрузиться, всем была предоставлена эта возможность. По приказу генерала Врангеля, дополнительно был послан в Севастополь пароход-угольщик «Бештау», на который погрузились, опоздавшие на погрузку, Марковцы и Лейб-казаки. Также дополнительно там же была погрузка на небольшие пароходы «Добр» и «Маяк». На последний погрузился 2-й Марковский полк с батареей. Полковник Новиков с остатками 6-й дивизии опоздал и прибыл в Севастополь, когда уже никаких транспортов там не было и пошел со своим отрядом в направлении Ялты. Опоздание произошло отчасти по его вине, так как он, подойдя к ст. Курман, не присоединился к Марковцам, а, видя приближавшуюся конницу красных, уклонился на много в сторону и из-за этого и не прибыл вовремя на погрузку.

В 2 часа ночи на 1 ноября транспорт «Херсон» снялся с якоря и вышел на внешний рейд Севастопольской бухты. День был воскресный. Нужно все же отметить, что хотя суда для эвакуации начали подготавливать для погрузки на них частей дня за четыре до начала погрузки, было сделано одно упущение, которое можно было легко избежать, а именно: забыли погрузить в достаточном количестве продукты и необходимые предметы, а их на складах в Севастополе было много, тем более что в городе до последнего момента сохранялся полный порядок.

Но можно сказать категорически, что если бы в момент эвакуации из Крыма был бы не генерал Врангель, а кто-нибудь другой, то, вероятно, в Крыму произошла бы катастрофа подобная Новороссийской, а может быть и похуже. Исключительно генералу Врангелю все обязаны за тот образцовый порядок, который сохранялся до последнего момента во всех портах, где совершалась погрузка. Генерал Врангель сам следил за всем и лично объезжал все порты. Но совершенно ясно каждому, что он не мог разорваться на все стороны — для наблюдения за всем одного человека было мало, — а многие, в создавшихся условиях, заботились все-таки прежде всего о себе, и, наверное, поэтому и остались

пароходы без достаточного количества продуктов и другого. В приказе же Главнокомандующего было сказано, что транспорты будут некоторое время вне суши и поэтому было приказано запастись продуктами. На транспорт «Херсон» для чего-то погрузили большое количество старых и неисправных винтовок, различных ненужный хлам, а о продуктах, склады которых были поблизости и потом расхищались всеми кому не лень, не позаботились. Для примера можно привести такой случай. Несколько офицеров 4-й Дроздовской батареи наняли ялик еще до отчаливания транспорта от пристани на внешний рейд, съездили в таможню и привезли оттуда большое количество различных консервов (мясных, молочных, с варением и пикнулями), шоколад, табак и прочее.

В 12 часов к транспорту, стоявшему на внешнем рейде, причалила баржа, на которой находились офицеры и солдаты разных частей, не успевшие по разным причинам погрузиться накануне. На эту баржу сошло около 100 человек, заявивших о своем желании остаться в Крыму. Уже в темноте к «Херсону» причалила лодка, в которой находился шофер генерала Туркула, приехавший чтобы попрощаться с генералом, так как он решил остаться в Крыму. Генерал Туркул, бывший в то время больным, описал свою прощальную встречу с шофером так:

«Я лежал в каюте, когда ко мне ввели моего шофера. Генерал Врангель, особым приказом, как известно, разрешил всем желающим остаться в Крыму. Шофер мой решил остаться, но его мучило нестерпимо, что он не попросил моего на то позволения, и вот на шлюпке, уже в темноте, он пристал к «Херсону». Я сказал ему, что он может остаться, если не боится, что его расстреляют.

— Меня не расстреляют.

— Почему?

Он помолчал, потом наклонился ко мне и прошептал, что он сам большевик, что он матрос-механик, что он возил в советской армии военных комиссаров.

— Не расстреляют, когда я сам большевик.

Это признание как-то не удивило меня: чему удивиться, когда все сдвинулось, смешалось в России. Не удивило, что

верный шофер, смелый, суровый, выносивший меня не раз из отчаянного огня, оказался матросом и большевиком, и что большевик просит теперь у меня, белогвардейца, разрешение остаться у красных. Я заметил на его суровом лице трудные слезы.

— Чего же ты, полно, — сказал я, — оставайся, когда не расстреляют. А за верную службу, кто бы ты не был, спасибо. За солдатскую верность, спасибо. И не поминай нас, белогвардейцев, лихом...

Шофер заплакал без стеснения, утирая крепкой рукой лицо.

— Ну и дивизия, вот дивизия, — бормотал он с восхищением. — Сейчас выгружайтесь, опять с Вами куда хотите пойду...

Моего большевика беспрепятственно спустили по канату с «Херсона» в шлюпку.

Приехавшие на барже рассказывали, что в Севастополе уже организовалась местная большевистская власть, которая сохраняет в городе порядок. Часов около 15 генерал Врангель объехал все суда, стоявшие на внешнем рейде, и потом направился к городу и причалил к пристани. Там собралась большая толпа решивших остаться в Крыму. Генерал Врангель, стоя во весь рост, обратился к собравшимся на пристани, поблагодарил их за службу и пожелал им счастливую жизнь. Его слова были покрыты «ура».

Когда генерал Врангель объезжал транспорты, его всюду приветствовали восторженными криками «ура». Видно было, что, несмотря на постигшую нас катастрофу, все продолжали его обожать, боготворить и верить в него. На него единого возлагались тогда все надежды, только на него рассчитывали. Крым не был повторением Новороссийска, после которого престиж генерала Деникина сразу упал и по его адресу можно было слышать насмешливые эпитеты и даже ругательства. Ничего подобного про генерала Врангеля никто не только не осмелился сказать но даже и подумать. У всех было о нем одно мнение, как о действительно храбром бесстрашном воине, отличном вожде и полководце, имевшем талант как-то особенно действовать на войска, и как о высоко порядочном и честном гражданине.

После объезда транспортов генералом Врангелем, последовал приказ о выходе в открытое море. Все суда, двинулись, кроме «Херсона», который задержали, так как на него, несмотря на протест капитана парохода, так как на нем уже было свыше 7000 человек, не считая команды, хотели погрузить еще около 500 человек с баржи. На «Херсон» были погружены чины Дроздовской и часть Марковской дивизий, штаб корпуса, часть Самурского полка и Кубанского, позиционные батареи, чины бронепоездов и разных команд, а также семьи офицеров. От фронта многие спасались в разных хозяйственных частях и тыловых учреждениях, а теперь такие вспомнили свою принадлежность к Дроздовской или иной дивизии и присоединились к строевым частям. Так, по предварительному подсчету, на «Херсоне» оказалось в составе Дроздовской дивизии до 3500 человек.

«Херсон» вышел в море, имея на буксире баржу и пароход «Тайфун», до отказа загруженные чинами разных частей. Около ста Алексеевцев не могли погрузиться, им всюду отказывали, ссылаясь на то, что все уже было заполнено до отказа. Это продолжалось до тех пор, пока сам генерал Врангель лично приказал генералу Кутепову принять их на «Саратов». Прибывший в самый последний момент из города на лодке офицер Дроздовец рассказал, что в город уже вошла конница красных и что пьяные кавалеристы стали расстреливать оставшихся на пристани. Наконец, около 20 часов 1 ноября, «Херсон», имея большой крен, снялся окончательно с якоря. Постепенно стали исчезать огни Севастополя. Мы уходили...

Прощай Крым! Прощай Россия!...

В то время усталость и нервное потрясение как-то обесчувствовали людей, и мало кто думал, что разлука с Родиной будет на всегда.

Транспорты вышли в море под Андреевским и французскими флагами. Вначале французы требовали спустить Андреевский флаг, но этому категорически воспротивился генерал Врангель, заявив, что пока существует Русская армия он не позволит спустить свой Андреевский Русский флаг, что у нас есть своя честь и поэтому мы Андреевского флага не снимем.

Чтобы иметь представление о том, что происходило во время эвакуации в других портах, вспомним рассказы очевидцев Дроздовцев, случайно попавших в те порты и участников погрузки в Ялте, Феодосии и Керчи. Как известно уже читателю, в Севастополе были погружены пехотные дивизии, штабы, тыловые учреждения, технические войска, отдельные команды и отдельные чины Русской армии, случайно и по разным причинам оказавшиеся в Севастополе, а также гражданские чины и семьи офицеров.

Кавалерия грузилась в Ялте и там погрузка началась только 1 ноября. Прибыв в Ялту наши кавалеристы изрядно почистили винные погреба, не забыли побывать и в магазинах, памятуя, что все равно их разграбят, по приходу, красные. Генерал Врангель прибыл в Ялту из Севастополя на крейсере «Генерал Корнилов» утром 2 ноября, когда транспорты уже закончили погрузку и стояли на рейде, ожидая его приезда. Он объехал их и говорил, в общем, то же, что и в Севастополе: благодарил за лихую службу, указал на то, что мы уходим в неизвестное, но что унывать не следует, так как государства Запада должны помочь Русской армии и предоставить ей место у себя, ибо Русская армия сражалась против общего зла и поэтому мы вправе от них требовать, чтобы они позаботились о нас, в нашем несчастье. Под конец генерал Врангель предложил прокричать в последний раз на русской территории «ура» в честь растерзанной и измученной России. Очевидцы говорили, что когда генерал Врангель покидал транспорт «Крым» на последнем запели «Боже царя храни».

В то время, когда транспорты, загруженные нашими кавалеристами, снимались с якорей и уже уходили в море, в опустевшую и замерзшую Ялту прибыл со своим отрядом полковник Новиков, — с остатками 6-й пехотной дивизии. Мест на транспорте абсолютно не было, а генерал Врангель мог погрузить на крейсер «Генерал Корнилов», в лучшем случае только человек 30 и в первую очередь офицеров. Полковник Новиков отказался грузиться без чинов своего отряда и решил уходить в горы. Прощаясь с ним, генерал Врангель (пишу со слов, проживающего в Германии офицера из отряда полковника Новикова) произвел полковника

Новикова в генералы, сердечно попрощался со всем отрядом, пожелал счастливо выйти из создавшегося положения. Этот отряд, в общей суматохе и неразберихе, уйдя сначала в горы, вскоре спустился с них и, в виде отряда красной конницы, через Перекопский перешеек пробрался в Таврию. Партизаня отряд направился к румынской границе, по дороге уничтожая советы и расстреливая комиссаров, в надежде перейти через границу в Румынию. Румыны не пропустили отряд через границу и тогда отряд Новикова бросился на север, в сторону Польши. Возле польской границы отряд был настигнут частями красной конницы, которая была послана против него, и после небольшого сопротивления взят в плен. Только нескольким счастливицам удалось проскочить в Польшу. Попал в плен и генерал Новиков, имевший приступ тифа, а с ним и его жена. Всех взятых в плен судили и приговорили к расстрелу, но потом смертная казнь была заменена многолетними каторжными работами. Генералу Новикову и нескольким его офицерам, когда их везли на каторжные работы, посчастливилось бежать ночью из Жмеринки. Они проблуждали больше пятнадцати дней, дошли до польской границы и перешли ее. Позже генерал Новиков несколько раз ходил из Польши в Советский Союз партизанить, желая вывезти из Советского Союза жену. По слухам он погиб там.

Из Ялты генерал Врангель отправился в Феодосию, куда к тому времени подошли части Кубанского казачьего войска и стали там грузиться на транспорты «Владимир» и «Дон», на которых не оказалось достаточно места для всех и часть кубанцев ушла на погрузку в Керчь, где была назначена погрузка частей Всевеликого Войска Донского. Небольшая группа казаков кубанцев не захотела отправиться на погрузку в Керчь и, сохраняя оружие, ушла в местные казармы, подчинившись новообразовавшемуся в Феодосии местному большевистскому комитету. 1-я и 5-я конные батареи, бывшие в составе 1-й Конной Кубанской дивизии (бывшая дивизия генерала Бабиева), грузились в Феодосии, и по прибытии после с острова Лемноса в состав 2-й Дроздовской конной батареи в Галлиполи, их офицеры рассказывали, что перешедшие в распоряжение местного больше-

вистского комитета в Феодосии казаки кубанцы ходили по улицам с красными флагами, но к отъезжающим не были настроены враждебно и не мешали их погрузке. Транспорты в Феодосии были загружены до отказа так, что если кто-нибудь вставал с своего места, то уж больше сесть не мог. Грузившиеся части старались запастись продуктами из складов, так как и здесь продукты не были погружены в достаточном количестве. Вода выдавалась только для питья и в очень ограниченном количестве. Всюду были очереди — за водой, в уборные. На транспорты были погружены и раненные в последних боях. 3 ноября погрузка была закончена и транспорты выходили из Феодосии по очереди в море и становились на якоря в ожидании транспортов из Керчи. И здесь побывал генерал Врангель. Когда покидали Феодосию, на транспорте «Владимир» песельники 1-й Кубанской казачьей дивизии запели молитву «Спаси Господи...», подхваченную всеми, бывшими на палубе. Многие плакали.

4 ноября закончилась погрузка частей в Керчи и был оставлен последний клочок русской земли. Там тоже до последнего момента присутствовал генерал Врангель и сам лично руководил эвакуацией. Благодаря этому и в Керчи было сделано больше, чем можно было ожидать в подобном случае. Погрузка прошла довольно гладко, кроме того что, по вине погруженных, перевернулась одна баржа. Нагруженные транспорты отчаливали из Керчи и уходили в море, где становились на якоря, в ожидании окончания погрузки других транспортов. Погрузка шла в присутствии военного флота. Когда из Керчи отчаливал последний транспорт, красные уже входили в город и их броневик появился на набережной, но огня по транспорту красные не открыли. До сих пор причина этого не выяснена. Может быть они не хотели, а может быть боялись ответного огня судовой артиллерии. Во всяком случае получилось так, что враги расстались без единого выстрела, без последнего салюта, тихо, мирно, торжественно.

Все вышедшие из Керчи транспорты присоединились к ожидавшим их транспортам из Феодосии и целая флотилия в 30 транспортов, под охраной военного флота, оставила воды России и отплыла в Константинополь.

Суммируя сделанное генералом Врангелем при эвакуации, необходимо отметить тот факт, что, несмотря на то что катастрофа в Крыму разразилась неожиданно, можно сказать даже молниеносно (хотя, наверное, генерал Врангель с отступлением из Таврии предвидел такой конец Белой борьбы на юге России) — эта грандиозная эвакуация прошла блестяще. Части и беженцы грузились в четырех портах. Все шло планомерно, гладко и погрузились почти все, кто не хотел остаться в большевистской России. Генерал Врангель всюду действовал сам лично, насколько у него хватало физической возможности, и из каждого места погрузки уезжал последним. Только благодаря его необыкновенной энергии и заботе о всех и всем стало возможно, при плачевном состоянии транспортных средств, в столь короткий срок, на 100 различных судах, даже увозя некоторые загруженные до отказа пароходы и баржи на буксире, вывезти из Крыма свыше 130 000 человек, не считая судовых команд. Конечно не все смогли погрузиться и были случаи самоубийств таких людей, но это были единичные случаи, как и случай ухода в горы отряда полковника Новикова. Во всяком случае Новороссийск не повторился.

Когда транспорты были в открытом море, упорно ходили слухи о том, что много красных подводных лодок проникло в Черное море с заданием атаковать и потопить транспорты, но все обошлось благополучно. Если подводные лодки красных и были в Черном море, то они или опоздали, или прозевали нас. Плавание по Черному морю до Константинополя прошло без особых инцидентов при хорошей погоде. Конечно, ввиду перегруженности транспортов все страдало от чрезмерной тесноты, от недостатка питания, хлеба и главное, питьевой воды. Насекомые всюду кишели и окончательно заедали, а от слабости, недоедания и утомления многие страдали головокружением.

Транспорты, вышедшие из Севастополя, уже 4 ноября прошли Босфор и стали на якоря в Константинопольской бухте. О дальнейшем скажу в следующей главе, а сейчас нужно вернуться назад, чтобы поведать о некоторых подробностях разыгравшейся катастрофы и о том, что было предпринято со стороны власти имущих.

После того, как Польша заключила перемирие с Советской Россией, всем стало ясно — и армии, и населению юга России, — что теперь красные бросят на фронт против Русской армии все свои силы. Приняв решение встретиться с противником в решающем бою в Северной Таврии, командование Русской армии поставило все на последнюю ставку в борьбе с красными. Другого выхода, конечно, по многим причинам, и не могло быть. В то же самое время стали приниматься соответствующие меры на случай неудачи и отхода обратно в Крым, подготавливались транспортные средства, но никто не предполагал, что события будут развиваться так молниеносно. Их ускорили, отчасти, неожиданно наступившие столь сильные морозы, что Сиваш настолько промерз, что стал проходим даже для артиллерии, а при таких условиях стало невозможным для Русской армии оборонять Крым.

О создавшемся положении Правительство Юга России и Штаб Главнокомандующего не скрывали от населения, что видно из сообщения за № 661 от 20 октября 1920 года Штаба Главнокомандующего.

«Заключив мир с Польшей, и освободив тем самым свои войска на западе, большевики сосредоточили против нас пять армий, расположив их в трех группах — у Каховки, Никополя и Полог. К началу наступления общая численность их достигла свыше СТА тысяч бойцов, из коих четверть состава — кавалерия».

Как потом выяснилось, во время боя с конницей Буденного в районе Рождественского, красные успели подтянуть крупные силы конницы и пехоты и на Бердянском направлении, и у Мелитополя и, конечно, тогда создалось такое положение, что силам Русской армии уже невозможно продолжать бой против всей массы красных войск и пришлось отойти в Крым.

Последняя ставка была проиграна.

29 октября Правительство Юга России и Главнокомандующий Русской армией отдал следующий приказ:

«Русские люди.

Оставшаяся одна в борьбе с насильниками, Русская армия

ведет неравный бой, защищая последний клочок Русской Земли, где существует право и правда.

В сознании лежащей на мне ответственности, я обязан заблаговременно предвидеть все случайности.

По моему приказанию уже приступлено к эвакуации и посадке на суда в портах Крыма всех, кто разделял с армией ее крестный путь, семей военнослужащих, чинов гражданских ведомств с их семьями и отдельных лиц, которым могла бы грозить опасность в случае прихода врага.

Армия прикроет посадку, памятуя, что необходимые суда также стоят в полной готовности в портах, согласно установленному расписанию.

Для выполнения долга перед армией и населением сделано все, что в пределах сил человеческих.

Дальнейшие наши пути полны неизвестности. Другой земли, кроме Крыма, у нас нет. Нет и государственной казны. Откровенно, как всегда, предупреждаю всех о том, что их ожидает.

Да ниспошлет Господь всем силы и разума одолеть и пережить русское лихолетье.

Генерал Врангель».

А вот сообщение Правительства Юга России, которое было расклеено на улицах Симферополя:

«Совершенно неизвестна дальнейшая судьба отъезжающих, так как ни одна из иностранных держав не дала своего согласия на принятие эвакуированных. Правительство Юга России не имеет средств для оказания какой-либо помощи в пути, так и в дальнейшем. Все это заставляет Правительство советовать всем тем, кому не угрожает непосредственная опасность от насилия врага, остаться в Крыму».

31 октября, в гостинице «Кист» в городе Севастополе, где помещался Штаб Главнокомандующего, состоялось вручение полковых знамен «цветным» дивизиям во главе с Дроздовской. (Примечание. Николаевское знамя 1-го Дроздовского полка находится в настоящее время в Париже и снимок его помещен в начале 2-го тома и после страницы 246 этой книги). Сама церемония произошла очень скромно. С десятков офицеров Алексеевской, Корниловской, Дроздов-

Знамя 1-го Дроздовского стрелкового полка
(Снято в Париже в мае 1967 года)

ской и Марковской дивизии выстроились в коридоре гостиницы. Вышел генерал Врангель и, после приветствий, вошли, звонко отбивая шаг, казаки, принесшие знамена. Генерал Врангель вручил знамена прибывшим от каждого полка офицерам, сказав, приблизительно, следующее:

«Почти три года существовали полки — дети революции или вернее — контрреволюции. Три года сражались героически, и какая насмешка судьбы: получили знамена в тот день, когда покидали последний клочок русской земли, прекращали борьбу, а может быть, и свое существование».

Эти знамена не были вручены во время последних смотров в Таврии, так как не были закончены их полотнища. Полки же увидели эти знамена только уже будучи в Галлиполи.

Еще до отплытия последнего транспорта от берегов Крыма генералом Врангелем было послано сообщение представителю правительства Франции, графу де Мартелю, следующего содержания:

«Оставшаяся одинокой в активной борьбе с коммунистами, Русская армия, не взирая на сочувствие главной массы населения и рабочих, была вынуждена уступить подавляющему превосходству красных и оставить пределы России. На суда погружены лучшие русские люди, совесть и разум которых не позволили им остаться под большевистской пятой. Я уже просил Вас ходатайствовать перед своим правительством о переброске Русской армии на западный противобольшевистский фронт для продолжения борьбы против поработителей России, врагов мировой цивилизации и культуры. В случае, если бы изложенное мое предложение не могло бы быть по тем или иным соображениям принято, возбудить вопрос о предоставлении Русской армии и флота в распоряжение международной комиссии по охране проливов».

Автору сборника неизвестен ответ графа де Мортеля и вообще — был ли он получен генералом Врангелем, но, по-видимому, графом Мортелем было много и быстро сделано, так как уже по прибытии первых судов к Босфору стало известно, что Франция взяла под свое покровительство всех оставшихся Крым.

Генералом Врангелем, когда суда были еще в открытом море, была отправлена русскому послу в Константинополе телеграмма приблизительно следующего содержания:

«В непрерывных тяжелых боях Русская армия доблестно выполнила свой долг до конца. Однако, покинутая всем миром, равнодушно взирающим на нашу борьбу, мы, под натиском во много раз превосходивших нас численно красных, принуждены были покинуть Крым.

Принимая во внимание все тяжести испытаний, которые в дальнейшем придется перенести Русской армии на ее крестном пути, я разрешил всем желающим остаться в Крыму. Тем не менее все офицеры, казаки, большая часть старых солдат бывшей армии и очень много солдат из бывших пленных красноармейцев, а также часть гражданского населения Крыма, не пожелали подчиниться игу насильников и погрузились на суда. Благоприятное состояние моря и неизменно самоотверженная работа флота, позволили в течение четырех дней произвести беспрецедентную операцию и погрузить более 130 000 человек. Я поручил мою армию, флот и гражданское население Крыма покровительству Франции. Генерал Врангель».

Когда крейсер «Генерал Корнилов», на котором находился генерал Врангель, подошел к месту стоянки международной эскадры, вблизи Золотого Рога, крейсер не дал орудийного салюта, как это было обычно принято при встречах, а на нем был только приспущен флаг, но эскадра приветствовала крейсер «Генерал Корнилов» орудийным салютом.

Иностранцев сильно поразила отвага и доблесть экипажа маленького колесного пароходика «Веха», когда они увидели его 5 ноября входящего в Константинопольскую бухту и имеющего на буксире громадную баржу (пловучий маяк), заполненную до отказа чинами Русской армии. Сам же пароходик просто кишел людьми. Дредноут «Император Индии», наш старый знакомый по эвакуации из Новороссийска, приветствовал «Веху» орудийным салютом. В течение нескольких дней Константинопольский рейд заполнялся прибывающими из Крыма русскими транспортами с развевающимися на них Андреевским и французским флагами. Всего было 126 транспортов, различных по виду и величине.

Как уже было сказано, во время плавания все очень тяжело переживали недостаток не только пищи, но даже воды в до отказа переполненных транспортах. Только с приходом в Константинопольский рейд стали выдавать в весьма ограниченном количестве воду и хлеб.

Не успевали транспорты стать на якоря, как сразу же вокруг них появлялись лодки с местными турками, кричавшими: «Кардаш! Экмек!». Они продавали за иностранную валюту или меняли на ценные вещи хлеб, восточные сладости и инжир. По низкой расценке некоторые турки принимали и Романовские рубли, но денежных знаков Временного правительства и Правительства Юга России не принимали.

Вначале с водой было плохо и на многих транспортах прибегали к различным способам, чтобы ее получить. Так, например, пароходик «Веха» проделал весьма оригинальный номер. Неожиданно у него появился сигнал «Пожар». И весьма быстро и на пароходике «Веха», и на бывшей у него на буксире барже вода появилась в неограниченном количестве. Одним словом — «Голь на выдумки хитра».

Несмотря, кстати сказать, на вполне законное требование союзников сдать оружие, — сдачи не последовало, а для соблюдения формальности с некоторых транспортов сдали, находившееся в их трюмах как балласт, оружие и несколько сот испорченных винтовок. Все имевшееся на руках оружие было припрятано. Официально было разрешено офицерам оставить шанки и револьверы, но без патронов. Никакого осмотра транспортов и проверки сдачи оружия не последовало, и не было попыток разоружения, а поэтому можно с уверенностью сказать, что само требование сдачи оружия было только простой формальностью.

В скором времени вокруг транспортов стали разъезжать на лодках и катерах представители разных иностранных миссий, Красного Креста, благотворительных обществ. Все эти представители смотрели на нас как на каких-то выходцев с другой планеты, чуть ли ни как на дикарей или зверей. Конечно не забыли про нас и бесцеремонные и надоедливые корреспонденты разных газет и журналов — ведь мы были небывалой сенсацией, прекрасным материалом для передовиц, статей и фельетонов, на чем можно было хорошо подра-

ботать. Появились также и так называемые послы лимитрофных государств, желавшие заполучить в свои сети своих соотечественников, пользуясь их печальным положением. Практичные американцы на этот раз поступили вполне достойно: они быстро наладили довольствие, в первую очередь для детей, женщин и беженцев.

Настроение всех невольных жителей транспортов было весьма подавленное — настроение людей усталых после всего пережитого, голодных и не знающих, что будет дальше с ними. Но когда генерал Врангель, на катере под Андреевским флагом, стал объезжать транспорты, настроение на них поднялось. Могучее русское «ура, как перекаты грома, понеслось по всему Константинопольскому рейду и далеко-далеко прокатилось эхом.

Наверное никогда, нигде и никто не приветствовал так искренне и тепло своего Вождя, или Главнокомандующего, или Правителя как здесь, вдали от Родины, приветствовали, после катастрофы в Крыму, генерала Врангеля. Тогда еще все в Русской армии верили, что генерал Врангель с честью выведет их из, казалось, безвыходного положения. Верили в него, обожали его — своего воистину народного Вождя.

Постепенно людской муравейник на транспортах стал оживать. Вначале появилась вода, а затем стали выдавать хлеб и пищу. В трюмах и на палубах стало свободнее, так как, согласно приказу генерала Врангеля, постепенно съезжали на берег женщины, дети, гражданские лица, раненые, больные, инвалиды и оставшиеся за штатом, вследствие перестройки Русской армии, военные.

Приказом генерала Врангеля вся Русская армия сводилась в три корпуса: Армейский, в который вошли все регулярные части; Донской — казачьи части Всевеликого Войска Донского; Кубанский — казаки Кубанского и Терского войск. Отдельно — флот. Согласно этой организации упразднялись все прежние армии и корпуса, дивизии сводились в полки, полки — в батальоны и дивизионы, дивизионы и батальоны — в эскадроны и роты, артиллерийские бригады — в дивизионы, дивизионы — в батареи. Расформировывались все штабы и тыловые учреждения. Вследствие этого при-

каза многие лица командного состава остались за штатом или перешли на низшие должности. Им было предложено право свободного выбора остаться в Армии на низших должностях или вообще без должности, или перейти на беженское положение. Стало известно, что Армия будет размещена следующим образом: Армейский корпус — в Галлиполи, Донской корпус — на Чаталдже, а Кубанский — на острове Лемносе; флот уйдет в Бизерту, а штаб Армии и генерал Врангель останутся в Константинополе.

Вновь перевернулась еще одна страничка Белого Движения.

Прошла только пара дней и Константинопольскую бухту стали покидать транспорты с частями Русской армии, уходившие в разные места. Начиналась новая жизнь вдали от Родины и полная неизвестности.

На просторах же России еще боролись с красными — на северо-западе европейской части России части Балаховича, а на Дальнем Востоке остатки армии Колчака, под командой генерала Семенова. Всем было ясно, что и они уже обреченные вследствие своей слабости.

Три года без малого продолжалась вооруженная борьба на юге России. Что ни день — новые и новые жертвы во имя служения Родине. Были моменты когда казалось, что победа уж близка, но... надежды были напрасными. Теперь, когда мы уже в изгнании, наши враги и, нередко, те, кто не был в рядах белых армий, твердят, что все Белое движение было ненужным и ошибочным, обвиняют белых вождей в разных грехах. Мы же, добровольцы, должны им сказать, что их утверждения беспочвенны и напомнить то, что, даже понеся поражение на полях сражений, Алексеевцы, Дроздовцы, Корниловцы, Марковцы, казаки и все остальные белые воины одержали моральную победу. Разве могла быть спасена честь Русского имени и Национального знамени, честь офицера, солдата, казака и все святое без этой вооруженной борьбы с интернациональным коммунизмом во имя свободы и счастья России?

Мы, белые, вели борьбу с самого начала и до конца с противником во много раз нас численно и по вооружению превосходившим; шли в бой с твердой верой в правоту своего

дела, шли в бой не слепо, а с открытым взором, с храбростью и умением, не щадя свое здоровье и жертвуя жизнь на алтарь Родины. Горячей кровью белых обильно напоены поля и степи России. Не будь Добровольцев, не склонивших покорно свои головы перед насилием, а смело взявшихся за оружие — на совести Русского народа было бы несмываемое пятно позора.

В этой гигантской борьбе на стороне белых был цвет Российской нации — молодежь, лучшие сыны и дочери России. Они добровольно, без лишних слов и рисовки, без бахвальства отдавали на алтарь Родины самое ценное — свои молодые жизни; отдавали их во имя свободы, за поруганную веру и оскорбленные святыни, за разрушенный семейный очаг, за личное счастье каждого, во имя освобождения России от ига и цепей чуждого нам коммунизма.

Честный и порядочный человек никогда не бросит нам — Добровольцам — упрек за участие в борьбе в рядах белых, а будущий историк объективно и достойно опишет период смуты Российской в начале XX века, вынесет и свой приговор виновникам ее.

В настоящее время в Советском Союзе уже занялись историки изучением событий во время Российской смуты. К сведению читателей могу сообщить, что в 1961 году в Москве издательство «Советская Россия» выпустило сборник документов и материалов, относящихся к периоду гражданской войны в России, под заглавием «История гражданской войны в СССР». Сборник, конечно, составлен с пропагандной целью, но, отбросив таковую, следует посмотреть, что в нем есть реального. Сборник этот в трех томах и в нем помещено 2172 разных документа, ознакомившись с которыми можно получить более полное представление о ходе борьбы и лучше понять, почему она закончилась в пользу красных.

Всем теперь уже известно, что противниками красных в период гражданской войны были: на севере — малочисленная армия генерала Миллера; на северо-западе — небольшая армия генерала Юденича и отряды Балаховича (последние, как уже сказано, еще боролись некоторое время после ухода Русской армии из Крыма), на западе — вооруженные силы

Польши, заключившей мир с Советами в 1920 году, на востоке — Сибирская армия адмирала Колчака, остатки которой продолжали борьбу на Дальнем Востоке до ноября 1922 года, а на юге — Добровольческая и Донская армии, переименованные в Крыму генералом Врангелем в 1920 году в Русскую армию. Основными же и главными белыми фронтами были Восточный и Южный.

Считаю своим долгом поделиться с читателями некоторыми данными и сообщить содержание некоторых документов, помещенных в вышеуказанном сборнике «История гражданской войны в СССР». В 1-м томе его указана численность Красной армии в разные периоды борьбы.

К 1 апреля 1918 года в рядах Красной армии насчитывалось 158 000 бойцов, а к концу того же года уже указана численность в 1 000 000 бойцов. К 1 августа 1920 года, когда главными противниками красных была Польша и Русская армия генерала Врангеля, согласно документу за № 14 (том 3-й) численность армии красных возросла до 4 000 000 человек. Уже только эти числа дают ясную картину того громадного превосходства живой силы красных против сил Польши и Русской армии. Конечно надо учесть и то, что красные были вынуждены держать большую часть войск в тылу как гарнизоны, а также как заслон против противника на Дальнем Востоке, но и при этом условии силы красных на фронтах всегда превышали силы их противников в несколько раз.

Известно также и то, что в начале борьбы у Добровольцев на юге России вообще не было никаких складов с оружием, снарядами и патронами, а в руки красных попали все склады Императорской Российской армии в прифронтовых и центральных частях России. Документ № 189 в томе 1-м указывает, что на вооружении Красной армии уже к 1 февраля 1918 года имелось 476 000 винтовок, 7000 пулеметов и 1761 орудие.

Из документов №№ 131—133 и № 135 в томе 3-м узнаем, что за время гражданской войны, военная промышленность России, руками рабочих Ижевского, Пермского, Путиловского и Тульского заводов сумела изготовить, дополнительно

к оставшимся на складах запасам, еще 887 049 винтовок, 751 000 000 патронов, 10 916 пулеметов и 382 орудия.

Армии белых на восточном и южном фронтах за время гражданской войны, по данным сборника «История гражданской войны в СССР», получили от Великобритании вооружение и снабжение, примерно на 350 тысяч бойцов.

В документе № 19 во втором томе приводится «Сводка Военного Министерства Великобритании от 25 апреля 1919 года», согласно которой генералу Деникину было доставлено вооружение, снаряжение и обмундирование на 100 000 человек (205 пушек, 75 гаубиц, 60 мортир системы «Штока», 2000 пулеметов, 100 000 винтовок русского образца, 12 танков, 100 самолетов, 1000 телефонов, 2000 мулов, на 100 000 бойцов обмундирование и прочее снабжение). Далее указано, что была приготовлена и отправлена вторая партия вооружения, снаряжения и обмундирования на 150 000 человек. В 1-м томе того же сборника имеется документ № 86, из которого узнаем, что для Сибирской армии адмирала Колчака было отправлено вооружение, снабжение и обмундирование на 100 000 человек.

Теперь уже всем известно, что, к сожалению, очень и очень много из всего доставленного Вооруженным Силам Юга России, попало в руки красных при отступлении Добровольческой и Донской армий от Орла, при оставлении Ростова-на-Дону в 1919 году и при эвакуации Новороссийска. Численность же Вооруженных Сил Юга России к октябрю 1919 года возросла до 150 000 бойцов (согласно стр. 90 и 118 5-го тома «Очерков Русской Смуты» генерала Деникина), а в рядах Сибирской армии адмирала Колчака, до отступления ее, насчитывалось 130 000 человек.

Также, наверное, всем известно, что на фронтах, всегда, за редким исключением, численность красных войск превышала численность войск белых в несколько раз, а в последние дни боев на Крымском участке фронта численное превосходство красных дошло до небывалых размеров, как и превосходство их по вооружению.

Борьба белых с красными закончилась победой последних. Исследователи из стана белых, уже в эмиграции, объясняют свое поражение по-разному. Некоторые из них утвер-

ждают даже, что нас постигла неудача из-за ошибочной стратегии генерала Деникина, избравшего направление главного удара по линии Донецкий бассейн—Харьков—Курск—Орел—Москва. Они утверждают, что надо было развивать удар в Царицынском направлении, чтобы соединиться с армией адмирала Колчака, и только после этого совместно двигаться на Москву.

Составителями сборника «История гражданской войны в СССР» уделено большое внимание оценке действий и стратегии генерала Деникина. В томе 1-м имеется документ № 497:

«Из доклада Главкома В. И. Ленину о стратегическом положении Советской Республики и о задачах Красной армии, за № В49/оп. Серпухов.

Ю ж н ы й ф р о н т.

Район Южного фронта, охватывая Донскую область, простирается от линии Купянск—Мариуполь до реки Волга. На этом фронте оперируют 8-я, 9-я и 10-я армии и отдельная группа Донецкого бассейна общим числом 117 тысяч против 85 тысяч противника.

По количеству введенных в дело сил и напряжению борьбы Южный фронт является одним из главнейших. Общей задачей войск фронта является занятие Донецкого каменноугольного бассейна и Донецкой области по линии Ростов-на-Дону—Великокняжеская с целью окончательно разбить войска Краснова, а также открыть доступ в богатый хлебом район юго-востока России.

Значительное численное и техническое превосходство наших войск и начавшееся разложение в рядах казаков облегчают нам боевые действия на этом фронте, но окончательное завершение борьбы потребует еще большего напряжения. 23—25 февраля 1919 года».

Том 1-й, документ № 601.

«Из доклада Народного Комиссара по Военным делам Украины Н. И. Подвойского Временному Рабоче-Крестьянскому Правительству Украины и 3-му Всеукраинскому Съезду

Советов о стратегической обстановке на Украине. 1 марта 1919 года.

В Донецком бассейне наблюдается сосредоточение значительных сил противника...

Поспешное сосредоточение противником в Донецком бассейне значительных сил (3-я дивизия до 10 тысяч человек) на Бахмутском и приблизительно такое же количество на Луганском направлениях, несомненно, указывают на готовящееся решительное наступление на нас противника с целью очищения Донецкого бассейна от советских войск. Это заключение подтверждается агентурными сведениями о том, что прибывающие на фронт добровольцы-деникинцы говорят, что цель их переброски сюда — поход на Москву...

В томе 2-м (документ № 346) имеется телеграмма В. И. Ленина Командующему Украинским фронтом:

«Киев — Антонову, копия Подвойскому и Раковскому. 22 апреля 1919 г.

Сокольников телеграфирует мне, что Деникин в Донбассе великолепно использовал отсрочку, укрепился и собрал более свежие силы, чем наши. Опасность громадная. Украина обязана признать Донбассфронт безусловно важнейшим украинским фронтом и во что бы то ни стало немедленно выполнить задание Главкома: дать солидное подкрепление на участке Донбассейн—Мариуполь. Из материалов Подвойского я вижу, что военного имущества на Украине, даже не считая Одессы, имеется масса. Надо не копить его, а тотчас формировать донецких рабочих в новые части для взятия Таганрога и Ростова.

Мобилизовали ли вы всех офицеров на Украине?

Во что бы то ни стало надо быстро и значительно увеличить силы против Деникина. Телеграфируйте подробно и заставьте ваших шифреров шифровать аккуратнее, чтобы все можно было понять. Ленин».

В томе 2-м (документ № 349) помещена телеграмма В. И. Ленина и И. В. Сталина Совнаркому Украины, от 8 мая 1919 года:

«ЦК партии, обсудив критическое, близкое к катастрофическому, положение в Донбассе и на Маньиче, настоятельно предлагает Киевскому совету обороны напечь все

силы для ускорения и усиления военной помощи Донбассу, назначения ряда лучших товарищей для неослабного надзора ежедневно за выполнением этого и особенно немедленной и поголовной мобилизации рабочих Одессы, Екатеринослава, Николаева, Харькова и Севастополя для влития подкреплений Южному фронту, наконец, установления личной ответственности Подвойского и Антонова за группу Махно. Помните, что без быстрого взятия Ростова гибель революции неминуема. От имени ЦК — Ленин, Сталин».

На страницах 2-го тома (документ № 351) помещена телеграмма Народного Комиссара Внутренних Дел и Замнаркомвоен-а Украины Командующему 1-й Украинской армией о немедленной помощи Донбассу. 11 мая 1919 года:

«Донбасс под ударом Деникина. Луганск, Радаково нами оставлены. Мобилизованы коммунисты-рабочие Харькова и Донбасса. Григорьев поднял восстание и подошел к Екатеринославу и Кременчугу. Грозит падение. Всем чем можно помогайте. В первую очередь вышлите в Харьков один бронепоезд, 3 тысячи винтовок. Если можно перебросить надежную часть, сделайте установленным порядком, сносаясь с Командующим фронтом. Немедленно телеграфируйте в Харьков, Ворошилов, Межлаук».

В томе 2-м (документ № 357) помещена

«Директива ЦК Председателю Совнаркома Украины.

28 мая 1919 года.

Сосредоточить все силы на Донбассе, снять с Западного фронта все возможное, сократив до минимума все активные действия на вашем Западном фронте, послать уполномоченных в Харьков и Екатеринослав для поголовнейшей, энергичнейшей мобилизации рабочих для Южного фронта под их личной ответственностью. Ленин».

В том же 2-м томе (документ № 359) находим записку Ленина, которая была передана по прямому проводу председателю Совнаркома Украины 28 мая 1919 года:

«По донесениям Южфронта из всего того, что должен был дать Антонов по приказанию Главкома, прибыло фактически два полка и то небоеспособных. Обещанные Подвойским мобилизованные рабочие не прибывают. Между тем Махно откатывается на запад и обнажает фланг и тыл 13-й

армии, открывая свободный путь деникинцам. В направлении на Миллерово противник собирает силы, чтобы пойти на соединение с восставшими казаками. Нам приходится прибегать к героическим мерам вплоть до посылки на Юг массами командных курсов, что в ближайшее время может лишить Красную армию красных командиров, между тем Антонов и Подвойский отделяются пустыми и хвастливыми телеграммами, которые остаются невыполненными... Ленин».

Там же помещен документ № 363:

«Доклад главного Командования в Реввоенсовет Республики о положении на Южном фронте, к 15 июня 1919 года, от 24 июня 1919 года:

Задачи Южного фронта в настоящее время сводятся к тому, чтобы прикрыть главнейшее направление, вывести в безопасную полосу свои армии, привести их в порядок, используя брошенные для этого подкрепления. Положение на Южном фронте в настоящее время нужно признать угрожающим, так как при нестойкости наших войск противник имеет полуторное численное превосходство при огромном превосходстве в коннице, небывалый моральный подъем всего бывшего войска Донского и направляет свой удар в наиболее слабое место нашей Республики, ведя его на Тульский завод, лежащий на подступах к Москве, оттесняя наши южные армии к голодному центру.

Противник не только занял почти всю область бывшего войска Донского, но также овладел частью Левобережной Украины. Южному фронту поставлены задачи: прикрыть всех вышеуказанных направлений, а для усиления его войск, разновременно принятыми мерами, на пополнение Южного фронта брошено все, что имелось под руками, даже за счет других фронтов. Всего к настоящему времени на усиление Южного фронта войсковыми частями из внутренних округов, с Восточного и Украинского фронтов около 60 тысяч штыков и сабель при 112 орудиях, из которых поступило свыше 40 тысяч штыков и сабель и 84 орудия. Кроме того из назначенных 150 тысяч пополнения на Южный фронт прибыло около 35 тысяч человек...

Главнокомандующий всеми вооруженными силами Республики — И. Вацетис.

Начальник Полевого штаба Революционного военного совета Республики — Ф. Костяков».

На страницах 2-го тома имеется постановление Совета Обороны от 24 сентября 1919 года о создании Района Обороны и учреждении местных ревкомов (документ № 410).

Выдержки из этого постановления:

«Совет Рабоче-Крестьянской Обороны в заседании своем 24 сентября постановил: подготовить для упорной обороны район в границах — Москва, Витебск, река Днепр, Чернигов, Воронеж, Тамбов, Шацк, Москва...

Председатель Совета Рабоче-Крестьянской Обороны — В. Ульянов (Ленин)».

В том же томе помещен протокол заседания пленума ЦК РКП(б) от 26 сентября 1919 года (документ № 412). Привожу выдержки из него:

«1. перебросить на Южный фронт с Северного фронта и Петроградского участка Западного фронта максимально возможное количество лучших воинских частей.

2. Перевести со всех фронтов на Южный фронт максимально возможное количество ответственных работников коммунистов и лучших представителей комсостава...

... Комитет Обороны Москвы.

Учредить совет Московского укрепленного района, подчиненный непосредственно Реввоенсовету Республики...

Перечисленные выше документы показывают, какие серьезные меры должны были предпринять красные, чтобы спасти свое положение, а также — как оценило командование красных стратегическое направление, избранное генералом Деникиным, тем более, что осенью того же года генерал Юденич вел наступление на Петроград.

Красным удалось в кратчайший срок перебросить с Сибирского фронта много своих частей и создать ударные группы в районе Орла, севернее Воронежа, пополнить части войск Уборевича и сформировать конный корпус Буденного. Остановив дальнейшее продвижение войск генерала Деникина, красные своими ударными группами перешли в контрнаступление. В частности, в районе северо-западнее го-

рода Орла была сформирована ударная группа под командой Мартузовича, о чем гласит документ № 483, помещенный во 2-м томе:

«П р и к а з

Войскам Южного фронта о наступлении ударной группы 13-й армии в направлении Малоархангельск—Фатеж.

№ 10726 9 октября 1919 г.

Обстановка требует нанесения противнику решительного удара, для чего Главком передал в мое распоряжение Латдивизию, бригаду Павлова и бригаду Червонного казачества. Приказываю:

1. С 8 часов 9 октября Латдивизия, бригада Павлова и бригада Червонного казачества подчиняются командарму 13-й.

Командарму 13-й составить из перечисленных частей ударную группу под общим начальством начдива Латдивизии т. Мартузовича. Ударную группу эту к вечеру 10 октября развернуть на линии Турицево—Молодовое (что на большаке Трубческ—Орел) ...»

В 1-м томе сборника «Дроздовцы от Ясс до Галлиполи» подробно описано, какая участь постигла эту ударную группу, которую разгромил генерал Туркул, пройдя по советским тылам со своим отрядом. На этом участке фронта красные не добились успеха, а, наоборот, нашими частями были заняты Кромь и Дмитревск, Орел и Елец. Дальше продвигаться наши части не смогли, ввиду общего положения на фронте и наступления ударной группы красных в районе Воронежа. Если бы ударную группу, в которой был конный корпус Буденного, постигла участь подобная участи группы разгромленной генералом Туркулом, то, наверное, Добровольческая и Донская армии не очутились бы под Ростовом-на-Дону, и не произошла бы Новороссийская драма и сдача казаков на берегу Черного моря.

Во 2-м томе сборника имеется документ № 489, в котором находятся сведения о численном составе красных армий на Южном фронте к 4 ноября 1919 года:

На Южном фронте находились: 12-я армия в составе

42 486 бойцов, 13-я — в составе 41 255 бойцов, 14-я — в составе 47 077 бойцов, 8-я — в составе 50 522 бойца и Конный корпус Буденного в составе 14 959 сабель, то есть всего против частей генерала Деникина было сосредоточено, кроме находившейся в фронтовом резерве 61-й стрелковой дивизии численностью в 14 007 бойцов, 196 291 штыков и сабель. Ударные части красных были отлично снабжены для предстоявшей зимней кампании.

Части генерала Деникина численно значительно уступали красным (с обмундированием было на много хуже), кроме этого в тылу вновь появились большие партизанские отряды, против которых приходилось отправлять части с фронта.

После Новороссийской драмы, созданная из остатков Вооруженных Сил Юга России Русская армия под водительством генерала Врангеля продолжила борьбу. Этот последний период гражданской войны отличался необыкновенным упорством с обеих сторон, при огромном численном перевесе красных, особенно во время самых последних боев.

За этот последний период гражданской войны на юге России Русская армия вписала немало славных страниц в общую историю Российской армии. Напомним о разгроме конницы Жлобы, о боях под Ореховым и Александровском, о бое Дроздовской дивизии и Конного корпуса генерала Барбовича с Конной армией Буденного, о боях на Перекопском перешейке, во время которых штурмовавшие части красных понесли, по сообщению командующего войсками красных на Южном фронте М. В. Фрунзе, колоссальные потери, — только убитыми три четверти своего состава, о последнем аккорде боевой славы Дроздовцев — бое у Карповой Балки, и о боях Марковцев и Гвардейского саперного батальона 30 октября (по ст. ст.) у станции Курман, с красной конницей.

В томе 3-м сборника «История гражданской войны в СССР» имеется очень интересный документ № 352 — Объяснительная записка штаба Реввоенсовета Республики к справке о переброске войсковых частей и пополнений на Крымский участок Юго-западного фронта, датированная 14 августа 1920 года:

«Неблагоприятно сложившаяся для нас обстановка на

Польском участке Юго-западного фронта в мае месяце не давала возможности настолько усилить наш Крымский участок, чтобы получить резкое преобладание численности наших войск. Тем не менее Главнокомандование учитывало вероятность развития действий со стороны противника в районе Крыма и принимало все меры к усилению наших войск этого участка, посылая сюда вначале, главным образом, пополнения, которых за период с начала наступления и до перехода в наступление Войск Врангеля, с 24 апреля по 6 июня (примечание автора — все даты взяты из сборника «История гражданской войны в СССР», указаны по нов. ст.) поступило до 25 тысяч человек. 29 мая сюда же была направлена с Кавказского фронта 15-я стрелковая дивизия, численностью в 5740 штыков и 520 сабель, которая в первые дни наступления армии Врангеля была введена в бой. (Примечание автора: согласно документу № 231 на 13 мая 1920 года Перекопская группа красных войск состояла из Латышской дивизии, 85-й бригады, 138-й бригады, 46-й дивизии, 7-й и 8-й бригад 3-й дивизии, 124-й бригады 42-й дивизии, 52-й стрелковой дивизии и 8-й кавалерийской дивизии — всего было 7024 штыка, 2625 сабель при 510 пулеметах и 148 орудиях.) Кроме этого, директивой от 2 июня за № 3242/564/ш, было приказано принять исчерпывающие меры к приведению 13-й армии в порядок.

Указанное количество пополнений однако не дошло по назначению в полном числе, так как значительная часть их, распоряжением фронта, была повернута на другие участки, и, в результате, к 6 июня на Крымском участке фронта мы имели 18.650 штыков и 2400 сабель против 19 тысяч штыков и 5700 сабель Врангеля, (Примечание автора: численный состав Русской армии преувеличен, особенно число сабель.) Неудачи 13-й армии, в связи с выяснившейся в первых боях необходимостью противопоставить преобладающей коннице Врангеля достаточные силы того же рода войск с нашей стороны, вызвали со стороны Главного командования распоряжение о переброске сюда конницы, а также и новых стрелковых частей. 8 и 11 июня с Кавказского фронта спешно были сняты 40-я стрелковая дивизия с двумя кавбригадами, сводная бригада (три полка 9-й армии) и конный кор-

пус Жлобы. Кроме того из Москвы был отправлен отдельный 5-й Латышский полк, что, увеличив численность 13-й армии еще на 6500 штыков и, главное, на 7500 сабель, давало, казалось бы, достаточно средств для успешной борьбы с Врангелем, тем более, что приток маршевых частей для пополнения, высылаемых центром, шел также интенсивно: в течение июня Юго-западному фронту для этого участка было отправлено 25 250 человек.

Учитывая возрастающую в дальнейшем потребность в коннице, а также и необходимость достигнуть рашительного перевеса сил, Главным командованием 28 и 29 июня направлена с Кавказского фронта еще одна кавдивизия (16-я кавалерийская). Сюда же предполагалось перебросить 9-ю стрелковую дивизию и из Заволжского округа 23-ю стрелковую и 9-ю кавалерийскую. В предвидении возможности повторения противником десантных операций не только на северном, но и на восточном берегу Азовского моря, 9-я кавалерийская дивизия временно задержана в районе Ростова. Для удобства управления две последние дивизии сводились в новую армию, сформирование которой было поручено Заволжскому военному округу 28 июня.

Конный корпус не оправдал возложенных на него надежд, и с его поражением снова возник вопрос об усилении частей 13-й армии. С 4 по 9 июля распоряжением Главнокомандования в эту армию были направлены две стрелковые дивизии (1-я и 51-я), три стрелковые бригады (8-я и 9-я запасные и добровольческая) и четыре маршевых эскадрона. Пополнения за период с 1 по 12 июля на этот участок было направлено 24 300 человек.

12 июля членом РВС Юго-западного фронта товарищем Сталиным было предъявлено требование об усилении Крымского участка фронта, но вышеуказанные меры, принятые Главным командованием, считались уже достаточными. Только в одном было исполнено требование товарища Сталина — была 14 июля отправлена на фронт бригада курсантов в составе 2500 бойцов. Таким образом Главным командованием, считаясь с создавшейся обстановкой на Крымском участке, своевременно дано фронту достаточно, с точки зрения последнего, сил для решения вопроса о ликвидации наступле-

ния Врангеля: всего за период с 1 мая по 14 июля для этого участка было дано 63 200 бойцов пехоты, 12 тысяч бойцов кавалерии и 75 500 человек пополнения. Однако для обеспечения успеха на Крымском участке указанных сил оказалось все же недостаточно и Главнокомандование со своей стороны направило еще 11-ю запасную стрелковую бригаду 12 июля и за время с 12 по 31 июля — 6 тысяч пополнения и принимает меры к подготовке новых сил для переброски на этот же участок, а именно двух стрелковых дивизий и одной запасной кавалерийской бригады, более 10 тысяч бойцов пехоты и одну тысячу бойцов кавалерии, а также 31 800 человек пополнения. Усиление 13-й армии техническими средствами за период с 4 июля выразилось отправкой распоряжением Главнокомандования:

- а) авиационных средств (один истребительный дивизион, один истребительный авиаотряд, и три авиаотряда),
- б) броневых частей (8 бронепоездов, 11 бронепоездов и 2 танковых отряда),
- в) 3 зенитных батареи.

По данным к 2 августа на этом участке мы имеем 59 тысяч пехоты и 8 тысяч кавалерии против 33 тысяч бойцов пехоты и 15 тысяч кавалерии армии Врангеля.

Наштагсовеет Лебедев, за военкома штаба Клим».

Как видно только из этого советского документа, к 2 августа 1920 года на Крымском участке фронта против войск Русской армии, численностью в 33 тысячи пехоты и 15 тысяч кавалерии, причем численность кавалерии показана преувеличенной, силы красных преобладали — 59 тысяч пехоты и 8 тысяч конницы. Этот же документ дает данные, по которым против Русской армии за период с 1 мая по 2 августа, для усиления имевшихся на Крымском участке частей (18 650 пехотинцев и 2 400 кавалеристов) было отправлено красным командованием в 13-ю армию только строевых частей: пехотных численностью в 73 200 человек и кавалерийских — в 13 000 сабель. Кроме того на пополнение потерь, понесенных частями красных во время боев за этот период, было дано на этот участок фронта 103 350 человек. Точно установлено, что с Крымского фронта, за все время борьбы красных с Русской армией, не было ни разу снятия красных частей.

Указание же красным командованием, что к 2 августа на Крымском участке оставалось только 39 000 пехотинцев и 8000 кавалеристов является самым лучшим признанием самими же красными блестящих действий Русской армии под водительством генерала Врангеля, в Северной Таврии.

Вполне понятно что такие громадные потери красных вызвали тревогу их командования и оно стало расследовать причины поражений их войск, искать объяснение этому.

В сборнике «История гражданской войны в СССР» имеется документ (№ 352), который отчасти объясняет это. В документе помещено «Донесение командования Юго-западного фронта Главкому о военном положении на Крымском направлении к 15 августа 1920 года за № 788/сек. 4716, Харьков, 16 августа 1920 года». Вот выписка из этого донесения:

... 4) в частях противника более опытный низший командный состав и весьма стойкие офицерские части (примечание автора: в Русской армии в Крыму уже не было чисто офицерских частей), конница противника количеством значительно превосходит нашу, дисциплинирована и умело управляема... (Примечание автора: только после разгрома конного корпуса Жлобы, главным образом пехотой Русской армии (схемы № 4 и № 5), бывшие до этого в пешем строю конные полки Русской армии сели на коней, а до этого значительное превосходство кавалерии было на стороне красных);

5) к нашим недостаткам надо отнести малочисленность конницы и громадный недостаток комсостава, в силу чего — малая маневренная подвижность наших частей, и недостаток технических средств;

6) сопоставляя данные о противнике с нашими силами, для выполнения поставленной фронту задачи в Крымском направлении необходимо иметь на нашей стороне превосходство сил, особенно в коннице, посему ходатайствую об усилении 13-й армии 7—8 тысячами сабель и двумя крепкими стрелковыми дивизиями (в качестве таковых им направлены 48-я и 55-я дивизии). Кроме того, срочно необходим армейский аппарат управления, технические средства, главным образом, авиа и авто-бронесредства, которые необходи-

мо увеличить вдвое сравнительно с имеющимися у нас в действии.

Командюзап Егоров, член РВСР Сталин, наштаюгзап Петин».

В сентябре 1920 года на должность командующего Крымским участком фронта был назначен Фрунзе, а членом РВСР некий Гусев. После поражения на Польском участке фронта и постоянных неустоек на Крымском участке фронта, красные вожди в Кремле, поняв что они не смогут продолжать одновременно борьбу против частей Балаховича на северо-западе, Против Польши на западе, против Русской армии на юге и против Атамана Семенова в Забайкалье, поспешили заключить мирный договор с Польшей, чтобы все свои силы бросить на своего главного и опаснейшего врага на Юге — на Русскую армию генерала Врангеля. Балахович со своими малочисленными частями для красных не был опасен, а атаман Семенов находился далеко в Забайкалье и к тому же никакой активности в то время не проявлял. Красные знали, что генерал Врангель не пойдет на уступки и с ним они никогда не смогут договориться, знали что он самый опасный для них противник и они, только покончив с Русской армией смогут быть спокойны за свою судьбу. Об их решении свидетельствуют документы №№ 373, 374 и 384, помещенные в сборнике «История гражданской войны в СССР», том 3.

Документ № 373. Доклад Главнокомандования красных об организации «разгрома генерала Врангеля» с пометками В. И. Ленина членам Политбюро ЦК РКП(б) /5963/оп. от 12. 10. 1920:

«... В заключение считаю необходимым повторить основную мысль приводящую меня к изложенному решению:

одновременная борьба с Польшей и Врангелем нам успеха не дала. Необходима резкая массировка сил против одного из этих противников, а именно против Врангеля, в силу общей обстановки. С этим решением сопряжен известный риск, ввиду ослабления наших сил на Западе, но и при половинчатом решении этот риск тоже не может быть устранен в достаточной мере, так как нет никакой уверенности,

что одновременно с борьбой на Юге мы сможем дать на Запад средства для полного восстановления его мощи...»

Подписали доклад Главнокомандующий всеми вооруженными силами Республики С. Каменев, комиссар Васильев, начальник полевого штаба РВСР Лебедев. (Все «господа офицеры» Императорской России. — В. К.)

Ленин на этом докладе сделал свою пометку: «Членам ПОЛИТБЮРО. По-моему — согласиться с Главкомом. 13. 10. 1920».

Польская арми, после разгрома красных под Варшавой, в скором времени уже преследовала отступавших красных вне границ Польши, но, также вскоре, Англия отказала Польше в дальнейшей помощи, немцы не согласились пропускать военное снаряжение и оружие через Данциг, а Чехословакия закрыла свои границы и посланное Францией для Польши оружие не пропустили. Польское правительство согласилось на заключение предложенного Советами перемирия. Прекратила борьбу.

С выходом Польши из одновременной с генералом Врангелем борьбы с красными, у Русской армии больше не оставалось шансов на успех, но она не капитулировала сразу и отчаянно сопротивлялась.

Документ № 374. «Телеграмма Главкома Ленину о положении на Южном фронте от 13 октября 1920 года. № 9/удс. Харьков.

Сообщаю итог ознакомления с обстановкой. Предполагавшаяся операция на Перекоп сорвана. Инициатива целиком в руках Врангеля. Сейчас мы только обороняемся. Фрунзе и Гусев полагают, что мы можем вновь начать прерванную операцию не ранее, чем через 15 дней. При этом нельзя не принять во внимание распутиц. Главная надежда на скорейшую пореброску частей 30-й дивизии, на ускорение движения Конной армии, куда сейчас выезжаю. С. Каменев».

Документ № 384. «Телеграмма Фрунзе Ленину о подготовке общего наступления на Крымском участке осенью 1920 года. № 001/Пш. Станция Апостолово. 16 октября 1920 г.

Сейчас отдал окончательный приказ об общем наступлении. Решающими днями будут 20, 21 октября и 1 ноября.

В разгроме главных сил противника не сомневаюсь. Отойти на перешейки к моменту нашего удара он не успеет...

Командюж Фрунзе».

О предстоящем наступлении красных, после заключения перемирия с Польшей, конечно, не могло быть сомнения и о приготовлениях к нему красных генерал Врангель знал, так как были получены точные сведения о группировке ударных частей красных в районе Каховки, Никополя и Пологи, о переброске частей с Польского фронта, из центральной части Европейской России, с Кавказа, из Сибири, но о сосредоточении ударной группы конницы и пехоты в направлении на Бердянск разведка вовремя не смогла сообщить. Главный удар наносился со стороны Каховки и там были сосредоточены большие силы пехоты и Конная армия Буденного. Генерал Врангель не хотел самостоятельно принять то или иное решение и созвал совещание старших начальников Русской армии, на котором и было принято решение принять бой на просторах Северной Таврии в надежде на благоприятный исход этой решающей встречи с красными, несмотря на громадное преимущество противника и по численности, и по вооружению. Преждевременный отход в Крым не мог быть выходом из создавшегося положения, так как в Крыму Русская армия без посторонней помощи долго просуществовать не могла, а ожидать таковую было невозможно. Была ставка ва-банк.

После принятого решения, генерал Врангель произвел сокращение фронта, сгруппировал 1-й Армейский корпус в районе Днепра, откуда ожидался главный удар красных, а также сгруппировал части 3-го и Донского корпусов для отражения удара противника с севера.

Красные повели наступление одновременным нажимом по всему фронту. Вначале они имели успех только в районе Каховки, а на севере Донские части успели отбросить красных. В помощь 2-му Армейскому корпусу была вначале послана Марковская дивизия, а потом и Корниловская ударная дивизия, уже понесшая значительные потери при отражении красных при их попытке переправиться через Днепр. Теснимые превосходящими силами красных, части 2-го корпуса покатались к Перекопу, а в образовавшийся

прорыв двинулась Конная армия Буденного. Наступление красных велось при весьма благоприятных для них климатических условиях, так как вследствие облачных и туманных дней авиация Русской армии не могла вести воздушную разведку и вообще летчики в воздух не могли подниматься. Когда же один из летчиков все же рискнул и поднялся в воздух, он обнаружил то, что подействовало как «удар грома из ясного неба» на штаб Русской армии — глубоко в тылу свободно двигались массы красной конницы. Для нанесения удара по продвигающейся по тылам Русской армии коннице Буденного, в спешном порядке были двинуты Дроздовская стрелковая дивизия и Конный корпус генерала Барбовича. 3-му Армейскому и Донскому корпусам было приказано отойти и оставить временно даже Мелитополь, несмотря на крупный успех, перед этим, Донцов, которые взяли в плен свыше 2000 красных, захватили орудия и пулеметы. Как протекали дальнейшие события уже описано в сборнике. Можно только добавить, что свой приказ об отходе в Крым генерал Врангель отдал только после того, как было получено сообщение об обнаружении большой ударной группы красных войск, двигавшейся, севернее Мелитополя, из Бердянска, против которой у генерала Врангеля уже не было резервных частей.

Документ № 385. Приказ командования Южного фронта красным армиям о недопущении частям Русской армии отхода в Крым.

«№ 002/Пш. Станция Апостолово 17 час. 26 октября 1920 г.

Войскам фронта поставить задачу: во что бы то ни стало не допустить отхода противника в Крым и согласованным concentрическим наступлением всех армий уничтожить его главные силы, группирующиеся к северу и северо-востоку от перешейков, отрезать пути его отхода в Крым и стремиться на плечах бегущих овладеть перешейками...»

Как уже сказано раньше, красным не удалось разгромить части Русской армии, которые, отбиваясь от во много раз численно превосходящих сил противника, отлично вооруженного и снабженного, неся большие потери отошли к перешейкам, овладеть которыми «на плечах бегущих» красным не удалось.

О последних боях в Северной Таврии также есть документы в «Истории гражданской войны в СССР», например документ № 391 — телеграмма Фрунзе Ленину, ЦК РКП(б) и Реввоенсовету Республики за № 44/с154/ш. Харьков, от 29 октября 1920 года:

«Наступление армии фронта развивается успешно. К 12 часам 29 октября в общей сложности нами атакованы и разбиты все номерные дивизии противника, кроме одной Дроздовской. (Примечание автора: это не совсем точно, так как отступившие части Русской армии, понеся огромные потери, задержали противника у перешейка, а Донцы даже одержали крупный успех, о чем было сказано ранее). Целой пока остается основная масса его конницы, сосредоточение которой в районе Серогозы—Веселое. 30—31 октября должны разыграться решительные бои с этой последней силой врага...

Фрунзе».

На страницах сборника «Дроздовцы от Ясс до Галлиполи» подробно описана встреча Дроздовской дивизии и Конного корпуса генерала Барбовича с Конной армией Буденного. Тогда самому Буденному только благодаря счастливой для него случайности удалось избежать пленения — вместо победы Конная армия Буденного понесла огромные потери, потеряла даже свой армейский хор трубачей, и отступила.

О последних боях Русской армии (при защите перешейков) имеется в сборнике «История гражданской войны в СССР» довольно подробное сообщение.

В томе 3-м, в документах №№ 397, 400 и 405 мы находим: Документ № 397, Телеграмма Фрунзе Главкому о положении на южном фронте.

«№ 0041/Пш, станция Мелитополь. 10 ноября 1920 г.

Докладываю обстановку на фронте и о ближайших предположениях: 8 ноября началось наступление 6-й армии на Перекоп. 10 ноября должна была наносить удар 4-я армия, причем особое значение уделялось мною Арбатскому направлению, где намечался удар 9-й стрелковой дивизии и корпуса Каширина со 2-й Донской дивизией в резерве, с переправой на полуостров при устье р. Салгир для удара во фланг и тыл Чонгарской группы...

Наступление 6-й армии облегчилось отсутствием воды в западной части Сиваша и, совпав с моментом смены частей противника (13-й и 34-й дивизий 1-м Армейским корпусом), стало развиваться относительно успешно. 15-я и 52-я дивизии переправились на Литовский полуостров и стали угрожать Перекопу во фланг и тыл. Противник перешел в контратаку дроздовцами и потеснил 52-ю дивизию до входа на полуостров, и только при поддержке 15-й дивизии удалось остановить к вечеру 8 ноября его нажим и отбросить, причем было взято 300 пленных (примечание автора: это дало основание басне о сдаче двух Дроздовских полков с составом; на самом деле в этом бою участвовал всего лишь один Дроздовский полк, а в плен попало только несколько десятков Дроздовских стрелков).

К вечеру наше положение здесь стало весьма угрожающим в связи с прибылью воды в Сиваше, грозившей отрезать 15-ю и 52-ю дивизии. В момент операции я находился при штабе 51-й, а затем при штабе 15-й в Строгановке. В связи со сложившейся обстановкой и возможностью контратаки к утру, я в 24 часа 8 ноября отдал категорический приказ произвести немедленно ночной штурм Перекопа с ударом на Армянск частями 15-й и 52-й дивизий. Штурм увенчался успехом. Противник обороняется ожесточенно и мы несем очень большие потери... Командюж Фрунзе».

В документе № 400 — телеграмма Фрунзе В. И. Ленину, ЦК РКП(б) и Реввоенсовету Республики, за № 56/удс. 12 ноября 1920 года:

«Свидетельствую о высочайшей доблести, проявленной геройской пехотой при штурме Сиваша и Перекопа. Части шли по узким проходам под убийственным огнем на проволоку противника. Наши потери чрезвычайно тяжелы. Некоторые дивизии потеряли три четверти своего состава. Общая убыль убитыми и ранеными при штурмах перешейков не менее 10 тысяч человек... Фрунзе».

Документ № 405. Выдержка из речи члена Реввоенсовета Южного фронта С. И. Гусева на 5-й конференции КП(б) У. 18 ноября 1920 года:

«... Перед нами стояла армия Врангеля, лучшая белогвардейская армия за все время гражданской войны, в кото-

рую стекались все белогвардейские элементы... Этот отборный цвет белогвардейцев, махровый белогвардейский цветок, который ни в коем случае не пошел бы на мир с Советской Россией. Врангель, благодаря своему умению, благодаря помощи Антанты, сумел сформировать прекрасные боевые части...

Лучшей оценки, чем такая оценка своего врага, Русская армия генерала Врангеля получить не могла. Эта же оценка доказывает и то, почему красные так поспешно пошли на мирное соглашение с Польшей. Они боялись Русской армии, учли, что если война затянется, они, в конечном счете, потерпят поражение. Они знали о начавшемся ропоте в оккупированных ими областях Дона, Кубани, Северного Кавказа и юга России. Они знали, что новые законы о земле, о рабочем труде уже действуют в Крыму и Таврии и население довольно ими. Они боялись, что если до народа дойдет правда о законодательстве генерала Врангеля, ропот в занятых ими областях превратится в восстание, а это восстание сможет превратиться во всенародное, так как и бойцы Красной армии, узнав правду, пойдут против своих комиссаров, коммунистов и политработников.

Красные поспешили любой ценой развязать себе руки на Западном фронте, чтобы иметь возможность все свои силы бросить на Южный фронт против опаснейшего врага — генерала Врангеля, — и чтобы уничтожить на юге последний остров белого сопротивления. Мир с Польшей дал возможность красному командованию бросить все силы против Русской армии и вытеснить ее массами своих войск, а потом бросить их на отряды Балаховича и, наконец, подавляя возникавшие в стране восстания, закончить гражданскую войну на Дальнем Востоке в ноябре 1922 года.

Когда генерал Врангель увидел безвыходность положения, он прекратил дальнейшее сопротивление и в полном порядке эвакуировал свои войска и гражданских лиц, связанных с армией, из Крыма. Красным не удалось уничтожить Русскую армию, несмотря на громаднейшее превосходство в численности и вооружении. Русская армия, со своим Вождем, ушла в изгнание.

Я уверен, что читатель с волнением читал последние

страницы описания борьбы белых с красными на юге России. Перед его мысленным взором должна была встать картина Российской смуты, гражданской войны. Но, я думаю, что ничто не могло вызвать больше горечи и боли в сердце белых воинов, как оставление Родины, уход в изгнание и сознание того, что Свободный мир остался глухим к призывам о помощи стойких бойцов с коммунизмом.

Было много причин, приведших к поражению белых. Пусть в них разбираются историки. Но можно сказать, что над всеми белыми армиями висел какой-то злой рок. В стране с населением в то время свыше ста пятидесяти миллионов человек на защиту своих поправных прав встали сначала только одиночки и те, главным образом, из молодежи. Потом в рядах белых на юге России была лучшая часть нации — русские юноши, подростки, девушки и даже дети, которые вместе с офицерами, казаками, добровольцами и солдатами были, с самого начала борьбы, обреченными, а умирая, покрывали себя неувядаемой славой. Будущая Россия вспомнит о них, обязательно вспомнит, как о рыцарях долга, но также не забудет и о тех, не имеющих права забыть, кто не протянул им руку помощи, оставил их одних истекать кровью в неравной борьбе.

В одном из своих воспоминаний Д. Пронин писал о чувстве обреченности так:

«Дроздовская дивизия в Таврии почти не выходила из линии огня, не считая коротких стоянок в Фридрихсфельде и Александровске. 7-я легко-гаубичная батарея, в которой я служил, за четыре месяца кампании имела 29 ночных переходов и боев, кроме очередных ежедневных. Потери только среди офицерского состава достигли пятнадцати человек, при обычном числе офицеров боевой нашей батареи в 19 человек. Люди и командный состав были совершенно вымотаны. В пехоте с потерями обстояло гораздо серьезнее, чем в артиллерии. Мне дважды пришлось видеть самоубийство пехотных офицеров.

Почти каждый день, судя по пленным, мы имели против себя свежие части красных. Еще до выхода в Таврию, на Перекопе, мы столкнулись с частями 8-й советской армии, в которую входили очень высококачественные в боевом от-

ношении латышские дивизии. Корпус кавалерии Жлобы, 2-я конная армия, венгерские части, 13-я советская армия с китайцами, в нее входящими, школы петроградских курсантов, конница, партизаны, это все, как в калейдоскопе, прошло перед нами в течение нескольких месяцев. Потом нахлынули свежие части с Польского фронта, включая Конную армию Буденного и сибирскую дивизию Блюхера.

У нас же с пополнением дело обстояло очень слабо. Например, пехотные роты Первого Марковского полка, перед началом наступления на Перекопе, насчитывали около двадцати штыков в роте. Тяжело было и с боеприпасами. От солдата до Главнокомандующего все, за очень малым исключением, понимали безвыходность положения, но верили генералу Врангелю, надеялись на чудо и поэтому без упрека и ропота шли в бой, преодолевали невероятные трудности и, жертвуя собой, «умирали молча, стиснув зубы, как умирает русский человек» (слова профессора Кизеветтера в «Лекциях по русской истории»)

Мы все были обреченными, но чувство обреченности не уменьшало боеспособности наших частей. Все это нашло отражение в добровольческой песне, появившейся в Крыму:

Не плачь о нас Святая Русь,
Не надо слез, не надо,
Молись о павших и живых,
Молитва нам отрада.
Не плачьте матери, отцы,
Не плачьте жены, дети,
За благо Родины своей
Забудем все на свете.
В нас дух отцов богатырей
И дело наше право,
Сумеем честь мы отстоять
Иль умереть со славой.
Пусть свищут пули, льется кровь,
Пусть смерть несут гранаты,

Мы смело двинемся вперед —
Мы русские солдаты.

Вперед же, братцы, на врага,
Вперед полки лихие!
Господь за нас, мы победим,
Да здравствует Россия!

Если обреченность была в Крыму и ее чувствовала и понимала вся Русская армия генерала Врангеля, то это не только не умаляет ее героизма, а, наоборот, делает ей честь и неувядаемой славой покрывает ее знамена и доблестных героев, проливших кровь свою за Родину на плодородных полях Северной Таврии и на Перекопе, Чонгаре и в Крыму.

Пусть молчаливые курганы братских могил и разбросанные на юге России повсюду одинокие могилы, не останутся простыми памятниками о Белой борьбе, а пробудят в грядущих поколениях веру в правоту тех идей, за которые боролись и отдали свои жизни белые воины. Мы же, участники этой борьбы, склоняем свои головы перед погибшими, продолжаем верить в правоту нашего дела и в скорое освобождение России от антинародной власти.

GLORIA VICTIS! — СЛАВА ПОБЕЖДЕННЫМ!

Белые были побеждены, но идеи, за которые они боролись, продолжают жить и поныне в сердцах миллионов людей, превращенных в рабов, и, хотя медленно, но приближается время освобождения их.

Правительства бывают разные и будут меняться, но Русский народ останется вечным.

Все это лучше всего выражено в наших песнях времен гражданской войны. Привожу некоторые из них. Одна из первых — песня, почти гимн, Корниловцев:

Пусть вокруг одно глумленье,
Клевета и гнет,
Нас, корниловцев, презренье
Черни не убьет.

Припев

Вперед на бой, вперед на бой,
На бой, открытый бой!

Верим мы — близка развязка
С чарами врага,
Упадет с очей повязка
У России — да!

Припев

Русь могучую жалеет,
Нам она кумир.
Мы одну мечту лелеет:
Дать России мир.

Припев

Русь поймет, кто ей изменник,
В чем ее недуг,
И что в Быкове не пленник
Был, а верный друг.

Припев

За Россию и свободу,
Если в бой зовут,
То корниловцы и в воду,
И в огонь пойдут.

Припев

У Дроздовцев был свой Дроздовский марш, слова которого читатель найдет на странице 15 в первом томе сборника.

После десанта под Харлами капитан Виноградов, офицер 1-го Дроздовского стрелкового полка, написал стихотворение, которое стало дроздовской песней и пелось на мотив «Варяга». (После окончания гражданской войны капитан Виноградов стал священником — отцем Исакием, — а после второй мировой войны попал в плен в СССР. Дальнейшая

его судьба неизвестна.) В этой песне имеются следующие слова:

Эй, братцы, мы новую песню споем,
И петь ее будут за нами,
Расскажем про новое дело свое,
Про славный поход под Харлами.

Припев (после каждых четырех строчек):

Не дрогнут Дроздовцы и впредь на пути
Защиты закона и права.
И вечную память погибшим споют,
Живым же победа и слава.

На катере «Скиф» мы на берег плывем
С надеждой смелой во взоре.
Нам с берега смотрят навстречу враги,
Кругом же волнуется море...

Но слышно «ура» и трещит пулемет.
Смелее в атаку Дроздовцы!
И враг побежденный пред нами бежит,
Как волком гонимые овцы.

Не дрогнут Дроздовцы и смертная брань
Им кажется свадебным пиром.
В огонь или в воду равно им идти
За славным своим Командиром.

В третьем четырехстишии есть строка: «Но слышно 'ура' и трещит пулемет», и она мне напомнила рассказ одного из участников десанта под Харлами. Во время второй попытки высадки Дроздовцев, начальник пулеметной команды 1-го полка, капитан Трофимов (фотография его помещена среди других в приложении ко 2-му тому настоящего сборника), не усумнился положить на плечо своего командира полка, полковника Туркула (произведен в генералы после десанта), пулемет системы «Люис» и провел в сторону про-

тивника «ленточку». На берегу, наверху, все смолкло, а когда Дроздовцы поднялись наверх, они увидели стоящие 4 пулемета системы «Максим», а возле них мертвых красных. Именно эти четыре пулемета своим огнем заставили Дроздовцев, при первой попытке высадиться, отойти назад, о чем рассказано уже в настоящем сборнике, теперь же, когда капитан Трофимов с плеча полковника Туркула «ленточкой» из «Люиса» заставил их молчать, высадка удалась и Харлы были взяты.

В рядах Добровольческой армии был большой процент студентов и другой учащейся молодежи. Вот песня составленная студентами:

Вспоили вы нас и вскормили,
Отчизны родные поля,
И мы беззаветно любили,
Тебя святой Руси земля!

Припев

Теперь же грозный час борьбы настал,
Коварный враг на нас напал.
И каждому, кто Руси сын, кто Руси сын,
На бой кровавый путь один, путь один.

Мы были мечтою счастливы,
Мечтою тебе посвятить
Души и ума порывы
И кровью тебя оросить.

Припев

Студенты России великой,
Мы помним заветы отцов,
Погибших за край наш родимый
Достоиную смертью бойцов.

Припев

Пусть каждый верит и знает:
Блеснут из-за тучи лучи,

И радостный день воссияет,
И в ножны мы вложим мечи.

Припев

Вперед, вперед смелее!
Приюты наук опустели,
Студенты готовы в поход!
Так за Отчизну, к заветной цели,
Пусть каждый с верою идет.

Припев

По окончании вооруженной борьбы с красными, белые из далекой Сибири, принесли с собой в эмиграцию свою песню, звучащую как похоронный марш. С тех пор эта песня, везде и всюду, звучит среди рассеянных по всем странам белых борцов за честь и свободу России, напоминая всем о последствиях трагически закончившейся борьбы с красными.

Вот она:

Замело тебя снегом Россия,
Запуржило седою пургой,
И холодные ветры степные,
Панихиды поют над тобой.

Ни пути, ни следа по равнинам,
По сугробам безбрежных снегов.
Не добраться к родным святыням,
Не услышать родных голосов.

Замело, занесло, запуржило,
Все святое, седая пурга.
Ты слепая, холодная сила,
Вы, как смерть, неживые снега.

Замело тебя снегом Россия,
Запуржило седою пургой
И холодные ветры степные,
Панихиды поют над тобой.

Мы покинули Родину, но, после того когда продолжать борьбу уже не было возможности, и в изгнании и по сей день сохранили веру в Воскресение Национальной России!

В своем приказе от 29 октября 1920 года генерал Врангель сказал, что: «Для выполнения долга перед Армией и населением сделано все, что в пределах сил человеческих. Дальнейшие пути наши полны неизвестности. Другой земли, кроме Крыма у нас нет. Нет и государственной казны. Откровенно, как всегда, предупреждаю всех о том, что их ожидает».

В другом приказе генерал Врангель разрешил всем, кто считал, что ему не угрожает опасность со стороны красных, покинуть ряды Русской армии и остаться в Крыму.

Этими приказами он как бы подтвердил наше поражение, но своей беспримерной эвакуацией частей Русской армии и всех желавших покинуть Крым, выполнил свое обещание при вступлении в командование Вооруженными Силами Юга России, после Новороссийской катастрофы.

Его предупреждений, что Русская армия вела борьбу не только за освобождение, свободу и счастье России, но и за мировую культуру, свободный мир, паривший тогда в облаках упоения победы над Германией, не услышал. Союзники тогда помощи не оказали, не понимая, что слова генерала Врангеля: «При нашем поражении никакая сила не в состоянии будет надолго задержать волну красного интернационала, которая зловещим пожаром большевизма зажжет Европу и, быть может, докатится и до Нового Света» окажутся пророческими.

О причинах нашего поражения и конца Белого Движения скажут будущие историки. Но и теперь уже немало написано об этом и мною прочтено. Заканчивая эту главу своего сборника попытаюсь и я высказать свое личное мнение о причинах, вызвавших поражение белых в борьбе с красными.

Главной причиной я считаю инертность и даже трусость большинства русской интеллигенции, малодушие масс, вызванное стихийным общеимперским развалом страны после «великой бескровной». Объятая ужасом происходившего, не в состоянии разобраться в событиях, основная масса русского

народа уклонилась от участия в борьбе, подчинилась грубой силе красных, потом, обманутая ими, поверив в выброшенные ими лозунги: «Мир хижинам — война дворцам!», «Грабь награбленное!», «Земля крестьянам, фабрика рабочим!», «Свобода, равенство и братство» и т. д., пошла за ними.

Создав из подонков населения, латышей, эстонцев, бывших военнопленных и китайцев свою опричину, а потом и боевые части, красные вожди, при помощи жестокого террора проводившегося аппаратом ЧК, созданного Дзержинским, под умелым руководством Ленина и Троцкого создали свою армию, призвав в ее ряды на руководящие посты, оставшихся на территории красных в громадном числе, офицеров. Эта армия красных, под руководством бывших императорских офицеров, доведенная до огромной численности и располагавшая неограниченными запасами пополнения и снабжения, в конечном счете и нанесла поражение белым.

На призывы генералов Алексеева, Дроздовского и Корнилова в начале Белого Движения стать в ряды вооруженных борцов против большевизма, откликнулось, можно смело сказать, весьма небольшое число русских офицеров, даже бывших на Дону или в районе Румынского и Юго-западного фронтов. Вспомните хотя бы ту массу офицеров, которые, спасая свою жизнь, бежали на Дон. Никогда не забудем поведение их, заполнявших тогда Ростов, Нахичевань, а не фронтовую линию, тоже и о тех, которые были в Яссах, Черновицах, Проскурове. Вспомните о том, сколько таких шкурников было в оккупированной немцами и австрийцами Украине, — тысячи их только в одном Киеве. Господа офицеры в массе не пришли добровольно в наши ряды, не пожелали пойти на жертву за благо России, боялись за свою жизнь и предпочитали оставаться в стороне, временно наслаждаясь «радостями» призрачной мирной жизни. Они, потом, когда пришли красные, были загнаны палкой чекистов на службу к красным, поставленные перед проблемой: или служить в Красной армии верой и правдой, или погибнуть в застенках ЧК.

После почти двухлетней борьбы Вооруженные Силы Юга России вышли на московскую дорогу и оказались вблизи Москвы, занимая фронт в 1300 верст. В наших руках были

Орел, Воронеж и Киев, но тогда, когда боевые части истекали кровью, в их тылу было полно тыловой братии, которая, не говоря уже о том, чтобы стремиться пополнить силы наступающих, не заботилась вовсе о них, а думала только о своей беззаботной жизни, желая только того, чтобы победа пришла без угрозы их «драгоценным» жизням. Они стремились к обогащению, к полной радости и наслаждений жизни, забыли о долге перед Родиной. Своим недостойным поведением эта тыловая масса способствовала деятельности, которую вели самостийники, разного рода политические «деятели», особенно социалисты. Неумелая и направляемая желаниями недостойных тыловиков хозяйственная деятельность, на занятой армией генерала Деникина территории, не принесла желавшегося населением улучшения его положения, а, наоборот, вызвала недовольство, использованное и разжигавшееся агентами большевиков и переходившее иногда в открытое сопротивление властям и образование в тылу партизанских отрядов, которые сыграли громадную роль в поражении белых. Большевики, как уже сказано, бросали в массы свои демагогические, но точные и многообещающие лозунги, противодействием же им была только убогая деятельность «знаменитого» ОСВАГ-а (аппарата пропаганды Юга России), зачастую приносившая своей пропагандой только вред.

Я считаю, что в поражении белых во многом виноваты также и бывшие союзники Императорской России. Вспомним, например, о том, что по настоянию правительства Франции было прекращено формирование Добровольческого корпуса на Румынском фронте, в результате чего оттуда прибыл на Дон только отряд генерала Дроздовского. Вспомним также, как вели себя в Сибири, сформированные из бывших пленных, чехо-словацкие части, собранные в отдельный корпус. Они захватили всю железнодорожную магистраль от Урала до Владивостока, нарушили этим правильность снабжения армии Колчака и способность ее маневрирования, а потом, по приказанию генерала Жанена, выдали адмирала Колчака на расстрел большевикам в Иркутске, а сами, захватив много тонн русского государственного

золотого запаса, отплыли в Чехословакию и открыли там Банк легионеров.

Англичане вначале нам помогали, желая создать какой-то фронт на территории России для продолжения войны с Германией и зная верность Добровольческой армии союзникам, но потом, после Новороссийской трагедии, прекратили помощь Добровольческой армии и армии генерала Миллера на севере России, и даже пытались заставить генерала Врангеля пойти на соглашение с большевиками, гарантируя в этом случае, призрачную помощь со своей стороны.

Надо особенно отметить то враждебное чувство, которое питало к частям Добровольческой армии и потом к Русской армии во все время Крымской борьбы с красными. Правительство Пилсудского в Польше, будучи в то время нашим своеобразным союзником в борьбе с красными и поддерживавшегося Францией и Англией. Видя возможность победы армии Деникина, боясь возрождения национальной России, Пилсудский, ненавидевший ее, проявил эту свою ненависть особо, пойдя ради нее даже на косвенную поддержку красных. Он заключил с ними временное перемирие, когда армия Деникина угрожала существованию красных и этим позволил им их главные силы бросить против Добровольческой армии, отбросить ее и довести до Новороссийской катастрофы. Потом, вторично, забыв ту помощь, которую оказывала ему Русская армия, путем оттягивания на себя громадного количества красных сил, которые красное командование могло бы бросить против Польши, особенно после продвижения Русской армии в Северную Таврию и ее побед там, фактически спасшую этим Польшу от разгрома и создавшую возможность для Варшавского чуда, Пилсудский, горя ненавистью ко всему национальному русскому, заключив мир с красными, освободил этим их силы и дал возможность добить национальные силы на юге России, а потом, в конце 1922 года окончательно ликвидировать и сопротивление в Сибири и в Приморье.

Мне пришлось прочесть брошюру генерала Деникина: «Кто спас советскую власть?» В этой брошюре обстоятельно изложено все об усилиях Пилсудского вредить частям Вооруженных Сил Юга России.

Резюмируя сказанное мной о причинах нашего поражения могу добавить, что, к сожалению, генерал Врангель слишком поздно стал во главе Вооруженных Сил Юга России, и что если бы не было предательства Пилсудского, выразившегося в заключении им мира с красными в момент наибольшего напряжения борьбы, и если бы не было политической наивности и вызванных ею ошибок со стороны правительств Деникина и Колчака, в частности слишком доверявшим союзникам и их политическим деятелям, исход борьбы с красными был бы иной и мы не оказались бы у «разбитого корыта».

Поручик Дроздовского полка Генкин написал множество стихотворений, посвященных эпопее вооруженной борьбы с красными и нашему пребыванию на чужбине. Им написано к празднику Рождества Христова и стихотворение «Путеводная звезда»:

Праздники наши . . . Далекое . . . Бывшее . . .

Снега сугробы . . . На речке каток . . .

Щеки румяные, пальцы застывшие,

Матери нежно-суровый упрек.

Времени мало уже до сочельника,

Дни будто в сказке прошли . . .

Видели все: из ближайшего ельника

Елку вчера привезли.

Будут на елке подарки всем розданы,

Радости сколько! В трескучий мороз

С темного неба, покрытого звездами,

Спустится тихо Христос . . .

С этой наивной, детскою верой

Вышли в пургу и метель . . .

Отняли радость — солдатская серая,

В старых заплатах шинель,

Отняли радость окопы, сражения,

Взрывы снарядов, стрельба, пулемет . . .

Нам оставалось одно утешение —
Все для России и все за народ.

Вдруг закружило . . . Нежданными выюгами
Все занесло, — и поля, и леса,
И по России, больной и поруганной,
Смерти прошла полоса.

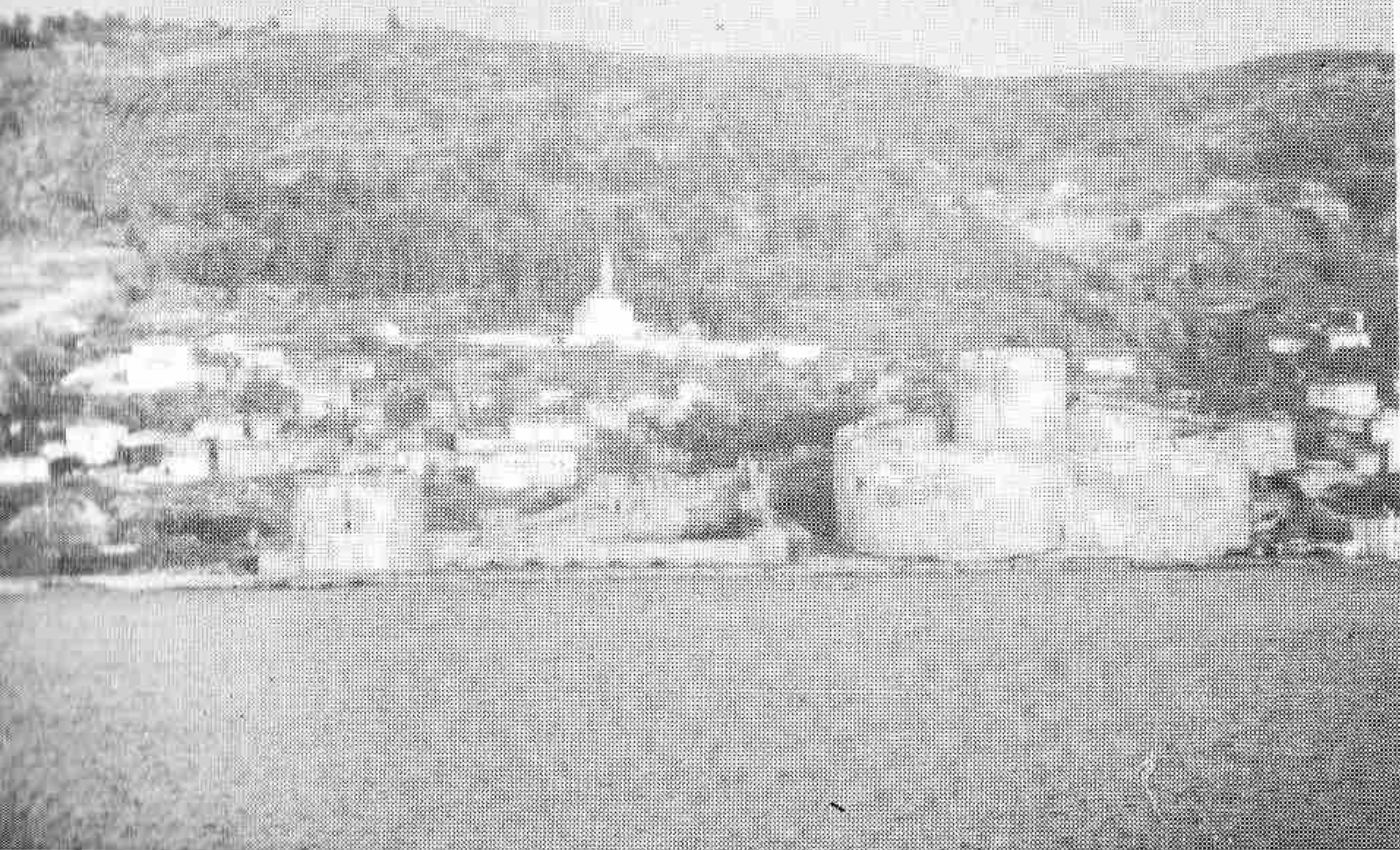
Жизнь оказалась такою раздвоенной,
Родина там, позади . . .
Всюду по миру рассеялись воины
С вечной надеждой в груди.

Пусть же рождественской ночью холодной
В сердце рассеется грусть:
С детства нам сияла звездой путевой
Наша святая Великая Русь!

Для Дроздовцев и по сей день Святая Великая Русь —
путеводная звезда.

Генерал от инфантерии А. П. Кутепов

Город Галлиполи

Нагрудный знак

ГЛАВА II

ГАЛЛИПОЛИ

События на Перекопе и у Чонгара, превратившиеся в катастрофические, развивались с такой быстротой, что их, при сложившейся ситуации, ни предусмотреть ни предупредить не представлялось возможности. К тому же никто, никогда не предполагал, что наступят столь сильные морозы, что Сиваш — естественное и, казалось, непреодолимое препятствие, замерзнет настолько, что по нему сможет продвигаться даже артиллерия. Тогда, уже после первых неудачных боев на Перекопе, стало ясно для всех, что неизбежна эвакуация из Крыма. По приказу генерала Врангеля шли приготовления к ней. О том, как была произведена эвакуация было уже написано в предыдущей главе, а теперь остается рассказать о судьбе эвакуированной Русской армии.

О плавании по Черному морю и о прибытии в Босфор я уже, в общем, рассказал в предыдущей главе. Теперь — применительно к Дроздовцам. Около 16 часов 3 ноября 1920 года транспорт «Херсон», на котором находились Дроздовские части вошел в Босфор. Оттуда он проследовал в Константинопольскую бухту, где и бросил якорь. Вскоре бухта стала наполняться транспортами прибывающими из Крыма.

Последовало распоряжение об отправке всех регулярных частей в Галлиполи. Донские части направлялись на Чаталджу, а кубанские и терские казачьи части — на остров Лемнос. Военный флот направлялся в Бизерту. Во исполнение этого из Константинопольской бухты стали уходить транспорты. В 10 часов 7 ноября отплыл и транспорт «Херсон». Прийдя в порт Галлиполи, он весь день 8 ноября простоял в порту ожидая разгрузки. Почти одновременно прибыл в Галлиполи и транспорт «Саратов», на котором находились штаб генерала Кутепова, Корниловские части и части 2-го

Армейского корпуса. Сидя на транспорте в порту Галлиполи, все ждали приказ о сведении всех регулярных частей в один Армейский корпус и предварительном расформировании бывших армий, корпусов и дивизий. Откуда-то появились разного рода слухи — новости о предполагаемом перечислении в разряд беженцев всех лиц, имевших категории, генералов и офицеров не получивших при сведении частей штатных должностей. Слухи эти стали почти правдоподобными после того, когда начальник штаба 1-го корпуса дал неправильное толкование проекту приказа о сведении частей в один корпус. Благодаря такому толкованию на транспорте «Херсон» появились самые вздорные слухи, вплоть до того, что от службы в армии будут освобождены все, желающие ее покинуть. И все принялись решать, что будет выгоднее для каждого: остаться в рядах армии или выйти из нее и перейти в разряд беженцев. На пароходе получился настоящий Содом.

Узнав обо всем этом на транспорт прибыл генерал Кутепов, который приказал арестовать начальника штаба 1-го корпуса и сместил с должности командира корпуса, генерала Писарева. Комендантом транспорта генерал Кутепов назначил генерала Туркула и было объявлено, что все слухи провокационного характера и вздорные; что все чины армии по-прежнему являются военнообязанными, а поэтому всякого рода рассуждения об устройстве своей судьбы излишни и преждевременны, что за распространение ложных и вообще слухов, все виновные будут предаваться суду. Генерал Туркул, в своем приказе, как комендант транспорта объявил, что в дальнейшем все, находившиеся на транспорте, должны исполнять только его распоряжения, что все подлежат разгрузке и она начнется немедленно. От некоторых частей сразу же были посланы квартирьеры в город.

Разгрузка началась 9 ноября и шла весьма медленным темпом, так как перевозили с транспорта на берег в лодках, в которые нельзя было поместить больше 30—35 человек. Ни «Херсон», ни «Саратов» причалить непосредственно к пристани не могли. В первую очередь начали разгружать транспорт «Саратов». С «Херсона» в этот день сгрузили только части 1-го и 2-го Дроздовских стрелковых полков. 10 но-

ября выгружались части Марковской дивизии, и только 12 ноября дошла очередь до 2-го конного Дроздовского полка, помещавшегося с батареями в трюме транспорта. 13 ноября стали выгружать батареи Дроздовской артиллерийской бригады. Теперь разгрузка шла более быстрым темпом, так как лодки отставили и продолжали разгрузку при помощи небольшого пароходика «Христофор». Наконец и артиллеристы, после двухнедельного пребывания на транспорте, попали на твердую землю.

Галлиполи в то время был небольшой городок, сильно пострадавший от бомбардировки при высадке десанта союзников во время первой мировой войны, а также во время резни греков. Много зданий было или разрушено или полуразрушено, уцелели только, главным образом, небольшие домики. В городе имелись небольшие магазинчики, в которых почти не было товаров и, кроме того, купить что-либо можно было только за драхмы или лиры. Была в этих магазинчиках всякого рода мелочь, восточные продукты, сладости, винные ягоды, инжир, табак, халва, рахат-лукум, а в пекарнях — хлеб.

Для размещения частям были предоставлены в городе полуразрушенные здания и бараки, но последние, как правило, были без окон и дверей. Части были предупреждены, что в городе они не останутся, а будут размещены лагерем в нескольких верстах от города в долине, где протекает небольшая речонка. Для жилья выгрузившихся стали очень медленным темпом поступать палатки. Принимая это во внимание не торопились и с разгрузкой транспортов. С питанием дело обстояло плохо, так как рацион получаемых продуктов был очень мизерный. Кроме того не было общих кухонь и каждый получал все продукты на руки и должен был сам готовить себе пищу. Для этого использовались котелки, и в них, на кострах из собранных в поле стеблей от снятых хлебных злаков и сухой травы, приготавливалась пища. Дров вообще не было. Порой моросил дождь и все время дул пронзительный ветер. Согреться в полуразрушенных зданиях и бараках без окон и дверей было невозможно. Чтобы читатель мог иметь представление о выдававшемся дневном рационе вспомним, что было выдано каждому 14 ноября.

Тогда каждый, без исключения, получил по одной трети фунта хлеба, пару галет, по 135 грамм мясных консервов, маленькую горсточку сухого картофеля, несколько грамм кокосового масла, по столовой ложке сахара и на заварку кофе.

Как только приходила очередная партия палаток, ее передавали предназначенной для отправки в лагерь части. Получив палатки, эта часть немедленно отправлялась из города в лагерь, в тот район который ей был заранее указан.

17 ноября подошла очередь Дроздовским батареям перебираться из города в лагерь. Уходящие из города в лагерь, как правило, кроме своих вещей должны были нести и палатки. Путь из города в лагерь пересекают четыре довольно глубоких лощины с подъемами, и поэтому двигались нагруженные люди довольно медленно и с частыми остановками.

Место для лагеря частям Русской армии было отведено в большой лощине, носящей название Муним-бей-Дере и прозванное союзниками «долиной роз и смерти», перед горой, покрытой колючим кустарником. В глубине этой лощины протекал обычно небольшой ручеек, превращавшийся во время дождей в бурлящую речку. На левой стороне лощины размещали пехотные части с их артиллерией, а правая сторона была предназначена для размещения кавалерийских частей и конной артиллерии.

Палатки были четырех типов. Большие зеленые с внутренним белым полотнищем и деревянным скелетом; эти палатки имели по 16 оконцев из целлулоида, были в ширину 9 шагов и в длину 22 шага. Второй тип: зеленые четырехугольные в форме коробки, ординарные, размером 7 на 8 шагов. Потом стали выдавать зеленые палатки в форме крыши, также ординарные, но размером 6 на 7 шагов. Были и белые эллипсоидальные, двойные, размером 8 на 15 шагов. Последние три типа палаток окон не имели.

Приказом генерала Врангеля все регулярные части, прибывшие в Галлиполи, были сведены в один Армейский корпус, а его командиром был назначен генерал Кутепов. Пехотные части были сведены в пехотную дивизию и начальником ее стал генерал-лейтенант Витковский, при начальнике штаба дивизии — полковнике Бредове.

В состав пехотной дивизии вошли:

1-й Корниловский ударный полк (все бывшие части Корниловской ударной дивизии). Командир полка — генерал-майор Скоблин;

2-й Марковский пехотный полк (все бывшие части Марковской пехотной дивизии). Командир полка — генерал-майор Пешня;

3-й Дроздовский стрелковый полк (все бывшие части Дроздовской стрелковой дивизии). Командир полка — генерал-майор Туркул;

Помощник командира полка генерал-майор Манштейн младший;

Адъютант полка — Генерального штаба полковник Колтышев;

Командир 1-го батальона (бывший 1-й стрелковый полк) — генерал-майор Чесноков;

Командир 2-го батальона (все остальные стрелковые полки) — подполковник Елецкий;

Командир офицерского батальона (в батальон вошли все офицеры дроздовских стрелковых полков, не получившие какую-либо должность в сводных батальонах) — генерал-майор Харжевский;

Командир сводной команды (все разные команды от всех дроздовских стрелковых полков) — полковник Тихменев;

При сводном Дроздовском стрелковом полку состоял и Дроздовский конный дивизион под командой полковника Кабарова (бывший Дроздовский конный полк).

4-й Алексеевский партизанский полк (все бывшие части Алексеевской дивизии, Самурский пехотный полк, 13-я и 34 пехотные дивизии и гвардейские части). Командир полка — генерал-майор Гравицкий.

Вся пешая артиллерия была сведена в Артиллерийскую бригаду шестидивизионного состава под командой генерал-майора Фока. (Во время гражданской войны в Испании генерал Фок, сражаясь добровольцем на стороне генерала Франко, пал со своими добровольцами героически во время боя.)

Сводная Артиллерийская бригада состояла из:

1-го Корниловского артиллерийского дивизиона трехбата-

- рейного состава (все бывшие Корниловские батареи и Керченская крепостная артиллерия). Командир полка — генерал-майор Ерогин;
- 2-го Марковского артиллерийского дивизиона также трехбатарейного состава (все бывшие Марковские батареи и 2-я позиционная артиллерийская бригада). Командир дивизиона — генерал-майор Машин;
- 3-го Дроздовского артиллерийского дивизиона трехбатарейного состава под командой генерал-майора Ползикова. Командирами батарей стали бывшие командиры дивизионов, а на должностях командиров полубатарей и старших офицеров — бывшие командиры батарей. Каждая батарея имела по четыре взвода и состояла из офицеров и солдат. Так, например, во 2-й сводной батарее было в строю 85 офицеров и 74 солдата;
- 4-го Алексеевского артиллерийского дивизиона четырехбатарейного состава (все бывшие Алексеевские батареи и батареи 2-го Армейского корпуса). Командир дивизиона генерал-майор Икишев;
- 5-го Тяжелого артиллерийского дивизиона трехбатарейного состава (чины всех тяжелых батарей). Командир дивизиона — генерал-майор Эрдман;
- 6-го Бронепоездного артиллерийского дивизиона также из трех батарей (все чины бронепоездов). Командир дивизиона — генерал-майор Баркалов. Инспектор всей артиллерии — генерал-лейтенант Репьев.

Все конные части были сведены в Кавалерийскую дивизию под командой генерал-лейтенанта Барбовича.

Сводная Кавалерийская дивизия состояла из двух сводных бригад и Конно-артиллерийского дивизиона.

1-й бригадой командовал генерал-майор Выгран, и она состояла из 1-го сводного кавалерийского полка под командой полковника Попова и 2-го сводного кавалерийского полка, которым командовал генерал-майор Иванов.

2-й сводной кавалерийской бригадой командовал генерал Шифнер-Маркевич. (Он скончался в Галлиполи, заболев сыпным тифом.) Эта бригада состояла из 3-го сводного кавалерийского полка под командой полковника Глебова и 4-го

сводного кавалерийского полка, которым командовал генерального штаба полковник Раснянский.

Начальником штаба сводной Кавалерийской дивизии был генерал-майор Крейтер.

Сводный Конно-артиллерийский дивизион состоял из всех бывших конно-артиллерийских батарей и его командиром был назначен генерал-майор Росляков.

2-я сводная конно-артиллерийская батарея получила шефство и именовалась «2-я Дроздовская конно-артиллерийская батарея» и состояла из всех тех конно-артиллерийских батарей, которые были сформированы при разворачивании Конно-горной генерала Дроздовского батареи, вышедшей в поход Яссы—Дон. Командовал сводной батареей бывший командир Конно-горной (в Крыму — командир 3-го конно-артиллерийского дивизиона) — полковник Колзак. Позже с острова Лемноса во 2-ю Дроздовскую конно-артиллерийскую батарею был влит, перевезенный с острова, 2-й Конно-артиллерийский дивизион, состоявший из 1-й и 5-й конных батарей, офицерский состав которых, в основном, состоял из чинь бывшей Конно-горной батареи. (Этот дивизион в Крыму был в составе 1-й Кубанской казачьей дивизии и был эвакуирован из города Феодосии с частями дивизии на транспорте «Владимир» на остров Лемнос.)

Штаб 1-го сводного Армейского корпуса разместился в городе Галлиполи. Комендантом города был назначен генерал Звягин, а комендантом лагеря — генерал-лейтенант Штейфон (во время второй мировой войны он командовал Русским корпусом в Сербии). В разрушенных зданиях города разместились военные училища, технические части, сведенные в Сводный технический полк под командой полковника Лукина, часть Алексеевской дивизии, Артиллерийская школа, часть Бронепоездного дивизиона, запасный кавалерийский полк под командой полковника Апухтина и интендантства. В городе же была и комендатура.

В лагере было всего около 24 000 человек, из которых на долю кавалерии падало 6000, на долю артиллерии — около 4000, а все остальные — пехота. В городе разместилось до 11 000 военнослужащих, кроме их семейств и гражданских лиц.

В лагере палатки были расположены отдельными группами с небольшими промежутками между полками и в порядке их номеров справа налево, если смотреть на запад. При соответствующих полках в пехотном лагере размещались и артиллерийские дивизионы.

Казачьи части были сведены в два корпуса:

- 1) донские части в Донской казачий корпус, размещенный лагерем в Чаталдже. Командиром корпуса был генерал-лейтенант Абрамов. (Позже Донской корпус был перевезен на остров Лемнос.);
- 2) кубанские и терские казачьи полки образовали сводный Кубанский корпус под командой генерала Фостикова и были расположены лагерем на острове Лемносе.

На острове Лемносе организовался, получивший всемирную известность, хор под управлением Сергея Жарова под наименованием Хор донских казаков. В декабре 1961 года этот хор отпраздновал в городе Мюнхене свой 40-летний юбилей, а в 1971 году, там же, — 50-летие своего существования. По всему свету прозвучали исполненные хором духовные песнопения и народные песни, показавшие народам стран, где выступал хор, красоту и богатство русских церковных песнопений и музыки русских песен. Хор донских казаков Сергея Алексеевича Жарова — это одна из самых ярких страниц золотой книги Российского зарубежья.

Вернемся к Галлиполи. Дневной паек был всюду приблизительно одинаковый и весьма мизерный. Хлеба выдавалось всего лишь до полуфунта на человека в день, причем — часто неаккуратно. Такой рацион хлеба для русского человека был очень недостаточным, особенно при рационе остальных продуктов питания тоже в мизерных дозах. Все вели полуголодную жизнь. Чтобы добыть недостающие для существования продукты, на базаре в Галлиполи продавали личные вещи, драгоценности, различного рода изделия. На вырученные драхмы прикупались, в первую очередь, хлеб и рис. Нужно отметить, что вещи и другое продавалось на рынке очень дешево.

В палатках было вначале очень тесно, так как на каждого, как правило, отмеривалось лишь место для лежания — шириною в поларшина и длиною в четыре, то есть похожее

на то, которое отводится для могилы. Кроме того в палатках было сыро и неудобно, так как земля в лощине Мунибей-Дере была глинистая и обычно влажная от частых дождей. Вначале все располагались в палатках вповалку прямо на влажной земле, подстелив под себя, что кто имел, но потом, постепенно, стали устраивать из подручного материала что-то похожее на нары или даже отдельные кровати. Для того, чтобы достать для этого материал, нужно было отправиться в горы и там раздобыть колья и все остальное. Вместо матрасов служила высохшая трава, так называемое «перекати поле» и сухие листья деревьев. Но и этот материал все-таки не так легко было достать, его не было достаточно под рукой, поэтому большинство людей располагалось прямо на земле, подстелив свое скромное имущество поверх «перекати поле».

Ко всем «прелестям» лагерной жизни к концу ноября прибавился осенний дождик, часто моросивший целыми днями. Кругом палаток размесилась грязь. Некоторые палатки местами протекли настолько, что на полу образовалась глинистая каша. К общей «радости», кроме этого, подул сильный резкий ветер, снесший несколько палаток. Настроение у всех было больше чем скверное. Большинство, совершенно неоправданно, возмущалось создавшимся положением и ругало, прежде всего, французов. Слушая эти возмущенные бесконечные разговоры кругом, иногда подчеркивавшиеся модной тогда песенкой: «Мама, мама, что мы будем делать, когда настанут зимние холода? У меня нет теплого платочка, у тебя нет зимнего пальта...», получалось впечатление, что эти люди совершенно не учитывали особенность «путешествия за границу поневоле, ожидая чего-то приятного — сытой, беззаботной и комфортабельной жизни. Они, наверно, думали, что стоит только попасть за границу, как всюду появятся «молочные реки и кисельные берега», как в сказках, а жареные голуби сами будут влетать в рот. Они забывали, что мы для французов были непредвиденной и громадной обузой, свалившейся на них как снег из безоблачного неба.

В то время у французов в Галлиполи не было больших интендантских запасов, и это было нормально и вполне по-

нятно. Особенно в первое время французы были вынуждены нас ограничивать до минимума. Рацион хлеба в Галлиполи, за все время нашего пребывания там, был ниже нормального и менялся часто и больше в худшую сторону, так как местные пекарни, конечно, не могли испечь его в достаточном количестве, а доставка хлеба из Константинополя морем зависела от погоды и транспорта. В той же зависимости находилась и доставка остальных интендантских запасов, что ставило французов очень часто в почти безвыходное положение. Вот этого-то многие не хотели понять.

Также плохо было вначале с посудой, но постепенно недостаток ее стал пополняться. Сначала были получены бачки, ложки и вилки, а позже французы снабдили части и походными кухнями, которые были приобретены ими у турок.

Вскоре на рынок в городе попало множество всякого рода вещей и предметов, принадлежавших эвакуированным, и этим воспользовались местные торговцы, скупая их за бесценок. В этом захолустном городке жители, до прибытия частей Русской армии, вообще не видели такого разнообразия вещей, и в ювелирных товарах совсем не разбирались. На базаре можно было, почти даром, приобрести великолепные вещи. Я лично, зайдя в магазинчик чтобы купить табак, нашел там пачки нашего русского табака высшего сорта, и там же за бесценок приобрел нагрудный значок Михайловского артиллерийского училища.

Таким положением воспользовались появившиеся спекулянты, из русских же, которые стали скупать по дешевке бриллианты, золото и другие ценности и отправлять все скупленное в Константинополь. Местные же турки народ доверчивый и весьма наивный, принимая безделушки за ценные вещи, часто за них платили довольно дорого. На этой почве происходили нехорошие эпизоды. Один из офицеров Дроздовской батареи, даже не жала обмануть турка, продал ему красиво сделанный им из оловянных колпачков от пиратки портсигар, который турок принял за серебряный, за две турецкие лиры.

27 ноября 1920 года последовал приказ о переходе на

новый календарный стиль и с этого момента счет дням уже пошел по новому стилю.

11 декабря во всех частях был прочитан приказ генерала Врангеля, которым освобождались от службы, если выразят на это свое согласие, все генералы и штаб-офицеры, не получившие штатных должностей при сведении частей в новые формирования, а также все офицеры с высшим образованием, офицеры и солдаты имеющие категории и старше 43-х лет. Но при прочтении этого приказа давалось толкование, сводящееся к тому, что хотя никого из лиц имеющих право покинуть ряды армии задерживать не станут, но что долг всех и каждого держаться вместе до конца, независимо от того, каким он может быть, так как до сих пор все были вместе, вместе воевали, страдали, переживали и радости, и горе; и что только малодушные способны в этот момент покинуть ряды своих частей. Этот приказ не произвел особого впечатления и не был неожиданным. О нем поговаривали еще тогда, когда транспорты прибыли в Галлиполи, но, конечно, по объявлении, он вызвал соответствующие разговоры. Нашелся небольшой процент колебавшихся, не знавших как им поступить. Вот при каких обстоятельствах началась наша жизнь вдали от Родины; жизнь полувоенная, полумирная и совсем иная чем та, о которой порой мечтали многие, покидавшие Крым. Тогда всем, утомленным и измученным войной, прежде всего хотелось отдохнуть и только потом уже взяться за какой-нибудь труд. Но жизнь в Галлиполи нельзя было назвать отдыхом, а мирный труд представлялся пока что только в воображении. И все же среди усталых людей появилась такая категория, которая была готова и дальше влачить жалкое существование, лишь бы не слышать больше грома войны и не рисковать жизнью.

Дни текли своим чередом и постепенно жизнь стала налаживаться. Все старались устроиться как-то получше. Некоторым частям посчастливилось раздобыть лишнюю палатку и тогда у них стало просторнее. Жившие под горой конно-артиллеристы стали рыть себе землянки. Всюду в лагере шла нескончаемая работа по устройству жилищ, по разбивке линеек и устройству украшений возле палаток. Носили песок, камушки с морского берега, прутья из леса и даже

целые деревья и можжевельник. Бывали дни, когда не выдавали хлеб, так как из-за бурного моря не могли его привезти из Константинополя. С выдачей же продуктов все время продолжалась полная неразбериха. Раньше мы часто говорили, что русские интенданты специалисты по своим «умелым» приемам раздачи, но французы в этом отношении оказались куда и куда искуснее. Они просто были настоящими жуликами: тащили все, вес мешков с продуктами был всегда на много фунтов меньше указанного, на упаковку ничего не сбрасывали, и т. д.; урывали всеми способами очень много из и так уже слишком мизерного рациона.

Торговля в Галлиполи с прибытием частей Русской армии оживилась и сильно развилась. Появилось много магазинов и даже уличных торговцев. Конечно и русские не отстали и также проявили в этом отношении кипучую деятельность. Вскоре был открыт русский ресторан с громким названием «Яр», где можно было хорошо подзакусить и выпить всевозможных крепких напитков. Торговал ресторан бойко. Да кто же не знает слабую сторону русского человека, способного пить с горя еще больше чем от радости, и вот, продав последнюю рубашку, «счастливчик» отправлялся в «Яр», чтобы там, хотя бы временно, за чаркой «безалкогольного» найти себе утешение.

13 декабря лагерь посетил епископ Вениамин. После окончания Божественной литургии, епископ Вениамин обратился к присутствующим со словом и призывал к терпению, просил не роптать на Бога, не падать духом, приободриться и подтянуться. Он сказал, что если будем сильны духом и будем производить хорошее впечатление, то французы будут тогда больше считаться с нами и скорее признают нас как армию. Тогда же он указал на случай с Донцами, которых французы пытались силою выселить из Чаталджи, но, после того как Донцы оказали вооруженное сопротивление, их оставили в покое. Также коснулся епископ Вениамин и русских на беженском положении, проживавших в Константинополе, сказал, что их жизнь еще тяжелей, чем жизнь находящихся в лагерях, так как найти работу им почти невозможно, а средств для жизни ни у кого из них нет. Находящиеся же в лагере в Галлиполи все же снабжа-

ются, чувствуют себя людьми, а не бездомными скитальцами. Обращая на это внимание всех, он просил никуда не расходиться и терпеливо ждать дальнейших событий.

После епископа Вениамина 18 декабря прибыл в Галлиполи генерал Врангель, где осмотрел части, расположенные в городе. Для его встречи, кроме наших частей, в строю находились французские войска, расквартированные в Галлиполи. Во время смотра юнкеров, генерал Врангель произвел в офицерский чин юнкеров старшего курса Константиновского военного училища. 19 декабря генерал Врангель посетил лагерь. Сначала он побывал у кавалеристов, потом у Корниловцев и Марковцев, а затем у Дроздовцев. На площадке у знамен выстроились стрелки, артиллеристы и кавалеристы бывшей Дроздовской дивизии, — без оружия. Генерал Врангель был в форме Корниловского полка и шинели мирного времени. Раньше, бывало, он появлялся всегда перед войсками в казачьей черкеске. Он произвел на всех большое впечатление, передать которое нелегко. Его манера здороваться с войсками, говорить с ними, как-то особенно действовала на всех. В его голосе была какая-то нотка, вызывавшая особую дрожь. Появившись перед строем, генерал Врангель обратился к войскам со следующими словами:

— Здравствуйтесь ОРЛЫ-ДРОЗДОВЦЫ!

Его приветствие звучало как-то особенно сердечно и хватало за душу каждого. Раздался, как гром, и ответ: прогремело «ура».

Генерал Врангель стал быстро обходить ряды Дроздовцев. Старичок, адмирал французской службы, Лебен, прибывший с ним, с трудом поспевал за ним. Обойдя всех, генерал Врангель обратился к Дроздовцам, сказав, что ему сегодня впервые, после оставления родной Земли, удалось повидать свои войска и поговорить с ними. Он сказал, что не приехал раньше потому, что хотел прежде выяснить все наиболее важные вопросы относительно дальнейшего положения Русской армии. Теперь он мог сообщить, что им получено сообщение французского командования, что мы все останемся как армия. Дальше генерал Врангель сказал:

— Во главе армии буду по-прежнему стоять я и буду яв-

ляться нашим ходатаем перед французским командованием о ваших нуждах.

Я приму все меры и потребую, чтобы наше положение было улучшено. Мы имеем право не просить, а требовать, потому что дело, которое мы делали, было общее дело и имело мировое значение.

Мы истекали кровью в борьбе с вдесятеро и больше превосходящим нас по численности врагом при гробовом молчании всего мира.

Мы выполнили свой долг до конца, но мы не виноваты в исходе этой борьбы.

Виновен весь мир, который смотрел на нас и не помог нам.

Попрощавшись с построившимися частями, генерал Врангель с начальствовавшими лицами отправился в палатку, где провел с ними, в беседе, довольно долгое время. После нам стало известно, что генерал Врангель поделился с ними последними новостями. Оказалось, что де-факто нас признает армией только французское командование. Левые французские партии с этим положением не согласны, а по-сему для парламента мы остаемся только беженцами. Деньги на наше содержание в общем отпущены будут и притом не в виде случайной подачи от французов, а как определенное содержание. Французское правительство выдаст ассигновку под обеспечение недвижимым имуществом, оставшимся в России у тех русских, которые покинули Россию и в данное время находятся на территории Франции. Паек будет в будущем увеличен, так как генерал Врангель считает, что выдаваемый в данное время паек неудовлетворителен и не соответствует потребностям русского человека. Средства на это дадут русские. Непожелавших остаться дальше в армии и имеющих на это право, согласно опубликованному приказу, задерживать, конечно, в армии не станут и для этой цели немедленно будут образованы комиссии по освобождению их. Дальше генерал Врангель сообщил, что все русские партии, которые вошли в Комитет, возглавляемый князем Долгоруковым, признали генерала Врангеля и подчинились ему. Указал он и на то, что с французами ему, генералу Врангелю, очень трудно вести переговоры и что они

только из боязни, что он сложит с себя обязанности Главнокомандующего идут на уступки. Ясно, конечно, что для французов, в целях сохранения порядка, было гораздо выгоднее иметь дело с военной организацией, чем с толпой беженцев. Генерал Врангель сообщил, что он живет на яхте «Лукулл», куда он перешел с крейсера «Генерал Корнилов», который со всей военной эскадрой ушел на стоянку в Бизерту. В Константинополе генерал Врангель бывал редко, а на яхте его усиленно охраняли. Французы вообще очень боялись покушения на генерала Врангеля. В конце беседы генерал Врангель сообщил, что на транспортах «Рион» и «Баштау» при эвакуации из Крыма вывезено достаточное количество обмундирования, белья, кожи и прочего, и что предполагено раздать это войскам, в скором времени.

После отъезда генерала Врангеля продолжались работы по приведению в порядок и украшению лагеря. Вдоль линеек появились деревца, кусты и ветки в большом количестве, а возле палаток искусственные клумбы. Перед палатками пехоты были выложены из разноцветных камней наши национальные шевроны, номера рот и батальонов. Около знамени был выложен из камней громадный русский герб — двуглавый орел — довольно тонкой работы и очень искусно и художественно исполненный. Выложены были и даты похода Яссы—Дон. На это все было положено много труда, но зато и лагерь стал совсем иной и принял более приятный для глаза вид. Жаль только, что кусты и елочки, а также можжевельник скоро вяли и осыпались и их приходилось часто заменять новыми.

В частях пища приготавливалась в общих котлах, где, как правило, варился суп из бульонных кубиков, или галушки с легкой приправой, а также суп с крупой; иногда — знаменитые бобы, которые никак нельзя было полностью разварить, или картофель. Этим порядком все были довольны. Консервы, кокосовое масло, чай, хлеб, сахар выдавались каждому на руки. По всему лагерю были слышны знаменитые в Галлиполи «кому?» — при дележе полученных продуктов. Дележ этот производился следующим образом: полученные продукты раскладывались по порциям по числу людей и один из присутствовавших, указывая пальцем на

одну из порций, спрашивал — «Кому?», другой стоявший спиной к продуктам и, следовательно, не имевший возможности выбрать большую или меньшую порцию, называл фамилию получателя. Самым плохим днем, в отношении питания, был день когда варились бобы, так как, как уже сказано их невозможно было разварить.

21 декабря опять в лагере был посетитель. Прибыл князь Долгоруков, представитель Земского Союза. Желавших его увидеть и услышать от него новости было столько, что они не смогли поместиться в предназначенной для беседы с ним палатке Дроздовского полка. Когда он спросил, в чем главная нужда в Галлиполи, ему было указано на слабое питание, отсутствие белья, обуви и обмундирования. Также просили оказать содействие и помощь по устройству в лагере и в городе бани и дезинфектора, оборудовать в лагере освещение и присылать книги и газеты. Князь Долгоруков все это записал и обещал принять меры и все зависящее от него сделать. Присутствовавшим он посоветовал держаться вместе, в беженцы из армии не уходить и удерживать от этого слабых духом. О русских партиях он сказал, что им грош цена, если не будет сохранена армия. Привел и исторический пример из борьбы за освобождение Италии, напомнив о Гарибальди, который тогда своим единомышленникам предложить только новые раны, холод, голод и мучения, но они были сильны духом, не испугались и остались с ним. Эти его тысяча человек, которых ничто не устрасило и послужили тем здоровым кадром, на котором создавалась сила освободившая Италию. Говорил князь Долгоруков и о международном положении. О генерале Врангеле сказал, что он человек необыкновенной воли, энергии и государственного разума.

В декабре у Дроздовцев работала комиссия по освидетельствованию записавшихся для получения категорий (категории, их было три, — состояние здоровья человека и возможность использования его для работы) и желавших покинуть ряды армии. В городе торговля шла полным ходом и в магазинах, в качестве продавщиц, появились русские женщины. Положение русских женщин в изгнании оказалось во много раз хуже, чем положение мужчин и, в особенности,

чинов армии. К сожалению, нужда заставила многих женщин пойти даже на улицу».

В декабре же начались в лагере занятия по изучению французского языка и высшей математики. У Дроздовцев занятия по изучению французского языка вели Шилов и Раевский, а лекции по высшей математике читал профессор Даватц. (Во время второй мировой войны он находился в рядах Русского корпуса и был убит во время бомбардировки.)

В декабре в командование Армейским корпусом в Галлиполи вступил генерал-лейтенант Витковский, так как генерал Кутепов заболел. В то время в Галлиполи был расквартирован, как французский гарнизон, батальон сенегальцев, на рейде стояла французская канонерная лодка. Французским комендантом города был вначале подполковник Вайлер, а после него — подполковник Томассен. 17 декабря оба французских подполковника, после смены, явились с визитом к генералу Витковскому, а генерал Витковский побывал у них с ответным визитом. На другой день генерал Витковский получил официальное приглашение от подполковника Томассена пожаловать к нему в управление. О своем посещении Томассена генерал Витковский так пишет в своих воспоминаниях:

«В назначенный час я отправился в Управление французского коменданта в сопровождении полковника Комарова, состоящего при штабе Корпуса в качестве переводчика. Подполковник Томассен в кратких словах изложил мне те требования, которые предъявил командир Оккупационного корпуса к Русским войскам в Галлиполи. Эти требования заключались в следующем:

Эвакуированная из Крыма Русская армия не является больше армией, а лишь беженцами. Генерал Врангель больше не Главнокомандующий, а тоже простой беженец. Также и в Галлиполи, по словам Томассена, никакого армейского корпуса нет, нет начальников — все, без исключения, беженцы, которые должны подчиняться только ему, как французскому коменданту. Далее он указал, что последнее, что требуется от меня, это сдать французам имевшееся у нас оружие и объявить частям об исполнении предъявленных нам требований.

Я выслушал Томассена совершенно спокойно, когда же он окончил свое повествование, то я, хорошо зная генерала Кутепова, и, будучи убежден, что найду в его лице, по выздоровлении, полную поддержку, также спокойно сказал Томассену:

Русская армия и после эвакуации осталась армией.

Генерал Врангель был и есть наш Главнокомандующий.

В Галлиполи расположены не беженцы, а войска, составляющие корпус, во главе этого корпуса, временно, стою я и только мои приказания будут исполняться войсками.

На него же я смотрю, как на офицера союзной Армии и коменданта соседнего гарнизона и, наконец, никакого оружия я ему не сдам.

Получив мой вполне определенный ответ, Томассен, уже взволнованный, сказал, что он примет более суровые меры к тому, чтобы приказание французского командования было исполнено и, как он выразился, «генерал не исполняющий его требований, не может оставаться здесь, в Галлиполи, а будет доставлен в Константинополь», — другими словами, — он грозил меня арестовать.

На это я твердо ответил, что русские войска поступят так, как я им прикажу, встал и вышел вместе с полковником Комаровым из Управления французского коменданта.

Придя в Штаб корпуса, я немедленно отдал все нужные приказания на случай тревоги, а также касающиеся занятия французского и греческого телеграфа. Кроме других мер предосторожности, я отдал приказание командиру нашего броненосца «Георгий Победоносец», стоявшему на рейде недалеко от французской канонерки, протаранить и потопить ее, когда последует на то особый сигнал с берега, дабы уничтожить радиостанцию на ней и ослабить французские силы.

Мы вскоре узнали, что сенегальцы оплелись колючей проволокой и приняли большие меры предосторожности, причем настроение у них было, особенно по ночам, довольно тревожное. Наша публика острела по их адресу, говоря, что они боятся 'русского тифа'.

Такое положение продолжалось до нашего Православного Рождества. За это время у генерала Витковского не было никаких сношений с подполковником Томассеном. Несомненно,

что подполковник послал соответствующее донесение в Константинополь командиру Оккупационного корпуса, а от генерала Витковского был командирован с донесением генералу Врангелю, генерал Георгиевич.

«Наступил праздник Рождества, — пишет в своих воспоминаниях генерал Витковский. — В галлиполийском греческом соборе греческий митрополит Константин, в сослужении с духовенством, совершал торжественное Богослужение. После Литургии служили молебен. Храм был полон молящихся. И вот, во время молебна, стоя впереди, я услышал движение в соборе и шепот. Это подполковник Томассен с чинами своего штаба, все в походной парадной форме, при оружии и орденах, протискивались вперед. Они стали сзади меня. Когда я, приложившись к Кресту, отошел в сторону, ко мне подошел Томассен и принес поздравление от лица своего и французского гарнизона по случаю нашего праздника. Этим жестом инцидент был исчерпан. Мы отвергли предъявленный ультиматум, — французы признали нашу силу и решимость.

Факт отказа сдать оружие дал возможность, как и на всем протяжении нашего пребывания в Галлиполи, так и впоследствии, сохранить нашу воинскую организацию и заставить считаться с нами.

Вскоре прибыл из Константинополя от Главнокомандующего, командированный мною, генерал-майор Георгиевич и привез мне от генерала Врангеля ответ, в котором он не только одобрил мои действия, но выразил свою благодарность.

Генерал Кутепов, как только ознакомился, по своему выздоровлении со всем происшедшим за время его болезни, выразил также свое полное удовлетворение».

Жизнь в Галлиполи текла своим чередом. Комиссия закончила свою работу и около 1000 человек — чинов корпуса — получили категории и все освобожденные от военной службы уехали 6 января в Константинополь.

По случаю православного Сочельника выдача хлеба была увеличена и каждый получил по 400 грамм очередного пайка и добавочно к нему по 250 грамм, как подарок к празднику Рождества Христова за счет средств полученных от

русских. Сам первый Праздник вне Родины был отмечен тихо и скромно.

Вновь наступили будни. Продолжалась работа по прокладыванию полотна узкоколейки от города до лагеря. Неожиданно 11 января в Галлиполи вернулись из Константинополя все уволенные из армии категористы. Их вначале держали на пароходе, а потом для них устроили лагерь вдали от лагеря частей корпуса.

К этому времени, наконец, определился размер нашего дневного рациона — на некоторое время, — хотя вид продуктов и их сортимент постоянно менялись. Стали выдавать в день на человека хлеба от 400 до 500 грамм, мясных консервов до 200 грамм, картофеля до 750 грамм, два грамма бульонных кубиков, до 20 грамм сахара и столько же кокосового масла, 1 грамм чая, немного соли и иногда добавочно 75 грамм муки. Картофель заменялся иногда на 100 грамм риса, чечевицы или фасоли. Иногда давали селедку или по 100 грамм камсы, но в такой день значительно урезывали количество мясных консервов. 10 и 11 января была раздача долгожданных лир. Все, вдруг разбогатев, стали готовиться, и в лагере и в городе, к встрече Нового года по старому стилю.

13 января отпраздновали Новый год. В полночь загремели выстрелы и непрерывная стрельба продолжалась довольно долго. Стреляли всюду по случаю праздника даже залпами, что вызвало у сенегальцев страшную панику. Со страха их часовые возле одного склада удрали с постов, а весь караул разбежался.

Обещанное обмундирование, белье и остальное, которое было вывезено из Крыма, так и не пришло для раздачи. Французы все забрали в свои руки и отправили в Марсель для продажи, а можно было бы одеть всю Русскую армию с иглочки и еще остались бы запасы.

Предполагавшийся Крещенский парад пришлось отменить ввиду проливного дождя, и водосвятие состоялось позже. Вокруг лагеря появились в большом количестве зайцы, которые стали забегать и в самый лагерь. Появилось новое развлечение — ловля зайцев. Этим занимались все, кому не лень и многие счастливицы возвращались в палатки с тро-

феями. Стали носиться слухи, что теперь лиры будут выдавать каждый месяц. Говорили о том, что генералу Кутепову французы прислали жалование в размере 135 лир, но он деньги вернул обратно, пояснив, что он не может их принять и не желает получать жалование до тех пор, пока его не будут получать все остальные чины армии.

Ночами, особенно с наступлением холодной погоды, стали подходить близко к палаткам и завывать шакалы, которых было очень много. К их резкому и неприятному вою и хохоту было очень трудно привыкнуть. Продолжала свирепствовать эпидемия сыпного и возвратного тифа, уносивших много жертв. Лазареты были полны больными. Скончался от тифа и генерал Шифнер-Маркевич, — редкий по храбрости, талантливый кавалерийский начальник. Похоронили его в Галлиполи 23 января 1921 года.

Водосвятие в лагере состоялось только 25 января в 11 часов. Богослужение совершил греческий митрополит Константин в сослужении наших военных священников. После состоялся парад войск. К началу службы, из города прибыли генерал Кутепов со штабом, французский комендант — подполковник Томассен, также со своим штабом, местные греческие и турецкие власти и много корреспондентов. По окончании молебна и водосвятия генерал Кутепов приветствовал войска, которые в ответ прокричали «ура» России, генералу Врангелю, местным властям и населению. Местные жители все время сердечно относились к своим неожиданным гостям — Русскому армейскому корпусу. Построенные для парада части были при оружии и произвели на всех присутствовавших отличное впечатление своей выправкой и стройными движениями. Для нас было немного странно видеть пехоту, вооруженную винтовками без примкнутых штыков. Корреспонденты не поскупились в словах при описании этого парада, наши части, действительно, проходили церемониальным маршем очень стройно. В особенно ярких красках и восторженно описал картину парада корреспондент газеты «Пресс дю Суар». Кроме всего другого он написал: «Вот идут знаменитые Дроздовцы и все поле покрылось малиной». Хотя наши части были в потрепанном обмундировании, но оно было приведено в полнейший порядок и все

имели головным убором фуражки с малиновым верхом. Недостатки обмундирования сгладились стройными движениями. Наши «цветные» полки постарались вывести наши части в соответствующих им формах, благодаря чему получилось отличное зрительное впечатление. Смотря на проходивших зритель чувствовал, что проходят части, к которым вернулось бодрое настроение, есть вера в свою силу, сгладилась острота переживаний после катастрофы в Крыму. Дисциплина, пошатнувшаяся было, вновь сама собой восстановилась. Чувства растерянности и безнадежности прошли. Испытания новой жизни за рубежом еще больше усилило любовь к своей Родине. Это особенно проявилось во время водосвятия и парада.

Прошло то время, когда вомущались военной организацией и пели песенку «Мама, мама, что мы будем делать...» Авторитет генерала Врангеля, очень большой и раньше, возрос невероятно, а с ним и авторитет других начальников. Все с нетерпением ожидали приезда генерала Врангеля, чтобы выразить ему свою верность.

27 января ночью разразилась редкая по силе гроза при сильнейшем ветре. Ударом молнии в палатку беженского лагеря было убито двое и несколько человек ранено. Выйти из палаток во время грозы мало кто и пытался. Кругом были потоки воды; ручей в ложине так разлился, что превратился в бушующую речку и наша ложина заполнилась быстро текущей темно-коричневато-желтой водой, несущей песок и глину. Для приготовления обеда пришлось взять эту, окружавшую нас, воду и обед получился малосъедобный, а вместо кипятка для чая получилось что-то вроде густого кофе — и по цвету, и по густоте. Когда перестал лить дождь, подул северный ветер и похолодало на столько, что сразу все замерзло. В палатках невозможно было согреться, так как от печек тепла почти не было, но дымили они так, что было трудно дышать и глаза наполнялись слезами.

29 января объявили приказ, согласно которому всем желающим вернуться на Родину нужно было записаться у французских властей, указав порт, в котором они желают высадиться. Французы только обещали доставить записавшихся в Россию, но никаких других гарантий не давали, а

поэтому каждый мог возвратиться только на свой риск. В Галлиполи желающих возвратиться на Родину не нашлось, но среди донцов и кубанцев некоторые выразили такое желание.

В конце января выдали немного белья и по второму одеялу. На белье была пометка, что оно предназначалось для армии генерала Колчака. С 1 февраля в частях Армейского корпуса в Галлиполи были введены занятия по следующему расписанию. С 9 до 10 часов — гимнастика, от 10 до 11 часов — пеший строй, с 15 до 16 часов — теория стрельбы и потом, один час, уставы. Такого рода занятия пытались ввести еще в ноябре, но тогда из этого ничего не вышло. Тогда предложение заниматься встретили возгласами: «К чему?!» или «На кой чёрт это?!». Теперь не только таких возгласов, но даже и какой-либо критики не было слышно. Правда, занятия эти, из-за нарядов, не всегда проводились.

У артиллеристов появилась мысль составить историю Дроздовской артиллерийской бригады, начиная с момента выхода из Ясс и до лагеря в Галлиполи. Для этого, приказом по Дроздовскому дивизиону, была образована комиссия, председателем которой был назначен полковник Булатов, — из 2-й батареи. История эта не была написана, а собранные материалы и весь архив погибли во время второй мировой войны.

Лагерь жил и готовился к ожидавшемуся вскоре приезду генерала Врангеля. Проводились строевые занятия и приводилось в порядок обмундирование. Наши полки, в полном смысле из ничего, создавали свои формы. Наконец стало известно о дне приезда генерала Врангеля, и что 15 февраля в лагере состоится смотр частей и парад. С утра 15 февраля моросил дождик и многие уже пришли в уныние, поговаривая, что из-за дождя и грязи парад, наверно, отменят. В 11 часов было приказано выходить и строиться в поле между ручьем и пехотным лагерем. Части, несмотря на моросивший дождь, стали выходить и строиться четырехугольником. «Цветные» полки вышли в своих формах. Как они ухитрились добыть и сделать эти формы, — много не говорили. Если приглядеться к их формам, можно было изумляться, как и из чего они сделаны, но, в общем, все же вид был отлич-

ный, — детали сглаживались. Дроздовский артиллерийский дивизион вышел в скромном и уже потрепанном обмундировании, но в однообразном и вычищенном. Всех поразили пехотинцы и кавалеристы — все Дроздовцы были в фуражках с малиновым верхом и белыми околышами и при белых поясах. Как потом узнали, пояса были сделаны из полотенца, но издали это заметить было невозможно, а вид получился более чем приличный. Немного навредил моросивший дождик, краски немного потекли, но и это не бросалось издали в глаза. Все замерли в ожидании приезда Главнокомандующего. Раздалась команда «смирно!» и наступила гробовая тишина. В это время вдали показался генерал Врангель в сопровождении большой свиты, в которой были представители французских военных и гражданских властей, греческой и турецкой властей, а также многочисленные журналисты и корреспонденты. В это время разорвались тучи и заблестело солнце. В поле прозвучала команда «Слушай, на-караул!», и по долине разлились торжественные звуки встречного марша, повторяемые в горах эхом. Прошло еще несколько минут и генерал Врангель стал быстрыми шагами обходить, в сопровождении французских военных начальников, построенные войска, здороваясь с ними. Сразу же после ответа на приветствие раздавалось столь мощное «ура», что в нем тонули торжественные звуки марша. Минуты встречи были настолько величественно-торжественны, что их трудно описать. У переполненных чувствами людей на глазах выступали слезы радости. Старшие офицеры, выдавшие разные встречи и смотры Императором Николаем Александровичем в былые времена в России, говорили, что редко последнему Государю устраивались встречи, подобные по своей торжественности и полные такого чувства, как эта, устроенная частями Армейского корпуса Русской армии своему Вождю — Главнокомандующему генералу Врангелю, вдали от Родины, на голом поле в «Долине роз и смерти», в Галлиполи. Говорить одновременно со всеми генерал Врангель не мог, а поэтому он вначале обратился с приветствием к частям кавалерийской дивизии, а потом — к пехотным частям. Его приветствие и слова обращенные к войскам, в обоих случаях были следующие.

«Славные воины непобедимой дивизии!»

Три месяца тому назад мы оставили последний клочок Русской земли и сто тридцать тысяч русских прибыло на берега Босфора. Вчерашние наши друзья, заискивавшие перед нами, пока мы были сильны, поспешили от нас отвернуться в момент несчастья, а наши враги, трусливо молчавшие во время наших побед, начали сводить с нами личные счеты. Они слетелись со всех сторон в Париж и там начали говорить от имени России, стараясь запятнать доблестное Русское воинство, которое потеряло все, но принесло в изгнание незапятнанными свою честь и свои знамена. Но все козни врагов разбились о нашу стойкость и они ничего не добились, а только покрыли себя позором перед лицом всей Европы.

Тот мир, который смотрел на нас, не понимая значения этой борьбы, считал уже наше дело проигранным и законченным, но он ошибся, он не знал силы духа русского человека и его великой любви к Родине. Теперь я привез вам обращение тех избранников народа, когда Россия была еще сильна — членов Государственной Думы всех созывов и Государственного Совета. Они шлют вам свой привет и объединяются вокруг меня и вас.

Как два месяца тому назад говорил, так говорю и теперь вам:

Держитесь Орлы, держитесь! Один за всех — все за одного и нам враги не страшны.

Я говорю вам, что, как сегодня рассеялись тучи и выглянуло солнце, так и наши невзгоды рассеются и Россия снова воскреснет.

Пройдет два-три месяца и нас признают, нас попросят».

После обращения генерала Врангеля к войскам, генерал Кутепов провозгласил в честь Главнокомандующего «ура», которое прогремело еще мощней, чем предыдущие. После этого генерал Врангель расцеловался с генералами Кутеповым и Витковским.

Войска перестроились к церемониальному маршу и этот, никогда незабываемый, марш прошел с таким подъемом, что для его описания вообще нельзя найти подходящие слова. Без всякого самохвальства я должен отметить, что все час-

ти проходили мимо своего Главнокомандующего отлично, но особенно выделялись «Дрозды» в своих малиновых фуражках и со своими белыми поясами, что и отметили прибывшие в свите генерала Врангеля корреспонденты, которые без конца фотографировали. Парад и встречу снимали для кино. Уже будучи в Югославии, а позже в Германии, мне, пишущему эти строки, посчастливилось посмотреть фильмы об этом Галлиполийском параде, на котором я сам учествовал, будучи в строю 2-й Дроздовской конно-артиллерийской батареи.

По окончании парада генерал Врангель побывал в лагере, где долго ходил и осматривал палатки, знакомясь с условиями, в которых находились части армии, разговаривая с офицерами и солдатами. Он, между прочим, сказал:

«Я привез вам денег, правда не очень много, столько же как и в прошлый раз, и думаю что и в будущем удастся также их выдавать. Обмундирование «друзья» зажали, приходится от них понемногу выцарапывать».

За генералом Врангелем ходили толпами офицеры и солдаты. Всюду слышалось «ура». После осмотра лагеря в штабе дивизии был подан завтрак, на котором было провозглашено много тостов, приветствий, и об очень многом сказано генералом Врангелем. Он рассказал тогда и о том предложении, которое ему было сделано Керенским. Керенский предложил генералу Врангелю больше чем сотрудничество. Он обещал достать для армии все необходимое, в отношении содержания и пропитания, теперь же, но в то же время поставил и свои условия. Он признавал генерала Врангеля только как командующего армией, а все остальное оставлял в своих руках. На это генерал Врангель ответил, что он, может быть, и принял бы такое предложение, но он, генерал Врангель со своей стороны ничем не может гарантировать выполнение предложенных условий, так как он, кроме двух черкесок, ничего не имеет. Возражение генерала Врангеля осталось без ответа. Генерал Врангель также сказал, что до сих пор армию, как армию еще не признали и что, официально, мы все находимся на положении беженцев.

Под крики «ура» генерал Врангель отбыл из лагеря.

К вечеру погода внезапно и резко изменилась к худше-

му. Стало холодно, подул сильный ветер и пошел дождь с градом. Чувствовалось, что теплые дни уже миновали. 18 февраля во всем лагере происходила раздача привезенных генералом Врангелем денег и каждый офицер получил по две турецких лиры, а каждый солдат — по одной лире. Все ожили и устремились за покупками к открытым уже гарнизонным лавкам в городе и в лагере, в которых продукты и товары продавались по удешевленным ценам. Многие отправились за покупками в город, так как и там, благодаря конкуренции, местные торговцы значительно снизили цены. Всюду образовались большие очереди.

Была холодная погода, порой — настоящие зимние дни, так что о теплых днях перестали и мечтать. 22 февраля, после сильного и холодного ветра, началась настоящая выюга с метелью и снегом. В тот вечер крутило и мело по-настоящему, как это бывало у нас на Родине в Рождественские дни. На другой день подул теплый ветер и наступила резкая перемена. Снега скоро не стало, повсюду образовались лужи и липкая вязкая грязь.

После посещения лагеря генералом Врангелем у всех осталось приподнятое настроение и от бывшего ранее уныния не осталось и следа. Наступившие в скором времени теплые дни еще содействовали этому. В свободное время стали развлекаться игрой в городки и в футбол. Некоторые занялись кустарным ремеслом и изготавливали различные вещицы для продажи в городе; другие собирали в горах дрова и носили их с той же целью в город, но эти занятия приносили весьма незначительный доход. Нашлись и такие, которые занялись выжиганием древесного угля и на толкучке в городе можно было видеть солдат с продуктами их производства в мешках. Но и это занятие не приносило ожидавшихся доходов, так как спрос зависел от погоды, а она все время менялась.

25 февраля дул сильный холодный ветер и вечером, после 20 часов, была в лагере, у конно-артиллеристов, тревога по случаю пожара. Загорелась палатка во 2-й Дроздовской батарее, в которой помещались офицеры и солдаты бывшей 5-й конной батареи. В палатке почти все спали, когда от ветра оборвалось внутреннее полотнище и упало на раскален-

ную трубу печки в солдатской половине палатки. Полотнище моментально воспламенилось и вскоре загорелось и нары. Не прошло и десяти минут, как вся большая палатка с окнами, внутренним и внешним полотнищами (см. фотографию лагеря в Галлиполи) представляла собой громадный костер. В огне погиб капитан Яценко, офицер 5-й конной батареи, лежавший в тифу без сознания. Его пытались спасти два офицера, но не смогли. Им пришлось выскочить из огня голыми, так как на них загорелось белье. Другим офицерам тоже пришлось тяжело, так как пламя сразу же, гонимое сильным ветром, устремилось в их сторону. Им пришлось спасаться, рубя шашками горящее полотнище палатки, под звуки взрывающихся револьверных и ружейных патронов. Большинство выскочило из огня в одном белье. Спасать вещи не было возможности. В воздухе носилась горящая трава «пережати поле», которой были покрыты нары в палатке и это создавало опасность переброски огня на другие палатки. Только под утро нашли обгорелый, еще тлеющий, труп капитана Яценко.

В день третьей годовщины Похода Яссы—Дон, 26 февраля, был назначен парад. В 11 часов дня Дроздовцы построились для парада. Еще до начала его у артиллеристов было небольшое предварительное торжество. Полковник Якубов выстроил чинов бывшей 3-й Дроздовской батареи. После приветствия поздравил с праздником. В коротком слове описал Поход и объяснил нынешнее положение, затем обратился к солдатам, о награждении которых Георгиевскими крестами за их дела в Крыму пришел приказ. Раздал им георгиевские ленточки. Представления к наградам были сделаны еще в Крыму, но по приказу прошли только теперь.

Парад состоялся на площадке перед знаменами. Сначала генерал Туркул поздравил всех Дроздовцев с Праздником, потом — генерал Витковский, а затем — прибывший из города Галлиполи генерал Кутепов, который обратился к построенным частям с речью. Они прошли потом перед ним церемониальным маршем. После парада в пехотных частях было большое празднество с обильным угощением, на котором было выпито в достаточной мере. После этого, с криками «ура» носили по лагерю генералов Витковского, Туркула,

Манштейна и Ползикова. Их качали и все время подбрасывали значительно выше голов, и в таком состоянии их превосходительства находились довольно долго. Нужно только удивляться, как они выдержали столь бурное проявление любви. Батареи также не ударили лицом в грязь и устроили в своих палатках угощение с выпивкой.

Жизнь наша и в городе и в лагере Галлиполи постепенно налаживалась. Принятыми своевременно мерами дисциплины и дух войск были подняты на должную высоту. Были организованы всякого рода курсы, учебные команды. И все же свободного от занятий и несения всяких нарядов времени было достаточно и его стали заполнять разными спортивными состязаниями. Особенно все увлекались футболом.

Французские власти делали все возможное, чтобы избавиться от непрощенных «гостей», старались тем или иным способом распылить Русскую армию, уничтожить не только кадры ее, но даже и самую идею Белой вооруженной борьбы. Ими было пущено в ход все, вплоть до провокаций. Особенное внимание, в этом отношении, французы обратили на части расположенные в районе Галлиполи, как на самые дисциплинированные и стойкие.

Первая серьезная попытка французов в этом направлении была 26 марта. В этот день французский комендант в Галлиполи и командир расположенного там же батальона сенегальцев, вызвал к себе генерала Витковского и заявил ему, что комендант вынужден объявить то решение французских властей, которое он получил уже несколько дней тому назад. Комендант, заверил, что он сам сожалеет об этом и вполне понимает генерала Витковского, как офицера, что он оттягивал сообщение о решении французских властей о том, что будет прекращен отпуск продуктов питания частям Русской армии, а посему они должны или перейти на положение беженцев, или отправиться обратно в Советскую Россию, для чего уже выделен пароход и дано распоряжение о немедленной погрузке, или, наконец, отправиться на жительство в Бразилию. Комендант просил сообщить об этом всем частям корпуса.

Это неприятное сообщение было принято всеми совершенно спокойно. Все решили ждать приезда генерала Вран-

геля и от него услышать дальнейшее распоряжение. Единодушие было полное, если не считать нескольких человек пожелавших возвратиться в Советскую Россию, — авторитет генерала Врангеля и вера в него были большие. Солдаты так и говорили: «Как генерал Врангель прикажет, так и сделаем. Скажет примириться — замирился, скажет завоевать свои права — завоюем».

Днем Дроздовцы устроили демонстрацию: полк с винтовками прошел мимо штаба дивизии, чтобы показать, что он всегда и на все готов. Угроза французов сплотила людей. В городе между русскими и французами произошло несколько эксцессов в связи с приказом французского коменданта. Сенегальцы опять испугались и обнесли свое расположение, и в городе, и вне его, проволокой. Конечно такая мера с их стороны не спасла бы их, если бы дошло до вооруженного столкновения.

От Союзного командования в Константинополе был спешно командирован в Галлиполи генерал Шапри. Побывав в Галлиполи и в лагере, он вернулся в Константинополь и там на вопрос представителя союзного командования, ответил так:

«Вы знаете, генерал, Баварскую гвардию, которая была на французском фронте, так она уступает по своим качествам во всем корпусу генерала Кутепова».

На вопрос: «Так вы думаете, что они могли бы занять Константинополь?» генерал Шапри ответил: «Очень свободно».

Генерал Врангель узнав о предъявленном французами ультиматуме, отказался от всех их предложений и заявил, что в Советскую Россию он может отправиться с войсками только в том случае, если части будут вооружены в соответствии с его требованиями, что отправка в Советскую Россию способом предложенным союзниками дала бы сто процентов смертности, а переезд в Бразилию — девяносто процентов смертности. Когда решение генерала Врангеля и его ответ французам стали известны в Галлиполи, там наступило полное успокоение. Французы же продолжали выдавать паек и было получено обещание увеличить его на Пасху. Французы вновь стали внимательными и предупредительными. Вско-

ре из Константинополя вернулся генерал Кутепов, который сообщил, что французы не рассчитывали на столь стойкое противодействие частей корпуса, считая его уже распропагандированным и разложившимся подобно Донскому корпусу, в разложении которого французы сыграли главную роль, занимаясь всякими некрасивыми делами вплоть до гнусной пропаганды и подтасовывания фактов.

Жизнь в городе и лагере Галлиполи продолжала течь по уже установленному руслу. В частях продолжались занятия, читались лекции на различных курсах общеобразовательного характера, велись занятия в учебных командах, в свободное время спортивные состязания, особенно футбол. 30 марта началось состязание футбольных команд на переходящий кубок 1-го Армейского корпуса. Первая встреча команды Дроздовцев с командой Корниловцев окончилась победой последней со счетом 2:0. Стало приходить небольшими партиями в Галлиполи обмундирование и белье для раздачи частям. Появилась стенная газета и стали выходить рукописные журналы. Так как все ожидали приезда генерала Врангеля, то не переставали усиленно украшать лагерь.

2 апреля генерал Кутепов был вновь вызван в Константинополь и стали ходить упорные слухи о переселении Русской армии на Балканы и в Венгрию. Вернувшийся 9 апреля из Константинополя генерал Кутепов сообщил, что действительно ведутся переговоры о переселении частей Русской армии на Балканы, куда командирован генерал Шатилов, но что корпус, пока, что, пробудет еще некоторое время в Галлиполи.

Донской корпус перед этим был перевезен с Чатаалджи на остров Лемнос. На этот корпус французы в первую очередь обратили свое внимание с целью как можно скорей от него избавиться. Для этого было пущено в ход все. Чтобы получить от Донцов согласие на возвращение в Советскую Россию, французы прибегли не только к лживой пропаганде, но даже и к провокации. Они окружили лагерь Донского корпуса своими частями, а у берегов острова расположили свои миноносцы и приказали казакам построиться отдельно от офицеров. Когда это было выполнено, французы объявили, что отпуск пайка будет прекращен и что, поэтому

единственный выход для казаков — возвращение на Родину. Дальше казакам было сказано, что офицеры их все время обманывают, стараясь сохранить воинскую организацию, так как в таком случае они, офицеры, останутся на тепленьких командных местах, ничего не будут делать и будут продолжать кормиться за счет казаков, в то время, когда последние должны будут работать как рабы. Также уверяли казаков, что получены точные сведения о том, что ранее уехавшие на Родину казаки были там очень хорошо приняты красными. Поколебленные этой пропагандой некоторые казаки стали записываться на возвращение на Родину добровольно, а другие — под угрозой пулеметов «союзников», не видя иного выхода из создавшегося положения. Но большинство было погружено на транспорты «Дон» и «Решид Паша» насильно. Когда эти транспорты с семью тысячами казаков прибыли в Константинопольский рейд, обо всем случившемся узнал генерал Врангель. Он немедленно остро запротестовал против такого поступка с казаками французских властей, задержал отправку в Советскую Россию транспортов с казаками и потребовал немедленно произвести новый опрос всех погруженных на транспорты, побывав предварительно у них и разъяснив правильно положение. При новом опросе Донцы заявили, что их обманули или погрузили силой. Только очень незначительное число подтвердило свое желание вернуться на Родину. Это обстоятельство заставило французов, испугавшихся большого скандала, немедленно вернуть казаков на остров Лемнос. Поведение французов вызвало очень много толков и возмущений, а действия генерала Врангеля еще и еще укрепило веру в него и правоту действий командования. Бывший и до этого громадным авторитет генерала Врангеля возрос и еще больше укрепились уверенность, что он найдет достойный выход из создавшегося положения.

Согласно приказу генерала Врангеля пребывание в Галлиполи и в других лагерях засчитывалось всем как пребывание на фронте, а поэтому последовали приказы о производстве в следующие чины. Это производство вызвало едкую сатиру — появилась очень удачная карикатура: «Смотр войскам гарнизона города Галлиполи в 1951 году».

На этой карикатуре все чины армии были изображены в чине генералов. Вдоль строя, опираясь на палочку, идет генерал Врангель в сопровождении престарелых генералов Кутепова и Витковского. Вдали возле кухни возится кашевар, единственный из всех чинов еще в чине полковника. Обходя фронт, Главнокомандующий обращается к войскам со словами: «Держитесь орлы! Пройдет еще два месяца и нас признают».

Генералу Витковскому часто приходилось временно замещать генерала Кутепова в Галлиполи, и командовать корпусом. В своих воспоминаниях о пребывании в Галлиполи он так обрисовал многие события, имевшие там место в 1921 году.

«К лету 1921 года окончательно выяснилось стремление французского правительства распылить Галлиполийские войска и тем самым, как тогда казалось французам, уничтожить не только кадры Крымской армии, но и идею Белой вооруженной борьбы. С этой целью французами был выпущен ряд «обращений» и «объявлений», убеждавших русские войска выйти из подчинения их начальников и отправиться или в Советскую Россию, или в Бразилию, или еще в иные места. При этом французы не скупились на преувеличения, явно циничные и обманные. Припоминаю, как Томассен однажды, в разговоре со мною доказывал, что лучше всего ехать нам в Бразилию и рисовал заманчивые перспективы, но получив вполне определенный ответ, больше не возобновлял со мной подобные разговоры. Полуголодный паек, выдаваемый французским интендантством, был еще более урезан и стал в полном смысле слова — голодным».

Когда наступили летние дни, ко всем уже существовавшим невгодам прибавились новые, так как в «Долине роз и смерти» появилось очень много змей, сороконожек и скалапендров, укусы которых порой были даже смертельными. Пак был голодный и, чтобы каким-либо способом улучшить свое питание, многие занялись ловлей черепах и из их мяса варили довольно вкусный суп. Во время наступившей летней жары, чтобы спастись от нее, большинство ходило в свободное время купаться в море. Все, случайно получавшиеся, лиры уходили исключительно на покупку продуктов пита-

ния. Турки бойко торговали каждое утро, привозя в лагерь хлеб. На гортанный клич «Экмек вар», слетались быстро, как птицы, обитатели лагеря. Через короткое время, довольные удачной и быстрой торговлей, турки отправлялись домой, чтобы на следующий день появиться вновь.

Все время не прекращались всякого рода занятия, читались лекции по всевозможным дисциплинам, шли футбольные состязания. 21 мая состоялся заключительный матч между командами Корниловцев и Марковцев, который закончился победой Корниловцев. Генерал Кутепов вручил победителям приз — серебряный «переходящий» кубок 1-го Армейского корпуса.

22 мая в день св. Николая Чудотворца, в лагере состоялся парад, на который из города Галлиполи прибыли все военные училища и приняли участие в параде войск. Корниловскому военному училищу были выданы серебряные трубы с лентами св. Николая Чудотворца. От каждой Дроздовской батареи было в строю на параде по 8 рядов и все участники парада были в сапогах, синих брюках и белых рубашках. Вид батарейцев был однообразный и для глаза очень приятный.

Ожидавшийся на Пасху приезд генерала Врангеля не состоялся. Его просто не выпустили французы из Константинополя, держа в «почетном» плену. 20 мая в информационном листке было помещено письмо генерала Врангеля, адресованное генералу Пеллэ, в котором генерал Врангель смело писал относительно вредной политики французов по отношению к Русской армии, о том, что обещанный им объезд наших лагерей на праздник св. Пасхи не состоялся из-за чинившихся со стороны французов препятствий и что это вызвало понятные волнения в лагерях. Дальше он писал, что политика французов, призывавшая солдат не подчиняться офицерам, могла также вызвать нежелательные волнения и беспорядки, и что в таком случае он не может поручиться за целостность, находившихся в районе лагерей французских гарнизонов и комендантов, которые, своей недопустимой лживой пропагандой и отношением к Русской армии, только восстанавливают против себя русские части. Для того, чтобы внести успокоение, — писал генерал Врангель, — необходи-

мо безусловное прекращение французами их тогдашней политики по отношению к Русской армии и немедленный объезд Главнокомандующим всех лагерей, с целью лично объяснить войскам настоящее положение вещей. Несмотря на это письмо, генерала Врангеля к войскам не пустили.

В своих воспоминаниях генерал Витковский пишет так:

«К счастью для нас, усилившийся натиск французов совпал с периодом духовного возрождения Галлиполийских войск. Принятыми мерами дисциплина и дух войск были подняты на должную высоту, а это обстоятельство давало нашему командованию возможность стойко и непреклонно бороться с разлагающими тенденциями французов. Все же положение создавалось весьма серьезное. Генерал Кутепов понимал это и в своих доверительных беседах со своим начальником штаба генералом Штейфоном, а также и со мной, как со своим заместителем, не скрывал своих опасений. Командира корпуса особенно волновал вопрос, что делать, если французы выполнят свою угрозу и прекратят выдачу продовольствия. Достойный выход был один: уходить из Галлиполи и тем отвергнуть французский план распыления. Такой исход мог быть осуществлен только походным порядком, ибо ни Главное, ни тем более Галлиполийское командование, не располагали вообще тоннажем.

После продолжительного обсуждения Командир корпуса избрал следующий план: в случае прекращения французами выдачи продовольствия войскам или предъявления нового ультиматума о разоружении, корпус двинется походным порядком из Галлиполи в направлении на Кешан и далее на север, распространя слух о своем желании перейти в Болгарию. Достигнув параллели Константинополя, повернуть на восток и форсированным маршем занять сперва Чатаджинскую позицию, а затем и Константинополь. По мнению генерала Кутепова, занятие его явилось бы внушительной демонстрацией, способной обратить внимание Мира на положение Белой армии. В своей идейной части, намеченный план являлся, конечно, типичной авантюрой. Впрочем, разве еще не большей авантюрой являлись переходы через Альпы Ганнибала и Суворова?

В качестве военного предприятия, план имел много шан-

сов на успех. В его снову клалась дерзкая смелость и внезапность, что, как известно, всегда способствует победе. Затем, общеполитическая обстановка тоже благоприятствовала нам. Константинополь служил центром сильнейших европейских страстей. Кемаль только и ожидал благоприятного момента, чтобы овладеть отоманской столицей. В свою очередь, султан, находившийся в почетном плену у союзников, мечтал любой ценой упрочить свою власть. Греки не скрывали своих исторических вожделений овладеть Царьградом. Что же касается союзников, то в их отношениях, давно, увы, не было ни сердечности, ни согласованности взглядов и действий. К тому же, союзный гарнизон, состоящий главным образом, из колониальных войск, как по своей численности, так и по духу, не мог считаться опасным для таких первоклассных войск, какими были части 1-го Армейского корпуса. Главной и наиболее страшной силой союзников являлся их военный флот, охранявший Константинополь. Однако Галлиполийское командование было глубоко убеждено, что союзники никогда не рискнут на действие флотом, так как таковое действие было бы равносильно разгрому города. Допустить же такую крайнюю меру не позволили бы союзные интересы, пропитанные алчностью и соперничеством. Таким образом, заняв Константинополь, Белые войска имели все шансы найти для себя, хотя и временных, но союзников и в то же время не ожидать серьезного военного сопротивления. После Великой войны и обнаружившейся общей неудовлетворенности ее результатами, Европа переживала период волевого маразма. На этой психологической предпосылке и строился, главным образом, план похода, ибо Белые войска отлично знали силу морального элемента. Что касается дальнейшего, после занятия Константинополя, поведения, то оно не предreshалось и ставилось в зависимость от 'неприятельского обращения'.

Надуманный план долго сохранялся в полной тайне, ибо успех его зависел, главным образом, от совершенной скрытности подготовки и внезапности действий. Французы, имея свою контрразведку, все время всячески стремились проникнуть во все дела Русского командования и с этим необходимо было считаться. В план Константинопольского похода

прежде всего и полнее остальных был посвящен только я, как заместитель командира корпуса. Детальной разработкой плана ведал генерал Штейфон. Им была произведена тщательная рекогносцировка путей и собран статистический материал, выявляющий возможные условия будущего похода. Произведены тщательные расчеты и разработка организации движения. Большим достижением генерала Штейфона являлось то обстоятельство, что путем секретных переговоров с греками, ему удалось заручиться их поддержкой. Греки были юридические, а в глубине полуострова и фактические хозяева положения. Их сочувствие нашему плану имело громадное значение. Так результатом секретных переговоров было достигнуто то, что греческая администрация и греческие военные власти, по указаниям из центра, должны были оказать полное содействие русским войскам по их выходу из Галлиполи. Обещание греческой помощи было особенно ценно, так как оно сводилось, главным образом, к снабжению от местных жителей проводниками, перевозочными средствами и продовольствием на все время движения.

Дабы подготовить войска к внезапному выступлению и в то же самое время не вызвать этими мерами подозрительности французов, у нас были введены в программу обучения войск — ночные тревоги. Эта мера дала прекрасные результаты. Первым было поднято по тревоге Александровское военное училище. В смысле быстроты и порядка сбора, оно представилось отлично, но, как и следовало ожидать, в вопросах хозяйственной подготовки обнаружилось много недочетов. Училище, конечно, не подозревало с какой целью была устроена 'тревога'. На основании опыта Александровского училища, войскам были даны соответствующие указания и объявлено, что Корпус всегда должен быть готовым выступить походным порядком из Галлиполи. Таковая возможность мотивировалась тем, что отсутствие тоннажа может побудить совершить переход в Балканские страны походным порядком.

В это время Главнокомандующий вел переговоры о принятии Корпуса Сербией и Болгарией. Об этом знали и наши войска и французы. Объяснение казалось настолько правдоподобным, что всеми было принято, как вполне естествен-

ное. В итоге, после ряда ночных тревог и введенных тоже в программу обучения походных движений, Корпус был вполне готов к выступлению в любой момент. Первая ночная тревога вызвала среди французов большое волнение. Их малый гарнизон был, как островок, среди русского 'военного моря'. Видя, что это только учение, французы успокоились.

Можно было сохранить в полной тайне цель подготовки Корпуса, но самую подготовку, конечно, невозможно было скрыть. Поэтому, естественно, что непонятные действия Русского командования не могли не привлекать внимание французского командования. К тому же, генерал Кутепов, демонстративно подчеркивал, что в случае прекращения французами довольствия, он поведет свой Корпус в Болгарию походным порядком. Как уже указывалось, французские угрозы прекратить довольствие являлись лишь средством для осуществления основной цели: уничтожения русской национальной вооруженной силы. Поэтому самовольный уход Корпуса в Болгарию не входил в расчеты французской дипломатии. К тому же, уход под давлением голода, был бы европейским скандалом. Не стесняясь в мерах самого грубого воздействия на русские войска в пределах Галлиполи и других русских лагерей, французы отнюдь не желали громадного скандала. Ввиду таких соображений, командир Французского оккупационного корпуса на востоке, решил наглядно убедить русское командование в невозможности ухода русских войск походным порядком.

Необходимо объяснить, что наиболее уязвимым местом русского плана являлось движение Булаирским перешейком, соединяющим Галлиполийский полуостров с материком. Дорога, проходящая перешейком, соединяющим полуостров, настолько близко подходила к морю, что являлось серьезное опасение попасть, в этом месте, под огонь французской судовой артиллерии. Подобное опасение было тем естественнее, что на Галлиполийском рейде, как я указывал выше, всегда находилась дежурная французская канонерка или миноносец. К тому же, в случае нужды, этот миноносец мог быть усилен подходом из Константинополя французских военных кораблей. Несмотря на все старания выяснить, насколько может быть действителен огонь судовой

артиллерии по Булаирскому перешейку, это нам не удавалось. Однако, французы сами помогли разъяснить этот вопрос. В ответ на наши маневры, они решили сами произвести свои при участии сенегальцев и миноносца, дабы показать, как ими надежно закрыт выход из Галлиполи. На миноносец был приглашен присутствовать на маневрах генерал-лейтенант Карцев, бывший в роли переводчика при генерале Кутепове. Получив от последнего соответствующие указания, генерал Карцев обратил особое внимание на действительность стрельбы по перешейку и установил совершенно точно, что, благодаря топографии местности, снаряды миноносца или перелетали дорогу или попадали в гряду, прикрывающую дорогу с моря. Таким образом, благодаря оплошности французов, нашему Штабу корпуса удалось узнать чрезвычайно важное сведение. Получением этого сведения, работа нашего Штаба по составлению плана была закончена и, надо признать, вполне успешно.

По завершении плана, командир корпуса командировал начальника штаба в Константинополь для секретного доклада генералу Врангелю. Главнокомандующий одобрил план, а также и все сделанное. Получив санкцию Главнокомандующего, генералу Кутепову потребовалось разрешить еще один, весьма важный, вопрос — избрать исполнителей плана. Сложная операция выхода из Галлиполи представлялась в следующем виде. Внезапным ночным налетом разоружался сенегальский батальон, расположенный за городом по соседству с Сергиевским артиллерийским училищем. Подобное задание не представляло никакой сложности для Белых войск. Разоружение сенегальцев было возложено на авангард, дабы, имея в виду последующие действия, он мог бы вооружить себя сенегальским оружием. По выполнению своего первого поручения, авангард должен был, не задерживаясь, двигаться форсированным маршем, дабы возможно скорее захватить Чатаджинскую позицию, прикрывающую Константинополь. Главные силы, не останавливаясь в городе, обязаны были двигаться за авангардом, поддерживая последний своими энергичными действиями. Не менее ответственная задача при выходе из города, возлагалась на арьергард. Он обязан был обезвредить французское командова-

ние в Галлиполи, прервать его связь с миноносцем и Константинополем, вывести все артиллерийские, интендантские и иные потребные нам запасы, не допустить аморальных эксцессов и, в случае подхода из Константинополя морской или иной пехоты, удерживать таковую, чтобы дать возможность остальным силам корпуса беспрепятственно выполнить свое назначение.

Начальником авангарда был назначен командир Дроздовского стрелкового полка, генерал-майор Туркул, с Дроздовскими частями. Начальником главных сил был назначен я (генерал Витковский). В состав главных сил входили: пехотная и кавалерийская дивизии, все вспомогательные войска и санитарные заведения. При главных силах должны были следовать и семьи. Начальником арьергарда командир корпуса назначил начальника штаба и галлиполийского коменданта, генерал-майора Штейфона, с подчинением ему всех военных училищ. 21 июля генерал Кутепов пригласил на секретное заседание указанных будущих начальников колонн, а также начальника кавалерийской дивизии, генерал-лейтенанта Барбовича, и начальника Сергиевского артиллерийского училища, генерал-майора Казмина. Последний, как ближайший сосед сенегальцев, обязан был способствовать авангарду при разоружении сенегальцев, а затем, поступить в подчинение начальника арьергарда. Командир корпуса объявил собравшимся обстановку, принятый им план и распределение частей и обязанностей. Начальникам колонн и генералу Казмину было приказано, во исполнение основного плана, продолжать разведку и подготовку в пределах своих будущих задач.

Таков был план на случай, вынужденного теми или иными причинами, ухода частей Русской армии из района Галлиполи. Жизнь же в лагере и в городе по-прежнему текла по уже установленному руслу. В это время произошло событие, на котором следует остановить внимание читателя — сооружение на берегу Дарданелл, у города Галлиполи, грандиозного памятника русским воинам, нашедшим вечный покой на чужбине в 1920 и 1921 годах, и умершим в турецком плену в 1854—55 годах предкам запорожцам.

Как уже было сказано раньше, в первые месяцы пребы-

вания частей Русской армии в Галлиполи свирепствовали эпидемии разного рода тифа и других болезней, которые унесли свыше 260 жертв. Скончавшихся русских воинов погребали в разных местах. Одинокие могилы выросли на греческом кладбище и у старого турецкого кладбища, а также появились надгробные кресты и в районе лагеря 1-го Армейского корпуса в «Долине роз и смерти». Генерал Кутепов решил привести в порядок дело последнего упокоения чинов корпуса. В лагере было устроено, в районе пехотной части, кладбище, на котором было 24 могилы, а у кавалеристов тоже — с 14 могилами. Возле города, на месте бывшего армянского кладбища, было создано городское кладбище, где хоронили, главным образом, скончавшихся в лазаретах. На этом кладбище, с наибольшим числом могил, и состоялась в мае месяце закладка исторического памятника, в основание которого была вложена медная пластинка в герметически запаянном свинцовом футляре, с надписью на ней:

«Памятник сей заложен 9 мая 1921 года при Главнокомандующем генерале П. Н. Врангеле, Командире корпуса генерала от инфантерии А. П. Кутепове, по проекту архитектора подпоручика Н. Акатьева. При закладке присутствовали...»

К работе по сооружению памятника было приступлено немедленно и мало-помалу стал расти ступенчатый конус строгих архитектурных линий. Он достиг высоты около шести метров и его верхушка была увенчана небольшим простым крестом, как бы благословляющим общее место упокоения русских воинов. На всех могилах, приведенных в единообразный вид, были поставлены железные кресты с надписями на металлических дощечках. Само же кладбище было обнесено оградой и у входа выстроена сторожка для сторожа.

В сооружении Галлиполийского памятника принимали участие все чины Корпуса и все русские, бывшие в то время в Галлиполи. На отданный генералом Кутеповым приказ о сооружении памятника откликнулось все русское население города и лагеря — и офицеры, и солдаты, и женщины, и дети, хотя бы тем, что принесли к месту сооружения памят-

ника свою долю строительного материала. Для памятника одним камнем потребовалось около 20 тысяч. Поистине гигантскую работу произвела команда строителей памятника под руководством архитектора, подпоручика Акатьева. Надо заметить, что настоящих каменщиков специалистов гранильщиков в частях корпуса не оказалось, и пришлось обучать строителей во время работы. Кроме того нужно было многие инструменты изготовить своими средствами. Но все трудности были побеждены волевым упорством, непоколебимым желанием исполнить свой долг перед скончавшимися вне Родины соратниками.

Через девять недель после закладки первого камня, памятник был построен и 16 июля 1921 года состоялось его торжественное открытие и освящение. На это большое событие и торжество у кладбища собрались все чины Армейского корпуса и все русское население города Галлиполи. Во время Богослужения, совершавшегося отцом Ф. Милевским, с памятника был снят покров и летнее солнце осветило его. На лицевой стороне памятника, на мраморной плите, красовался Русский друглавый орел, а под надпись:

«Упокой Господи, души усопших. 1-й Корпус Русской Армии своим братьям-воинам за честь Родины, нашедшим вечный покой на чужбине в 1920 и 1921 гг. и в 1854—55 гг. и памяти своих предков запорожцев, умерших в турецком плену».

По окончании Богослужения были возложены венки на памятник и была передана генералом Кутеповым мэру города Галлиполи грамота. Последовали команды, полились плавные звуки торжественного марша и белые войны, стройными рядами, стали проходить церемониальным маршем перед памятником, возле которого стояли начальствующие лица во главе с генералом Кутеповым и почетные гости.

Долг перед усопшими был выполнен. На кладбище, в сторожке поселился сторож, — местный житель по имени Измаил Оглы Исан и стал следить за памятником и порядком на кладбище.

После того, как последний чин Русской армии покинул город Галлиполи, забота о памятнике пала на долю Обще-

ства Галлиполийцев. Свыше десяти лет Главным Правлением Общества поддерживалась связь со сторожем кладбища и высылались ему деньги за его труд и для производства нужного ремонта. От сторожа приходили отчеты о состоянии памятника и кладбища, всегда написанные по-французски, и в них, обычно, сообщалось, сколько, приблизительно, нужно средств для ремонта памятника и могил. В 1923 году сторож прислал фотографию памятника (см. в приложении), а последнее письмо от него было в 1936 году. После этого перестали поступать письма от сторожа. Правление Общества Галлиполийцев послало запрос мэру города Галлиполи, но ответа на него не последовало. Тогда Главное Правление Общества Галлиполийцев обратилось к турецкому послу в Париже. Только в мае 1939 года турецкий посол смог ответить Главному Правлению, получив на свой запрос ответ из Галлиполи. Полученный ответ вызвал у всех вполне понятное удивление, так как сообщалось, что русского самостоятельного кладбища в Галлиполи не существовало, что русских хоронили на армянском кладбище, что после занятия Галлиполи турецкой армией и бегства армян, охрану кладбища некоторое время вел некий Измаил Оглы Исан, который, не получая вознаграждения за свой труд, оставил свой пост, а дальнейшую охрану кладбища принял муниципалитет города Галлиполи.

Ввиду сложившейся в то время политической обстановки и вскоре наступившей второй мировой войны, Главное Правление Общества не могло предпринять дальнейших шагов для выяснения судьбы памятника и нашего кладбища в Галлиполи. Только в декабре 1952 года был получен ответ от уездного начальника Галлиполийского района, Зеки Осаклы, такого содержания:

« В ответ на Ваше письмо от 8 ноября 1952 года имеем Вам сообщить, что памятник, сооруженный армией белых русских вблизи фонтана Алаетедин в память русских, умерших в Галлиполи в 1920 году, оставшись без охраны и ремонта в течение долгих лет, был разрушен землетрясениями 1939 и 1940 годов и теперь там заброшенный участок земли».

Таким образом, трагические обстоятельства привели к тому, что памятник просуществовал только 18 лет. Восста-

новить памятник в Галлиполи нам, при всем желании не удалось по многим причинам. Верю, что это сделает в будущем воскресшая Национальная Россия.

Когда стало известно, что памятник в Галлиполи разрушен в Правлении Общества Галлиполийцев было решено собрать средства и взамен памятника в Галлиполи соорудить копию его в русской части кладбища в Сант-Женевьев под Парижем. Построенная на кладбище под Парижем копия памятника в Галлиполи по своей форме соответствует оригиналу, но значительно меньше по размеру и имеет дополнительно памятные доски, среди которых — генералу Алексееву, генералу Дроздовскому, генералу Маркову и их сподвижникам, адмиралу Колчаку и всем морякам, генералу Деникину и всем первопоходникам, атаманам, старшинам и казакам, вставшим на защиту Российской государственности. Вокруг памятника на кладбище в Сант-Женевьеве могилы белых воинов, скончавшихся вне Родины, а справа, впереди — символическая могила генерала Кутепова.

Теперь опять к событиям в Галлиполи. По сооружении памятника жизнь проходила уже по твердо установленным нормам и все ждали обещанного приезда генерала Врангеля, но его не выпускали из Константинополя союзники. В конце июля в Галлиполи прибыла супруга генерала Врангеля — баронесса Врангель. В лагерь она приехала в сопровождении генерала Кутепова и побывала во многих местах, а 30 июля на кладбище у памятника была отслужена панихида, на которой присутствовали все части Русской армии, расположенные в городе и лагере, баронесса Врангель, все начальствующие лица и представители местных властей. После панихиды все части сразу же разошлись по своим местам, так как парада не было. 31 июля баронесса Врангель вновь побывала в лагере, где задержалась очень долго, осматривая многие палатки, побывала в лагерьной церкви и потом посетила палатку гвардейского дивизиона, в которой местные русские дамы ее сердечно приветствовали и был сервирован чай, во время которого отличный оркестр Дроздовского полка исполнял концертные вещи.

Во время чая баронесса Врангель поделилась с присутствовавшими новостями, рассказала, в каких условиях при-

ходится жить и работать Главнокомандующему и о причинах его неприезда в Галлиполи. Ее всюду тепло встречали и радостно приветствовали.

В это же время урезали паек, ставший еще более голодным, — стали выдавать меньше хлеба, рацион мясных консервов уменьшили до 150 грамм в день на человека и «компенсировали» это выдачей по 50 грамм в день на человека повидла из апельсиновых корок.

1 августа на «устной газете», в помещении лагерного театра, состоялся доклад генерала Карцева (его прозвали в лагере «Бог войны») на тему: «Исторический очерк Галлиполи». Из этого доклада слушатели узнали, что в древности в этих местах у Галлиполи переправляли свои войска Александр Македонский и Ксеркс.; что у маяка имеются развалины раскопанной мечети — первой постройки турок на европейском берегу. Узнали также, что в 40 верстах от Галлиполи, на азиатском берегу, развалины построек города Трои, воспетого Одисеем в Иллиаде, и что раньше, до раскопок, все считали город Трои мифическим. И еще — против города Галлиполи на другой, азиатской, стороне расположен древний город Лапсаки, отлично видимый, родина Аристотеля. В этом городе до сих пор действует водопровод тысячелетней давности. Трубы водопровода проложены с гор, местопрохождение их, тогда, не было точно известно, но знали, что трубы изрядно засорились, так как зимой поступало еще достаточно воды, летом же она буквально капала. В заливе, куда впадает ручей Биюк-Дере, разделявший лагерь, приблизительно в двух верстах от того места, где начинались палатки Дроздовских батарей, произошло, по словам генерала Карцева, в древности знаменитое морское сражение во время Пелопонесской войны, известное под названием «Битва у Эгес-Потамеса», во время которого Лисандр потопил Афинский флот. Ближе к морю были когда-то разбиты военные лагеря афинян и спартанцев. В городе, где помещалась гарнизонная гауптвахта, бывшая крепость в свое время служила туркам как тюрьма, и они держали в ней заточенными пленных запорожцев. После столь интересного доклада образовалась группа офицеров, любителей старины,

которые устраивали экскурсии в окрестности, с целью ознакомления с памятниками ее.

Вскоре наступили очень жаркие дни и нередко термометр показывал до 50° по Реамюру; появились желудочные заболевания и особого рода лихорадка. С гор стали сползать змеи, появилось много скалапендров и сороконожек, с которыми приходилось вести усиленную борьбу.

Наконец, стало известно, что переговоры с правительствами Болгарии и Югославии закончены с успехом, что Болгария принимает к себе все пехотные части и часть кавалерии, а в Югославию будут отправлены казачьи части и кавалерийская дивизия, остальных русских эти страны принимают тоже.

И вот, наконец, лед тронулся. 3 августа из кавалерийского лагеря двинулась на погрузку в город первая партия. Она отправлялась в Югославию. Все были одеты аккуратно и однообразно, а посему общий вид отправляемых был больше чем приличный. Генерал Кутепов в приказе благодарил генерала Барбовича за службу дивизии. Кавалеристы были при оружии и выглядели молодцевато. Погрузка шла быстро. В тот же день, в 18 часов, на стадионе, устроенном на плацу между лагерем Алексеевского артиллерийского дивизиона и ручьем, начались спортивные состязания чинов лагеря, так называемые «Олимпийские игры», которые продолжались три дня, так как программа была большая: бег, метание копья, толкание ядра, прыжки, гимнастика на снарядах, вольные упражнения и прочее. Предполагалось и плавание, через пролив на азиатский берег (6 верст), но из-за сильного ветра и поднятых им волн было отменено. Игры все время сопровождал музыкой оркестр Дроздовского стрелкового полка, считавшийся лучшим оркестром в лагере. Отъезд частей на Балканы продолжался, и 6 августа ушла из лагеря на погрузку конная артиллерия, которая отправлялась на службу в пограничных войсках Югославии. Почти опустел беженский лагерь. Некоторые уехали из него, все-таки в Советскую Россию или в Бразилию и другие страны, но многих приняли обратно в армию и главным образом в кавалерийские полки, так как в них не хватало солдат до числа нужных для службы в пограничных частях. 12 август-

та ушел в Югославию следующий транспорт с кавалерийскими полками.

После возвращения баронессы Врангель в Константинополь, генерал Кутепов получил от генерала Врангеля письмо, которое полностью было объявлено в приказе по Корпусу. Оно начиналось так:

«Главногокомандующий Русской армией. 8 августа 1921 года. № 197. Яхта Лукулл.

Дорогой Александр Павлович!

Не могу сказать тебе, как я тронут тем вниманием, которое оказали жене моей части 1-го корпуса. Вот полгода как я оторван от родных соратников заложником Русской армии в руках вчерашних ее союзников. Находясь вдали от вас, я сердцем и всеми помыслами с вами. Слушая рассказы жены моей, разделяющей мой плен, о пребывании среди вас, я как будто на время переношусь в родные мне части 1-го корпуса.

Прошу тебя принять и передать всем соратникам мою горячую благодарность за внимание и сердечные слова, которые неизменно поддерживают меня в тяжелой борьбе за честь, достоинство и самое существование Армии и воплощаемое ею Русское дело. Обнимаю тебя. Твой П. Врангель».

В продолжении своего письма генерал Врангель благодарил офицеров, приславших ему стихи, рисунки и свой труд: «Запорожцы XX века на берегах Мраморного моря».

28 августа, по случаю предстоявшего отъезда в Болгарию Дроздовского и Алексеевского полков, французский комендант Галлиполи, полковник Томассен, обратился к генералу Кутепову со следующим письмом.

«Полковник Томассен, 28 августа 1921 года, № 1848.

Командиру 1-го Армейского корпуса.

Ввиду отъезда из Галлиполи 15 000 русских, французское правительство для уменьшения расходов по реквизиции помещений, между прочим, решило полностью эвакуировать город Галлиполи от русских за исключением госпиталей. Вследствие этого все штабы, школы, управления, склады, мастерские и т. п. должны будут переехать в лагерь и устроиться там в палатках. Помещения предоставленные в

данное время для госпиталей остаются до нового распоряжения по сему предмету в настоящем положении.

Я имею честь просить Вас составить по этому поводу детальную программу общей эвакуации города русскими в лагерь Муниб-бей-Дере с указанием частей и дней таким образом, чтобы эта операция была выполнена в порядке без задержки...

Заканчивалось письмо следующими словами:

«Эвакуация должна начаться, как только будет Вам возвращена Ваша телеграмма, по одобрению ее французским командованием. Она должна быть полностью выполнена к 30 сентября, другими словами, начиная с 1 октября никакое русское учреждение, кроме госпиталей, и ни один русский не должны оставаться в городе, равно как не должно быть и ни одной палатки. В интересах самих русских было бы быстро выполнить это предложение в течение последнего периода хорошей погоды, не дожидаясь наступления дождей. Я обращаю Ваше внимание на категорический характер, придаваемый командиром Оккупационного корпуса этому приказанию. Полковник Томассен».

29 августа Дроздовцы и Алексеевцы стали разбирать свои палатки и на другой день полностью перебрались в город. В час дня на площади города был отслужен напутственный молебен и после него началась, довольно медленным темпом, погрузка на транспорт. Генерал Кутепов несколькими короткими словами попрощался с отплывавшими в Болгарию частями. Отъезд первого транспорта русских частей в Болгарию совпал с приездом в Галлиполи А. Карташева от русских политических и общественных организаций, а поэтому утром состоялся в лагере парад. Все очень сожалели, что в нем не могли принять участие отъезжавшие в тот день в Болгарию Алексеевцы и Дроздовцы и парад от этого несколько потерял в красоте. Но несмотря на это, вид и выправка, стройные ряды и церемониальный марш частей произвели такое впечатление на гостя из Франции, что он был поражен, умилен и, в восторге от всего виденного, расцеловался с генералом Кутеповым. Под вечер состоялся парад частей также и в городе, который дополнил перед Карташевым картину порядка и жизни частей Русской армии в

Галлиполи. Он был так растроган, что все время твердил: «Здесь русский дух, здесь Русью пахнет».

31 августа погрузка была закончена и транспорт с Дроздовскими и Алексеевскими частями отчалил и тронулся в путь-дорогу на Балканы. В тот момент, когда он отплывал от берега с него донеслось громкое «ура». Был ли то прощальный привет остававшимся в Галлиполи, или, может быть, и своего рода подбадривание самих себя, но я не ошибусь, если скажу, что это было и выражением восторга по случаю отъезда из Галлиполи.

После отплытия этого транспорта в Болгарию последовал приказ по 1-му Армейскому корпусу:

«Галлиполи. 31 августа 1921 года. № 617а.

Вслед за отправленной в Сербию конницей, сего числа отплывает первый эшелон пехотной дивизии в Болгарию. Восемь с половиной месяцев пробыла дивизия в исключительно тяжелых условиях в Галлиполи. В этот длительный период, вдали от Родины, перенеся физические и нравственные испытания, доблестная пехотная дивизия не только не расстроила присущей ей стойкости, но еще отчетливее выявила свою несокрушимую силу, которую ничто не может сломить. Как в боях дивизия выковала свои блестящие боевые качества, так в условиях враждебной политической обстановки, она закалила свой дух. Убежден, что все жертвы, принесенные доблестными частями, не пропадут бесследно и надеюсь, что Балканы наш последний этап на Родину. За неутомимую работу благодарю начальника дивизии генерал-лейтенанта Витковского, штаб дивизии, всех начальствующих лиц, господ офицеров и молодцов солдат. Генерал от инфантерии Кутепов».

В ожидании дальнейшей отправки на Балканы, оставшиеся в Галлиполи все время жили в напряженном нервном ожидании. Их жизнь стала часто разнообразиться приездами разных представителей русской общественности, которая стала уделять больше внимания Русской армии и выражать ей свою симпатию. По лагерю постоянно ползли всевозможные слухи. В числе их были и об отправке в Чехословакию студентов для продолжения образования.

Вечером 17 октября неожиданно по всему лагерю прогре-

мел слух о том, что 15 октября пароход «Адрия», шедший из Советской России, налетел на стоявшую в Константинопольской бухте яхту «Лукулл» и потопил ее, но, к счастью, генерал Врангель находился в то время в Константинополе и таким образом избежал опасности. Слух скоро подтвердился, и 18 октября в 11 часов был отслужен благодарственный молебен по случаю избавления Главнокомандующего от опасности и состоялся парад войск. Всем было ясно, что эта катастрофа не простая случайность. Факт же, что генерал Врангель спасся от покушения, радостно всколыхнул нас всех. Чувствовалось тогда, до какой степени дороги и близки армии ее вожди.

19 октября в штабе генерала Кутепова была получена следующая телеграмма: «Генералу Кутепову. Главком приказал отослать первым пароходом 100 студентов, назначенных в Чехословакию, со всеми протоколами, касающимися коллоквиумов и с подробными списками. Семейные должны быть исключены из списков и заменены одиночными лицами. 800 лир на дорожные расходы для путешествия в Прагу уже добыты...»

Были составлены списки и отправлены на одобрение в Константинополь. В приказе по корпусу 22 октября был приведен приказ Главнокомандующего от 18 октября, в котором сообщалось о гибели яхты «Лукулл».

Яхта «Лукулл» стояла на якоре у европейского берега Босфора в стороне от фарватера. Пароход «Адрия», пришедший из Батума, во время прежних своих рейсов никогда не останавливался в Константинополе рядом с «Лукуллом», но на этот раз, почему-то, шел быстрым ходом прямо на яхту и стал отдавать якоря и дал задний ход на таком расстоянии от нее, что предотвратить катастрофу было уже нельзя. Никаких тревожных гудков или сигналов с «Адрии» подано не было. Удар пришелся под прямым углом в левый бок «Лукулла» и был настолько силен, что борт яхты был разрезан на протяжении трех футов. После удара «Адрия» начала сразу же отходить задним ходом. Яхта «Лукулл» наклонилась, в широкую пробоину, пришедшуюся непосредственно в каюту Главнокомандующего, хлынула вода. «Лукулл» продержался на поверхности не больше двух минут

и пошел ко дну. «Адрия» не приняла никаких мер для спасения: ни одна лодка не была спущена, не были поданы концы и не были сброшены спасательные круги. В момент катастрофы на яхте находилось до 50 человек команды и несколько гостей. Все были застигнуты врасплох и, после удара, через минуту, оказались в воде. Катерам и лодочникам удалось всех подобрать. Дежурный офицер, мичман Сапунов, до конца оставался на своем посту и пошел ко дну вместе с яхтой. Кроме него погиб и корабельный повар Краса. На яхте «Лукулл» погибли все документы Главнокомандующего и все его личное имущество. Генерал Врангель переехал на жительство в помещение Русского посольства. Пароход «Адрия» был задержан и его команда арестована английскими властями. Следствие производилось французами при участии русского военно-морского следователя. Генерал Врангель получил, по случаю избежания им опасности, многочисленные приветствия и поздравления. Его посетили, кроме многих представителей русской общественности и организаций, начальник штаба Командующего французским флотом, делегации иностранных миссий, глава американского Красного Креста — полковник Девис и многие другие.

26 октября отбыла из Галлиполи группа бывших студентов в 100 человек, уезжавшая в университеты Чехословакии. В то время президентом Чехословакии был Массарик, который под влиянием ярого русофила — министра д-ра Крамаржа — предоставил всем русским беженцам право поступить в высшие учебные заведения республики с предоставлением им бесплатного помещения и средств на жизнь. Благодаря организации в Константинополе студенческого союза С. А. Водовым, сотни бывших офицеров, не успевших закончить высшее образование в России и теперь слонявшиеся по огромному городу Константинополю в поисках работы, были доставлены в Прагу и размещены в новом только что отстроенном здании «Свободария»; были прилично одеты, обуты и приняты без экзаменов в университеты и другие высшие учебные институты. Именитые русские профессора — Новгородцев, Анцыферов, Фатеев и другие, создали при Карловом университете в Праге русский юридический факультет.

Вскоре после отъезда студентов в Прагу началась также отправка частей из Галлиполи в Болгарию и перевозка их туда, в основном, закончилась в январе 1922 года, только Технический полк, в составе 1000 человек, задержался и покинул Галлиполи в середине 1922 года. В Болгарию 1-й Армейский корпус прибыл почти полностью, за исключением Кавалерийской дивизии, которая была перевезена в Югославию, принята на службу в пограничные части и несла охрану границ государства два года. Кубанские части с Лемноса были перевезены в Югославию на всевозможные строительные работы, а донские части — в Болгарию. Дроздовские части прибыли в Болгарию в сентябре 1921 года, в город Варну. Артиллерийский дивизион оттуда перешел в город Орхание и там оставался до распыления на работы. Генерал-майор Ползиков вскоре по прибытии артиллеристов в Орхание образовал комиссию, которая составила, на основании приказов, распоряжений, частных дневников и записок о боях, а также расспросов участников боевых действий батареей, своего рода исторический дневник, начиная со времен Ясс до прибытия в Болгарию. Куда исчез этот исторический документ — не знаю, но, возможно что он погиб со всеми другими архивами во время бомбардировок в Чехословакии. Составляя этот сборник, я несколько лет тому назад обращался к соратникам в Париж, чтобы мне оказали помощь в разыскании его, но безрезультатно. Там никто не знал о судьбе составленного в Болгарии дневника.

Когда и последний транспорт с чинами Технического полка покинул Галлиполи, перевернулась еще одна страница эпопеи Русской армии.

Выше я много написал о предполагавшемся и очень детально подготовленном походе на Константинополь. С перевозкой 1-го Армейского корпуса на Балканы надобность в таком походе отпала. Было ли это к лучшему или к худшему «судить нам не дано, — пишет в своих воспоминаниях генерал Витковский, — но думается, что весь план похода и его подготовка были настолько продуманы и разработаны, а кроме того дух войск, сплоченность их, жертвенность и, наконец, решимость — стояли настолько высоко, что в успехе похода сомневаться не приходилось».

Теперь, расставаясь с Галлиполи, вспомним еще о том, что было там в ноябре 1920 года, после эвакуации из Крыма. Тогда, в сумрачный ноябрьский день, на рейде полуразрушенного города Галлиполи отдали свои якоря транспорты, наполненные до отказа военными в неопрятном обмундировании, небритыми, с исхудалыми лицами, но при оружии. На мачтах кораблей виднелся французский флаг, а на кормах их развивался — Андреевский. Прибывшие находились под впечатлением недавно постигшей их катастрофы и настроение их было подавленное. Всем тогда казалось, что все уже безвозвратно потеряно, а будущее не сулит ничего хорошего.

Вскоре от одного из пришедших транспортов отчалила лодка и поплыла к пристани города. На пристани из этой лодки вышел молодежавый, довольно плотный, военный в полной русской генеральской форме и его встретил французский комендант города Галлиполи — подполковник Вейлер. Генерал, после короткого разговора, сел на поданную ему лошадь и в сопровождении французского офицера, несмотря на лившийся дождь, выехал за город. Отъехав от города верст пять, он увидел пустынную долину, с протекающей по ней не то рекой, не то ручьем, над которым были разбросаны многочисленные кустарники диких роз. Короткая остановка, столь же короткий разговор, — и возвращение обратно в город. Долина, которую увидел генерал, называлась Муниб-бей-Дере и была предназначена французским командованием для размещения в районе Галлиполи частей русской армии.

На другой день в Галлиполи началась высадка прибывших. Местные жители с недоумением и даже с заметным страхом смотрели на выгружавшихся военных, не зная зачем они прибыли и кто они, так как выгрузившиеся мало напоминали своим видом чинов какой-нибудь армии. Они были скорее похожи на толпу вооруженных людей, не отдающих себе отчет в происходящем. Их в городе долго не задерживали и постепенно направляли в долину Муниб-бей-Дере, куда они шли, неся с собой полученные палатки. В долине, под почти все время моросившим дождем, постепенно вырастал палаточный город.

Прошло два месяца и на глинистой почве пустынной долины, прозванной англичанами «Долина роз и смерти», раскинулся образцовый палаточный лагерь, а вооруженные толпы бездомных военных превратились в подтянутых офицеров и бравых солдат. Опрятно одетые, дисциплинированные, щеголявшие своей выправкой, они понимали, что только сохраняя свои части и знамена, так обильно орошенные кровью на полях России, смогут они остаться офицерами и солдатами великой Русской армии.

Кто же был тот, кому эти, потерявшие было не только воинский вид, но и свою Родину, люди обязаны тем, что они вновь обратились в щеголявших выправкой офицеров и солдат?

Это был тот плотный моложавый русский генерал с черной бородкой, который в ноябрьский сумрачный день в 1920 году первым высадился на берег в Галлиполи, — генерал от инфантерии Александр Павлович Кутепов.

Если бы не было генерала Кутепова, то не было бы и поражавшего порядком русского Галлиполи, не осталось бы Русской армии, а были бы только толпы бездомных беженцев и, следовательно, судьба всей русской эмиграции была бы совсем другая.

Это он в то время проявил нужную твердую волю и укрепил власть, столь необходимую при создавшейся обстановке. Он отлично понимал, что только сохранением дисциплины в Армии возможно сохранение и ее самой, создание благоприятных условий для жизни тех, кто покинул последний клочок родной Земли, после трехлетней неравной тяжелой борьбы за честь и свободу России, а также сохранить себе своего любимого Вождя — генерала Врангеля.

В первое время пребывания в Галлиполи распоряжения генерала Кутепова, казавшиеся излишне строгими, встречались недоброжелательно. Даже среди офицеров можно было тогда услышать нелестные отзывы о нем. Тогда его определенно не любили. Но вот прошло только несколько недель и отношение к генералу Кутепову стало быстро изменяться. Все, поняв уже совсем необычайную обстановку жизни в Галлиполи, стали проникаться сознанием правильности, целесообразности и необходимости сохранения дис-

циплины и вытекающей из нее взаимной спайки. Ко всем вернулась вера и надежда на лучшее будущее при условии сохранения армии.

Генерал Кутепов стал для всех своим, близким и на него большинство смотрело с гордостью, а многие и с любовью. Он, в лице своих подчиненных, приобрел верных помощников, на которых мог при всех обстоятельствах и в любую минуту опереться. Это помогло ему отвергнуть ряд требований французов и сохранить свой корпус. Он вернул русским воинам силу духа, еще больше усилил веру в правоту Русского дела. Под его руководством в Галлиполи, несмотря на исключительно неблагоприятные условия и нищенское существование при голодном пайке, были быстро преодолены все трудности, все препятствия. Он вновь спаял всех в крепкую воинскую семью, и там, в «Долине роз и смерти», возродилась Русская армия, ожидавшая вновь зов своего Вождя на ратные подвиги. Генерал Кутепов заслуженно занял подобающее место в истории и причислен к яркой блестящей плеяде вождей Белого Движения — Алексееву, Врангелю, Деникину, Дроздовскому, Колчаку, Корнилову, Маркову...

Генерал Кутепов, бесспорно, творец Белого Галлиполи, а без этого Галлиполи не сохранилась бы Армия и, в дальнейшем не мог бы быть создан Русский Обще-Воинский Союз, и, следовательно, положение всех русских эмигрантов, в особенности военных, было бы иное. Генерала Кутепова, как Вождя, создала война и революция; он был человек дела. Происходил генерал Кутепов из простой семьи и для него прерогативы высших аристократических слоев были только запоздалым отзвуком из чуждого ему мира. Все свои знания он приобретал для того, чтобы использовать их во благо своей Родины, которая для него была той Святыней, за которую, в конечном, он и отдал свою жизнь. Красные справедливо видели в этом простом, умном, твердом, волевом и благородном человеке опасного и страшного для них врага и притом не только на полях бывших сражений, но и в эмиграции. Они боялись его и стремились обезвредить, что и сделали, похитив его среди бела дня в Париже.

Все чины Русской армии и гражданские лица, проживавшие первый год изгнания в Галлиполи или в лагерях на ост-

рове Лемносе, на Чатаалдже, в Константинополе и Бизерте получили право ношения нагрудного знака отличия — черный крест, окаймленный белой каймой с датой 1920—1921 и надписью соответствующей месту пребывания. Для чинов Технического полка, которые пробыли в Галлиполи до 1922 года — дата 1920—1922 и надпись «Галлиполи». Таких чинов было около тысячи человек.

Покинувшими Галлиполи сразу же было образовано Общество Галлиполийцев, в которое вошли все бывшие в лагерях и имевшие право ношения нагрудного знака отличия — Черного креста. Когда же у главного командования иссякли средства для содержания Армии и был отдан приказ отпустить всех на работы, постепенно чины Армии разъехались по разным странам.

1 сентября 1924 года, приказом генерала Врангеля, был образован Русский Обще-Воинский Союз (РОВС), в который вошли, кроме чинов Русской армии, чины всех белых армий, боровшиеся на разных фронтах с красными. Этим приказом закрылась последняя страница существования Армии. Теперь все чины ее находятся в бессрочных отпусках, рассеянные по всему земному шару.

Заканчивая сборник, считаю своим долгом посвятить несколько строк памяти последнего начальника Дроздовской дивизии — генерала Антона Васильевича Туркула, имя которого неразрывно связано со славой дивизии.

В приказе генерала Лампе по РОВС-у за № 6 от 21 августа 1957 года было сделано печальное сообщение:

« В ночь с 19 на 20 августа в Мюнхене, после тяжелой болезни и мучительной операции скончался генерал-майор Антон Васильевич Туркул.

Преждевременно ушел из белых рядов кавалер Ордена Св. Великомученика и Победоносца Георгия и Георгиевского оружия Российской Императорской армии и доблестный начальник Дроздовской дивизии Добровольческой и Русской армий на Южном фронте гражданской войны за освобождение России.

Горестно сожмутся при этой тяжелой вести сердца белых добровольцев, соратников почившего, и всех русских людей,

знавших о покойном и его героической службе Великой России.

Тяжело переживут эту потерю близкие генералу Туркулу Дроздовцы, на долю которых выпадает почетная обязанность сохранить его прах и принести его с собой на возрожденную Родину, когда это волею Божией совершится. Вечная память!»

Я не ошибусь, если добавлю к этому, что высокие качества А. В. Туркула создали его боевую славу, которая окружала покойного всегда и всюду, независимо от того был ли он младшим офицером, капитаном, полковником, генералом — начальником Дроздовской дивизии. И эта боевая слава была более чем заслужена им.

Генерал Харжевский, в статье посвященной памяти генерала Туркула, написал так:

«Мне, соприкасавшемуся с ним с самого начала вооруженной борьбы с большевиками и до конца ее, вспоминается многое, которое никогда не забывается. Перед началом похода Дроздовцев — капитан Туркул — фельдфебель славной 2-й Офицерской роты Отряда генерала Дроздовского. Он прибыл в отряд с уже совершенно укрепившимися убеждениями, что с большевиками возможна только вооруженная борьба. Он явился в Отряд, будучи на фронте Великой войны командиром ударного батальона, с 'доказательствами' того, что война — это та стихия, в которой проявляются полностью его дарования на пути выполнения долга перед Родиной. Все ордена, доступные офицеру в его чине, включая Орден Св. Георгия и Георгиевское Оружие — свидетельствовали ярко, что на фронте Великой войны он не бездействовал и что уже оттуда он принес и свое боевое счастье, и умение, и свой порыв, который, однако, проявлялся тогда, когда это нужно, и всегда обеспечивал успех. Казавшиеся другим очень рискованные операции, в его руках, с учетом психологического и других моментов, велись с необыкновенной уверенностью, передававшейся и его подчиненным. И все это Антон Васильевич Туркул утверждал на наших глазах с первых же дней борьбы и до последних.

По окончании похода Дроздовцев, в Новочеркасске, А. В. Туркул принял 2-ю роту, с которой и вышел во 2-й Ку-

банский поход. В нем, во время тяжелых боев за ст. Кореновскую в июле 1918 года, он был серьезно ранен в ногу, лечение которой затянулось. Вернулся в полк в начале 1919 года и вскоре принял 1-й батальон 2-го Офицерского полка.

Уже на этом отрезке времени А. В. Туркул выявил и другие свои свойства и качества, которые, помимо его чисто военных дарований, привлекли к нему сердца его подчиненных: его постоянная бодрость, в самые тяжелые минуты непрерывных боев его непокидавшая, всегда вселяла уверенность и в успехе, и в благополучном выходе из тяжелых, подчас казавшихся безнадежных, положений. Трудно останавливаться здесь на проведенных им операциях, даже, самых ярких из них. И не знаешь, что ярче: оборона ли Донецкого бассейна весной 1918 года, когда Дроздовцы, рядом с другими добровольцами, истекая кровью, упорно, в течение нескольких месяцев удерживали этот важный район; взятие ли Лозовой, мешавшей общей операции по овладению Харьковом, когда по приказу свыше, — 1-му батальону и его Командиру был выставлен при возвращении в полк, на станции Изюм, почетный караул в составе всей офицерской роты; Харьков, Севск, станция Комаричи с ее бронепоездами. Трудно выделить наиболее яркие операции. Уже при общем отходе армий Юга России, действия 1-го Дроздовского полка, под командой полковника Туркула, отличаются яркими моментами исключительной активности и проявления личной инициативы командира полка.

Военные дарования генерала Туркула особенно проявились при командовании им Дроздовской дивизией во вторую половину Крымского периода, когда дивизия выявила свои маневренные способности. А. В. Туркул не любил разбрасывать батальоны, тем более роты, на всем фронте заданного дивизии участка, как не любил и нерешительных операций, сводящихся к оттеснению противника. Он укрепил уже ранее намечавшуюся систему: держать всю дивизию в кулаке, охраняясь разъездами на всем участке дивизии, не смущаясь даже проникновением противника на отдельных участках дивизии. И в определенный момент намечал операцию большого масштаба по полному очищению от противника всего фронта перед дивизией, а часто и в более широ-

ком масштабе, в порядке выручки соседей. Обозначился даже некоторый 'шаблон' таких операций, как в проведении самой операции, так и в том, что в ней принимала участие вся дивизия. Начальник дивизии лишь определял место и время удара, большей частью на рассвете, и масштаб окружения. Головной батальон совершал прорыв, а затем в этот прорыв вливалась длинная, в несколько верст, колонна дивизии на подводах и 'обволакивала' весь указанный район. От головы колонны, где всегда находился начальник дивизии, шли приказания о 'подробностях': кому 'фактически' взять отрезанные бронепоезда, ушедшие в наш тыл, кому 'очистить' тот или другой район и т. д. Эти 'рейды' Дроздовской дивизии, по своим последствиям, всегда были весьма ощутительные и для противника, и для нашего фронта.

В качестве показателя настроения и духа частей дивизии, характерен один эпизод, относящийся к этому периоду. Генерал Туркул усиленно пополнял пленными запасный батальон дивизии. Полки на фронте пополнялись тем же порядком. Генерал Туркул предполагал соответственно вооружить этот батальон, притянуть его к дивизии и ввести в бой в составе дивизии, создав при этом такую обстановку боя, при которой запасный батальон приобрел бы и порыв, и полную уверенность в своих силах. Затем, ходатайствовал бы перед Главным командованием о переименовании запасного батальона в 4-й стрелковый полк дивизии. Намерения генерала Туркула осуществились, но совсем в ином порядке. Положение на правом берегу Днепра (Заднепровская операция) усложнилось и побудило Главное командование в срочном порядке призвать на этот фронт запасный батальон Дроздовской дивизии. В порядке оценки блестящих боевых действий запасного батальона, генерал Врангель по телеграфу 'произвел' его в 4-й стрелковый Генерала Дроздовского полк».

По мнению генерала Харжевского и его впечатлению — «период обороны Донецкого бассейна» весной 1919 года, в котором капитан Туркул, командир 1-го батальона, был бессменным «Начальником обороны Никитовского узла», — был один из наиболее ярких. Не по блестящим успехам, связанным с большим количеством пленных, взятых орудий и

т. д., а по тому упорству, которое было проявлено им при обороне большого участка, по оценке беспрестанно менявшейся обстановки и по исключительной маневренности рот и, особенно резервной («подвижный резерв» — в поезде на станции Никитовка), что обеспечивало успех обороны ничтожными силами.

А. В. Туркул необычайно высоко расценивал понятие о чувстве взаимной выручки. Этим чувством были проникнуты в высокой степени все части дивизии и все роды оружия. В этом случае, по справедливости, невозможно отдать предпочтение одним перед другими.

Конечно, большинство начальников всех степеней было в дивизии на высоте, и очень часто самостоятельно проводило операции в том духе, как проводил бы их генерал Туркул, но не может быть и спора о том, что не менее часто, и, в тяжелых условиях, только личное участие А. В. Туркула определяло и характер операции, и скорость ее течения, и обеспечивало успех.

То боевое содружество, которое выявлялось в среде чинов дивизии на полях сражений, было закреплено уже во время пребывания в эмиграции при деятельном участии генерала Туркула. В новых формах борьбы стерлись перегородки между родами оружия и Дроздовцы представляют из себя единообразную дружную семью.

Блестящая боевая деятельность А. В. Туркула, — с одной стороны, постоянная бодрость, оказывавшая большое влияние на окружающих (ему незнакомо было чувство депрессии), и чувство товарищества — с другой стороны, — это неоценимый его вклад в жизнь Дроздовской семьи. Этим и объясняется в ее среде тяжелое ощущение вознаградимой потери».

Вл. Новилов, в своих воспоминаниях о генерале Туркуле пишет:

«Генерал Туркул! Как рапира, напряженная в струну, вонзается это имя небывалой, звенящей героики, сверкающей молниями на поля трагической борьбы за Россию. Как фанфара стремительным лучом боевой славы, блистает это имя над железными полками никогда не сломленной Дроздовской дивизии.

Воин — милостью Божией! Рыцарь без страха и упрека! Антон Васильевич — заботливый друг, бескорыстный товарищ, любящий отец. Генерал Туркул строгий, требовательный и беспощадный Начальник дивизии, орлиным своим оком окидывающий поля сражений и властвовавший на них безграничной волей, духовной упругостью и блеском военного дарования.

Генерал Туркул! Имя это не исчезнет никогда из анналов русской военной славы! И будущие поколения, изучая героики своих отцов и дедов, почтительно и с гордостью произнесут его!

В своей книге 'Дроздовцы в огне' генерал Туркул, описывая личность своего боевого соратника полковника Петерса, пишет: 'сын, кажется, учителя гимназии, студент Московского университета, он ушел на большую войну прапорщиком запаса... Если бы не война, он вероятно кончил бы где-то учителем гимназии. Но боевой огонь открыл настоящую сущность Петерса, его гений...'

Не с большим ли еще правом эти слова относятся и к самому генералу Туркулу? Реалист, потом служба по гражданскому ведомству, потом вольноопределяющийся провинциального пехотного полка... Но вот вспыхнули огни войны. И то, что лежало на дне души, вдруг взрывается ослепительным фейерверком найденного призвания.

Без специального военного образования к концу трех лет Великой войны он уже штабс-капитан 75-го пехотного Севастопольского полка, кавалер Ордена Св. Георгия, Георгиевского оружия и всех орденов доступных обер-офицеру. Его боевая репутация в дивизии столь высока, что в дни крушения именно он становится организатором и командиром Ударного батальона в своей дивизии, долженствующего примером храбрости и подвига остановить развал, потерявшей честь, армии.

В начале героики Белой борьбы, он только фельдфебель офицерской роты Дроздовского отряда, а к концу ее — он Начальник Дроздовской дивизии, носящей имя своего основателя. Это уже не карьера. Это взлет, равного которому немного примеров найдется в военной истории».

Через три дня после смерти генерала Антона Васильевича

ча Туркула, проводить его в последнем земном пути пришел весь русский Мюнхен. Провожали его и очень многие, знавшие его, местные жители. После отпевания, его гроб был временно поставлен в склепе кладбища Мюнхена, но в скором времени был перевезен во Францию. Там, на кладбище Сант-Женевьев де Буа под Парижем, где высится Галлиполийский памятник, у импозантного памятника «Генералу Дроздовскому и его Дроздовцам», на Дроздовском участке кладбища спит вечным сном в чужой земле генерал Туркул, ожидая возвращения в освобожденную и воскресшую национальную Россию.

Прошли года и по всему земному шару рассеялись Белые войны, но уже одно воспоминание о генерале Туркуле крепит их взаимную связь.

В 1928 году в Бельгии скоропостижно скончался генерал Врангель и был перевезен оттуда в Белград и похоронен в Русской Православной церкви (Югославия). В 1930 году в Париже, среди белого дня, был похищен агентами Советов и погиб на своем посту, возглавлявший Русский Обще-Воинский Союз, генерал Кутепов. Та же участь постигла в 1936 году и генерала Миллера, продолжавшего деятельность генерала Кутепова. Агенты Советов дважды обезглавили Русский Обще-Воинский Союз, считая его своим врагом № 1, но не умертвили его; он существует и по сегодняшний день.

Рассеянные по всему свету белые войны не могли оставаться безучастными свидетелями ведшейся где-либо борьбы против красного интернационала и, по мере возможности, принимали в ней участие. Так, во время гражданской войны в Испании мы видели сражавшихся на стороне Франко добровольцев и в их числе генерала Фока, бывшего командира сводной Артиллерийской бригады в Галлиполи, павшего в одном из боев смертью храбрых. О его героической смерти свидетельствует белый памятник, поставленный на месте смерти генерала Фока и его соратников. Во время второй мировой войны белые войны с их сыновьями и даже внуками сражались против красных в рядах Русского корпуса, сформированного в Сербии под начальством генерала Штейфона, бывшего коменданта города Галлиполи, а после его смерти — под командой полковника Рогожина, коман-

дира гвардейского казачьего дивизиона. Когда же стала формироваться Освободительная армия генерала Власова, белые войны стали вливаться и в последнюю.

Все белые, от генерала до простого рядового солдата и казака, во время борьбы с красными, отбросив всякие политические разногласия, безропотно, честно и мужественно шли в бой и умирая в борьбе за свободу не только своей Земли, но и за благо всего мира, за мировую культуру, над которой и по сей день висит угроза уничтожения, умирали, орошая своей кровью не только просторы Родной Земли но и Запада.

Генерал Врангель, в свое время, не раз говорил об этом и предупреждал Запад о грозных последствиях поражения белых красными. Он предсказывал, что такой момент, если не будут приняты своевременные контрмеры, настанет, и что будет слишком поздно спасти мировую культуру и свободу без громадных жертв, если волна красного интернационала грозным валом покатится за пределы России.

Если бы Запад оказал полную поддержку адмиралу Колчаку и генералам Деникину, Миллеру, Юденичу и даже позже и Врангелю, не позволив Польше заключить мир с советами в то время, когда возрожденная генералом Врангелем Русская армия одерживала победы над красными и стала для них страшной угрозой — исход Белой борьбы был бы, наверное, иной.

Обращая наши взоры вперед, мы, современники и участники Белого Движения, будем надеяться на лучшее будущее для нашей Родины и верить, что грядущие поколения достойно оценят подвиг тех, которые первыми встали на борьбу с красными во имя свободы.

ГЛАВА III

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Почти три года продолжалась гражданская война на юге России, война полная напряженной борьбы во имя спасения России. Борьба эта началась, почти одновременно, генералами Алексеевым и Корниловым и, вдали от них, в Румынии, полковником Дроздовским, сформировавшим там Отряд и с ним прошедшим с боями весь юг России — от Ясс до Новочеркаска, проделав исторический поход — Яссы—Дон.

Белым не суждено было, по многим причинам, одержать победу и части Русской армии осенью 1920 года покинули родную Землю и ушли в изгнание. Будучи вынужденными на это грубой силой, белые воины остались сильны духом и, уйдя на чужбину, унесли с собой чувство одержанной моральной победы и твердое сознание, что не были напрасны громадные кровавые жертвы, принесенные ими во имя спасения чести Русского имени, Национального знамени и чести Русского воина.

И вот теперь, много лет спустя, вспоминаются слова, сказанные генералом Дроздовским и объясняющие цель борьбы.

«Россия погибла, наступило время ига. Неизвестно на сколько времени. И это иго горше татарского... Только через гибель большевизма наш единственный путь к возрождению России...»

По этому пути и шли все время борьбы Дроздовцы, пройдя путь описанный в настоящем сборнике «Дроздовцы от Ясс до Галлиполи». Из борьбы они вышли, после трехлетних испытаний, только тогда, когда дальнейшее сопротивление красной лавине стало сверх человеческих сил и...

уйдя сохранили славу непобедимых, что признали даже и враги. Отбросив всякие политические разногласия и избегая политических трений, выбрав из всех ценностей для себя, как ведущее, Благо России, Дроздовцы, как к все добровольцы и белые воины, вложили в борьбу все: и свои знания, и свое умение, и храбрость, и даже свою жизнь. Обильно поливши своей кровью родную землю, они запечатлели этим свою верность Родине.

Утверждение противников и врагов Белого Движения, что в рядах белых были только офицеры и представители буржуазии, а также аристократы и помещики, то есть лица боровшиеся против демократии за возвращение полностью старого режима, не соответствуют действительности.

В действительности же первыми добровольцами, кроме офицеров, была зеленая учащаяся молодежь из разных слоев населения, первая отозвавшаяся на призыв генерала Алексеева. Вспомните и то, что и из Румынии в отряде полковника Дроздовского, рядом с офицерами пошли в поход и простые русские солдаты. В рядах Корниловского ударного полка было также много простых русских солдат. В отряде Чернецова было немало казаков. В Партизанском полку, во время Ледяного похода также были рядовые казаки и т. д. С начала же второго Кубанского похода в ряды Добровольческой армии стали, во множестве, поступать пополнения из пленных красных бойцов. Даже больше — сразу же был сформирован полковником Дроздовским из пленных Солдатский батальон, переименованный впоследствии в Самурский пехотный полк. В рядах Добровольческой армии всегда в строю стояли рядом офицеры, юнкера, кадеты, гимназисты, реалисты, студенты, даже женщины и девушки, крестьяне и рабочие и бывшие красноармейцы из этих же слоев. И надо отметить ту чудесную перемену в сознании бывших красных бойцов, которая наступала когда они попадали в среду добровольцев. Бывший красноармеец — крестьянин или рабочий — попав в среду добровольцев, преображался и становился неузнаваемым. С его глаз как бы слетала пелена и красный дурман улетучивался. Из угрюмо озиравшегося пленного красноармейца, он превращался в бравого верного бойца Белой армии, честно и жертвенно служившего обще-

му делу. Это говорит о том, что простой русский человек, представитель широких масс русского народа не являлся политическим противником белых, не был социально враждебен Белому Движению. Широкая масса простых русских людей только временно находилась в каком-то, ей самой непонятном, состоянии, под сильным воздействием демагогической, полной ложных посулов, пропаганды красных, или под влиянием террора их.

Что же касается казачества, то оно отдало на борьбу все, что могло, поставив под ружье всех способных носить оружие, и за свое участие в борьбе на стороне белых заплатило кровавой ценой.

Я уже сказал, что еще в начале 2-го Кубанского похода показал отличные боевые качества сформированный полковником Дроздовским из пленных красноармейцев Солдатский батальон, переименованный впоследствии в Самурский пехотный полк, честно сражавшийся плечо к плечу с другими частями белых и ушедший с ними в изгнание в 1920 году. Могу еще добавить, что в 1-м Дроздовском стрелковом полку, в батальоне полковника Петерса, были мобилизованные в Донецком бассейне, в Государевом Байраке, шахтеры. Эти представители рабочего класса верно и честно служили в рядах полка и считались отличными солдатами.

Одной из лучших единиц в армии считалась четвертая рота 1-го Дроздовского стрелкового полка капитана Петра Иванова, а она была чисто солдатская. На командных должностях, младшими командирами, были унтер-офицеры Российской Императорской армии из числа взятых в плен красноармейцев, ими же, исключительно, рота пополнялась.

Дроздовские стрелки из бывших красноармейцев доказали свою честность и солдатскую верность тогда, когда они, вместе с лазаретами и командами выздоравливающих, при отступлении на Новороссийск, оказались в плену у красных. Они не выдали бывших с ними офицеров. Красные поставили всех взятых в плен солдат (офицеры также пошли под видом солдат) в ряды своей 9-й пехотной дивизии и направили эту дивизию на фронт против Русской армии в Северную Таврию. В первом же бою, как мною было описано в

настоящем сборнике, они все перешли на сторону белых и вернулись в ряды Дроздовцев.

Красочным примером солдатской верности служит эпизод, имевший место при эвакуации из Новороссийска. Тогда, ночью, привел на пристань унтер-офицер Макаров, сам бывший красноармеец, целый запасный батальон 1-го Дроздовского полка, сплошь состоявший из бывших военнопленных.

Уже только эти примеры могут служить доказательством того, что Белая армия состояла не только из офицеров и выходцев из буржуазии, а и из множества крестьян и рабочих. По просторам России рассеяно бесконечное число могил русских солдат — крестьян и рабочих — павших в боях с красными.

Добавлю, что в армии адмирала Колчака вообще не было офицерских частей, на младших офицерских должностях очень часто были унтер-офицеры, так как в Сибирской армии всегда был недостаток офицерского состава.

В Крыму, в 1920 году, генерал Врангель переименовал Добровольческую армию, вернее Вооруженные Силы Юга России, в Русскую армию и отбросил именование полков офицерскими, сохранив им прежнее шэфство. К этому времени в составе Русской армии было приблизительно только 15% офицеров, не занимавших офицерских должностей. Несмотря на это боеспособность частей не уменьшилась, чему доказательством служат те блестящие победы, которые Русская армия одерживала в Северной Таврии, способствуя своим наступлением победе польской армии под Варшавой. И еще раз: только заключение Польшей перемирия с красными роковым образом отразилось на судьбе Русской армии, позволив красным все освободившиеся силы бросить против Русской армии.

Заканчивая сборник попытаюсь перечислить тех, кто своей личной жертвенностью, мужеством и героизмом создал славу Дроздовцам. Теперь, когда прошло более полвека после окончания вооруженной борьбы на юге России, к великому сожалению, не сохранились архивы (они погибли во время второй мировой войны) невозможно назвать имена всех особенно выделявшихся в рядах Дроздовцев и деталь-

но описать те шестьсот пятьдесят боев, в которых участвовали Дроздовцы, не считая мелких стычек. Невозможно, по тем же причинам, сообщить имена всех отличившихся в боях и павших на полях брани. А ведь все они создали славу Дроздовских частей. Мне известно только, что около 30 000 бойцов выбыли из строя дивизии за время трехлетней борьбы. В данном сборнике описаны только те бои, о которых я имел сведения из источников, которыми располагал.

Из небольшого отряда под командой полковника Дроздовского вышедшего в начале 1918 года из Румынии создан ряд воинских подразделений и в их числе — Дроздовская стрелковая дивизия, Дроздовская артиллерийская бригада, Дроздовский конный полк, Дроздовские конные батареи, Дроздовский автоброневой отряд, несколько бронепоездов и другие подразделения. При участии Дроздовцев были сформированы Самурский пехотный полк и ряд других частей Добровольческой армии. Славу Дроздовцев создавали все, носившие на погонах букву «Д». Все они способствовали созданию славы непобедимой Дроздовской дивизии, но на первом месте в этом деле стояли, конечно, начальники, а по-сему я и считаю долгом о них напомнить.

Выдающимися начальниками дроздовской дивизии были генералы Витковский и Туркул. Первый ранее, в чине полковника, командовал полком, а затем, в Крыму — Армейским корпусом. Кроме него в блестящую плеяду командиров полков входили генералы Туркул, Харжевский и Манштейн. Последнего красные прозвали безруким чертом. Он в конце крымского периода командовал Марковской пехотной дивизией. А также генерал Чесноков. Из числа полковников — Жебрака, убитого в бою под Белой Глиной в 1918 году; Румеля; Дрона, смертельно раненого в бою на Перекопских позициях у Юшуни в 1920 году; Тихменева и подполковника Елецкого. Кроме перечисленных, временно командовали полками несколько других отличных начальников, и среди них нужно особенно отметить полковника Петерса.

Первый генерала Дроздовского стрелковый полк получил шэфство после смерти генерала Дроздовского в январе 1919 года, а до того времени он носил название 2-й Офицерский стрелковый полк. При разворачивании полка в ди-

визию, после взятия города Харькова, образовались дальнейшие Дроздовские полки. Вначале эти полки составляли 3-ю стрелковую дивизию, но получив шефство в октябре 1919 года, дивизия стала именоваться: 3-я стрелковая генерала Дроздовского дивизия, а в Крыму — Дроздовская стрелковая дивизия.

Из прибывших из Румынии в Отряде полковника Дроздовского легкой артиллерийской батарее полковника Ползикова и гаубичного взвода капитана Медведева, при разворачивании создавалась 4-дивизионного состава Дроздовская артиллерийская бригада, которая получила свое шефство также в октябре 1919 года. 1-я легкая артиллерийская батарея — шефство в начале 1919 года, еще будучи в Каменноугольном районе Донецкого бассейна.

Бригадой, с начала ее существования и до конца, командовал генерал Ползиков (походник). Командирами дивизионов были полковники Протасевич, Шеин и Соколов (трое легкими) и гаубичным — Медведев (походник).

Командирами батарей были:

- 1-й — полковник Туцевич (походник), убитый в бою под Лозовой в июне 1919 года; полковник Чесноков (в Крыму, в чине генерала, командир 1-го Дроздовского стрелкового полка) и полковник Косицкий (походник);
- 2-й — капитан Лазарев (походник) и подполковник Протасович (впоследствии, в чине полковника, командир 1-го дивизиона бригады);
- 3-й — подполковник Соколов (при разворачивании в бригаду, в чине полковника, командовал 3-м дивизионом бригады) и полковник Ягубов;
- 4-й — полковник Самуэлов;
- 5-й — подполковник Мусин-Пушкин (походник, убит в Северной Таврии под Фридрихсфельдом в 1920 году) и подполковник Гамель;
- 6-й — подполковник Маслов (походник);
- 7-й — подполковник Соловьев и полковник Ниллов (последний — походник, вышедший в поход как командир броневика «Верный»);
- 8-й — подполковники Абамеликов и Прокопенко.

Бригадным адъютантом был подполковник Пинчуков.

Дроздовским конным полком, последовательно, командовали: ротмистр Гаевский, генерал Чекотовский, полковник Гаевский, полковник Барбонич (в Крыму он, в чине генерала, командовал в 1920 году Конным корпусом), полковник Шапрон-Ларре и полковник Силин. Конный полк, при отступлении Добровольческой армии в 1919 и 1920 годах принужден был отойти в Польшу, где был в лагерях пару месяцев и только летом 1920 года прибыл в Крым, когда уже при Дроздовской дивизии существовал конный дивизион, сформированный полковником Кабаровым. Прибывшие из Польши в пешем строю эскадроны полка были влиты в дивизион и восстановленный полк в скором времени был посажен на коней, а командиром его был назначен полковник Кабаров.

Старейшей и первой сформированной строевой частью Дроздовцев была Конно-горная батарея капитана Колзакова, потом полковника, вышедшая из Яссы в поход на Дон в составе Отряда полковника Дроздовского. Из этой батареи постепенно выделялись кадры для формирования конно-артиллерийских батарей. В Крыму Конно-горная и 7-я конная батареи составляли 3-й Конно-артиллерийский дивизион, командиром которого был полковник Колзаков. 2-м конно-артиллерийским дивизионом командовал полковник Москаленко. Этот дивизион состоял из 1-й и 5-й конных батарей, кадры которых были выделены из Конно-горной. В Галлиполи полковник Колзаков командовал сводной 2-й Дроздовской конной батареей, в состав которой вошли чины всех конных батарей, сформированных из кадров Конно-горной, в том числе 2-й и 3-й конно-артиллерийские дивизионы.

В составе Добровольческой армии, до ее эвакуации из Новороссийска, существовал Бронеавтомобильный отряд имени генерала Дроздовского под командой полковника Нилова. В этом отряде было до 10 бронемашин, которые, при оставлении Новороссийска, пришлось потопить в море. Первыми броневыми машинами в Отряде полковника Дроздовского были броневики «Верный» и «Доброволец», пришедшие с ним в станицу Мечетинскую в 1918 и влившиеся в состав Добровольческой армии генерала Деникина.

В то время в Добровольческой армии еще не было броне-

поездов и только после взятия в июне 1918 года Добровольцами станции Торговая появился первый, самодельный и сооруженный Дроздовцами артиллеристами, бронепоезд. Командиром его был назначен капитан Ковалевский (походник). В том же месяце он пал смертью храбрых на этом, так называемом, бронепоезде в бою под ст. Песчанокосской. При участии Дроздовцев в Добровольческой армии впоследствии появились настоящие бронепоезда, называвшиеся: «Офицер», «Генерал Дроздовский», «Дроздовец» с его лихим командиром капитаном Рипкэ, и «Полковник Жебрак». Имя генерала Дроздовского носили также многие запасные батальоны, технические части и лазареты.

Как я уже ранее сказал, перечислить всех начальствующих лиц и всех героев из офицерского и солдатского состава Дроздовских частей и привести списки их состава не представляется возможным, так как теперь, после прошедших после окончания вооруженной борьбы с красными многих лет, архивов вообще нет, да и из участников этой борьбы, у которых сохранились заметки о ней и дневники, осталось тоже очень немного.

Конечно, в моем сборнике возможны пробелы в описаниях сражений и об участии в них тех или иных Дроздовских подразделений, возможно, что о некоторых написано слишком мало или вообще ничего. В этом вина не моя, виновато отсутствие нужных сведений.

Небесный Покровитель всех Дроздовских частей — Св. Архистратиг Божий М и х а и л. День его имени — 8/21 ноября — Праздник всех Дроздовских подразделений и в этот день или в ближайшее к нему воскресенье все оставшиеся в живых, собираются в храмах, чтобы смиренно помолиться об упокоении павших на поле брани соратниках и соратницах, в мире скончавшихся и в смуте погибших. Молятся Дроздовцы и о здравии живущих и о Воскресении Национальной России.

Судьбе было угодно, чтобы во главе первых Дроздовских строевых частей стояли начальники, носившие имя: М и х а и л. Перечисляю их: генерал Дроздовский, совершивший в чине полковника Генерального штаба со своим Отрядом исторический поход Яссы—Дон и начальник 3-й дивизии в Добро-

вольческой армии; Генерального штаба Полковник Воймалович; командир стрелкового полка в Отряде и в 3-й дивизии, павший смертью храбрых в ночном бою под Белой Глиной в 1918 году полковник Жебрак-Русанович и генерал Ползиков — командир Дроздовской артиллерийской бригады.

Заканчиваю сборник, невольно перед моими глазами встают вереницы рядов павших на поле брани юношей и девушек, не сотни их, а тысячи шедших с нами в огонь. Мне вспоминаются случаи героизма в огне русских девушек, и не единичные, из которых мне известны только некоторые, когда они последними покидали поле боя, как, например, прапорщики Зинаида Готгард и Надежда Загорская, прикрывшие своим пулеметным огнем отход 2-й Дроздовской батареи в бою у Хутора Романовского, или лихой вольноопределяющийся — Валентина Лозовская, застрелившаяся в колонии Молочной в Таврии, или, наконец, доброволец Букеева, пытавшийся вынести из боя у ст. Ступки 26 января 1919 года тяжело раненого командира 2-й роты 1-го стрелкового имени генерала Дроздовского полка — поручика Димитраша, остававшегося с пулеметом прикрывать отход своей роты и павшего смертью храбрых.

Вспомнились мне и все те лихие «баклажки» — добровольцы в свои четырнадцать-семнадцать лет пришедшие к нам и вместе с нами шедшие в огонь в борьбе с красными. Теперь можно смело сказать, а так ведь говорил и раньше генерал Туркул, что в то время вся будущая Россия была с нами под нашими знаменами в лице всех этих подростков — кадет, гимназистов, реалистов, всякого рода школьников и юных студентов.

Брошенные в боевой огонь они, большинство их, сгорели в нем и только немногие из них заканчивают свою жизнь вдали от Родины, за честь и достоинство которой они беззаветно боролись.

А разве можно забыть русских женщин в форме сестер милосердия, бывших с Добровольцами всюду, зачастую под сильнейшим ружейным и пулеметным огнем перевязывавших раненых. Немало их, суровых тружениц милосердия, пало смертью храбрых. Вспомните, хотя бы некоторых из

них: Троицкую-Слюсаревскую, жену полковника Фридмана, Фролову или «бабушку», Колобакину.

О сестре А. П. Троицкой-Слюсаревской, поступившей в 1-й стрелковый полк Отряда полковника Дроздовского в городе Новочеркасске, генерал Туркул вспоминает:

«... Она не пожелала быть в околотке, а пошла в роту. В бою под Кореновской, когда расстроенные цепи стрелков стали отходить, командир батальона полковник Чернышев, командир роты капитан Орлов, все офицеры упрашивали ее уйти из огня, сестра Троицкая под отчаянным пулеметным и ружейным огнем, до конца боя неустанно перевязывала раненых. За этот бой она была награждена Георгиевской медалью.

На другой день в бою под Кореновской, когда цепи, одного из пластунских кубанских батальонов, подались было назад, сестра Троицкая с таким спокойствием продолжала перевязывать в цепи раненых, что, глядя на сестру, отступающие приостановились, повернулись и пошли вперед. Сестра с ними в цепи и станица Кореновская была взята.

В октябре 1918 года в бою под Ставрополем, генерал Деникин со штабом проходил мимо перевязочного пункта, где в толпе раненых работала сестра Троицкая. Кругом рвались снаряды, а в нашей атаке вышла заминка.

— Как ваши дела? — спросил генерал Деникин.

— Великолепно, — ответила спокойно сестра, не поднимая головы от раненых.

Вскоре, когда был замечен между нашими и красными цепями, оставшийся в поле тяжело раненый офицер, сестра Троицкая на своей санитарной повозке, запряженной парой белых лошадей, вынеслась вперед под ружейным огнем красных, чтобы поднять раненого. Она уже успела помочь ему лечь в повозку, как вдруг и сама упала раненая. Рота бросилась к ней и вынесла ее из огня. Рана сестры Троицкой казалась смертельной, так как пуля попала ей в левый висок и засела у зрительного нерва правого глаза.

Тонкое лицо ослепшей стало сразу задумчивым и как будто слушающим что-то глубоко в себе. Попала в лазарет и выжила.

Однажды в палату лазарета, где она лежала, пришла мо-

нашка, простая черничка, присланная игуменьей женского монастыря, чтобы передать нашей сестре Евангелие.

— Но я ничего не вижу, — сказала Александра Павловна Троицкая пришедшей монашке.

— Мать игуменья знает, что не видите. Мать игуменья велела сказать, что молится за вас, родимая. Вот и благословение вам прислала, образок Св. Николая Чудотворца.

Монашка оставила слепой сестре иконку и Евангелие, а через несколько дней, сначала туманно, а потом все яснее и яснее, сестра Троицкая снова стала видеть одним глазом.

После чудесного прозрения, сестра Троицкая снова вернулась в свой полк и не покидала его до самого конца. С пулей, засевшей в голове, у глаза потерянного навсегда, сестра Троицкая жила потом в эмиграции во Франции никому не известной скромной эмигранткой».

Судьба сестры милосердия А. П. Троицкой-Слюсаревской один из многих ярких примеров беззаветного служения русских женщин своей Родине во время гражданской войны.

Разве можно это забыть?!..

Без малого три года продолжалась героическая борьба белых с красными на юге России и в этой борьбе Дроздовцы прошли победным маршем, не теряя боевого духа даже в дни наших неудач при отступлении от Орла до Новороссийска, в последних боях в Северной Таврии и на Перекопе.

Вспомните только описанные бои в районе Севска, Дмитриева, Льгова, в декабре 1919 года под Ростовом, марш 1-го стрелкового генерала Дроздовского полка на станицу Славянскую и бой там с конницей Буденного. Вспомните вторичную встречу с той же конницей Буденного уже при отходе из Северной Таврии: бои у села Отрада и у села Рождественского осенью 1920 года, последний бой на Перекопском перешейке у Карповой Балки и бои на Юшуньских позициях.

Осенью 1918 года первыми вступили в вооруженную борьбу с красными юные добровольцы — будущие Марковцы, а осенью 1920 года те же Марковцы с гвардейцами закончили борьбу у ст. Курман в Крыму, ведя бой в течение дня с окружавшей их конницей Буденного. Только наступившая ночь прекратила кровавую баню. Красные отошли, а остат-

ки двух Марковских полков и гвардейского саперного батальона под командой полковника Сагайдачного, командира Марковского полка, продолжали путь в Севастополь, где и погрузились.

Этим боем закончилась вооруженная борьба на юге России и части Русской армии покинули ее.

В жизни нашей вне Родины были этапы: Константинополь, Галлиполи, Лемнос, Чаталджа, Бизерта, потом Балканские славянские страны и, наконец, жизнь в рассеянии по всем частям земного шара.

На чужбине, как я уже упоминал, 1 сентября 1924 года, приказом генерала Врангеля за № 35 был создан Русский Обще-Воинский Союз (РОВС). Чины Армии, сохраняя связь между собой и спайку, занялись мирным трудом, добывая каждый для себя или в составе своих частей, средства для существования.

Приказом № 53 генерала Врангеля РОВС был подчинен Верховному Главнокомандующему Великому Князю НИКОЛАЮ НИКОЛАЕВИЧУ.

25 апреля 1928 года внезапно скончался генерал Врангель и в тот же день последовал приказ № 1 Великого Князя Николая Николаевича:

«Сегодня волею Божией скончался горячо любимый и высокочтимый всеми соратниками Главнокомандующий Русской Армией барон Петр Николаевич ВРАНГЕЛЬ.

Глубоко скорблю со всеми о столь безвременной и тяжелой утрате.

В Великую войну барон Врангель начал свое славное боевое поприще геройской атакой во главе 3-го эскадрона Конной Гвардии, взявши в конном строю действующую германскую батарею. Затем блестяще командовал кавалерийскими частями до дивизии включительно.

В гражданскую войну, командуя различными частями Добровольческой армии, он одержал ряд славных побед.

С назначением Главнокомандующим Добровольческой армией, вселил в нее дух, давший ей возможность вести долгую, тяжелую борьбу с превосходными силами врагов.

После беспримерной эвакуации Крыма, генерал барон

Врангель на чужбине, при самых тяжелых условиях, сохранил кадры доблестных частей Армии.

Благородное чувство к заслугам горячо любимого Главнокомандующего барона Врангеля будет вечно жить в сердцах его соратников и всех Русских людей.

Подлинный подписал: Великий Князь Николай Николаевич.

С подлинным верно: генерал-лейтенант Хольмсен».

Приказом № 3 от 29 апреля Председателем РОВС-а был назначен генерал от инфантерии Кутепов с подчинением Великому Князю Николаю Николаевичу.

5 января 1929 года Великий Князь Николай Николаевич скончался и с того дня РОВС руководился только генералом Кутеповым.

26 января 1930 года трагически погиб на своем посту генерал Кутепов и его сменил генерал Миллер, которого 22 сентября 1937 года постигла та же судьба, что и генерала Кутепова.

После двухкратного похищения агентами красных в Париже возглавлявших РОВС, на пост его председателя вступил генерал Архангельский.

После смерти генерала Архангельского, 2 ноября 1959 года его пост в РОВС-е занял генерал Лампе, а после его смерти — генерал Харжевский.

Объединенные в Русском Обще-Воинском Союзе белые воины, каждый до конца своей жизни, при всех обстоятельствах, порой в очень тяжелых и непривычных для них, будучи у станков или на другой работе, хранили спайку своих боевых частей, не теряли веру в правоту нашего дела, ставили своей главной целью служение Отечеству, сохраняли, как святыни, заветы оставленные им Белыми Вождями, а когда появлялась возможность возобновить вооруженную борьбу с большевизмом — вновь шли на поле брани.

Во время гражданской войны в Испании на стороне генерала Франко боролись белые воины — добровольцы. Во время второй мировой войны они создали Русский корпус в Сербии, были в рядах Русской Освободительной Армии (РОА).

Даже жестокие удары наших врагов, выразившиеся в похищении генералов Кутепова и Миллера, не сломили стой-

кость чинов Русского Обще-Воинского Союза. Не поколебали их и другие, всякого рода, лишения и невзгоды.

Ряды членов РОВС-а смыкались после каждой потери и продолжали идти по прежнему, указанному генералом Врангелем пути, веря, что *настанет день Воскресения Национальной России.*

А «там в России, — как сказал генерал Туркул, — от нас осталось невидимое дуновение и боевая легенда. Кто встречался с нами в огне, тот не мог не уважать нас, а память о нас дышит в России, как немеркнущий дальний свет.

Мы пронесли в боях видение России чистой, человеческой, мирной, белой Россией и незабвенно видение, и стремятся к нему, и тоскуют по нем миллионы душ русских.

Мы, белые, твердо пронесли сквозь кремешную советскую тьму Скинию Русского Завета. Светящийся след нашей общей Святости остался в каждой русской душе, встречавшейся с нами в честном бою.

Свет во тьме светить и тьма не объяла его».

Этими словами генерала Туркула я заканчиваю свой сборник.

Приношу свою глубокую и сердечную благодарность тем, кто мне помог в составлении сборника, поддержал меня морально или материально, так как без помощи соратников и друзей я не был бы в силах выполнить эту работу.

Низкий поклон всем им и сердечное спасибо!

При составлении сборника я пользовался следующими источниками:

- 1) «Дневник» генерала Дроздовского;
- 2) «Очерки Русской Смуты» генерала Деникина;
- 3) «Воспоминания» генерала Врангеля;
- 4) «В борьбе за Россию» генерала Витковского;
- 5) «Дроздовцы в огне» генерала Туркула;
- 6) «Дневник» полковника Кабарова — История 2-го Конного Дроздовского полка;
- 7) «Марковцы в походах за Россию» полковника Павлова;

8) «Дон и Россия» полковника Белявского;

9) «Кавалергарды в Великую и Гражданскую войну» Звигинцева;

10) «Вчера» Белгородского (генерала Шинкоренко);

11) «Седьмая Гаубичная» Пронина, Александрова и Ребикова;

12) «Дневники» капитанов Орлова, Соловьева и Гаврилова;

13) «Статьи и заметки» генерала Харжевского, полковника Нилова, полковника Левитова, капитана Орлова, штабс-капитана Знаменского, поручика Пронина и ряда других соратников;

14) Советские источники: «Разгром Врангеля в 1920 г.» Изд. ГВИЗ, 1920 г.; «История гражданской войны» Рабиновича, сборник к 15-летию Красной армии; «Перекоп и Чонгар», ГВИЗ, 1933, сборник «Ликвидация Врангеля»; «Война с белополяками» Какурина и Меликова, 1925; «Разгром Врангеля» Короткова; «История гражданской войны» Сухорукова; 3-томный сборник издательства Советская Россия — «История гражданской войны» и сборник, изданный Министерством Обороны Советского Союза в 1968 году — «50 лет вооруженных сил СССР».

Имеющиеся в сборнике «Дроздовцы от Яс до Галлиполи» приказы, документы, официальные сообщения, распоряжения и объявления помещены без изменений.

Помещенные мной в настоящем сборнике фотографии присланы соратниками, в частности полковником Ниловым, А. А. Карпихиным и собраны мною.

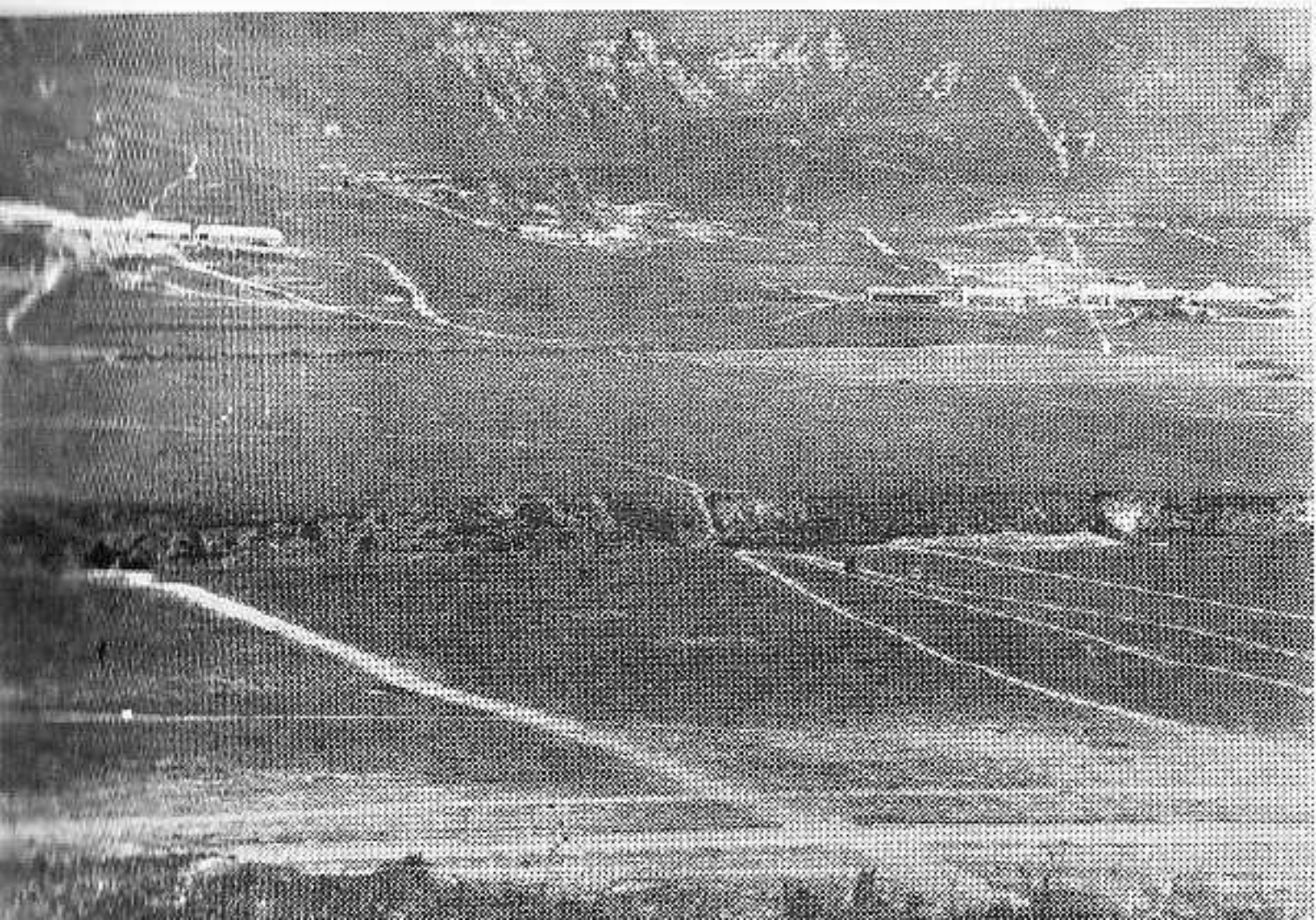
Схемы позаимствованы из вышеуказанных источников и вычерчены мною.

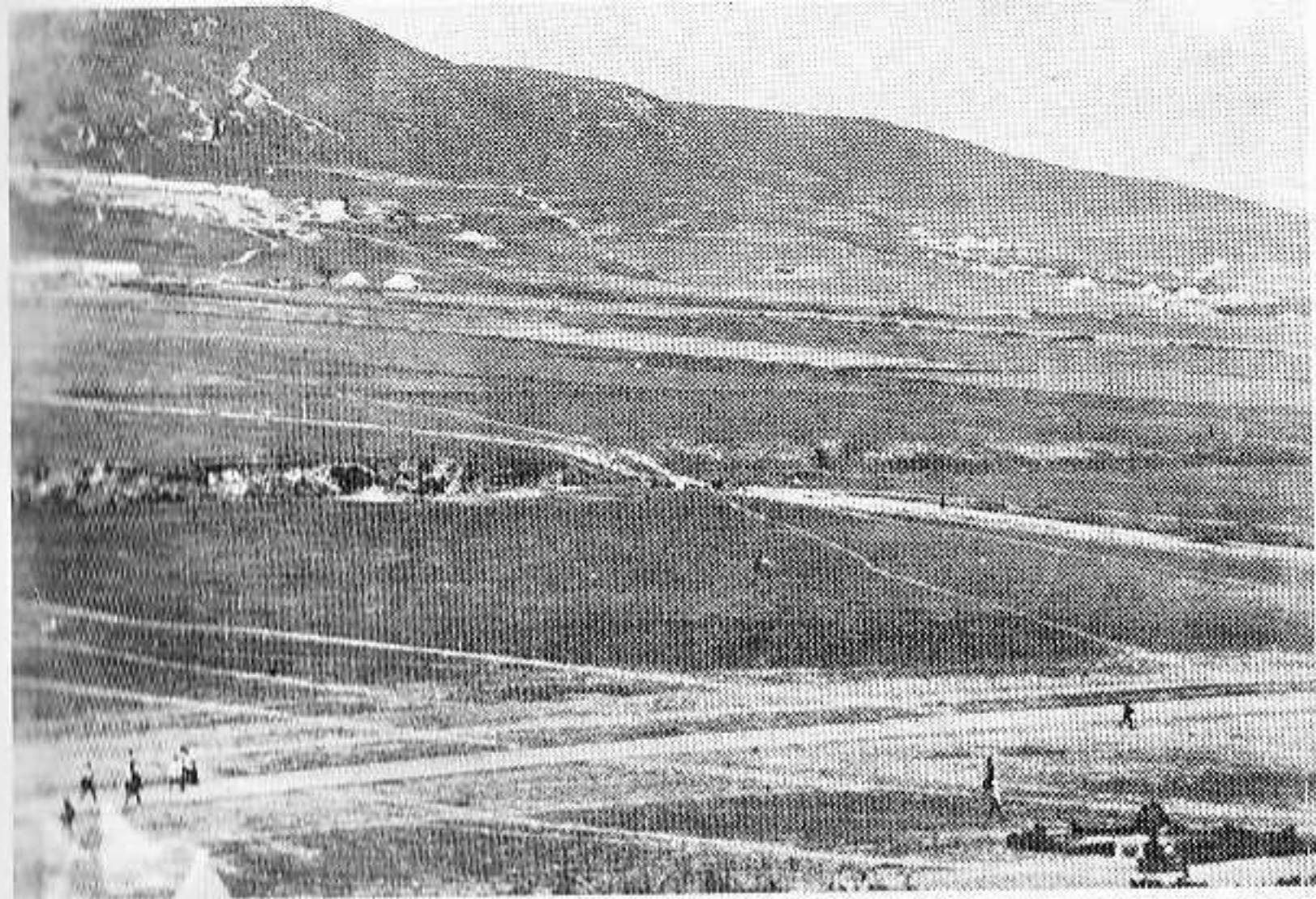
Вл. Кравченко

ПРИЛОЖЕНИЕ: ФОТОГРАФИИ И СХЕМЫ

ЛАГЕРЬ

Кавалерийской дивизии в Галлиполи

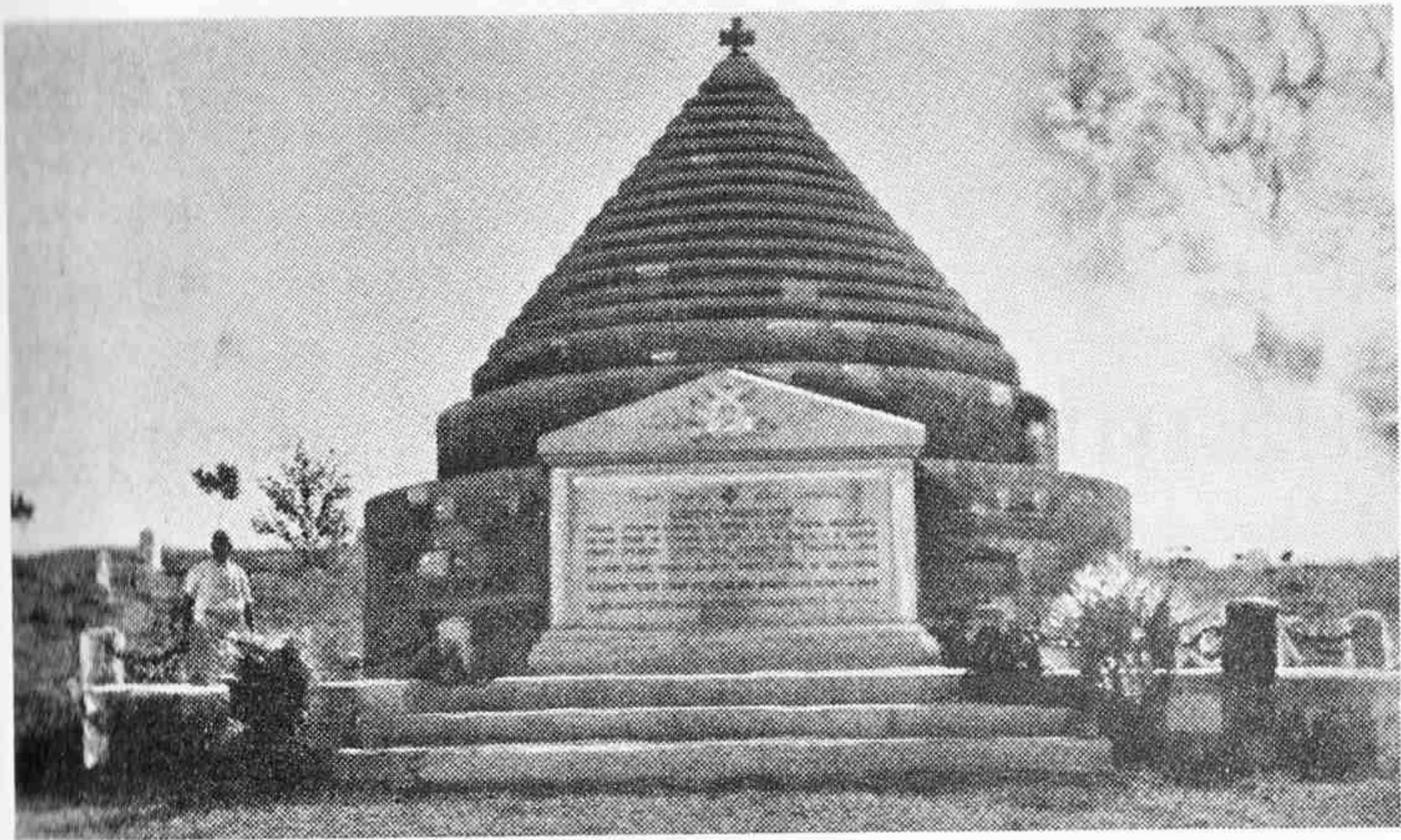
На верхнем снимке — по середине — поле, на котором состоялся 15. 2. 1921 г., парад Армейского корпуса; ручей в ложине, из которого брали питьевую воду, а слева, под горой, лагерь конной артиллерии и, правее, лагерь кавалеристов. На нижнем снимке — лагерь кавалеристов и внизу дорога в лагерь пехотной дивизии.

ЛАГЕРЬ
Пехотной дивизии в Галлиполи
1920—1921 годы.

На снимках хорошо видны все типы палаток, и среди них — палатки с окнами, одна из которых сгорела в лагере 2-й Дроздовской Конно-артиллерийской батареи.

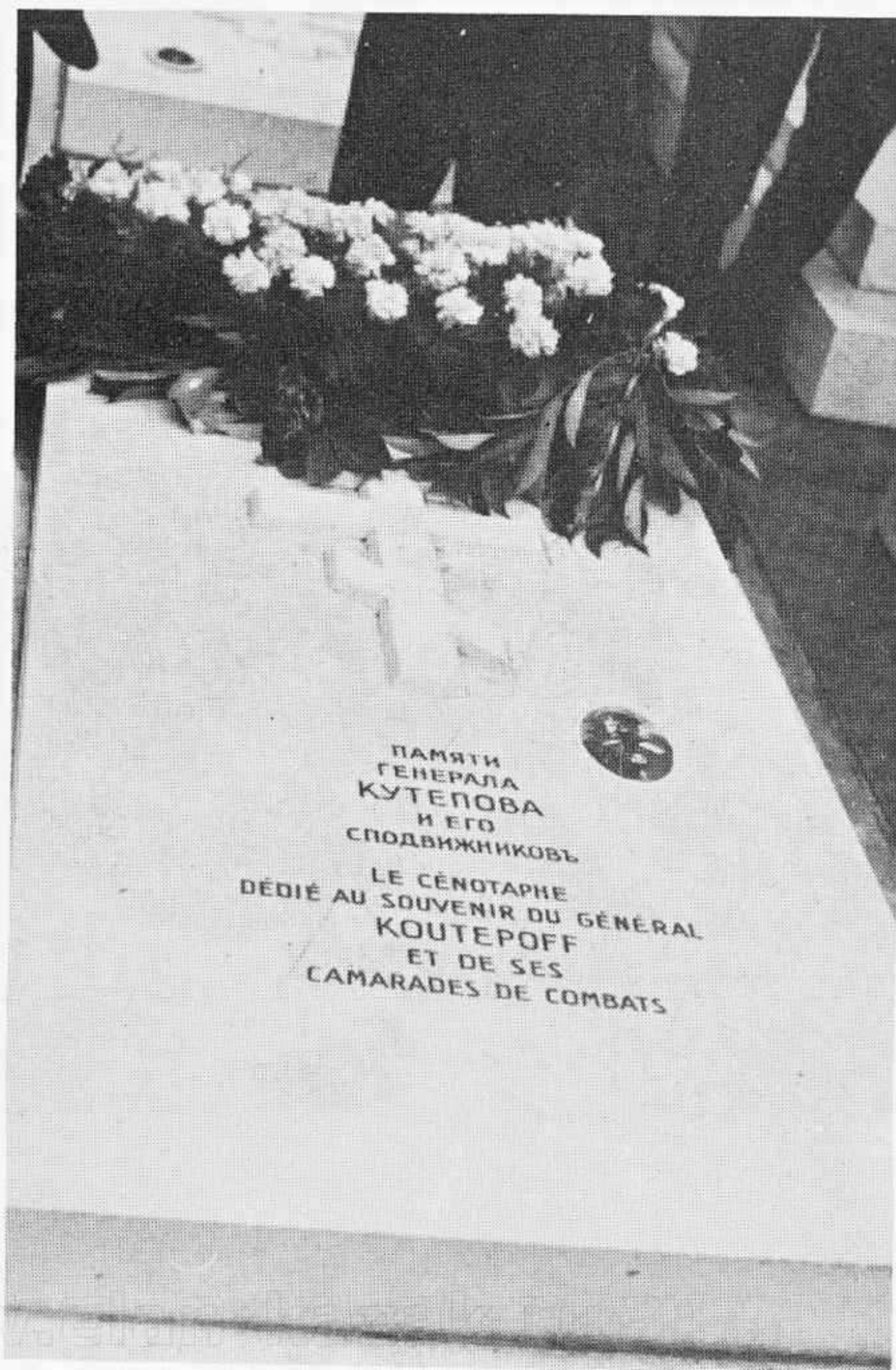

Памятник, сооруженный в Галлиполи в 1921 году

Копия памятника на кладбище во Франции.

Символическая могила генерала Кутепова

в Париже возле Галлиполийского памятника

Стоят: капитаны Ващенко и Кречетов, подполковник Трусов и капитаны Степанишев и Алексеев.

Сидят: подполковник Елецкий, генерал Туркул, его мать Софья Антоновна Туркул и полковник Дрон.

Генерал-майор Манштейн-старший,
отец командира полка

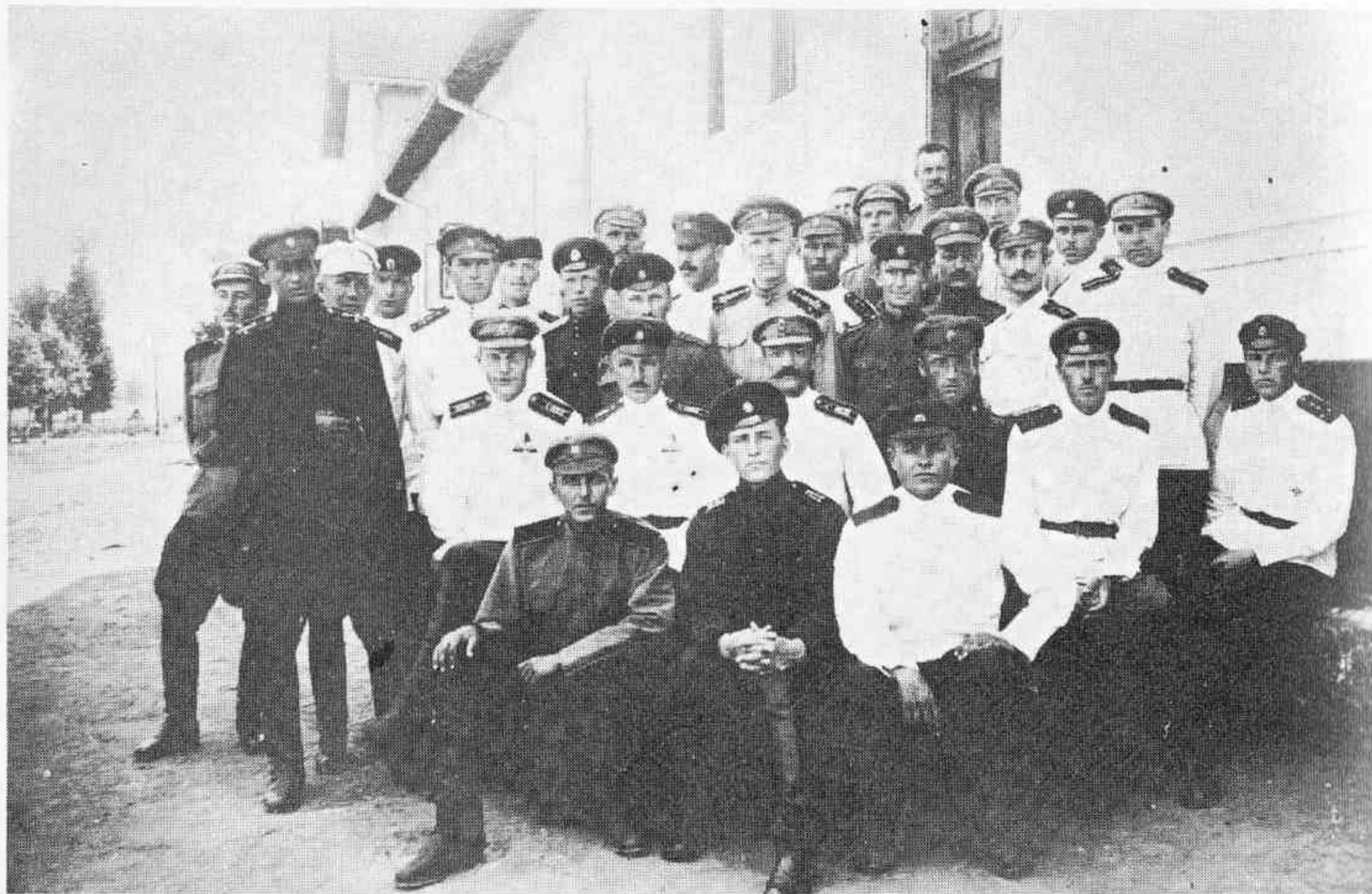

Капитан Трофимов,
командир пулеметной роты 1-го полка.

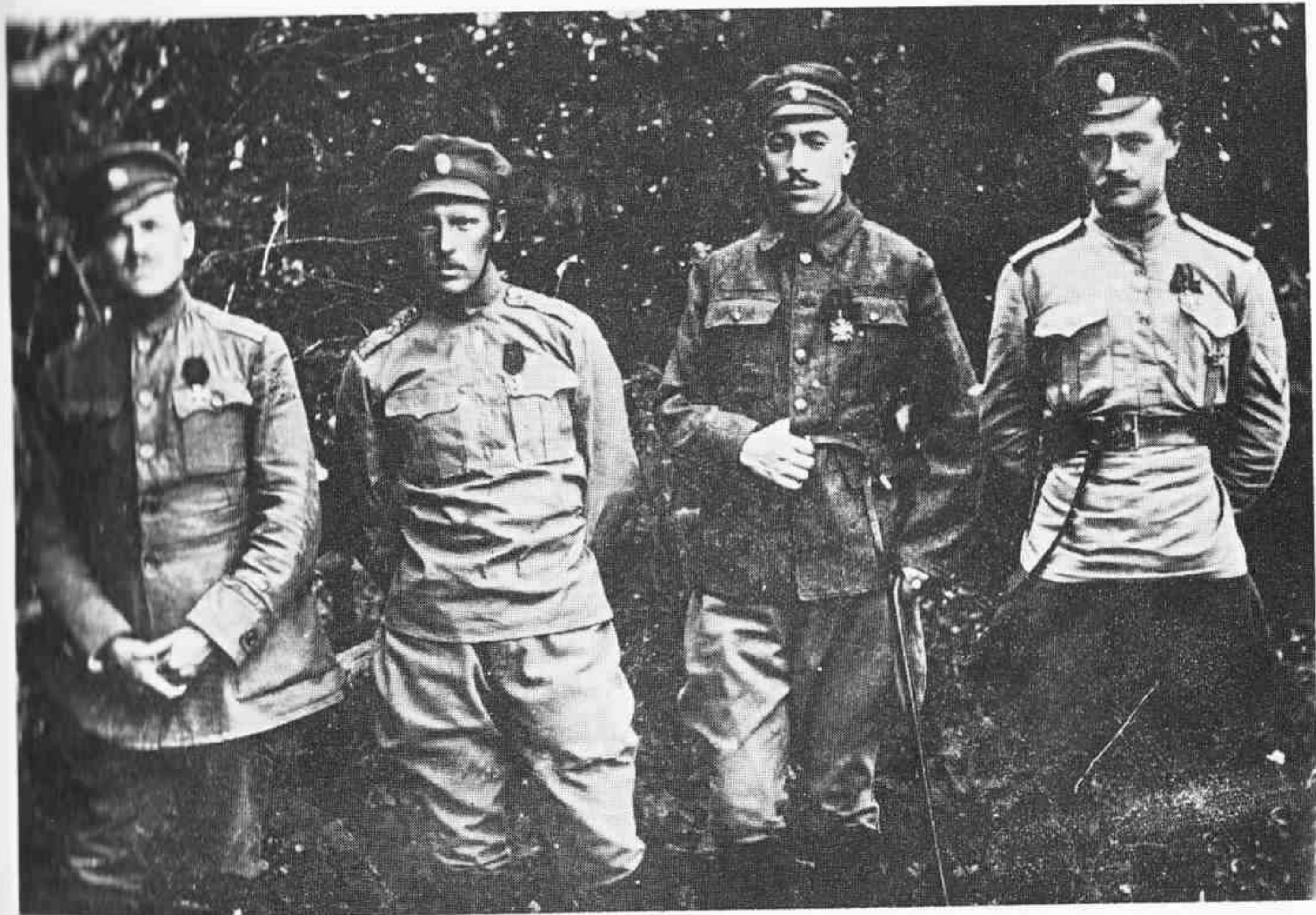
ДРОЗДОВЦЫ В БОЛГАРИИ

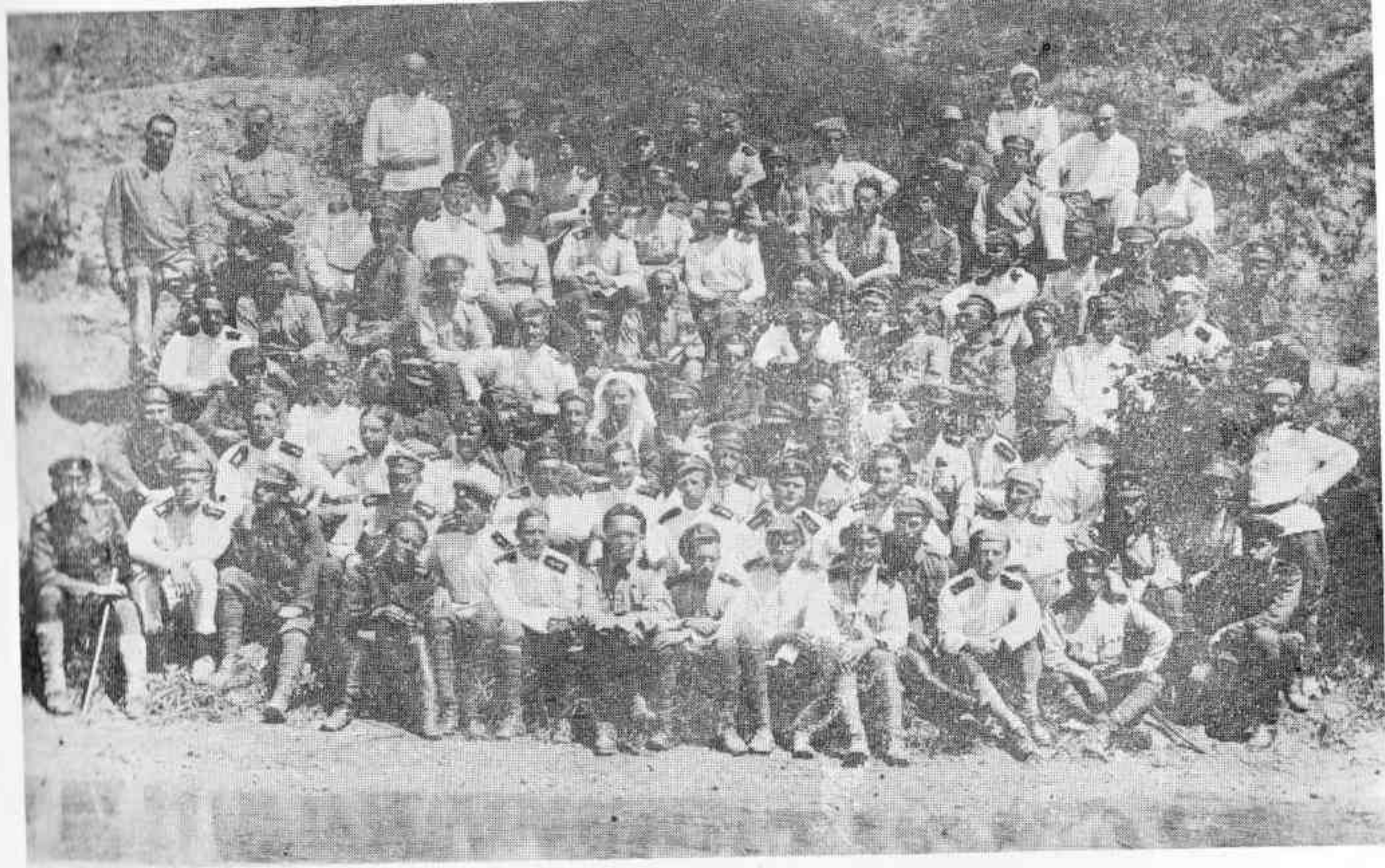
Офицеры участники похода Яссы—Дон.
Артиллеристы кавалеристы и из инженерной роты.

Чины 4-й Дроздовской гаубичной батареи.
Сидят в первом ряду, слева направо: подполковник Жуков,
полковники Нилов и Медведев, подполковники Прокопенко
и Камлач.

Командиры Дроздовских батарей.
Полковники Гулевич, Думбадзе и Косицкий,
генерал Чесноков — в Крыму командир стрелкового полка.

2-я Дроздовская батарея.

Полковник Туцевич
командир 1-й Дроздовской батареи.

Полковник Маслов
Командир 6-й Дроздовской батареи

ГАЛЛИПОЛИ

Возле палатки Дроздовского стрелкового полка.

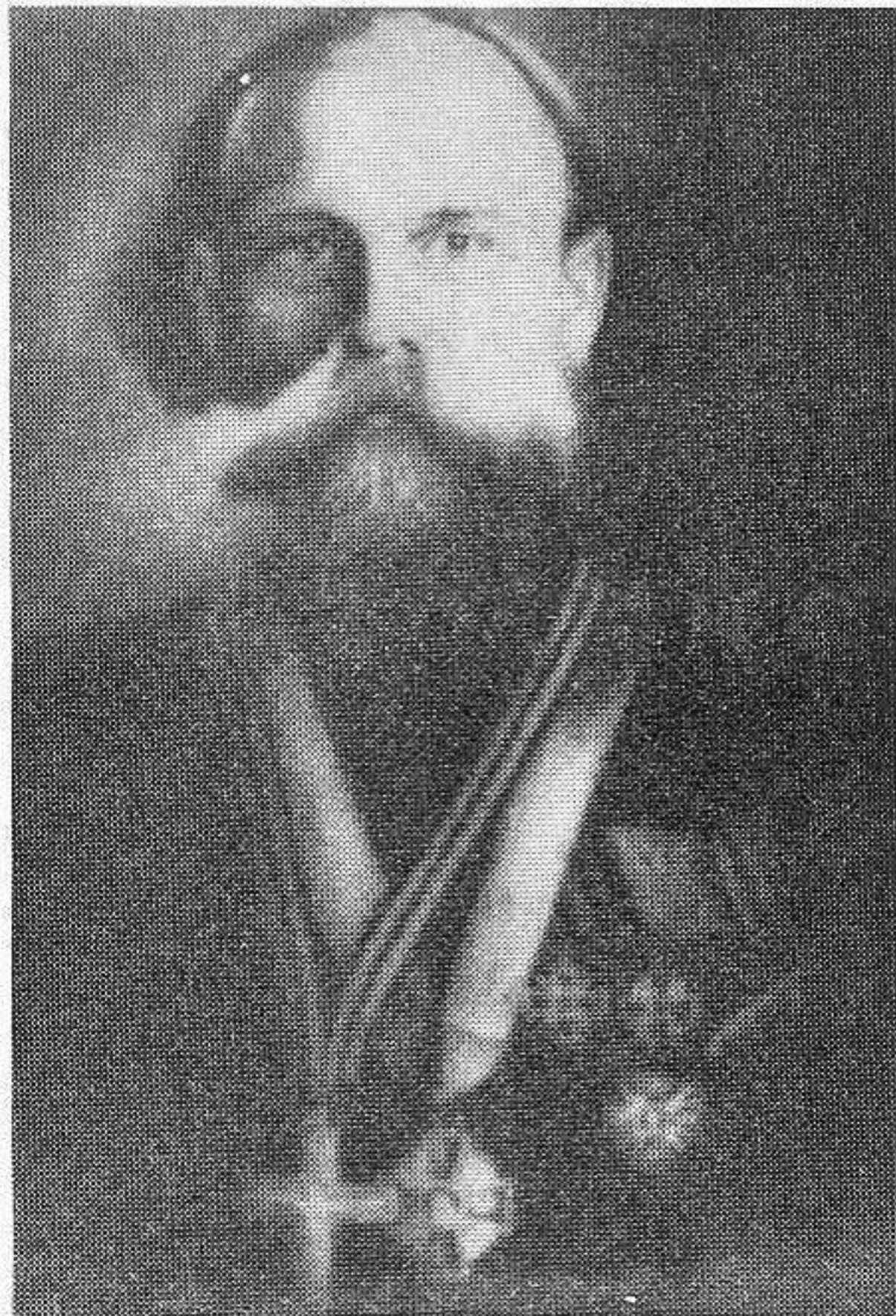
Полковник Кабаров, генерал Туркул, генерал Экк,
полковники Бредов, Колосовский и генерал Харжевский.

ЮГОСЛАВИЯ

Сидят: генералы Туркул, Эрдман, Ползиков, Российский, Шведов, Зинкевич, Сниткин и Кельнер.

Стоят: поручик Думбадзе, подполковник Червинов, полковник Кривошея, генерал Манштейн-младший, полковник Кабаров, генерал Ильяшевич, генерал Власенко, капитан Бровкович и подполковник Федоровский.

Протоирей
о. Николай Бутков.

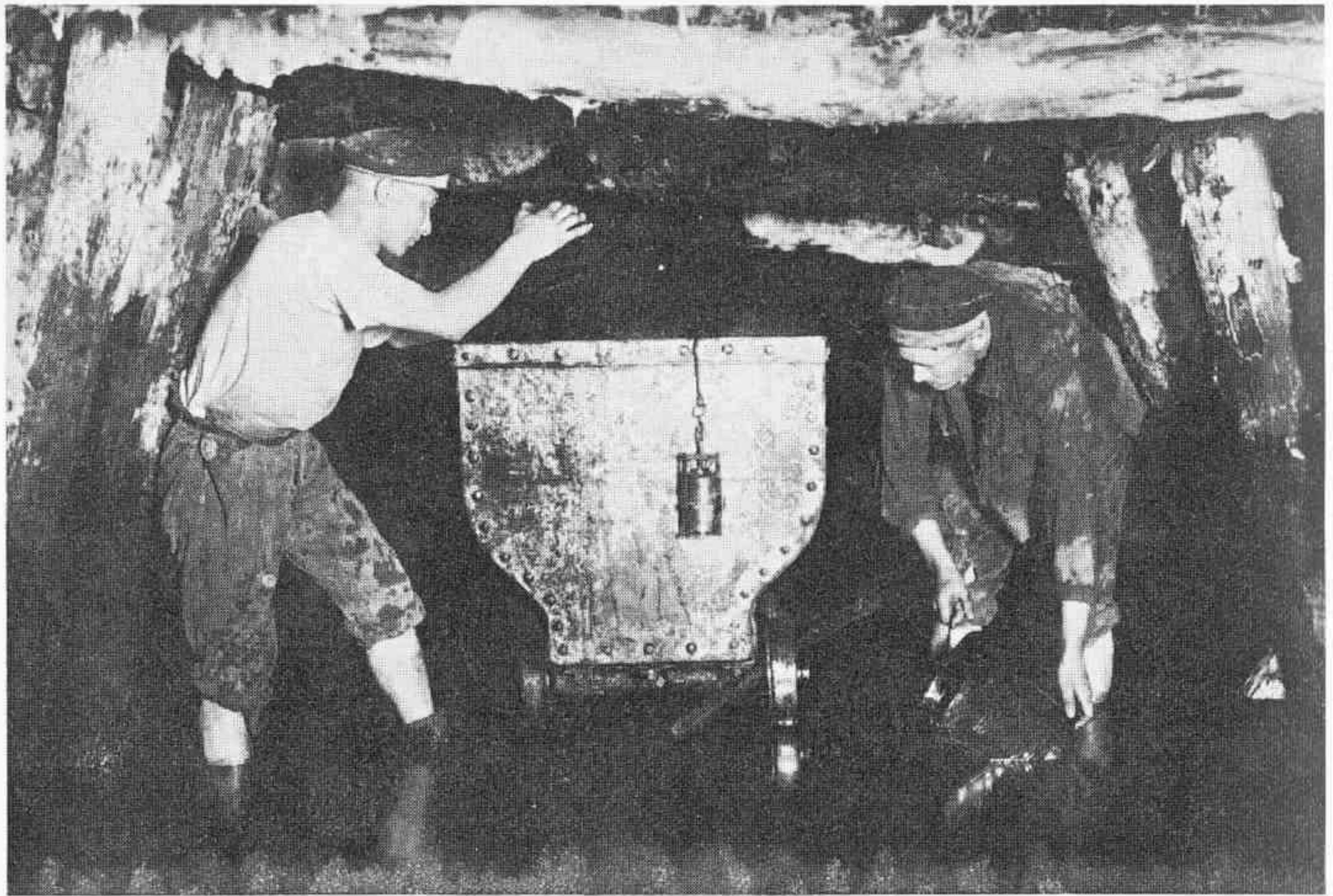

Полковник П. Д. Куравец
комендант дивизии.

Капитан Виноградов,
впоследствии — священник
о. Исаакий.

БОЛГАРИЯ.

На работе в шахте «Перник». А. А. Карпихин черпает воду.

ГАЛЛИПОЛИ

БОЛГАРИЯ

И. С. Блоха (справа?) — гвардейский офицер, который был взят в плен Дроздовцами и служил у них как солдат. Был потом фельдфебелем, и награжден Георгиевскими крестами.

ФРАНЦИЯ.

Группа Дроздовцев, которые работали на заводе «Рено» в Париже простыми рабочими.

ПОХОРОНЫ ГЕНЕРАЛА ТУРКУЛА В МЮНХЕНЕ

Вынос венков.

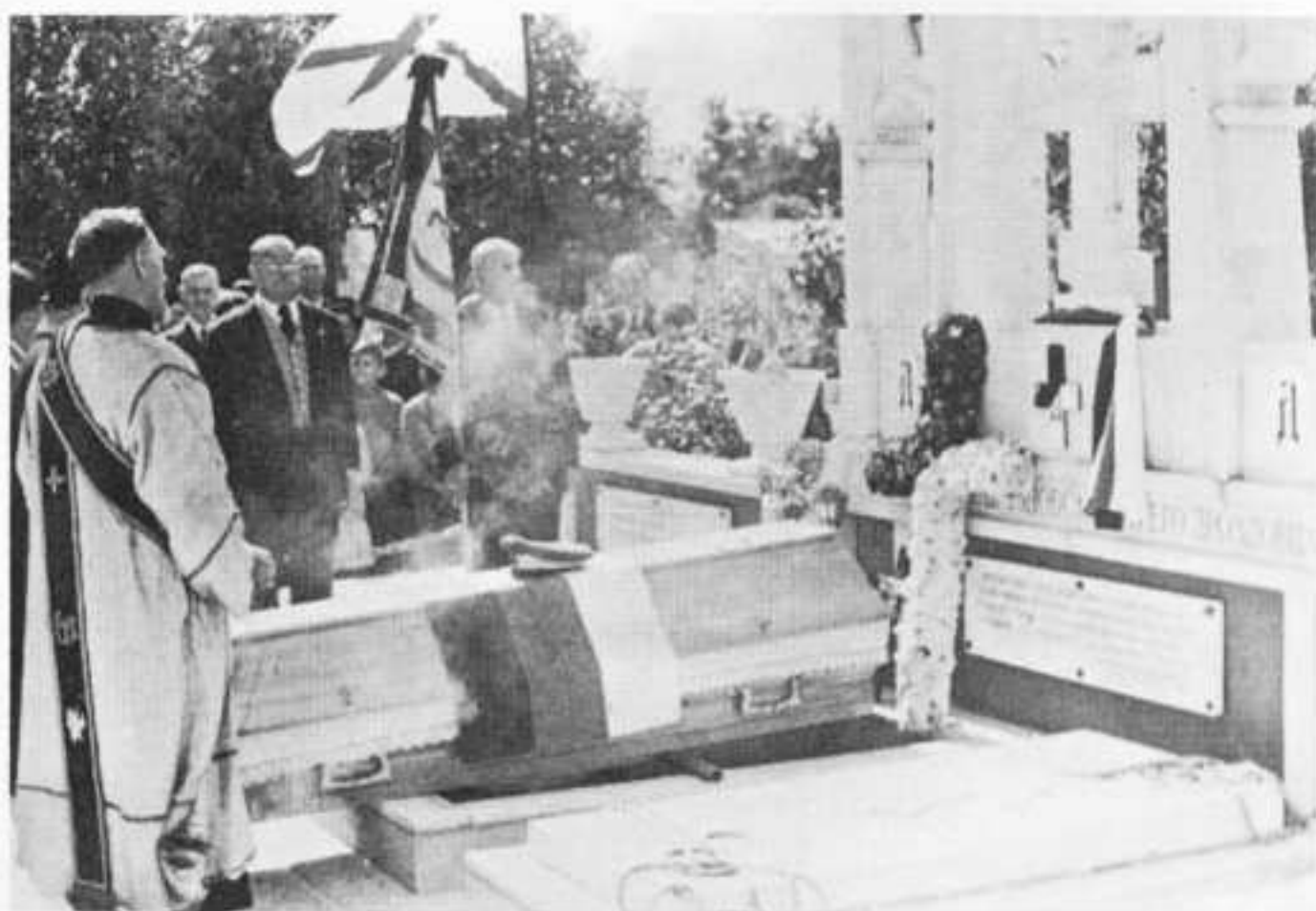
Во главе духовенства Архиепископ Берлинский и Германский Александр. За гробом Александра Федоровна Туркул, супруга покойного, представители всех военных и общественных организаций, их члены и Русская колония.

ПОХОРОНЫ ГЕНЕРАЛА ТУРКУЛА ВО ФРАНЦИИ

Дроздовский участок на кладбище
Сант-Женевьев.

Вынос гроба из собора в Париже.
Впереди генерал Писарев несет подушку с
орденами, сзади сын Карпихина с иконой, на
ступенях собора Знамя 1-го полка и морской
Стяг, бывший в Походе Яссы—Дон.

На кладбище Сант-Женевьев.
Возле Дроздовского памятника.

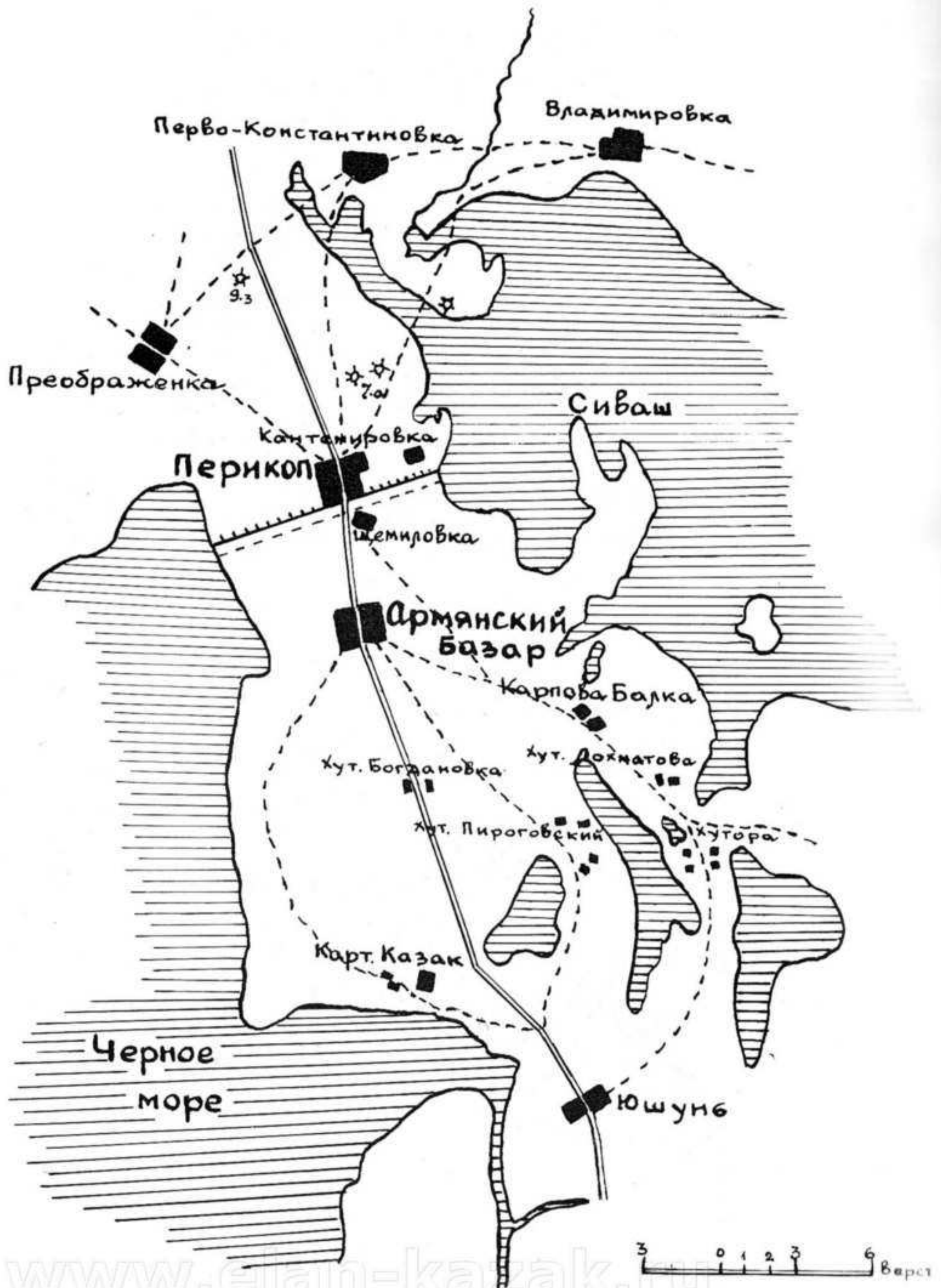
Памятник в Москве чинам Бригады курсантов,
разбитой в боях Дроздовцами в 1920 году.

Памятник генералу Фоку и его добровольцам в Испании, на месте их героической смерти.

СХЕМА №1.
Района Перикоп.

К БОЯМ В МАЕ И ИЮНЕ 1920 года.

СХЕМА № 3.
К БОЯМ В СЕВЕРНОЙ ТАВРИИ
ЛЕТОМ 1920 года.

Схема №4. к бою Корниловцев 20.VI.1920г.

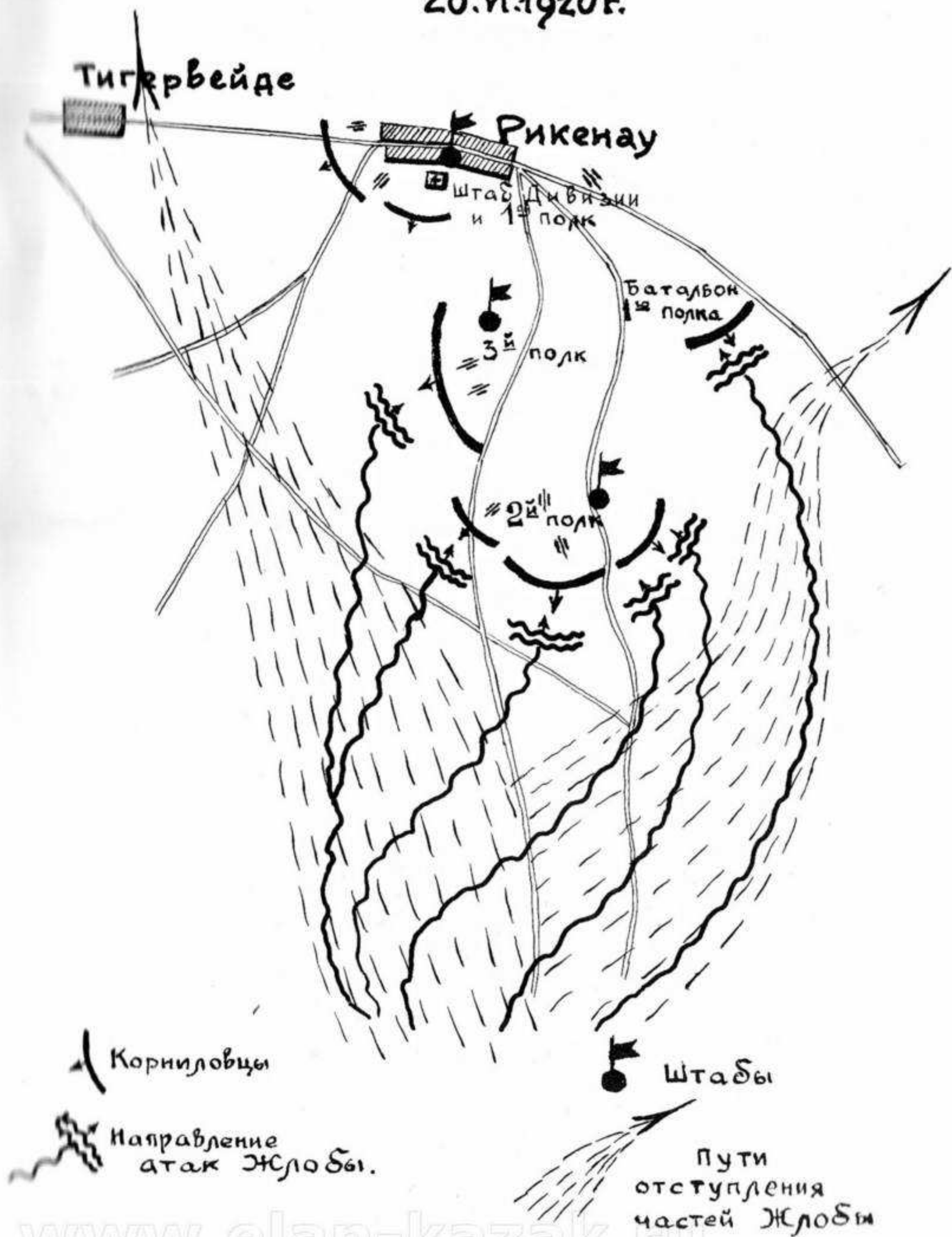

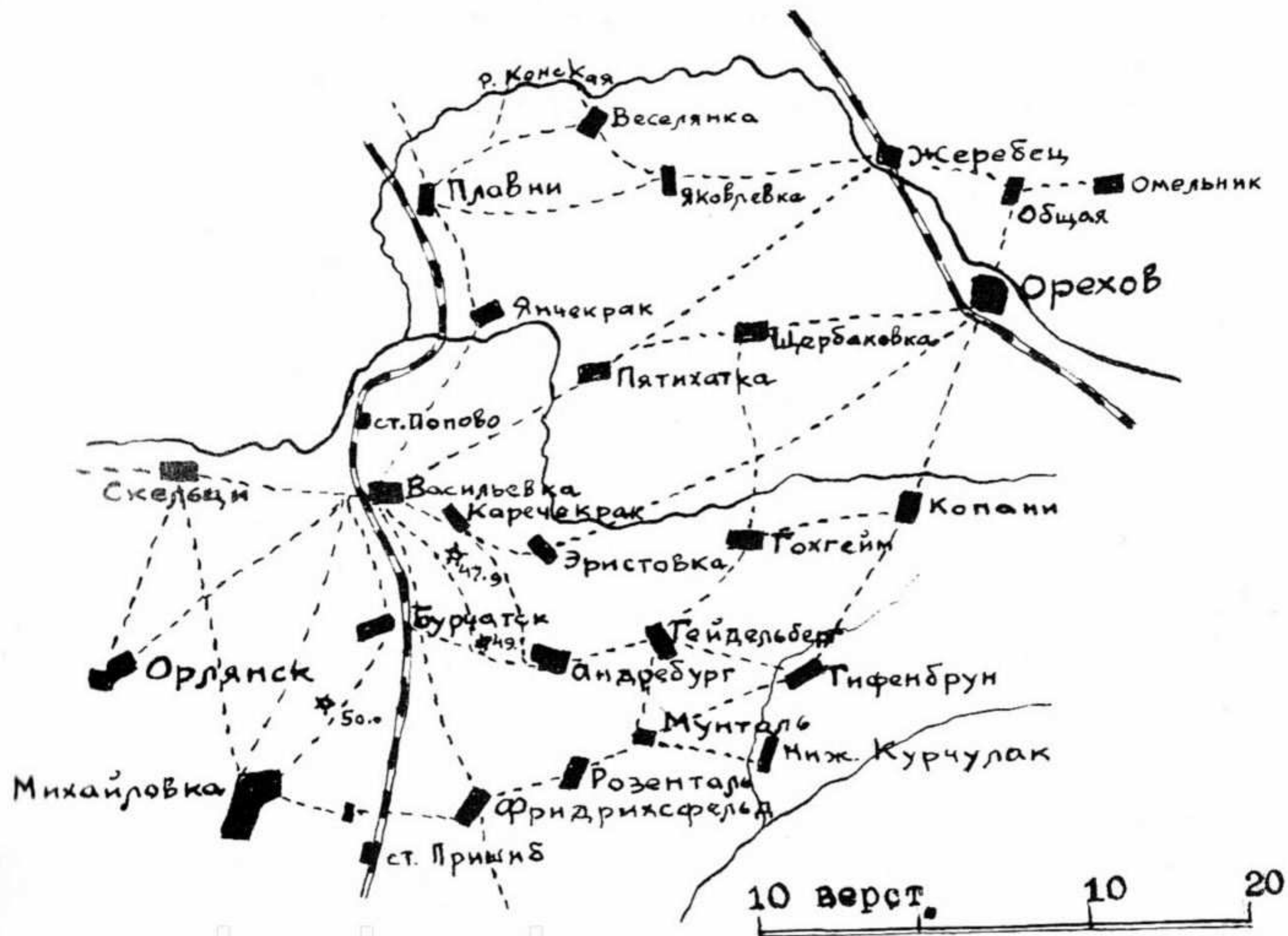
Схема №5.

к разгрому конницы Жлобы

20.VI.1920г.

СХЕМА № 6.

C X E M A № 7.

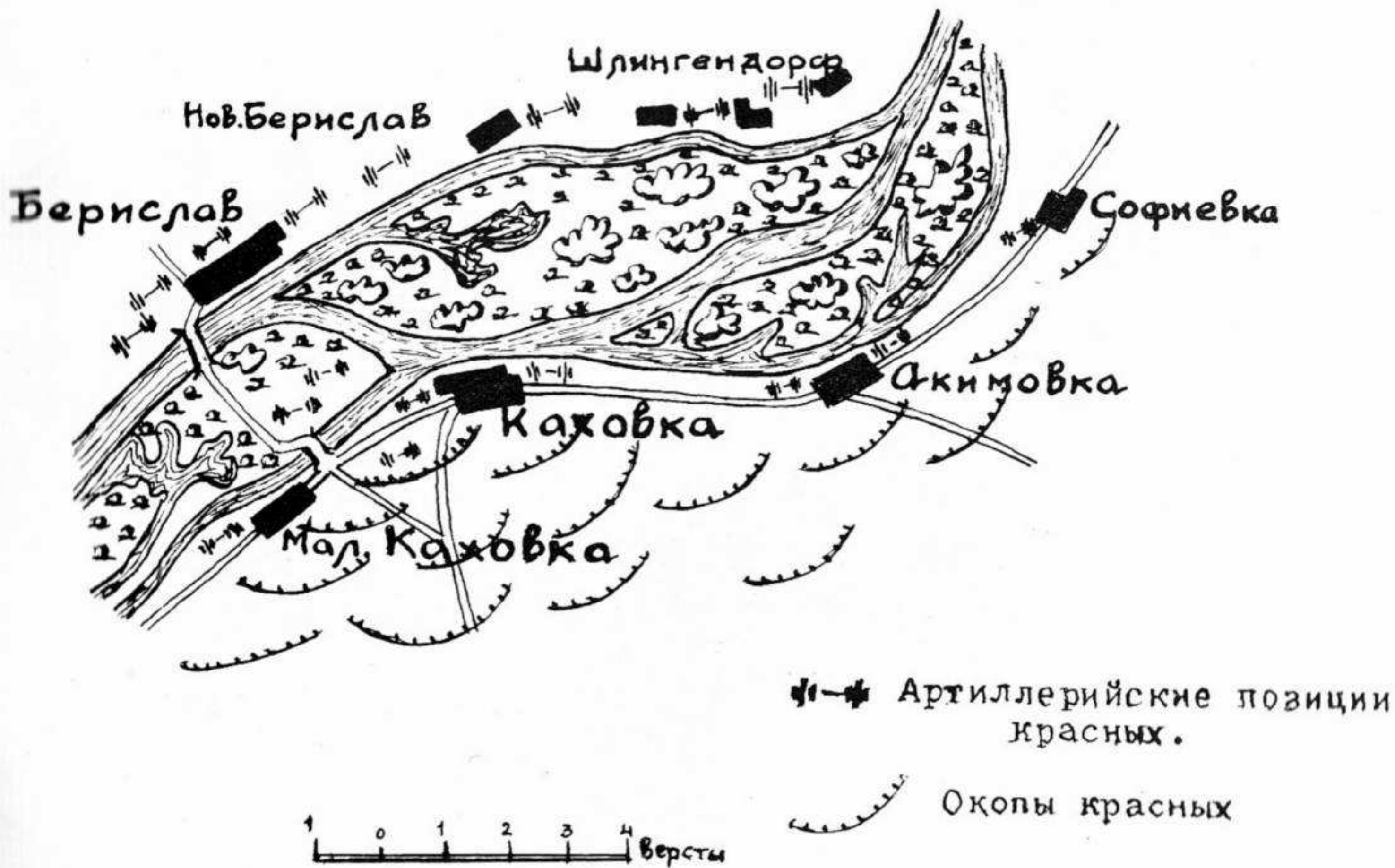

СХЕМА № 9.

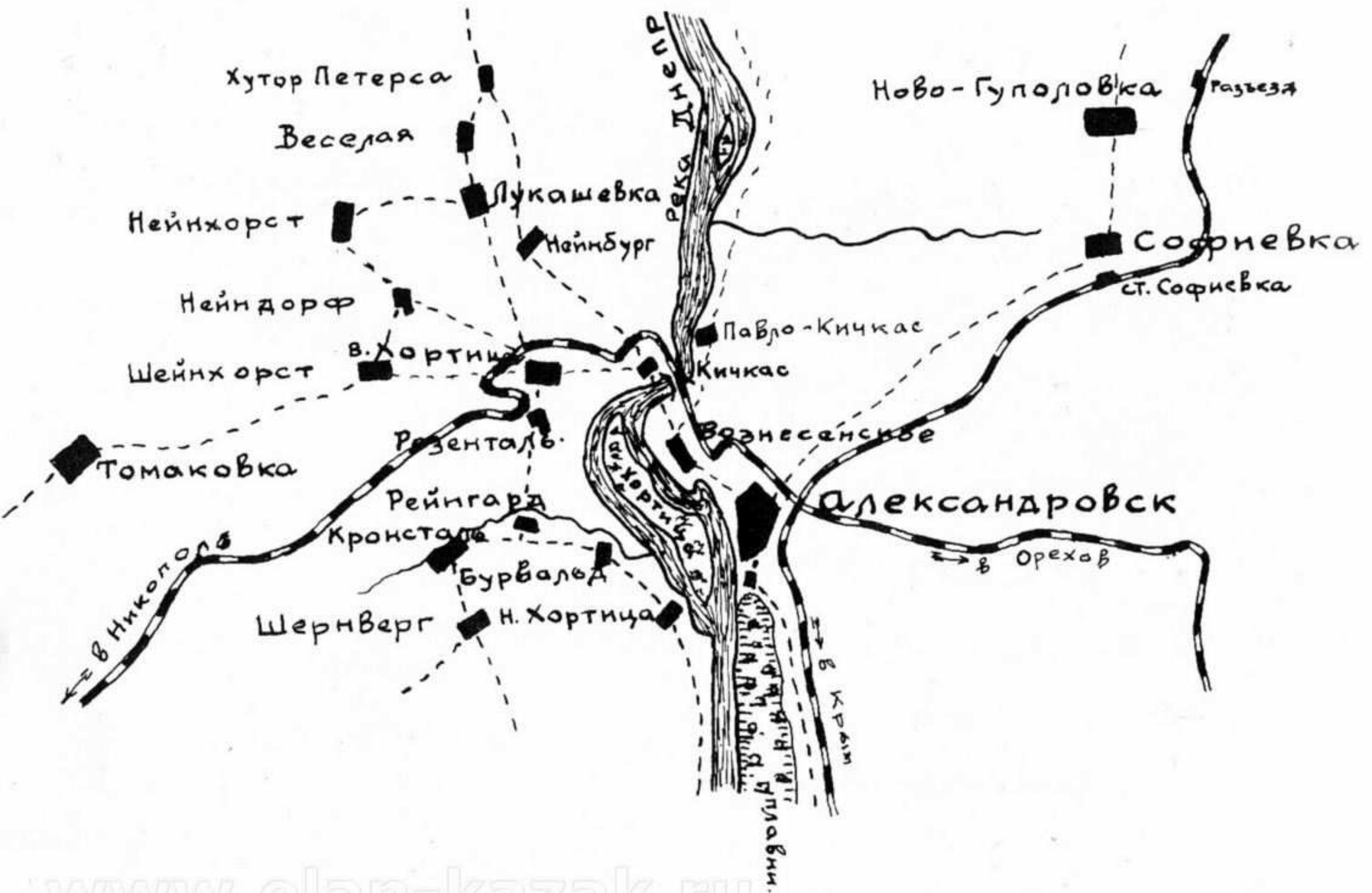

СХЕМА № 10

15 0 15 30 45 60 КМ.

СХЕМА № 10

15 0 15 30 45 60 КМ.

СХЕМА № 11.

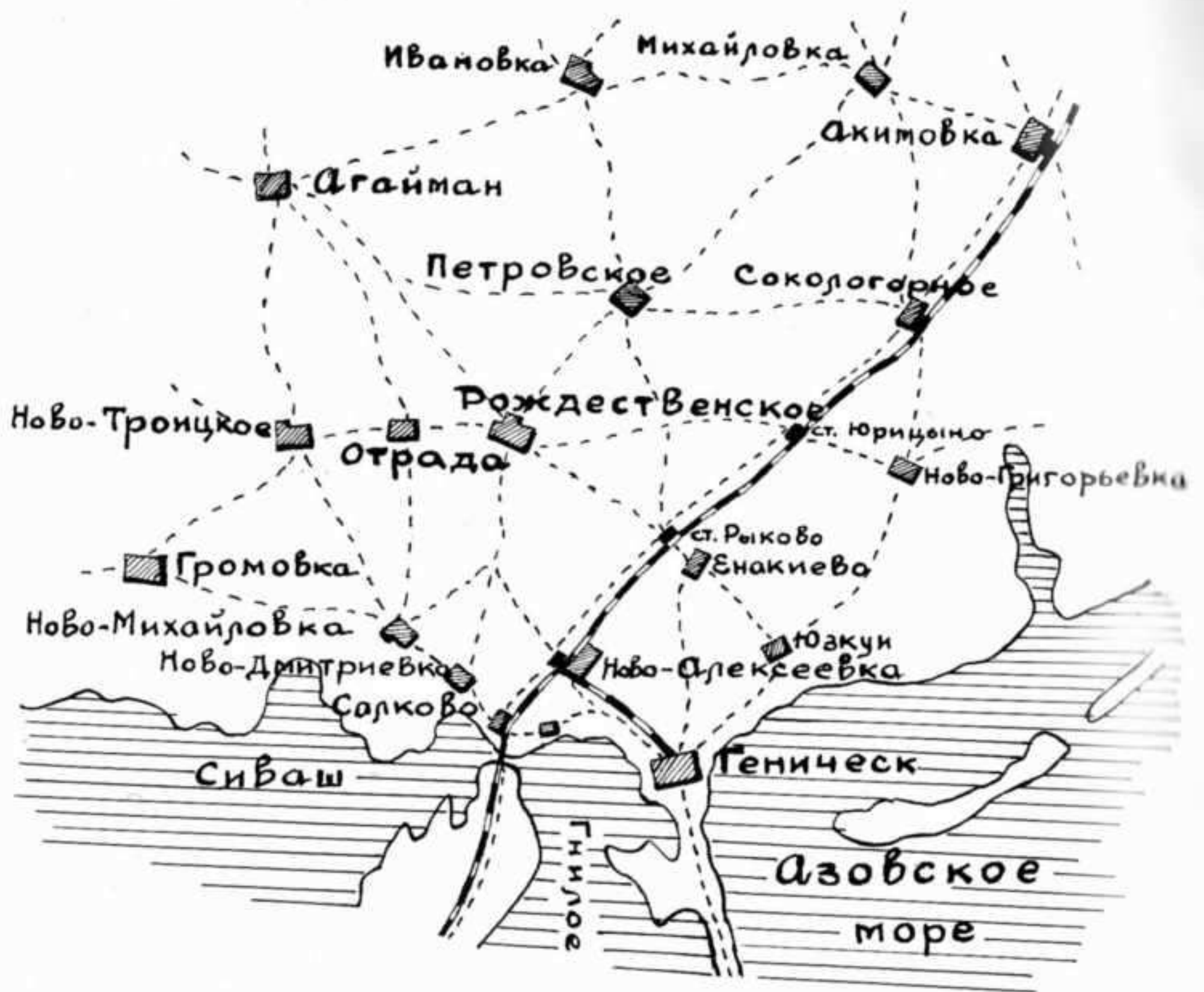

СХЕМА № 12.

